ИСТОРІЯ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ
КАРЛЕЙЛЯ.

ПЕРЕВЕДЕНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. ЛЯПИДЕВСКАГО.

Томъ первый.

БАСТИЛІЯ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ ЛАЗАРЕВСКАГО ИНСТИТУТА (А. МАМОНТОВЪ), АРМЯНСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, № 14.
1866.

I.

БАСТИЛІЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

СМЕРТЬ ЛЮДОВИКА XV.

КНИГА ВТОРАЯ.

БУМАЖНЫЙ ВѢКЪ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

ПАРИЖСКІЙ ПАРЛАМЕНТЪ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ.

КНИГА ПЯТАЯ.

ТРЕТІЕ СОСЛОВІЕ.

СТР.

КНИГА ШЕСТАЯ.

КОНСОЛИДАЦІЯ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

ВОЗСТАНІЕ ЖЕНЩИНЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строки сверху.	Напечатано:	Читай.
57	8	ея	его
—	9	встрѣчена	встрѣченъ
—	—	она	онъ
58	24	домо	долю
—	26		,
60	3	ея	его
—	4	думала	думалъ
—	—	была	былъ
—	—	удержана	удержанъ
74	1	Гіерофоншъ	Гіерофантъ
80	5	Сводомобивою	свободолюбивою
91	4	весь	васъ
93	17	осводить	освободитъ
95	13	придается	предается
99	1	всѣму	всему
100	18	Шартускимъ	Шартрскимъ
108	20	свою	его
—	—	онъ	вы
—	—	находитъ	находите
113	4	редикты	эдикты
116	8	пораженія	положенія
137	14	солцицызмъ	солецизмъ
145	13	Бринна	Бренна
171	12	перекратнахъ	перекресткахъ
237	6	міра	мира

БАСТИЛІЯ

КНИГА ПЕРВАЯ.

СМЕРТЬ ЛЮДОВИКА XV.

ГЛАВА I.

ЛЮДОВИКЪ ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ.

Президентъ Эно, замѣчая, какъ трудно съ точностью опредѣлить не только почему, но и когда дано королямъ извѣстное почетное прозваніе, начинаетъ философствовать въ своемъ чисто оффиціальномъ стилѣ. Прозваніе Bienaimé (возлюбленный) говоритъ онъ, данное Людовику XV, не оставитъ потомству подобнаго сомнѣнія. Въ то время, какъ этотъ государь въ 1744 году переносился съ одного конца королевства на другой, прервавъ свои побѣды во Фландріи, чтобъ летѣть на помощь Эльзасу, онъ былъ задержанъ въ Метцѣ болѣзнію, угрожавшей покончить дни его. При этомъ извѣстіи испуганный Парижъ походилъ на городъ, взятый приступомъ: въ церквахъ раздавались моленія и стоны, молитвы священниковъ и народа безпрестанно прерывались рыданіями;

и этому-то столь дорогому и нѣжному участію Людовикъ обязанъ своимъ прозваніемъ «возлюбленный», титулъ высшій изъ всѣхъ, которые когда нибудь имѣлъ этотъ великій государь [1]).

Такъ писано на вѣчную память объ этомъ 1744 годѣ. Тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и великій государь снова сдѣлался боленъ; но какъ измѣнились теперь обстоятельства! Въ церквахъ не раздается страшныхъ стенаній; Парижъ остается стоически покоенъ; молитвы не прерываются рыданіями, да въ сущности и нѣтъ молитвъ кромѣ литаній, которыя прочитываются и поются по извѣстной, опредѣленной за часъ таксѣ и не допускаютъ перерывовъ. Пастырь народа съ сокрушеннымъ сердцемъ былъ перенесенъ изъ малаго Тріанона и положенъ въ постель въ Версальскомъ замкѣ; стадо знало объ этомъ, но вовсе не сокрушалось. Самое большее, если среди потоковъ французской рѣчи, которые не прерываются изо дня въ день и прекращаются только въ поздніе часы ночи, извѣстіе о королевской болѣзни могло служить отъ времени до времени предметомъ обыкновеннаго разговора. Безъ сомнѣнія, бьются объ закладъ; нѣкоторые даже громко выражаютъ свое мнѣніе на улицахъ [2]); но впрочемъ надъ зелеными полями и надъ высокими колокольнями города майское солнце восходитъ и заходитъ, люди не прерываютъ своихъ обычныхъ занятій полезныхъ и безполезныхъ, и все идетъ такъ, какъ будто Людовикъ внѣ опасности.

---

[1]) Abregé chronologique de l'hist. de France. Paris 1775, p. 701.

[2]) Memoires de M. le baron Besenval, t. II, p. 59—90.

Дюбарри могла бы конечно молиться, если бъ только она была способна; также какъ и герцогъ д'Эгильонъ, Мопу (Maupeau) и парламентъ Мопу: эти люди, въ высокомъ положеніи съ Франціей, скованной подъ ихъ ногами, хорошо знаютъ на какомъ фундаментѣ держится ихъ могущество. Гляди, д'Эгильонъ, гляди съ такимъ же вниманіемъ, какъ ты глядѣлъ когда-то съ Ст. Кастской мельницы на Киберонскій берегъ и высаживающихся англичанъ; ты «покрытый если не славой, то по крайней мѣрѣ мукой!» Счастіе всегда считалось непостояннымъ; не все коту масляница.

За нѣсколько лѣтъ до этого герцогъ д'Эгильонъ, почти забытый свѣтомъ, изнемогалъ, покрытый, какъ мы уже сказали, мукой и даже чѣмъ-то еще хуже. Ла-Шалотэ, Бретонскій членъ парламента, обвинялъ его не только въ трусости и въ тираніи, но даже и въ лихоимствѣ; обвиненіе, которое легче было заглушить происками съ задняго крыльца, чѣмъ опровергнуть: нельзя сковать ни человѣческой мысли, ни даже языка. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ несчастнаго затмѣнія, этотъ двоюродный внукъ великаго Ришильё блуждалъ, забытый свѣтомъ. Энергическій Шоазёль, крутой и гордый, или презиралъ его, или вовсе не замѣчалъ. Д'Эгильонъ не имѣлъ другой перспективы, какъ только удалиться въ Гасконію, чтобъ перестроивать тамъ замки [1]) и умереть безъ славы, охотясь за дичью. Однако въ 1771 году одинъ молодой офицеръ, по фамиліи Дюмурье, возвращаясь изъ Корсики, «могъ съ горестью видѣть, какъ старый король французовъ,

---

[1]) Arthur Joung. Voyages pendant les années 1787—88—89. Bury Saint Edmund's 1792, t. 1, p. 66.

пѣшкомъ, со шляпою въ рукахъ, въ виду войска, около великолѣпнаго фаэтона, отдавалъ честь Дюбарри» [1]).

Это объясняетъ многое. Вотъ почему д'Эгильонъ могъ отложить поправку своего замка, чтобы прежде поправить обстоятельства. Дѣло въ томъ, что рѣшительный Шоазель не хотѣлъ видѣть въ Дюбарри ничего, кромѣ разодѣтой камеліи и велъ свои дѣла, какъ будто бы ея вовсе не существовало. Несносное дѣло: источникъ вздоховъ, слезъ, пасмурныхъ лицъ и дурнаго расположенія духа не прекратится до тѣхъ поръ, пока Франція (такъ она называла своего державнаго лакея) не соберется съ духомъ, чтобъ повидаться съ Шоазелемъ, и съ тряseніемъ подбородка (tremblement du menton), что было обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ [2]), не предложить ему, запинаясь, отставки: отставки послѣднему своему дѣловому министру, которая успокоитъ его куртизанку. Такимъ образомъ снова поднялся и торжествуетъ д'Эгильонъ, а съ нимъ возвысился и Мопу, гонитель парламентовъ, который сажаетъ непокорныхъ президентовъ въ «Кро въ Комбраллѣ» поодуматься на вершинѣ крутой скалы, куда можно взобраться только на носилкахъ. Въ то же время возвысился и аббатъ Террэ, необузданный финансистъ, платящій по шестидесяти за сто, такъ что при входѣ въ театръ, во время давки, остряки кричатъ: гдѣ это аббатъ Террэ, онъ освободилъ бы насъ отъ цѣлой трети. Эти-то господа, поистинѣ, посредствомъ магіи, выстроили себѣ избранное жилище, волшебный пріютъ, въ которомъ царствуетъ Дюбарри,

---

[1]) La vie et les mémoires du general Dumouriez. Paris 1822, t. I, p. 141.

[2]) Besenval, Mémoires, t. II, p. 21.

назвали его дворцомъ Армиды и живутъ тамъ въ свое удовольствіе: канцлеръ Мопу «играетъ въ жмурки» съ волшебницей или даритъ ей карликовъ негровъ, а христіаннѣйшій король наслаждается невозмутимымъ миромъ дома, не обращая вниманія на то, что можетъ случиться внѣ его. «Мой канцлеръ плутъ,» говоритъ онъ, «но я не могу безъ него обойтись» [1]).

Жители прекраснаго дворца Армиды, убаюканные пріятной музыкой лести, имѣя всѣ сокровища міра къ своимъ услугамъ, ведутъ волшебную жизнь, въ то время, какъ все уже виситъ на волоскѣ. Если бы христіаннѣйшій король умеръ или только былъ бы въ опасности смерти, тогда увы! Развѣ прекрасной и гордой Шатору, прогнанной безжалостными монахами, не пришлось бѣжать, съ влажными щеками и пылающимъ сердцемъ въ то время, когда, давно тому назадъ, король заболѣлъ лихорадкой въ Метцѣ, и едва едва вернуться на прежнее мѣсто, когда уже прошла лихорадка и изчезли монахи? Тоже было и съ Помпадуръ; когда Даміенъ ранилъ короля, «слегка, подъ пятое ребро» и поѣздка въ Тріанонъ была остановлена среди криковъ и гаснущихъ факеловъ, въ суматохѣ пришлось и Помпадуръ собрать свои пожитки и готовиться къ отъѣзду; но она не уѣхала, такъ какъ оружіе не было отравлено и рана оказалась не опасной. Не даромъ его величество человѣкъ религіозный, вѣруетъ, по крайней мѣрѣ, въ діавола. Теперь третья опасность, и кто знаетъ, чѣмъ она кончится. Доктора призадумываю-

[1]) Dulaure, Histoire de Paris. Paris 1824, t. VII, p. 328.

ся, спрашиваютъ по секрету: «была ли у его величества оспа?» и полагаютъ, что была ненастоящая. Да, Мопу, сдвинь твои нахмуренныя брови и погляди хорошенько твоими зловѣщими крысиными глазами; дѣло плохо. Одно только вѣрно, что человѣкъ смертенъ и что со смертью одного человѣка разобьется непремѣнно чудесный талисманъ и все царство Дюбарри съ шумомъ рухнетъ въ безконечное пространство. Вы изчезнете, какъ адскія привидѣнія, и оставите послѣ себя только смрадъ сѣрный.

Вотъ они-то съ своими клевретами и должны обратиться съ молитвами къ Вельзевулу и къ тому, кто приметъ ихъ молитвы, но у остальной Франціи, какъ мы уже сказали, не было молитвъ, а если и были, то совершенно противоположнаго характера, ясно и открыто произносимыя на улицахъ. Замки и отели, въ которыхъ просвѣщенная философія занимается анализомъ, ужъ отвыкли отъ молитвъ, да и что можетъ побуждать къ этому? ужъ не побѣды ли при Россбахѣ, или финансы аббата Террэ, или наконецъ 60,000 lettres de cachet, которыя пришлось подписать только одному Мопу? О, Эно! Молитвы! Какихъ молитвъ можно ждать отъ этой Франціи, покрытой тысячью ранъ и согнувшейся теперь отъ стыда и горя подъ ногами распутницы? Не эти ли тощія и голодныя привидѣнія, что блуждаютъ по всѣмъ дорогамъ и по всѣмъ тропинкамъ Франціи, пойдутъ молиться? Или тѣ милліоны людей, въ мастерскихъ и на нивахъ, отупѣвшіе и изнуренные подъ тяжестью труда, какъ лошадь съ завязанными глазами у колеса колодца? Или наконецъ тѣ, что лежатъ въ госпиталѣ Бисетръ по восьми человѣкъ на одной

кровати, въ ожиданіи, пока ихъ перенесутъ въ трупную? Тьма у нихъ въ головѣ и застой въ сердцѣ; для нихъ великій государь только великій хлѣбный барышникъ [1]), и если они слышатъ о болѣзни короля, то флегматически отвѣчаютъ, «*tant pis pour lui*», или еще сдѣлаютъ такого рода вопросъ: «чтожъ онъ, умретъ?»

Да, умретъ ли онъ? Вотъ въ этомъ-то теперь заключается для всей Франціи великій вопросъ и надежда; только она одна заставляетъ интересоваться болѣзнію короля.

ГЛАВА II.

ОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ ИДЕАЛЫ.

Вотъ какъ измѣнилась Франція! Вотъ какъ измѣнился Людовикъ!

Да, перемѣна велика и больше чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Много теперь открылось предъ очами исторіи въ комнатѣ больнаго Людовика, чего не видѣли окружавшіе его придворные. Справедливо сказано: каждый предметъ имѣетъ свой неистощимый смыслъ, каждый видитъ только то, что способенъ видѣть. Для Ньютона и его собаки, Даймонда, какія двѣ различныя вселенныя, тогда какъ изображеніе на глазной ретинѣ обоихъ было по всей вѣроятности одинаково. Пусть же и читатель заглянетъ теперь глазами ума въ комнату больнаго Людовика.

---

[1]) Такъ народъ прозвалъ королей послѣ возстановленія Кольберовской системы сберегательныхъ хлѣбныхъ магазиновъ. *Пр. Рер.*

О немъ говорятъ или, что тоже, о немъ думаютъ, что онъ напримѣръ пошелъ завоевывать Фландрію, а на самомъ дѣлѣ его перевозятъ туда, какъ обозъ, и обозъ не легкій, который тянется на цѣлыя версты, такъ какъ при немъ постоянно его безстыжая Шатору съ картонками и баночками съ румянами, и на каждомъ привалѣ между ихъ помѣщеніями нужно выстраиватъ деревянную галлерею. Съ нимъ не только его maison bouche, безконечный valetaille [1]), но даже и труппа придворныхъ актеровъ съ бумажными кулисами, съ искусственными громами, барабанами, скрипками, театральнымъ гардеробомъ, переноснымъ буфетомъ (не говоря уже о болтовнѣ и спорахъ); все это везется въ повозкахъ, въ фурахъ, въ подержанныхъ каретахъ; развѣ недостаточно всего этого, чтобъ побѣдить не только Фландрію, но и терпѣніе цѣлаго міра. И вотъ, съ такимъ-то шумнымъ, нестройнымъ аккомпаниментомъ король тащится завоевывать Фландрію. Зрѣлище, достойное удивленія! Однако все это было такъ и бывало не разъ: мыслящему человѣку, который смотритъ со стороны, это могло бы казаться страннымъ, но для Людовика это натурально и неизбѣжно.

Вѣдь нашъ міръ одинъ изъ самыхъ гибкихъ, и самое гибкое существо въ мірѣ—человѣкъ. Міръ, котораго нельзя понять, котораго нельзя измѣрить! Что то непостижимое, про которое мы знаемъ, что это не мы, съ которымъ можемъ дѣлать дѣла, среди котораго можемъ жить — преобразовывать его въ насъ самихъ, и назвать міромъ. Но, если горы и рѣки, какъ учитъ метафизика, говоря строго,

[1]) Кухня и придворный штатъ.

созданы нашими внѣшними чувствами, то съ большей справедливостью можно полагать, что всѣ феномены духовной природы созданы только нашимъ внутреннимъ чувствомъ, какъ напримѣръ: почести, авторитеты и все, что считается священнымъ и не священнымъ. Это внутренее чувство вовсе не неизмѣнно, какъ внѣшнія, а постоянно развивается и преобразовывается. Вѣдь Африканскій негръ набираетъ же палокъ и стараго платья (которое вывезено можетъ быть изъ Лондона), искусно сплетаетъ и дѣлаетъ изъ нихъ себѣ идола (идолъ или видимое), называетъ его мумба — юмба, потомъ молится ему съ устремленнымъ благоговѣйно взоромъ и не безъ надежды. Европеецъ смѣется надъ этимъ, но лучше бы онъ подумалъ и спросилъ себя: не то ли же самое дѣлается дома, только нѣсколько поумнѣе?

Такъ вотъ какъ было тридцать лѣтъ тому назадъ, когда завоевывали Фландрію, но не такъ теперь. Увы, не одинъ бѣдный Людовикъ боленъ, умираетъ не одинъ король Франціи, но и самый санъ французскаго короля: и онъ износился, и онъ рвется по клочкамъ. Міръ глубоко измѣнился: то, что казалось крѣпкимъ, приходитъ въ дряхлость; то, чего прежде не было, начинаетъ существовать. Что за звуки несутся изъ-за Атлантическаго океана и тревожатъ слухъ умирающаго Людовика? Звуки зловѣщіе, еще неслыханные звуки. Бостонская гавань почернѣла отъ неожиданнаго чаю, собирается пенсильванскій конгресъ, и немного спустя на Банкерскомъ холмѣ демократія, при смертоносныхъ ружейныхъ выстрѣлахъ, подъ звуки yankee doodle объявляетъ о своемъ рожденіи, и какъ ураганъ охватитъ весь міръ.

Умираютъ цари и царства, какъ и все умираетъ; все только временно, все только временные призраки, хотя они и считаютъ себя чѣмъ-то дѣйствительнымъ. Короли меровинги, что медленно тащились на волахъ съ распущенными длинными волосами, по улицамъ Парижа, также медленно перешли въ вѣчность. Карлъ Великій спитъ въ Зальцбургѣ, опираясь на свой жезлъ, источенный червями, и только въ сказкахъ ждутъ его пробужденія. Карлъ-Мартель, Пипинъ кривоногій, гдѣ теперь вашъ грозный взглядъ и повелительный голосъ? Роллонъ съ дикими сынами сѣвера не покрываетъ Сены своими лодками, но уже отправился въ болѣе далекое путешествіе. Пакельная голова (Tête d'etoupes) не нуждается больше въ гребнѣ, желѣзорубъ (Taille fer) не перерубитъ и паутины. Жестокая Фридегонда и гордая Брунгильда покончили свой споръ, охладѣло горячее безуміе ихъ жизни, и онѣ покойно лежатъ въ землѣ. Съ черной Нельской (Nesle) башни, въ сумеркахъ, обреченный на смерть рыцарь не спускается болѣе въ мѣшкѣ въ Сену, погружаясь въ тьму; да и сама dame de Nesle [1]) не заботится больше объ удовольствіяхъ міра сего, не боится его скандаловъ; dame de Nesle сама погрузилась въ тьму. Всѣ они изчезли, всѣ они поглощены и со всей суматохой, которую поднимали при жизни; вѣчно новыя поколѣнія проходятъ надъ ними, а они не слышатъ этого.

Однако, въ итогѣ, не осуществилось ли чего нибудь? Посмотрите хоть на эти прочныя каменныя зданія и на то, что въ нихъ находится. Грязь-городъ пограничныхъ жителей

[1]) Французская Тамара *Прим. Ред.*

(Lutetia Parisiorum, или Barisiorum) вымостился, раскинулся по островамъ Сены, далеко и широко по обѣимъ ея берегамъ, и сдѣлался городомъ Парижемъ, который хвалится иногда тѣмъ, что онъ Аѳины Европы и всемірная столица. Старинныя каменныя башни, почернѣвшія отъ времени, гордо выставляютъ впередъ свои верхушки. Тамъ есть и соборы, а въ нихъ вѣра, или только воспоминаніе о вѣрѣ, дворцы, и государство и законъ. Видѣнъ дымъ и паръ, это неугасимое дыханіе чего-то живаго. Тысячи рабочихъ молотовъ стучатъ по наковальнямъ, и безъ шума идетъ другая работа — работа не рукъ, а мысли. Искусные рабочіе во всѣхъ ремеслахъ, искусныя головы и руки покоряютъ своей власти стихіи, запрягаютъ вѣтры въ морскія колесницы, заставляютъ самыя звѣзды служить часами мореходамъ, пишутъ и собираютъ Bibliothéque du roi, гдѣ между прочими книгами есть еврейская книга. Удивительныя созданія: вотъ что осуществилось, вотъ сколько талантовъ раскрылось. И такъ, не называйте же прошедшаго времени со всѣмъ множествомъ его слабостей временемъ потеряннымъ.

Замѣтимъ однако, что изъ всѣхъ земныхъ владѣній и пріобрѣтеній человѣка, безспорно самые высшіе — его божественные, или богоподобные символы; съ ними онъ идетъ впередъ и съ побѣдоносною увѣренностію сражается въ этомъ житейскомъ бою; ихъ-то мы называемъ осуществленными идеалами. Изъ этихъ осуществленныхъ идеаловъ, отбросивъ другіе, посмотрите только на два: на церковь, или духовнаго руководителя, на короля, или руководителя свѣтскаго. Церковь! какое слово! оно богаче Голконды и сокровищъ

цѣлаго міра. Среди самыхъ отдаленныхъ горъ возвышается маленькая кирка [1]), мертвецы покоятся воругъ нея подъ своими бѣлыми камнями, въ надеждѣ будущаго воскресенія. Читатель, ты глухъ и нѣмъ, если никогда (даже въ полночь, когда кирка, какъ привидѣніе, сквозитъ чрезъ туманъ и жизнь твоя какъ бы поглощена тьмою) она не говорила съ тобой невыразимыми акцентами, которые проникаютъ до глубины твоей души. Тотъ и былъ силенъ, у кого была церковь, то, что мы можемъ назвать церковью; за нее онъ крѣпко держался посреди людей и на границѣ двухъ вѣчностей и непоколебимо стоялъ предъ лицемъ Бога и людей; неопредѣленная, безконечная вселенная сдѣлалась его крѣпкимъ, знакомымъ обиталищемъ. Такова была сила въ вѣрѣ, въ этомъ сказанномъ, какъ слѣдуетъ, словѣ: вѣрую. Было за что людямъ цѣнить свое *credo* и воздвигать величественные храмы, уважать свою іерархію и отдавать десятину своего состоянія; было для чего жить и за что умереть.

Не пустое дѣлали также и дикіе воины, когда впервые подняли на щитъ сильнѣйшаго изъ своей среды, и при бряцаніи оружія, съ бьющимися сердцами, торжественно провозгласили: да будетъ онъ сильнѣйшимъ изъ насъ. Какой символъ заключался для нихъ въ этомъ словѣ сильнѣйшій? (Такъ вѣроятно названъ король conning или canning — человѣкъ, могущій многое сдѣлать). Символъ истиннаго руководства въ замѣнъ любящаго повиновенія; что, еслибъ человѣкъ зналъ это, и составляетъ его главную нужду. Символъ, который можно назвать священнымъ; ибо развѣ въ почитаніи

---

[1]) Kirk — Шотландская церковь. *Прим. Ред.*

того, что выше насъ, нѣтъ несокрушимой святости? Итакъ, съ этой точки зрѣнія, также можно сказать, что въ человѣкѣ, признанномъ сильнѣйшимъ, есть божественное право, что и должно быть въ немъ, признанъ ли онъ или нѣтъ, если вспомнить кто его сдѣлалъ сильнымъ. Такимъ образомъ, посреди замѣшательствъ и невыразимыхъ несообразностей (что обыкновенно сопровождаетъ всякое развитіе) возникло это королевское начало, окруженное вѣрноподданностію и таинственно возрастало, подчиняя и переработывая другія начала (потому что въ немъ былъ жизненный принципъ); оно росло, пока не обняло весь свѣтъ и не стало однимъ изъ главныхъ фактовъ новой исторіи. Оно стало фактомъ столь значительнымъ, что, напримѣръ, Людовикъ XIV могъ отвѣчать возражавшему ему сановнику извѣстнымъ «l'état c'est moi» (государство — это я), и тотъ не возражалъ больше, а только потупилъ глаза. Вотъ до чего довели королевское начало случай и предусмотрительность; Людовики одиннадцатые, съ свинцовыми мадоннами на шляпахъ, колесованіями и коническими oubliettes [1]) (людоѣдство) въ подземельяхъ, Генрихи четвертые, съ пророчествомъ вѣчнаго соціальнаго блаженства, когда у всякаго крестьянина будетъ курица за обѣдомъ! Удивительное явленіе! и по поводу его неужель мы еще не въ правѣ сказать, что въ огромной массѣ зла, по мѣрѣ того, какъ оно движется впередъ и развивается, есть скрытое добро, которое стремится къ своему освобожденію и торжеству.

---

[1]) Ямы, въ которыхъ сажали преступниковъ, или вообще кого вздумается, на всю жизнь. *Прим. Ред.*

Какъ осуществляются подобные идеалы, какъ они чудеснымъ образомъ выходятъ изъ хаоса необузданнаго и вѣчно волнующагося настоящаго — вотъ этому-то и должна насъ научить всемірная исторія, если только она можетъ научить чему нибудь. Какимъ образомъ растутъ такіе идеалы, и послѣ долгаго и труднаго развитія, цвѣтутъ въ полной своей силѣ, потомъ скоро (такъ какъ цвѣтъ не держится долго) отцвѣтаютъ, вянутъ, опадаютъ и изчезаютъ съ шумомъ, или безъ шума. Цвѣты очень скоро отцвѣтаютъ, въ особенности цвѣты кактуса, который во сто лѣтъ цвѣтетъ только нѣсколько часовъ. Такъ, считая съ того дня, когда грубый Хлодовикъ, на Мартовскомъ полѣ, въ виду своего войска́, отомстилъ грубому франку, однимъ ударомъ топора разсѣкши ему голову, и вскрикнулъ при этомъ: такъ ты разбилъ Суассонскую вазу (св. Ремигіи и мою) — съ тѣхъ поръ до Людовика Великаго и этихъ словъ: l'état c'est moi, прошло 1200 лѣтъ: и вотъ едва умираетъ слѣдующій Людовикъ, какъ уже многое умираетъ вмѣстѣ съ нимъ! Точно также, если католицизмъ, вмѣстѣ съ феодализмомъ, и противъ него (но не противъ природы и ея благодѣяній) далъ намъ англичанамъ Шекспира и шекспировскую эру; но это уже въ то время, когда самъ католицизмъ былъ уничтоженъ, насколько законъ могъ уничтожить его.

Но что сказать объ этихъ временахъ паденія, когда не развивается и не цвѣтетъ никакой идеалъ? Когда вѣра и вѣрность изчезли, и остался отъ нихъ только тупой звукъ и эхо, и все, что было величественнаго въ прежнія времена, сдѣлалось только простымъ парадомъ, когда и вѣра въ силь-

ныхъ міра сего сдѣлалась однимъ изъ двухъ: или глупостью, или лицемѣріемъ? Увы! На эти времена исторія не обращаетъ вниманія; онѣ не стоятъ того, чтобъ на нихъ останавливаться; нужно болѣе и болѣе забывать объ нихъ, вычеркнуть изъ лѣтописей человѣчества и даже со всѣмъ вырвать какъ незаконныя, каковы они и есть на самомъ дѣлѣ. Несчастіе — быть рожденнымъ въ такія безнадежныя времена. Быть рожденнымъ только для того, чтобъ по преданію и примѣрамъ убѣдиться въ томъ, что Божій міръ есть ложь, міръ діавола и что величайшій шарлатанизмъ правитъ людьми. Однако мы видимъ, что цѣлыя поколѣнія (два, а иногда три сряду) съ этимъ грустнымъ вѣрованіемъ проводятъ жизнь, или по крайней мѣрѣ то, что они называютъ жизнью и потомъ изчезаютъ безвозвратно.

Въ такое время упадка, или по крайней мѣрѣ близкое къ упадку, родился бѣдный Людовикъ. Нельзя не согласиться, что если по естественному ходу вещей сану французскаго короля не долго оставалось жить, то Людовикъ, какъ нельзя лучше, былъ созданъ для того, чтобъ ускорить смерть его. Отцвѣтаніе французской короны вслѣдствіе этого значительно ускорилось, подобно цвѣту кактуса. Во время болѣзни короля въ Метцѣ, она была еще въ полномъ цвѣтѣ, хотя ее и омрачили орлеанскіе регенты, министры и кардиналы, но теперь въ 1774 году она уже отцвѣла и всѣ ея лепестки опали.

Въ самомъ дѣлѣ, печальный видъ представляли всѣ безъ исключенія осуществленные идеалы. Церковь въ своемъ цвѣтущемъ періодѣ, семьсотъ лѣтъ тому назадъ, могла заста-

вить императора дня по три стоять на снѣгу босымъ, въ одеждѣ кающагося, но съ тѣхъ поръ она давно уже клонится къ паденію; она дошла до того, что забыла свои старыя цѣли и вражду и соединила свои интересы съ королевскими; она оперлась на эту болѣе юную силу, и съ тѣхъ поръ оба эти начала должны жить и умирать вмѣстѣ. Увы, Сорбонна еще собирается въ своемъ старомъ помѣщеніи, но она уже не руководитъ больше человѣческимъ сознаніемъ, а только лепечетъ какія-то бредни; это не Сорбонна; энциклопедія, философія и, одинъ Богъ знаетъ, какое безчисленное множество писателей, свѣтскихъ пѣвцовъ, романистовъ, актеровъ, спорщиковъ и памфлетистовъ служатъ теперь духовными путеводителями міра. Да и практическое руководство погибло или ускользнуло въ руки той же пестрой толпы. Гдѣ теперь тѣ, которыми руководитъ король (способный человѣкъ, roi, rex или правитель)? У него остались только охотники и доѣзжіе, и, когда нѣтъ охоты, справедливо говорятъ: Le roi ne fera rien (сегодня его величество ничего не будетъ дѣлать) [1]). Онъ живетъ и прозябаетъ только потому, что еще живъ и никто не наложилъ на него рукъ.

Такимъ же образомъ и дворяне почти перестали руководить людей хорошо или худо, и, подобно своему властелину, служатъ только простыми фигурами украшенія. Уже давно они перестали убивать или другъ друга, или короля, и работники, покровительствуемые, одобряемые королемъ, давно уже по-

---

[1]) Memoires sur la vie privée de Marie Antoinette, par madame Campan, Paris 1826, t. I, p. 12.

строили города съ крѣпкими стѣнами и продолжаютъ заниматься въ нихъ своими ремеслами; теперь они не позволятъ разбойнику-барону «жить сѣдломъ» [1]), а, напротивъ, построили даже висѣлицу, чтобъ вѣшать тѣхъ, кто еще занимается этимъ. Со времени фронды, дворяне перемѣнили свой боевой мечъ на придворную шпагу и теперь вѣрноподданно слѣдуютъ за королемъ, какъ услужливые тѣлохранители и дѣлятъ съ нимъ добычу, пріобрѣтаемую не насиліемъ и убійствомъ, а пронырливостью и хитростью. Эти-то люди называютъ себя опорою престола,—странныя позолоченныя бумажныя каріатиды этого страннаго зданія. Въ другихъ отношеніяхъ ихъ привилегіи значительно поубавились. Законъ, позволявшій сеньору, возвращаясь съ охоты, убивать не-болѣе двухъ рабовъ, чтобъ согрѣть ноги ихъ горячей кровью и внутренностями, изчезъ совсѣмъ и даже сдѣлался чѣмъ-то невѣроятнымъ; если депутатъ Лапуль и вѣритъ въ его существованіе и требуетъ отмѣненія, все же не можемъ вѣрить мы [2]). Ни одинъ Шаролэ [3]) въ эти послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ, какова бы ни была его страсть къ охотѣ, не подстрѣливаетъ больше кровельщиковъ и свинцовыхъ дѣлъ мастеровъ, чтобъ насладиться зрѣлищемъ, когда они покатятся съ крыши, а довольствуется только куропатками и тетеревами. Если взглянуть на нихъ поближе, то главное занятіе ихъ состоитъ только въ томъ, чтобъ роскошно одѣваться и вкусно ѣсть. Что же касается ихъ дебоширства и разврата, то едва ли со вре-

---

[1]) Vivre de patlaselle — жить разбоемъ. *Пр. ред.*

[2]) Histoire de la révolution française par deux amis de la liberté.

Извѣстный баронъ де Шаролэ, прославившійся подобными штуками. *Пр. Ред.*

менъ Тиберія и Коммода было что нибудь подобное! Однако все еще не перестали быть понятными слова жены одного маршала: повѣрьте, сударь, что Богъ дважды подумаетъ, прежде чѣмъ осудитъ такое важное лице. У этихъ людей есть съ давнихъ временъ свои добродѣтели и свои обычаи, безъ которыхъ, конечно, они не могли бы играть такой роли. Правда, отъ нихъ даже требуется одна добродѣтель (смертный не можетъ же жить безъ совѣсти), это—быть всегда готовымъ драться на дуэли.

Вотъ каковы пастыри народа; посмотримъ теперь, какъ поживаетъ стадо! Конечно, стадо живетъ дурно, что и должно быть, и все хуже и хуже. Его не пасутъ; а только регулярно стригутъ. Оно высылается на барщину по статуту, платитъ подати по статуту, удобряетъ поля битвы, называемыя полями чести, сражаясь не за себя. Оно въ потѣ лица трудится, а другіе обогащаются его трудомъ, тогда какъ оно само или ничего не имѣетъ, или очень мало. Оно осуждено жить въ невѣжествѣ, безъ пристанища, безъ пищи, и вѣчно томиться въ мракѣ и грязной нищетѣ. И вотъ какая участь милліоновъ людей—peuple taillable et corvéable á merci et miséricorde. Въ Бретани они однажды взбунтовались при первомъ появленіи часовъ съ маятникомъ, думая, что они имѣютъ отношеніе къ Gabelle [1]). Въ Парижѣ при періодическомъ очищеніи города полиціей выгоняютъ на время толпы голодныхъ бродягъ блуждать снова въ пространствѣ.

«Въ одно изъ этихъ періодическихъ очищеній, говоритъ

---

[1]) Подать на соль.

Лакретель, въ маѣ 1750 года, полиція вздумала захватить дѣтей нѣкоторыхъ извѣстныхъ особъ, въ надеждѣ на выкупъ. Матери наполняли площади криками отчаянія, многія женщины внѣ себя бѣгали туда и сюда и увеличивали суматоху; нелѣпая и ужасная басня ходила въ народѣ: говорили, что доктора предписали одному высокому лицу брать ванны изъ дѣтской крови, чтобъ этимъ поправить собственную испорченную развратную жизнь. Нѣкоторые изъ зачинщиковъ, прибавляетъ холодно Лакретель, были повѣшены на другой день, а полиція все-таки продолжала свое дѣло» [1].

О несчастныя нагія твари! вотъ къ чему ведетъ вашъ безсознательный крикъ на небо, какъ бы крикъ безсловеснаго животнаго, которое кричитъ отъ глубокой боли и униженія. Лазуревыя небеса только отражаютъ эхо вашего голоса, какъ безчувственный кристальный сводъ, и отвѣчаютъ вамъ «повѣшаніемъ на другой день!» Нѣтъ, нѣтъ, не всегда такъ будетъ. Вашъ голосъ услышанъ на небѣ, и придетъ отвѣтъ въ ужасѣ глубокаго мрака, при содраганьи свѣта и въ чашѣ горести, отъ которой придется вкусить всѣмъ народамъ.

Замѣтьте, что въ то время, среди развалинъ и пыли всеобщаго упадка выходятъ новыя силы, приспособленныя къ новому времени и его судьбамъ. Рядомъ со старой аристократіей, по происхожденію военной, появилась вновь признанная аристократія—законниковъ; для нея теперь насталъ день битвы и торжества. Появилась также аристократія торговая, хотя

---

[1]) Lacretelle, t. III, p. 175.

непризнанная, но тѣмъ не менѣе сильная золотомъ въ карманѣ. Наконецъ, самая могущественная, менѣе всѣхъ признанная, литературная аристократія, безъ шпаги на боку и золота въ кошелькѣ, но съ чудотворной силой мысли въ головѣ. Поднялся французскій философизмъ, и сколько содержитъ въ себѣ это слово! Здѣсь-то и заключается главнымъ образомъ симптомъ болѣзни, всюду распространенной.

Вѣра изчезла и скептицизмъ занялъ ея мѣсто. Зло выростаетъ и распространяется и никто не хочетъ вѣрить, что его можно исправить, начиная съ исправленія самого себя, а между тѣмъ оно все больше и больше выростаетъ. Когда скука и пустота господствуютъ вверху, нужда и оцѣпенѣніе — внизу, и вѣрно только всеобщее бѣдствіе, что другое можетъ быть вѣрно? Развѣ только одно, что ложь не можетъ быть истиной. — Философія знаетъ только то, и вѣритъ только въ то, что вовсе, превышающее наши чувства, вѣра невозможна. Увы! до сихъ поръ отрицаніе лжи было чѣмъ-то въ родѣ вѣрованія; но если изчезнетъ ложь и ея отрицаніе, что-жъ останется? Останутся пять неудовлетворенныхъ чувствъ и шестое ненасытимое чувство (тщеславіе); останется все демоническое начало человѣческой природы, стремящейся господствовать надъ всѣмъ безъ правилъ и узды, дикое могущество само по себѣ, но вооруженное всѣми средствами и всѣмъ оружіемъ цивилизаціи. Зрѣлище небывалое въ исторіи!

Вотъ въ такой-то Франціи, подобной пороховому боченку около тлѣющагося огня, умираетъ Людовикъ XV. Помпадуризмъ и дюбарризмъ не въ малой степени были причиной

того, что его три лиліи постыдно поражались на сушѣ и на морѣ. Бѣдность добралась даже до королевской казны, и откупщики налоговъ не могли ничего больше выжать. Король уже двадцать пять лѣтъ въ ссорѣ съ парламентомъ, повсюду нужда, безчестность, невѣріе и горячіе систематики вмѣсто врачей государства; право, время презнаменательное!

Вотъ чего не видали придворные и что видитъ исторія въ комнатѣ больнаго Людовика. На Рождество было двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ лордъ Честерфильдъ, резюмируя свои замѣчанія касательно этого состоянія Франціи, написалъ и послалъ по почтѣ слѣдующія памятныя строки: «Наконецъ всѣ симптомы, которые предшествовали въ исторіи великимъ перемѣнамъ и революціи, теперь существуютъ и съ каждымъ днемъ развиваются во Франціи [1]).

ГЛАВА III.

VIATICUM.

Однако въ настоящую минуту для правителей Франціи главный вопросъ состоитъ въ томъ, слѣдуетъ ли соборовать масломъ и вообще совершать другое какое нибудь духовное напутствіе Людовику (а не Франціи).

---

[1]) Chesterfild, Letters, December 25. 1753.

Это важный вопросъ. Вѣдь если дѣйствительно нужно будетъ прибѣгнуть къ какому нибудь таинству, если даже заговорить объ этомъ, тотчасъ же волшебницѣ Дюбарри придется изчезнуть, съ малой надеждою вернуться назадъ, хотя бы даже Людовикъ и выздоровѣлъ. А вѣдь вмѣстѣ съ ней придется убраться и герцогу Д'Эгильону съ компаніей и всему двору Армиды. Всѣхъ ихъ поглотитъ хаосъ, и останется только смрадъ сѣрный. Но съ другой стороны, что скажутъ приверженцы дофина и Шуазеля; наконецъ, что скажетъ самъ царственный больной въ случаѣ, если его здоровье ухудшится и онъ не потеряетъ при этомъ памяти? Въ настоящую минуту мы видимъ изъ передней, что онъ еще цѣлуетъ руку Дюбарри, но что будетъ дальше? Докторскіе бюллетени могутъ говорить все, что имъ прикажутъ, но тѣмъ не менѣе это *оспа*, которою, какъ говорятъ потихоньку, больна и хорошенькая дочь привратника, а вѣдь съ королемъ Людовикомъ XV нельзя шутить въ такомъ дѣлѣ, какъ предсмертное напутствіе. Развѣ онъ не экзаменовалъ изъ катихизиса своихъ гаремницъ въ Parcaux-cerfs и не молился съ ними и за нихъ, да сохранятъ онѣ чистоту вѣры? [1]) Странный фактъ, но не безпримѣрный, потому что нѣтъ животнаго страннѣе человѣка.

Впрочемъ и въ настоящую минуту все пошло бы хорошо, если бъ только архіепископъ Бомонъ рѣшился смотрѣть на это сквозь пальцы. Увы! Бомонъ самъ по себѣ охотно бы на это рѣшился, ибо, странно сказать, и сама церковь и всѣ будущіе надежды іезуитовъ держатся теперь за передникъ

---

1) Dulavre, t. VIII.—Besenval.

этой женщины безъ имени. Но сила общественнаго мнѣнія? Какъ же строгій Кристофъ де Бомонъ, который всю свою жизнь преслѣдовалъ истерическихъ янсенистовъ и невѣрующихъ атеистовъ и даже, за недостаткомъ лучшаго — ихъ трупы, какъ онъ теперь откроетъ врата неба и дастъ отпущеніе грѣховъ въ присутствіи самой причины грѣха? Пожалуй нашъ Grand-Aumonier Рошъ-Эмонъ съ своей стороны не станетъ много торговаться и охотно употребитъ свой ключъ къ небесамъ для царственнаго грѣшника, но есть другія духовныя лица, есть духовникъ короля, этотъ глупый аббатъ Мудонъ; наконецъ фанатизмъ и приличіе еще не совсѣмъ изчезли. Итакъ, что жъ остается дѣлать? Стеречь пока двери, сочинять медицинскіе бюллетени, и по прежнему надѣяться на время и случай.

Двери стерегутъ исправно, такъ что ни одно подозрительное лицо не можетъ войти, да, впрочемъ, немногіе и пожелали бы этого, потому что гнилая зараза достигла даже до Oeil-de-boeuf, такъ что болѣе пятидесяти человѣкъ заболѣваетъ и болѣе десяти умираетъ. Только Mesdames princesses подходятъ къ отвратительной постели, воодушевленныя дочерней привязанностью. Всѣ три принцессы Graille, Chiffe, Coche (Лохмотокъ, Обрѣзокъ и Свинка, какъ онъ обыкновенно называлъ ихъ) ухаживаютъ за нимъ, тогда какъ всѣ другіе бѣгутъ прочь. Четвертая принцесса Loque (Оборвышъ) живетъ уже въ монастырѣ и можетъ помогать только молитвами. Бѣдная Graille и ея сестры никогда не знали отца. Имъ едва позволялось во время débotter (когда его величество снималъ сапоги), подобравъ свои огромныя фижмы, опоясав-

шись длинными шлейфами и наскоро набросивъ черныя тафтяныя мантильи, и такъ, будто въ полной придворной формѣ, ежедневно въ шесть часовъ вечера, величественно являться къ отцу, получать королевскій поцѣлуй въ лобъ и потомъ такъ же величественно выходить и возвращаться къ своему вышиванію, пустымъ разговорамъ, молитвамъ и безконечной скукѣ. Иногда утромъ его величество заходилъ къ нимъ съ чашкой кофе собственнаго приготовленія и выпивалъ ее наскоро, пока связывали гончихъ въ своры—и это считалось благословеніемъ небесъ! Бѣдныя увядшія старыя дѣвы! во все продолженіе грядущихъ переворотовъ вашей крутой жизни, прежде чѣмъ она кончится и разобьется, въ то время, когда вы будете убѣгать чрезъ непріятельскія страны по бурнымъ морямъ, едва едва не попадетесь въ плѣнъ къ туркамъ, во время всего этого санкюлотскаго урагана, когда вы не будете въ состояніи различить правой руки отъ лѣвой, пусть этотъ вашъ поступокъ навсегда останется въ вашей памяти, потому что вы тутъ поступали дѣйствительно съ добротой и любовью. И для насъ также эта картина дочерней любви представляется единственной свѣтлой точкой въ гнусной пропасти.

А между тѣмъ, какъ тутъ поступить благоразумному и безпристрастному придворному? Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, когда дѣло идетъ не только о жизни и смерти, но и о томъ, причащать или нѣтъ короля, тутъ и самый умный человѣкъ можетъ потеряться. Немногіе такъ счастливы, какъ герцогъ Орлеанскій и принцъ Конде, которые могутъ, при помощи уничтожающихъ зловоніе солей,

оставаться въ королевской передней и въ то же время посылать своихъ сыновей (герцога Шартрскаго, будущаго Egalité, герцога Бурбонскаго, будущаго принца Конде и знаменитаго волокиту) ухаживать за дофиномъ. Для немногихъ другихъ дѣло порѣшено: *jaçta est alea.* Когда архіепископъ де Бомонъ, вынужденный общественнымъ мнѣніемъ, рѣшается наконецъ войти въ комнату больнаго, старый Ришелье дергаетъ его за руку, отводитъ въ уголъ и тамъ съ выраженіемъ лица старой собаки убѣждаетъ самымъ настойчивымъ образомъ не убивать короля богословскими тонкостями и, судя по лицу де Бомона, Ришилье успѣваетъ въ этомъ. Герцогъ Фронзакъ, сынъ Ришелье, слѣдуетъ по стопамъ своего отца. Когда Версальскій священникъ намекаетъ о причащеніи короля, онъ грозитъ выкинуть его за окно, если тотъ еще заикнется объ этомъ.

Эти еще, можно сказать, счастливы, но каково положеніе остальныхъ, колеблющихся между двумя мнѣніями? Тому, кто хочетъ понять, до чего дошелъ тогда католицизмъ и многое другое, и какъ символы святѣйшихъ вещей сдѣлались игорными костями даже у самыхъ низшихъ людей, — стоитъ только прочесть объ этихъ происшествіяхъ разсказъ Безенваля, Сулави и другихъ повѣствователей того времени. Тамъ онъ увидитъ весь хороводъ версальскихъ свѣтилъ, разогнанный, разбросанный и группирующійся въ постоянно новыя созвѣздія. Киванія головой, выразительные взгляды, перешептываніе, придворныя дамы таинственно скользятъ, шумя своими шелковыми шлейфами, даря улыбками одни созвѣздія и вздохами другія: сколько тутъ дро-

жатъ сердецъ отъ надежды или отчаянія. Между тѣмъ приходитъ блѣдная улыбающаяся тѣнь смерти, шествуя церемоніально за улыбающеюся тѣнью этикета, а въ промежуткахъ слышенъ вой церковнаго органа, родъ молитвы машиной, какъ бы провозглашающей съ ужаснымъ діавольскимъ хохотомъ: суета суетъ, всяческая суета.

ГЛАВА V.

ЛЮДОВИКЪ НЕЗАБВЕННЫЙ.

Бѣдный Людовикъ! Твои придворные разыгрываютъ пустую фантасмагорію, въ которой они, какъ актеры, печалятся и стонутъ по найму; но съ тобою происходитъ нѣчто страшное, серьезное.

Смерть страшна для всякаго человѣка, давно ее зовутъ царицей ужасовъ; нашъ уютный домикъ, называемый жизнью, въ которомъ мы живемъ, хотя и постоянно жалуясь на судьбу, однако какъ дома — вдругъ изчезаетъ съ ужасной агоніей, въ какой-то неизвѣстный міръ разлуки, отчужденія и безусловной возможности. Царь язычникъ спрашиваетъ свою душу: куда ты теперь идешь? [1]) Католическій король долженъ отвѣчать: предъ судилище Всевышняго. Да, теперь онъ сво-

---

[1]) Предсмертныя слова Марка Аврелія.

дитъ жизненный итогъ, теперь настало время окончательнаго сведенія счетовъ и отданія отчета въ томъ, что сдѣлалъ; теперь всѣ дѣла покончены, останутся неизмѣнны и будутъ приносить вѣчные плоды.

Людовикъ XV постоянно чувствовалъ царственное отвращеніе къ смерти. Онъ не былъ похожъ на богомольнаго герцога Орлеанскаго, дѣда Egalité (нѣкоторые изъ нихъ были дѣйствительно помѣшаны), который честно вѣрилъ, что смерти не существуетъ. Тотъ, если только вѣрить придворнымъ повѣствователямъ, однажды, пылая гнѣвомъ, вскочилъ со стула и окинулъ презрительнымъ и бѣшенымъ взглядомъ своего бѣднаго секретаря, у котораго вырвались слѣдующія слова: le feu roi d'Espagne: — feu roi, сударь, закричалъ онъ. — Ваша свѣтлость, отвѣчалъ дрожащій отъ страха, но ловкій чиновникъ, c'est un titre, qu'ils prennent [1]) (они принимаютъ такой титулъ). Людовикъ, какъ мы сказали, не былъ такъ счастливъ, но онъ дѣлалъ все, что только могъ, чтобъ позабыть о смерти: онъ не выносилъ разговоровъ о ней, избѣгалъ всегда кладбища, надгробныхъ памятниковъ и всего, что могло ему о ней напомнить. Это тактика страуса, который, когда его близко нагоняютъ охотники, прячетъ свою глупую голову въ землю и думаетъ, что если онъ не видитъ своего глупаго тѣла, то и другіе его не видятъ. Однако иногда Людовикъ, по какому-то странному противорѣчію, которое свидѣтельствовало о такой же боязни и, можетъ быть, еще о чемъ нибудь другомъ, устремлялъ свое

---

[1]) Безенваль. 1199.

вниманіе на этотъ предметъ: онъ останавливалъ придворныя кареты и посылалъ спрашивать на кладбище, сколько свѣжихъ могилъ вырыто сегодня, хотя бѣдной Помпадуръ это было непріятно до дурноты. Мы можемъ вообразить себѣ, что думалъ Людовикъ, когда однажды, царственно нарядившись для охоты, онъ встрѣтилъ при быстромъ поворотѣ въ Сенарскомъ лѣсу оборваннаго крестьянина съ гробомъ. — «Для кого этотъ гробъ?» — Гробъ назначался для бѣднаго собрата-раба, котораго его величество иногда видалъ за своимъ ремесломъ въ этихъ мѣстахъ. — «Отчего онъ умеръ?» — Съ голода, и король далъ шпоры своему коню.

Но вообразите, что онъ думаетъ теперь, когда смерть доходитъ до его собственныхъ внутренностей, смерть неожиданная, неумолимая! Да, бѣдный Людовикъ, наконецъ она нашла и тебя. Ни стѣны дворца, ни тѣлохранители, ни пышные обои, ни позолоченныя ходули утонченнаго церемоніала не помѣшаютъ ей войти: она здѣсь, стережетъ твое дыханіе и скоро отниметъ его. Ты, котораго вся жизнь до сихъ поръ была химерой, сценическимъ представленіемъ, наконецъ и ты сдѣлаешься чѣмъ-то дѣйствительнымъ: версальскій блескъ превращается въ сонъ, въ пустое пространство. Время твое прошло и всѣ подмостки того времени разрушаются и падаютъ на твою душу съ ужаснымъ шумомъ: зѣвъ царства мертвыхъ открытъ и ты долженъ туда войти нагой, безъ всякихъ титуловъ, и ждать, что тебѣ назначено. Несчастный человѣкъ, каковы должны быть твои мысли, когда ты въ мрачной агоніи ворочаешься на печальномъ одрѣ? Въ перспективѣ чистилище и адъ и теперь

это очень возможно; а въ прошедшемъ, увы! сколько ты совершилъ дѣлъ, которыхъ бы лучше было не совершать. Кому помогъ ты великодушно? Кого утѣшилъ въ горѣ? Не собираются ли теперь предъ тобою пятьсотъ тысячъ тѣней тѣхъ, которые постыдно пали на полѣ битвы на пространствѣ отъ Росбаха до Квебека въ отмщеніе за насмѣшку надъ твоей блудницей! Твой гнусный гаремъ: проклятіе матерей, слезы и позоръ дочерей! Несчастный человѣкъ! ты сдѣлалъ столько зла, сколько могъ; все твое существованіе кажется гнусной уродливостью, ошибкой природы; смыслъ и польза твоей жизни неизвѣстны. Былъ ли ты сказочнымъ дракономъ, поглощающимъ дѣла людей и ежедневно похищающимъ дѣвъ въ свой вертепъ? И былъ ли также покрытъ чешуями, которыя могло пробить одно только копье смерти? Нѣтъ, ты не сказочный, а дѣйствительный драконъ! Ужасны должны быть для тебя, Людовикъ, эти минуты! Мы не станемъ больше заниматься ужасами смертнаго одра грѣшника.

Однако никто, даже самый послѣдній изъ людей, не долженъ кичиться предъ нимъ. Онъ былъ государь: но развѣ ты не такой же государь въ твоей сферѣ? Его обширная Франція, если взглянуть на нее съ неподвижныхъ звѣздъ, покажется не больше твоей маленькой мастерской, гдѣ ты занимаешься честнымъ или безчестнымъ трудомъ! Не останутся дѣла человѣка «символа вѣчности, заключеннаго въ предѣлы времени», всѣ они смертны, безконечно малы и величайшее изъ нихъ не больше самаго малѣйшаго; только духъ, въ которомъ ты дѣйствуешь, можетъ имѣть нѣкоторую цѣну и долговѣчность.

Но во всякомъ случаѣ, подумайте, какою проблемою была жизнь этого бѣднаго Людовика, когда онъ «возлюбленнымъ» всталъ съ постели послѣ лихорадки въ Метцѣ. Какой изъ сыновъ Адама могъ бы слить въ одно цѣлое эти разрозненныя части? Могъ ли сдѣлать это Людовикъ? Только одно слѣпое счастіе поставило его на высоту имперіи: онъ тамъ носится, но вовсе не созданъ управлять имперіею и столько же способенъ къ этому, сколько бревно, носящееся по океану, можетъ управлять его приливомъ и отливомъ. За что меня такъ любятъ? спросилъ онъ тогда. А теперь онъ можетъ спросить: что же я сдѣлалъ, что меня такъ ненавидятъ? Ты ничего не сдѣлалъ, бѣдный Людовикъ, да въ томъ-то по истинѣ и состоитъ твоя вина, что ты ничего не дѣлалъ. Что же могъ сдѣлать бѣдный Людовикъ? Развѣ только сложить съ себя власть въ пользу перваго, кто бы пожелалъ воспользоваться и умыть руки. Другой высшей премудрости для него не существовало. И вотъ онъ, безсмысленнѣйшій изъ всѣхъ существующихъ смертныхъ, воплощенная ошибка природы, стоялъ, сомнительно посматривая на безсмысленный, безпорядочный міръ, въ которомъ ничего ему не казалось такъ вѣрнымъ, какъ только то, что у него, воплощенной ошибки природы, есть пять чувствъ, что есть также летающіе столы (tables volantes), которые изчезаютъ подъ полъ и опять являются съ новыми кушаньями, и есть Parc-aux-cerfs.

Такимъ образомъ у насъ опять историческій курьозъ: человѣкъ въ крайне-оригинальномъ состояніи, пассивно плывущій по безконечнымъ тинамъ къ исходу, который онъ отчасти предвидѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ у него было нѣкотораго

рода предвидѣніе. Такъ, когда новый морской министръ или какое-то другое должностное лице объявляетъ ему, что наступаетъ новая эра для флота, его величество собственными устами изволили замѣтить за ужиномъ своей куртизанкѣ; да, онъ расхвалилъ свой товаръ не хуже другихъ, обѣщалъ все въ самомъ лучшемъ видѣ, но ничего не осуществится; онъ еще не знаетъ здѣшнихъ дѣлъ и самъ въ послѣдствіи убѣдится». Или въ другой разъ: «Я слышу это уже въ двадцатый разъ, а думаю, что Франція никогда не будетъ имѣть флота.» Не менѣе трогательны и эти слова: «Если-бъ я былъ парижскимъ полицеймейстеромъ, я бы запретилъ эти кабріолеты» [1]).

Заживо осужденный человѣкъ, — развѣ быть воплощенной ошибкой не значитъ быть осужденнымъ заживо! Новый roi fainéant, король ничего не дѣлающій, но съ страннымъ новымъ майордомомъ; уже не Пипинъ кривоногій занимаетъ эту должность, но призракъ съ короною изъ тучъ, дышащій огнемъ, призракъ демократіи, которая скоро охватитъ весь свѣтъ. Однако Людовикъ былъ не болѣе виноватъ, чѣмъ всякое частное лице, лѣнтяй и обжора, какихъ мы видимъ довольно; они называются людьми, живущими въ свое удовольствіе и тяготѣютъ на время надъ прекраснымъ міромъ Божіимъ. Но Людовикъ несчастнѣе ихъ. Ошибку его жизни видѣлъ и чувствовалъ весь скандализированный міръ и потому для него нѣтъ забвенія, его нельзя похоронить въ безконечной глубинѣ. Его еще будутъ помнить нѣсколько поколѣній.

---

[1]) Journal de madame de Haupet.

Но какъ бы то ни было, мы можемъ не безъ интереса замѣтить, что вечеромъ 4-го мая Дюбарри вышла изъ комнаты больнаго, съ видимымъ волненіемъ въ лицѣ. Это случилось 4-го мая вечеромъ 1774 года. Что за шепотъ въ oeil de boeuf! или онъ умираетъ? Что это значитъ, что Дюбарри, кажется, собираетъ свои пожитки; она прохаживается вся въ слезахъ по своимъ золоченымъ будуарамъ, какъ будто съ ними прощается. Д' Эгильонъ и компанія поставили послѣднюю карту, однако еще не кончаютъ игры. Что касается до спора о причащеніи, то онъ рѣшился самъ собою. Людовикъ послалъ ночью за своимъ духовникомъ, аббатомъ Мудономъ, исповѣдовался, какъ говорятъ, въ продолженіи семнадцати минутъ и попросилъ причастить себя.

Проходитъ полдень, волшебница Дюбарри съ платкомъ у глазъ садится въ карету Д' Эгильона и уѣзжаетъ въ объятіяхъ герцогини.

Она уѣхала и никогда болѣе не вернется. Изчезни проклятая вѣдьма! напрасно ты помѣстилась по сосѣдству въ Рюэлѣ [1]), твое время прошло! Навсегда для тебя затворились ворота королевскаго дворца. Развѣ въ грядущіе годы ты еще разъ придешь туда подъ кровомъ ночи, въ черномъ домино, какъ ночная птица и разстроишь музыкальный вечеръ прекрасной Антуанеты въ Версальскомъ паркѣ; всѣ райскія птицы полетятъ далеко отъ тебя и всѣ инструменты смолкнутъ. Нечистое, но не злое существо! и къ тебѣ надобно имѣть только сожалѣніе. Что за судьба твоя! начиная отъ перваго логовища (въс транѣ

---

[1]) Имѣніе герцога д'Эгильона недалеко отъ Версаля. *Прим. Ред.*

Жанны д'Аркъ), гдѣ мать твоя въ слезахъ родила тебя неизвѣстному отцу и до гильотины, до которой ты дошла, сначала по низменнымъ подземнымъ ходамъ, потомъ по самымъ высокимъ и сіяющимъ вершинамъ блудодѣянія и безстыдства. Напрасно ты стоишь и умоляешь палача; топоръ сдѣлалъ свое дѣло. Покойся же не проклятая, а только мертвая и уничтоженная; это все, что ты заслужила.

Людовикъ, между тѣмъ ждетъ съ большимъ нетерпѣніемъ св. таинъ и нѣсколько разъ посылаетъ посмотрѣть въ окно, не несутъ ли ихъ. Успокойся Людовикъ, на сколько ты можешь быть покойнымъ; ихъ уже несутъ. Около шести часовъ утра ихъ приносятъ наконецъ. Кардиналъ, Grand Aumonier Рошъ-Эмонъ, пришелъ въ полномъ облаченіи со всѣми своими дароносицами: подходитъ къ королевскому изголовью, возноситъ свою облатку, что-то бормочетъ, или кажется что бормочетъ; такимъ образомъ, по незабвеннымъ словамъ аббата Жорзеля, Людовикъ приноситъ свою amende honorable Богу, — такъ понималъ эту церемонію іезуитъ. Wa, va, простоналъ дикій Клотаръ, когда разставался съ жизнію: какъ великъ Богъ, который вырываетъ силу у самыхъ могущественныхъ королей [1]).

Amende honorable, конечно, покаяніе предъ Богомъ, но не предъ людьми, если д'Эгильонъ можетъ помѣшать этому. Дюбарри еще у него въ Рюэлѣ, и пока есть жизнь, есть и надежда. Однако Grand Aumonier Рошъ-Эмонъ спѣшитъ уложить свои дароносицы, и тотчасъ же

---

[1]) Gregoire de Tours, hist. liv. IV, ch. XXI.

хочетъ величественно удалиться, какъ будто ничего болѣе не остается дѣлать. Но королевскій духовникъ, аббатъ Мудонъ, бросается къ нему и дергаетъ его за рукавъ, съ кислой и тревожной миной шепчетъ ему что-то на ухо, при чемъ бѣдный кардиналъ оборачивается и объявляетъ въ слухъ, что его величество раскаявается во всякомъ невольно сдѣланномъ имъ соблазнѣ и обѣщаетъ при помощи божіей воздержаться отъ него на будущее время. При этихъ словахъ старый Ришельё почернѣлъ и отвѣчалъ громко «эпитетомъ», котораго Безенваль не хочетъ повторить. Ришелье, завоеватель Минорки, компаніонъ летучихъ столовъ, такъ ловко пробуравливавшій стѣны спальни [1]), неужели и твой день насталъ?

Увы! органъ придворной церкви будетъ по прежнему гудѣть, раку св. Женевьевы можно поднимать и снова ставить на мѣсто, а пользы отъ этого не будетъ никакой. Вечеромъ дофинъ съ супругой и весь дворъ были въ придворной церкви! Страшная минута: самыя небеса почернѣли, проливной дождь льетъ со свистомъ, громъ заглушаетъ звуки органа, отъ электрическихъ огненныхъ стрѣлъ блѣднѣютъ свѣчи предъ алтаремъ, и, когда кончилась церемонія, большинство придворныхъ удаляются быстрыми шагами, въ раздумьи, молча, или почти что молча [2]).

Вотъ уже недѣля, какъ это продолжается и недѣля, какъ уѣхала Дюбарри. Безенваль говоритъ, что всѣ съ нетерпѣніемъ ждали (que cela finit), чтобъ Людовикъ скончался. Вотъ уже 10-е мая 1774 года. Теперь скоро конецъ.

---

[1]) Besenval, p. 154—172. Genlis, duc de Levis etc.

[2]) Memoire concernant Marie Antoinette. Londres 1809, t. 1.

Дневной свѣтъ десятаго мая тускло и печально проникаетъ въ комнату больнаго; даже смотрящіе изъ оконъ совсѣмъ потемнѣли, жизненное колесо трудно вертится на своей оси; жизнь, какъ утомленный конь, ищетъ, задыхаясь, покоя. Въ отдаленныхъ апартаментахъ дофинъ и супруга его уже готовы къ отъѣзду; всѣ грумы и конюхи давно наготовѣ и только ждутъ сигнала, чтобъ убѣжать изъ этого зачумленнаго дома. Что за шумъ слышится по всему oiel de boeuf! Ужасный и похожій на громъ! Это наплывъ всѣхъ придворныхъ, бросающихся на перерывъ поздравить новыхъ властителей: «да здравствуютъ ихъ величества! Дофинъ съ супругой стали королемъ и королевой. Изнеможенные подъ вліяніемъ различныхъ впечатлѣній, они оба бросаются на колѣна и восклицаютъ со слезами: «Боже, руководи нами и будь намъ покровителемъ, мы еще такъ молоды, чтобъ царствовать!» Да, дѣйствительно вы слишкомъ молоды.

И такимъ образомъ, часы времени пробили съ шумомъ, подобнымъ грому, и старая эра кончилась. То, что былъ Людовикомъ, лежитъ теперь забытое всѣми; масса отвратительнаго праха, предоставленная на попеченіе нѣсколькихъ бѣдныхъ людей и священниковъ Chapelle Ardente, которые спѣшатъ положить его въ два свинцовыхъ гроба и вливаютъ туда значительное количество спирта. Новый Людовикъ со всѣмъ своимъ дворомъ катитъ въ Шоази; погода прекрасная, но королевскія слезы еще льются; монсеньоръ д'Артуа съострилъ что-то, всѣ засмѣялись и перестали плакать. О, легкомысленные люди, какъ легко танцуете вы жизненный минуэтъ надъ бездонною пропастью, отдѣленною отъ васъ только паутиной.

Что касается до остальнаго, то достодолжные авторитеты находятъ, что похороны не должны быть особенно церемоніальны. Самъ Безенваль сознается, что они были слишкомъ безцеремонны. Двѣ кареты съ двумя дворянами каммеръ-юнкерскаго ранга, одно духовное лице изъ Версаля, двадцать пажей верхами, пятьдесятъ конюховъ съ факелами, даже и не въ траурѣ, выѣхали на другой день вечеромъ съ свинцовымъ гробомъ изъ Версаля и поскакали рысью до самаго мѣста, сопроваждаемые язвительными шутками парижанъ, которые стоятъ въ два ряда по дорогѣ въ С. Дени и даютъ волю своему остроумію, этой характеристической народной чертѣ. Около полуночи, своды С. Дени принимаютъ свою добычу, и не пролилось ни одной слёзы, кромѣ бѣдной Loque, его нелюбимой дочери, въ сосѣднемъ монастырѣ.

Вотъ они спѣшатъ опустить его въ землю, и вмѣстѣ съ нимъ его эру — грѣха, тиранніи и стыда; наступаетъ новая эра, и будущее тѣмъ болѣе кажется блестящимъ, чѣмъ постыднѣе было прошедшее.

КНИГА ВТОРАЯ.

БУМАЖНЫЙ ВѢКЪ.

ГЛАВА I.

ВОЗВРАЩЕНІЕ АСТРЕИ.

Одинъ парадоксальный философъ, развивая до крайности афоризмъ Монтескьё — «счастливы народы, у которыхъ лѣтописи скучны», сказалъ: «счастливы тѣ народы, у которыхъ лѣтописи пусты.» При всей кажущейся безсмыслицѣ этого изреченія, въ немъ есть своя доля правды. Справедливо сказано: «молчаніе божественно» и принадлежитъ небу, но и въ земныхъ дѣлахъ бываетъ иной разъ молчаніе лучше всякихъ рѣчей. Подумайте-ка хорошенько: всякое событіе, всякій предметъ, о которомъ можно говорить или разсказать, не есть ли это, во всякомъ случаѣ, переломъ, нарушеніе постоянства? Будь это событіе даже счастливое, все-таки оно заключаетъ въ себѣ перемѣну, потерю (активной силы) и въ этомъ смыслѣ составляетъ неправильность, болѣзнь въ прошедшемъ или настоящемъ. Спокойное постоянство было бы для насъ благословеннымъ удѣломъ, но никакъ не поврежденіе или измѣненіе, если бы только ихъ можно было избѣгнуть.

Дубъ растетъ въ лѣсу тысячу лѣтъ въ тишинѣ и безмолвіи. Только на тысячный годъ, когда приходитъ дровосѣкъ съ топоромъ, раздается громкое эхо среди пустынныхъ мѣстъ, и дубъ тогда только даетъ знать о себѣ, когда онъ рушится съ далеко разносящимся грохотомъ. Въ какой тиши-

нѣ совершилось развитіе жолудя, занесеннаго какъ нибудь налетѣвшимъ вѣтромъ? Даже въ то время, когда нашъ дубъ пустилъ ростки или одѣлся листьями (счастливое событіе), было ли гдѣ возвѣщено объ этомъ съ шумомъ? Развѣ только замѣтилъ наблюдатель. Такія явленія не случаются; они развиваются медленно не въ одинъ часъ или день, а цѣлымъ рядомъ дней; что же можно сказать о такомъ явленіи? Истекающій часъ сходенъ съ тѣмъ, который наступитъ вслѣдъ за нимъ.

Такимъ же образомъ всюду разносится глупая молва, но не о томъ, что было сдѣлано, что совершилось, а о томъ, что неудалось или разрушилось. А глупая исторія (всегда сокращенная записка, или краткое изложеніе молвы), знаетъ только о томъ, что хорошо было бы незнать вовсе. Нашествіе Аттиллы, крестовые походы Вальтера-неимущаго, сицилійскія вечерни, тридцатилѣтняя война, все это—зло и бѣдствія, не трудъ и помѣха труду. Вѣдь земля-то во все это время зеленѣла, да желтѣла благодатною жатвой; руки ремесленника, умъ мыслителя не отдыхали; и вотъ, благодаря имъ, вопреки всякимъ помѣхамъ, дожили мы до славнаго купола, которымъ увѣнчивается разцвѣтающій міръ; а бѣдная исторія можетъ право спросить съ изумленіемъ, откуда все это взялось? Она такъ мало знаетъ объ этомъ мірѣ! Хотя знаетъ, что служило ему препятствіемъ или могло сдѣлать его невозможнымъ. Таковы однако ея правила и образъ дѣйствій, по необходимости ли, по глупому ли выбору. Вотъ отчего парадоксъ—«счастливъ народъ, лѣтописи котораго пусты»—не лишенъ нѣкоторой доли правды.

А между тѣмъ не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, что извѣстное

спокойствіе, происходящее не отъ безпрепятственнаго развитія, а отъ пассивной инерціи, служитъ симптомомъ неизбѣжнаго паденія. Какъ побѣда, такъ и пораженіе совершаются безмолвно. Между силами неравными мирится съ своей судьбою слабѣйшая, сильнѣйшая же продолжаетъ идти своей дорогой, сегодня еще безмолвно, но быстро, неотвратимо; паденіе и ниспроверженіе не обойдутся безъ шума. Какъ травѣ полевой, всему суждено рости извѣстный періодъ времени, будь это годъ, сто лѣтъ или тысячелѣтіе. Всякая вещь ростетъ и умираетъ, всякая по своимъ удивительнымъ законамъ, по своему удивительному способу; духовныя явленія удивительнѣе прочихъ въ этомъ отношеніи. Неисповѣдимы эти послѣднія, даже для мудрѣйшаго изъ насъ; внѣ всякихъ пророчествъ, выше всякаго разума. Если при видѣ дуба, который гордо красуется роскошью своихъ вѣтвей, вы можете сказать, что сердцевина его здорова, то нельзя сказать того же объ человѣкѣ, а еще менѣе объ обществѣ и цѣлой націи. О послѣднихъ даже утвердительно можно сказать, что ихъ наружный видъ, внутреннее чувство полнаго здоровья бываютъ обыкновенно зловѣщими симптомами. И въ самомъ дѣлѣ, отъ апоплексіи, если можно такъ выразиться, отъ переполненія и ожиренія умираютъ обыкновенно царства, общественныя и религіозныя учрежденія. Грустно видѣть, когда одно изъ этихъ учрежденій, переполненное черезъ мѣру, говоритъ себѣ: отдыхай въ волю, у тебя большой запасъ добра, подобно тому безумцу, о которомъ разсказано въ евангеліи. И раздается отвѣтъ: «безумецъ, нынѣшнею же ночью отнимется у тебя жизнь твоя».

Такое-то мирное здоровье или болѣзненное предчувствіе витаетъ надъ Франціею въ эти послѣдніе десять лѣтъ, надъ которыми историкъ можетъ не остановиться, упоминая о нихъ слегка; событій еще нѣтъ, ничего еще не совершилось. Свѣтлое, спокойное время. Мы не назовемъ его, подобно многимъ людямъ того времени, новымъ золотымъ вѣкомъ. Назовемъ его по крайней мѣрѣ вѣкомъ бумажнымъ,—вѣдь бумага часто служитъ суррогатомъ золота. На бумажныя деньги вы можете покупать даже тогда, когда не будетъ золота. Книжная бумага, сіяющая теоріями, философіей, чувствительностью,—что за дивное искусство не только выражать мысль, но и скрывать отсутствіе мысли! Бумага вѣдь дѣлается изъ лохмотьевъ, изъ предметовъ когда-то существовавшихъ; въ бумагѣ находятся всевозможныя качества. Въ этомъ мирномъ періодѣ, въ этомъ отсутствіи событій, какой философъ, будь онъ мудрѣйшій изъ всѣхъ, могъ ли предсказать приближеніе событія событій, полнаго ужаса и смятенія? Введеніемъ въ революцію служитъ надежда, подобно тому, какъ сіяющее солнце предшествуетъ землетрясенію. 5 мая черезъ 15 лѣтъ уже не въ томъ дѣло будетъ, что старый Людовикъ послалъ за причастіемъ; нѣтъ, новый Людовикъ среди полнаго блеска изумленной и очарованной Франціи открываетъ генеральные штаты.

Царство Дюбарри и д'Эгильоновъ прошло навсегда. Теперь у насъ король молодой, пока еще внимательный, благонамѣренный; королева прекрасна, привѣтлива, съ добрыми намѣреніями, и съ этими монархами вся Франція, кажется, помолодѣла. Морпу и его парламентъ изчезнутъ въ глубокой но-

чи; почтенные сановники, уважаемые націей, хотя за одну ихъ оппозицію двору, сходятъ теперь, скинувъ оковы, съ своихъ крутыхъ утесовъ «изъ Кро въ Комбралѣ», или другихъ мѣстъ, и возвращаются, воспѣвая хвалу: старый парижскій парламентъ снова вступаетъ въ свою должность. Вмѣсто развратнаго банкрота аббата Террэ, у насъ генеральнымъ контролеромъ добродѣтельный философъ Тюрго, носящій въ головѣ своей всецѣлую французскую реформу, которая должна измѣнить къ лучшему все, что есть дурнаго въ финансахъ или въ чемъ другомъ. Мнится, будто сама мудрость возсѣдаетъ въ царскомъ совѣтѣ. Тюрго вступилъ въ свою должность съ своею благороднѣйшею откровенностью въ рѣчахъ и былъ выслушанъ съ благороднѣйшимъ королевскимъ довѣріемъ. Правда и то, «что по словамъ короля онъ, говорятъ, никогда не бываетъ у обѣдни», но либеральная Франція и за это его любитъ, возражая, что «аббатъ Террэ постоянно бывалъ у обѣдни.» Философизмъ видитъ въ первый разъ во главѣ управленія философа и готовъ пособлять ему и апплодировать при всякомъ удобномъ случаѣ; старый легкомысленный Морпа постарается не мѣшать ему.

Притомъ, сколько кротости въ нравахъ! Порокъ, «теряя свое безобразіе,» становится приличнымъ (какъ все, что установилось и обзавелось правилами) какой-то добродѣтелью. Сколько ума, остроумія и краснорѣчія! Философія весело усаживается въ блестящихъ салонахъ гостьею наивнаго богатства, даже и аристократы гордятся сидѣтъ рядомъ съ философіею. Она проповѣдуетъ новое тысячелѣтіе, которое побѣдитъ всякія бастиліи. Изъ дальняго Фернэя патріархъ

Вольтеръ подаетъ сигналъ; ветераны Дидро и д'Аламберъ дожили до настоящаго дня; они вмѣстѣ съ младшею своей братіей, Мармонтелемъ, Морелле, Шамфоромъ, Ройналемъ увеселяютъ богатые буфеты какой-нибудь гостепріимной министерской вдовы или философствующаго откупщика. О божественные ужины и ночи! Истина, давно предсказанная, совершится во очію; подходитъ година революцій (какъ писалъ Жанъ-Жакъ), но революцій счастливыхъ и благословенныхъ. Человѣкъ просыпается отъ долгаго сомнамбулизма и прогоняетъ удручавшіе его призраки. Вотъ заблестѣли лучи новой зари; бѣгите лживые пророки передъ лучами свѣта; пусть скроется навсегда все нелѣпое и покинетъ землю. Истина, возвращенная Астрея, отнынѣ господствуютъ въ образѣ философіи. Для какой же еще цѣли могъ быть созданъ человѣкъ, какъ не для счастія! Торжество анализа и успѣхи рода человѣческаго нынѣ обѣщаютъ намъ довольно счастія. Цари могутъ сдѣлаться философами или, скорѣе, философы царями; пусть общество, разъ навсегда, будетъ устроено какъ слѣдуетъ торжествующимъ анализомъ. Пустой желудокъ будетъ наполненъ, сухая глотка будетъ увлажена виномъ. Самый трудъ сдѣлается чѣмъ-то въ родѣ отдыха, не тяжелымъ, но пріятнымъ. Пашня, конечно, не можетъ быть плодоносна безъ тяжкой работы человѣка, но его замѣнятъ машины. Даровые портные, трактирщики, тоже могли бы расположиться въ надлежащемъ разстояніи, но пока еще не видно, какъ это будетъ. Но если каждая воля, по закону благорасположенія, питаетъ сочувствіе ко всѣмъ, тогда конечно никто не останется безъ помощи. И даже, кто знаетъ, почему бы посредствомъ окончатель-

но-торжествующаго анализа не дойти до того, чтобы продолжать въ безконечность человѣческую жизнь и избавить его отъ смерти, также какъ его избавили отъ діавола! Тогда мы будемъ счастливы вопреки смерти и діаволу. Вотъ какъ проповѣдуетъ торжествующій философизмъ свое: redeunt Saturnia regna [1]) (возвращеніе сатурнова царства).

Пророческая пѣснь Парижа и его философофъ раздается до передней Персаля, и oeil de boeuf, озабоченный близкимъ счастіемъ, даже въ худшемъ случаѣ можетъ отвѣтить: почему бы и не такъ?

Добрый старикъ Морпа слишкомъ веселый министръ, чтобы нарушить всемірное ликованіе. На каждый день и безъ того хватитъ горя. Веселый старикашка! сыплетъ себѣ бон-мо и беззаботно суетится, расправивъ свой плащъ по вѣтру, лишь бы ему всѣмъ понравиться. Простой юный король, которому никакой Морпа не рѣшится надоѣдать дѣлами, удалился во внутренніе аппартаменты, молчаливый, нерѣшительный, хотя иногда у него и проявляются проблески темперамента; наконецъ онъ рѣшится немножко позаняться ручнымъ ремесломъ и, сдѣлавшись ученикомъ нѣмаго Гомэна (которому онъ со временемъ будетъ не слишкомъ-то благодаренъ), онъ учится дѣлать замки [2]). Какъ кажется, онъ смыслилъ въ географіи и умѣлъ читать по англійски. Несчастный молодой король! твое дѣтское довѣріе къ старому шуту Морпа заслуживало лучшей участи! Но и другъ и недругъ, и судьба, и самъ онъ, все было въ заговорѣ противъ него.

---

[1]) Эти слова заимствованы изъ Virgil Eclog. VIII. Pollio. *Пр. ред.*

[2]) Campan, т. I, стр. 125.

Между тѣмъ молодая красивая королева проходитъ по своимъ парадным салонамъ, какъ богиня красоты, чарующая взоры; она еще не вмѣшивается въ дѣла, не смотритъ въ будущее, и вовсе не опасается его. Веберъ и г-жа Кампань описали намъ ее [1]), окруженную королевскими ткаными обоями, въ блестящихъ будуарахъ, въ ваннахъ, въ пенюарѣ и различныхъ туалетахъ, въ салонахъ, гдѣ присутствуетъ блестящій свѣтъ придворныхъ, которые томительно ожидаютъ ея взгляда. Юная и прекрасная дочь времени, что готовитъ тебѣ время? Самый блестящій изъ земныхъ образовъ, она граціозно выступаетъ, окруженная земнымъ величіемъ: это и дѣйствительность, и вмѣстѣ съ тѣмъ волшебное видѣніе, а вотъ и глубокій мракъ, который долженъ поглотить ее. Молодое нѣжное сердце усыновляетъ сиротъ, даетъ приданое добродѣтельнымъ дѣвушкамъ, любитъ подавать милостыню бѣдному, всякому живописному нищему, который попадается ей на пути; и является мода такая, потому что теперь царствуетъ благорасположеніе, гуманность. У герцогини де Полиньякъ, у принцессы де Ламбелль, она пользуется чѣмъ-то похожимъ на дружбу... а теперь, послѣ долгихъ семи лѣтъ, у ней и свой ребенокъ есть, а скоро и дофинъ; она можетъ считать себя счастливою въ выборѣ мужа, насколько могутъ быть счастливы королевы.

Что касается событій, то величайшія изъ нихъ пока еще благотворительные нравственные праздники, съ наградами и рѣчами, процессіи пуассардокъ къ колыбели дофина, а сверхъ всего этого, милыя кокетливыя интриги, которыя рождаются,

---

[1]) Campan. T. I, стр. 100—151. Weber. T. 1, стр. 11—50.

торжествуютъ, приходятъ въ упадокъ и изчезаютъ. Бѣдняки воздвигаютъ снѣжныя статуи въ честь королевы, подарившей имъ дровъ. А тамъ маскарады, театры, украшенія малаго-Тріанона, покупка и отдѣлка Сен-Клу и путешествія двора изъ зимняго Элизіума въ лѣтній. Принцы переженились и между ихъ женами, сардинскими принцессами, возникаютъ ссоры и ревность, легко примиряемыя придворнымъ этикетомъ. Вездѣ легкость чувства, изящная пустота, жизнь, шипящяя какъ пѣна, но исскуственно утонченная пѣна, пріятная, если бы она не была такъ дорога, какъ та, что испаряется жемчужинами на бокалѣ шампанскаго.

Monsieur [1]), старшій братъ короля, слыветъ умнымъ человѣкомъ и склоняется на сторону философовъ. Его высочество герцогъ д'Артуа срываетъ съ дерзкой красавицы маску, дерется на дуэли и чуть не проливаетъ крови [2]). У него удивительные штаны новаго рода, баснословнаго покроя. «Четыре здоровыхъ лакея,» говоритъ Мерсье, точно онъ это видѣлъ, «подымаютъ его на воздухъ, чтобы онъ могъ упасть въ это платье безъ признака складки,» и изъ того же крѣпкаго заключенія, тѣ же лакеи, тѣмъ же способомъ, но съ большими усиліями, освобождаютъ его вечеромъ [3]). Это тотъ самый герцогъ, который теперь сѣдой и ветхій старикъ грустно доживаетъ свой вѣкъ въ Грецѣ [4]), послѣ ликвидаціи, совер-

---

[1]) Титулъ старшаго брата. Madame—старшей дочери короля. *Пр. Ред.*

[2]) Besenval. T. II, стр. 182—220.

[3]) Mercier, Nouveau Paris. III, 147.

[4]) Въ 1834 г.

шенной въ три дня. Вотъ какъ бѣдныхъ смертныхъ смѣтаютъ и бросаютъ какъ ни попало.

ГЛАВА II.

ПРОШЕНІЕ ВЪ ІЕРОГЛИФАХЪ.

Съ рабочимъ народомъ дѣла идутъ не такъ хорошо. Бѣда! Вѣдь ихъ будетъ милліоновъ 20 или 25, которыхъ мы группируемъ въ одну единицу; что-то сжатое, уродливое, но темное, отдаленное, что мы называемъ — canaille или, на болѣе гуманномъ языкѣ, — массами. Да, это дѣйствительно массы; и между тѣмъ, странное дѣло, если станемъ слѣдить за ними воображеніемъ по всей обширной Франціи, въ ихъ глиняныхъ мазанкахъ, на чердакахъ, въ лачужкахъ, — видишь: эти массы состоятъ изъ особыхъ единицъ и у каждой единичной особи свое сердце, свои боли, каждая покрыта собственною кожей — кольни ее, смотришь — кровь.... О, власти придержащія, облаченныя въ пурпуръ, преосвященства и святѣйшества, ну, хоть твоя милость, кардиналъ Grand Aumonier, ты, разодѣтый въ парадное плюшевое платье, ты, у котораго полны руки почестей и денегъ, торжественно возсѣдая превыше міра сего, передъ лицемъ Божіимъ, поразмысли-ка надъ этимъ—каждая единица этихъ массъ есть ничто иное, какъ чудесное созданіе, человѣкъ, да, такой же,

какъ и ты; борется онъ въ свѣтѣ или окруженный мракомъ, борется, добиваясь своей доли въ вѣчномъ царствіи (влача ту жизнь, которая досталась ему только однажды въ цѣлую вѣчность), борется, нося въ себѣ божественную искру, то, что по твоему называется душою безсмертной.

Въ дальней темнотѣ идетъ у нихъ ужасная борьба. Очагъ безъ радостей и ѣда плохая. Для нихъ, въ здѣшнемъ мірѣ, нѣтъ эры надежды, да и на тотъ свѣтъ плоха надежда; имъ нельзя разсчитывать на мрачный отдыхъ могилы, потому что и вѣра въ нихъ изчезла. Безъ образованія, безъ утѣшенія, безъ хлѣба! Нѣмое поколѣніе, голосъ котораго—беззвучный крикъ. Въ совѣты короля, на всемірный форумъ, нѣтъ доступа ихъ адвокатамъ. Развѣ изрѣдка (какъ теперь напримѣръ въ 1775 году) они бросаютъ свои заступы и молоты и, къ изумленію мыслящаго человѣчества, собираются здѣсь и тамъ, грозные, но еще безъ цѣли, и доходятъ даже до Версаля! Тюрго занятъ измѣненіемъ хлѣбной торговли, уничтоженіемъ нелѣпѣйшихъ законовъ о хлѣбѣ; наступила дѣйствительная дороговизна; но будь она даже искусственная, несомнѣнно то, что хлѣба мало. И вотъ, 2-го мая 1775 года, многочисленныя толпы отправляются въ Версаль являть на показъ свою нищету, съ мертвенно-блѣдными лицами, въ грязныхъ лохмотьяхъ представляютъ они свое жалобное прошеніе. Рѣшетки дворца запираются, но король соизволилъ выйти на балконъ и сказать имъ нѣсколько словъ. Они видѣли короля въ лицѣ, ихъ прошеніе объ обидахъ, если не прочтено, то хоть взглянули на него. Въ отвѣтъ на него двоихъ повѣсили на новую висѣлицу, въ

сорокъ футовъ вышины, остальнымъ велѣно убираться до времени въ свои трущобы, въ ожиданіи новыхъ распоряженій.

Очевидно, трудная задача для правительства Франціи того времени—вести переговоры съ такими массами; если только это не главный, не единственный трудъ, не единственная задача правительства, такъ какъ всѣ другіе труды его только случайныя фантазіи, вещи пустячныя, вѣтеръ. Вѣдь въ концѣ концовъ, чтобы тамъ ни говорили хартіи, обычное право, общіе и частные законы, но массы тѣмъ не менѣе состоятъ изъ милліоновъ живыхъ единицъ, сотворенныхъ Богомъ, которому принадлежитъ земля. Къ тому жъ народъ не лишенъ нѣкоторой свирѣпости: и у него есть нервы и негодованіе. Взгляните-ка на то, что старый маркизъ, старикъ ворчунъ, другъ людей, видѣлъ въ томъ же году изъ своей квартиры на водахъ Монъ-Дора:

Дикари потокомъ спускаются съ горъ; нашимъ людямъ не велѣно выходить изъ дому. Священникъ въ облаченіи, судьи въ парикахъ, полиція съ саблями на-голо окружаютъ площадь, не позволяя волынкамъ начинать; спустя четверть часа, пляски прерваны дракой; крикъ и свистъ мальчишекъ, больныхъ и другихъ присутствующихъ; уськанье, точно на собачей травлѣ; отвратительные люди или, скорѣе, дикіе звѣри въ блузахъ изъ грубой шерсти, съ широкими ремянными поясами, которые обиты гвоздями изъ мѣди, исполинскаго роста, и сверхъ того, въ высокихъ деревянныхъ сабо (башмакъ), тянутся смотрѣть на драку, топаютъ ногами съ возрастающею яростію, потираютъ бока локтями; лица у нихъ худыя, покрыты

длинными сальными волосами, верхняя часть лица блѣдная, а нижняя точно раздирается, чтобы начать жестокій хохотъ, полный какого-то остервенѣлаго нетерпѣнія. И эти-то люди платятъ налоги [1]) и у нихъ хотятъ еще отнять соль! Неужели не знаютъ эти господа, кого они обираютъ, что на ихъ языкѣ называется управлять! Кого они думаютъ безнаказанно заставить голодать, пока не доведутъ до катастрофы!

«Ахъ сударыня, эта игра въ жмурки, если зайдетъ слишкомъ далеко, можетъ кончиться всеобщимъ кувырканьемъ» [2]).

Дѣйствительно странная картина для золотаго вѣка, мрачная даже для вѣка бумагъ — и упованій! Въ такое время, не смущай насъ своими прорицаніями печальный другъ людей! Давно уже мы слышали подобныя рѣчи, а старый міръ все еще катится по старой колеѣ.

---

[1]) Здѣсь авторъ говоритъ о «la taille»; такъ назывался одинъ изъ многочисленныхъ налоговъ прежней Франціи. Онъ падалъ на низшій классъ народа и произвольно повышался. Какъ остатокъ среднихъ вѣковъ la taille имѣлъ характеръ смѣшанный и поражалъ не только землю, но и личность и ремесло. Въ 1784 г. этотъ налогъ давалъ 91 милліонъ. См.' Necker. De l'administration des finances de la France. Tome I, p. 159—399. А также, compte rendu 1781, p. 64. Народъ былъ страшно подавленъ этимъ налогомъ.

[2]) Записки Мирабо, изданныя Л. де Монтиньи, т. II, стр. 186.

ГЛАВА III.

ПРОБЛЕМЫ.

Этотъ вѣкъ упованій и надеждъ неужели нѣчто только кажущееся, призрачное, какъ слишкомъ часто бываетъ и сама надежда, туманное облако, окрашенное цвѣтами радуги, прекрасное на видъ, заманчивое, облако, парящее надъ Ніагарскимъ водопадомъ? Въ такомъ случаѣ торжествующему анализу будетъ достаточно работы.

Увы, это дѣйствительно такъ! Цѣлый міръ передѣлать — трудъ, на который анализа не хватитъ. Ибо все не такъ, все вышло изъ колеи, внутренне-духовное и внѣшне-экономическое; голова и сердце—все заражено, нездорово. И въ самомъ дѣлѣ, всякое зло, всякій недугъ ведетъ съ собою другіе, родственные ему недуги. Есть такая старая истина, что вездѣ, гдѣ только находится большое физическое зло, оно вызвано соотвѣтствующимъ нравственнымъ зломъ и вытекаетъ изъ послѣдняго. Прежде чѣмъ, напримѣръ, на лицахъ этихъ 25 милліоновъ рабочихъ появилось выраженіе идіотства, на которое указываетъ старый Мирабо, въ націи, называющей себя христіанскою, какая должна господствовать безчестность, невыразимая, низкая, безконечная, долгими вѣками накоплявшаяся все болѣе и болѣе въ средѣ всякихъ правителей, признан-

ныхъ вождей, духовныхъ и свѣтскихъ. Накопится и возрастетъ она до высоты человѣка и поразитъ его, ибо въ первомъ изъ евангелій сказано, что ложь не можетъ вѣчно продолжаться.

И въ самомъ дѣлѣ, сквозь розовую дымку сантиментальности, филантропіи, нравственныхъ празднествъ постоянно виднѣется на заднемъ планѣ самое печальное зрѣлище. Можно спросить себя, гдѣ здѣсь общественныя связи, тѣ узы, которыя скрѣпляютъ человѣческое общество? Вотъ народъ безъ вѣрованій, живетъ онъ догадками, гипотезами, системами торжествующаго анализа построенными на пескѣ и всѣ вѣрованія сводитъ къ одному: наслаждаться пріятно. Онъ лакомъ до всякихъ хорошихъ вещей и подчиняется закону голода. Ну, а другихъ законовъ ни въ немъ, ни надъ нимъ — никакихъ.

Король сталъ картоннымъ царемъ; съ министерствомъ Морпа́ правительство вертится какъ флюгеръ — куда вѣтеръ подуетъ. Выше себя они не чуютъ никакого бога, вѣрнѣе сказать, выше они никуда не смотрятъ, развѣ только въ астрономическія стекла. Церковь положимъ, еще существуетъ, но въ самомъ жалкомъ положеніи, побѣжденная философизмомъ въ такое удивительно короткое время; видно насталъ ея роковой часъ. Какихъ нибудь двадцать лѣтъ тому назадъ, вашъ архіепископъ Бомонъ не дозволялъ хоронить даже бѣдныхъ Янсенистовъ; вашъ Ломэни де Бріеннъ (новый человѣкъ, съ которымъ мы еще повстрѣчаемся) могъ еще именемъ духовенства настаивать на приведеніе въ исполненіе антипротестантскихъ законовъ, въ ко-

торыхъ за проповѣдь назначалась смертная казнь [1]). А теперь, увы, нельзя сжечь даже атеизмъ барона Гольбаха — иначе, какъ домашнимъ образомъ, чтобъ раскурить трубку. Наша церковь стоитъ въ цѣпяхъ, нѣмая, требуя свою десятину; получивъ, что ей приходится, она довольна и ждетъ, въ безмолвномъ изумленіи, что ей готовитъ судьба. Рядомъ двадцать пять милліоновъ «голодныхъ, блѣдныхъ лицъ», передъ которыми, въ видѣ указательнаго столба и руководящаго начала, въ дѣлѣ темной борьбы, возвышается «висѣлица въ сорокъ футовъ.» Вотъ ужъ подлинно странный золотой вѣкъ съ нравственными празднествами, съ прекрасными манерами, съ кроткими постановленіями, предвѣщавшими только миръ и тишину между людьми! Миръ! О философская сантиментальность, какой тутъ миръ, когда твою мать зовутъ Іезавель? Гнилой плодъ грязнаго разврата, ты на вѣки осужденъ съ развратомъ!

Однако странно видѣть, какъ долго можетъ сохраниться то, что уже сгнило, лишь бы не трогать его слишкомъ глубоко. Въ теченіи жизни цѣлыхъ поколѣній стоитъ оно съ тусклымъ подобіемъ жизни, тогда какъ всякая дѣйствительная жизнь давно уже отлетѣла прочь; такъ медленно сходятъ люди со старыхъ тропинокъ, такъ медленно рѣшаются они испытать новое, побѣдивъ въ себѣ коснѣющую лѣнь. Конечно, настоящее велико; это то, что выдѣлилось изъ безконечной глубины теоріи и возможности, то, что пред-

---

[1]) Буасси д'Англа: Жизнь Мальерба. Т. I, стр. 15—22.

ставляется въ видѣ несомнѣннаго и законченнаго факта, въ силу котораго люди работаютъ и живутъ или, по крайней мѣрѣ, работали и жили. Очень естественно, что люди упорно держатся за фактъ, пока онъ можетъ удержать ихъ и съ сожалѣніемъ его покидаютъ, когда онъ перестаетъ держать ихъ. Прочь дерзкій поклонникъ реформы! Сообразилъ ли ты, какъ много значитъ привычка въ той жизни, какую мы ведемъ! ты сообразилъ ли, что и знаніе и практика висятъ надъ бездной неизвѣстнаго и неосуществимаго, что все наше бытіе представляетъ собою ничто иное, какъ безконечную бездну подъ сводомъ привычки.

Но если каждый человѣкъ, какъ было о томъ писано, содержитъ въ самомъ себѣ безумца, что же должно заключаться во всякомъ обществѣ, которое въ обыкновенномъ его состояніи называютъ постояннымъ чудомъ міра? «Безъ этой привычки, поверхностной коры,» продолжаетъ нашъ авторъ (назовите ее системою привычекъ, однимъ словомъ, постояннымъ образомъ дѣйствій и мыслей), безъ нее общество не могло бы существовать. И въ этой-то системѣ пріобрѣтенныхъ и сохранившихся привычекъ заключается истинный кодексъ, истинная конституція общества, единственный, хотя и неписанный кодексъ, которому оно не можетъ не повиноваться. То, что мы называемъ письменнымъ кодексомъ, конституціей, формой правленія и такъ далѣе—все это только миніатюра, торжественно выраженное оглавленіе этого неписаннаго кодекса. Есть ли онъ или уже нѣтъ въ дѣйствительности, но онъ долженъ быть или, лучше сказать, постоянно стремится

быть, а отъ послѣдняго стремленія и зарождается безконечная борьба.

Теперь, прибавимъ мы тѣмъ же способомъ выраженія, предположите, что по несчастію, во время этой безпрестанной борьбы, вдругъ рухнетъ подъ вами земная кора! Брызнутъ огненные источники великой бездны, пламенными струями все будетъ вызжено, поглощено. Ваша земная кора разбита въ дребезги и провалилась, вмѣсто зеленѣющаго и цвѣтущаго міра остался обширный и безплодный хаосъ, которому предстоитъ еще, среди общей сумятицы, сдѣлаться міромъ.

Съ другой стороны, необходима уступка: повсюду, гдѣ ты встрѣтишь гнетущую тебя ложь, души ее до смерти. Ложь для того только и существуетъ, чтобы ее душить и сама она громко призываетъ къ тому. Она ждетъ задушенія. Но хорошенько размысли, какъ ты за это примешься: не съ ненавистью, не съ эгоистическимъ насиліемъ, но въ чистотѣ сердца, съ благочестивымъ усердіемъ, мягко, почти съ состраданіемъ. Вѣдь ты вѣрно не захотѣлъ бы замѣнить задушенную ложь новою ложью, которая была бы твоею и сдѣлалась бы — матерью другой лжи? Вѣдь такимъ образомъ конецъ труда былъ бы хуже начала.

А между тѣмъ, именно такъ и происходитъ постоянная битва консерватизма и нововведеній въ нашемъ мірѣ, одаренномъ въ одно и то же время и неразрушимымъ упованіемъ на будущее и неразрушимымъ стремленіемъ удержать прошедшее. Въ этой битвѣ новизны съ консерватизмомъ есть гдѣ разыграться демоническому элементу, подстерегающему всякій поступокъ человѣка,

и разыграться на цѣлыя тысячи лѣтъ. Но возможно ли не сожалѣть о томъ, что эта борьба обыкновенно бываетъ такъ судорожна? Не походитъ ли она въ конечномъ результатѣ на классическую борьбу озлобленныхъ амазонокъ съ геройскими юношами и не кончится ли она объятіями? Вѣдь и консерватизмъ, подкрѣпленный въ насъ могучимъ началомъ лѣности, долго возсѣдаетъ, въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, не только торжествуя, что и должно быть, но угнетая и замыкая себя отъ всякаго притока новыхъ силъ. Консервативное начало отрицаетъ существованіе своего противника; оно наступаетъ на него ногами, какъ на покореннаго Энцеладія, который, чтобы пріобрѣсти малѣйшую свободу, долженъ поднять своими вулканами всю Тринакрію. Вотъ почему, въ итогѣ, мы почтимъ и бумажное время—время надеждъ. Въ страшномъ ходѣ Энцеладіева возстанія, когда задача, за которую ни одинъ смертный охотно не принимается, становится обязательною, неизбѣжною; отчего не быть благодарными природѣ, что она призываетъ насъ къ тому чарующими обѣщаніями, все равно, обманчивы они или нѣтъ, и заставляетъ цѣлое поколѣніе людей нырять въ мрачныя глубины Эреба, освѣщенныя отблескомъ новой эры? Справедливо сказано: «сущность человѣка—надежда». У него нѣтъ другой дѣйствительной собственности, кромѣ надежды, его обиталище называется «жилищемъ надежды».

ГЛАВА IV.

МОРПА.

А вѣдь изъ всѣхъ надеждъ Франціи, одна изъ самыхъ основательныхъ кажется надежда старичка Морпа съ помощію ловкости остаться министромъ. Проворный старикашка, на всякое затрудненіе у него найдется острое словцо, и въ самыя мрачныя бури онъ вынырнетъ наружу и всплыветъ, какъ пробка. Ему и горя мало до способности рода человѣческаго къ совершенствованію, до прогресса, до возвращенія Астреи [1]); для него достаточно той мысли, что остроумный человѣкъ хоть и подъ восемьдесятъ лѣтъ, а все же можетъ чувствовать всю важность своей власти между людьми. Обзовемъ ли мы его, по примѣру надменной Шатору, monsieur Faquinet? На придворномъ діалектѣ они его теперь называютъ «Несторомъ Франціи» и такой Несторъ управляетъ страною.

При всемъ этомъ, было бы трудно сказать, гдѣ собственно обрѣтается въ это время французское правительство. Въ Вер-

---

[1]) Пастушескій романъ Онорэ-Дюррэ (1566) 625. Въ продолженіе болѣе полустолѣтія эта безвкусная пастораль и нелѣпый герой ея Селадонъ плѣняли читающее барство. *Пр. Ред.*

сальскомъ замкѣ мы имѣемъ Нестора, короля, королеву, министровъ и писцовъ съ грудами крѣпко перевязанныхъ бумагъ, но гдѣ правительство? Вѣдь правительство такая вещь, которая правитъ, направляетъ, принуждаетъ, если нужно. Ничего подобнаго не видать во Франціи. Невидимое, неорганизованное, однако оно есть же: въ философскихъ салонахъ, въ галлереяхъ oeil de boeuf'а, на языкѣ говоруновъ, въ перѣ памфлетчиковъ. Ея величество появляется въ оперѣ и встрѣчена рукоплесканіями; она удаляется съ лицомъ сіяющимъ отъ восторга. Съ теченіемъ времени, апплодисменты становятся слабѣе и грозятъ совершенно смолкнуть; сердце е. в. огорчено и сіяніе изчезаетъ съ физіономіи. Неужели верховная власть во Франціи жалкій воздушный шаръ, который наполняется духомъ народнымъ, летитъ высоко и падаетъ измятый и сплющенный на земь, какъ скоро изчезнетъ этотъ двигатель? Франція долгое время была «деспотизмомъ, сдерживаемыхъ эпиграммами,» ну, а теперь, кажется, эпиграммы взяли верхъ.

Юный Людовикъ желанный счелъ бы для себя счастіемъ сдѣлать Францію счастливою, если бы это было не такъ трудно, да если бъ онъ умѣлъ взяться за дѣло. Но вокругъ него безконечная разноголосица; только и слышитъ, что неудовольствія и вопли; истинное смѣшеніе языковъ! Уладить и подавить невозможно для человѣка, если онъ не сильнѣйшій и не мудрѣйшій изъ людей; самъ Морпа, милѣйшій шутникъ и самый податливый флюгеръ, едва въ состояніи стоять на ногахъ въ этой суматохѣ. Философія требуетъ своей новой эры, а это значитъ многое множество вещей, и требуетъ громо-

гласно, потому что вся Францiя, доселѣ безмолвная, въ свою очередь заговорила, и говоритъ въ томъ же смыслѣ. Голосъ огромный, на тысячу ладовъ, хотя далекiй, но производящiй впечатлѣнiе. Съ другой стороны, oeil de boeuf, будучи ближе, говоритъ слышнѣе и съ крикливою запальчивостью требуетъ, чтобы монархiя оставалась тѣмъ же, чѣмъ и прежде, рогомъ изобилiя, откуда вѣрные придворные могли бы черпать вволю для вящшей поддержки престола. Пускай себѣ наступаютъ новая эра и либерализмъ, если уже этого имъ очень хочется, но королевской подачки не уменьшать! Къ несчастiю, послѣднее-то условiе и неисполнимо.

Философизмъ, какъ мы уже видѣли, добился назначенiя Тюрго государственнымъ контролеромъ, значитъ реформамъ не будетъ конца. Къ сожалѣнiю, Тюрго могъ продолжать только двадцат мѣсяцевъ. Будь у него чудесный кошелекъ Фортуната въ казнѣ, онъ удержался бы дольше; да и вообще всякому министру финансовъ во Францiи, который въ такое время хочетъ имѣть успѣхъ, не мѣшаетъ начать съ того, чтобы запастись такимъ сказочнымъ кошелькомъ. Но и здѣсь нельзя не замѣтить заботливости всеблагой природы относительно свѣтлыхъ упованiй.

Одинъ за другимъ, люди подходятъ къ Авгiевымъ конюшнямъ, каждый въ полномъ убѣжденiи, что ему-то и выпало на долго ихъ очистить, истрачиваетъ съ юношескимъ рвенiемъ небольшой запасъ своего умѣнiя, и дѣйствительно дѣлаетъ хоть что нибудь потому только, что честенъ. Тюрго обладаетъ великими достоинствами: безкорыстiемъ, предусмотрительностiю, но у него нѣтъ

волшебнаго кошелька. О восторженный контролеръ! Цѣлая мирная революція можетъ быть формулирована въ головѣ мыслителя, но кто уплатитъ требуемыя безчисленныя «вознагражденія?» Увы! далеко до спокойной реформы! На самомъ порогѣ дѣла онъ предлагаетъ на духовенство, дворянство и даже парламенты положить налогъ, одинаковый съ простымъ народомъ! Единодушный крикъ негодованія и изумленія раздается въ галлереяхъ дворца; мосье де Морпа приходитъ время вертѣться флюгеромъ; бѣдный король, написавшій ему нѣсколько дней тому назадъ «только мы съ вами любимъ народъ,» долженъ теперь писать ему отставку [1]), а Французской революціи предоставить идти своимъ чередомъ, мирно ли, нѣтъ ли, какъ придется.

Итакъ, надежды на время отсрочены, но не изчезли, не ослабли. Такъ напримѣръ, не имѣемъ ли мы удовольствія видѣть въ Парижѣ нашего патріарха Вольтэра послѣ такой долгой разлуки? Вотъ онъ, старикъ, со сморщеннымъ донельзя лицомъ, въ громадномъ парикѣ a la Luis XIV, изъ котораго только и видно, что глаза, горящіе какъ уголья [1]). Что за восторгъ! Скептическій Парижъ внезапно сдѣлался набожнымъ въ поклоненіи герою. Благородные переодѣваются половыми, чтобы только увидать его; прелестнѣйшія красавицы Франціи охотно бы подостлали ему подъ ноги свои волосы. Его экипажъ — ядро кометы, хвостъ которой наполняетъ улицы. Въ театрѣ онъ увѣнчанъ кликами неунимающагося восторга; словомъ, онъ «зады-

[1]) Въ Маѣ 1776 года.

[1]) Въ Февралѣ 1778 г.

хается подъ розами»; старикъ Ришельё совѣтовалъ ему опій для успокоенія нервовъ, но патріархъ, не знавшій умѣренности, и тутъ хватилъ лишнее. Даже ея величество думала было послать за нимъ, но была удержана во-время. А слѣдовало бы всякому величеству твердо помнить слѣдующее: жизнь этого человѣка была посвящена поруганію и уничтоженію всего, что составляетъ основу величества и религіи и не съ этой ли точки зрѣнія смотритъ на него свѣтъ!

Онъ устроиваетъ ему апоѳеозъ, какъ своему пророку и провозвѣстнику, который премудро выразилъ то, что онъ самъ желалъ выразить. Прибавьте только, что тѣло этого всеблаженнаго патріарха, задушеннаго цвѣтами, нельзя было похоронить иначе, какъ тайкомъ. Въ итогѣ все это представляетъ собою замѣчательное дѣло, и Франція, вѣрно, въ послѣднемъ періодѣ беременности (guter Hoffnung, говорятъ нѣмцы); такъ пожелаемъ же мы ей счастливыхъ родовъ и здороваго дѣтища.

Бомарше также написалъ свои мемуары [1]) не безъ пользы для себя и для другихъ. Каронъ Бомарше [2]) (или де-Бомарше, такъ какъ онъ возведенъ въ дворянство) родился бѣднымъ, но честолюбивымъ, талантливымъ, смѣлымъ, съ способностью къ интригамъ. Этотъ худой человѣкъ носилъ на себѣ отпечатокъ неукротимой энергіи. Судьба и собственная ловкость привели его къ придворнымъ клавикордамъ добрыхъ принцессъ Logue и Graille. Но что еще лучше этого, придворный банкиръ Парисъ-Дювернье удостоиваетъ его

[1]) 27 Іюля 1778 г.
[2]) 1773—76 г.

своимъ довѣріемъ, впослѣдствіи даже въ денежныхъ дѣлахъ. Но этого довѣрія онъ не сохранилъ при знатномъ пріемникѣ Дювернье. Напротивъ, изъ этого возникъ процессъ, въ которомъ энергическій Бомарше, теряя въ одно время и добрую славу, и свои деньги, побитъ по мнѣнію судьи — докладчика Гезмана, парламента Морпу и всѣхъ равнодушныхъ людей, побитъ самымъ жалкимъ образомъ. Но въ собственномъ мнѣніи онъ не разбитъ. Вдохновленный негодованіемъ, которое производятъ, если не стихи, то по крайней мѣрѣ сатирическія записки; уязвленный учитель музыки, съ геройскимъ отчаяніемъ, подымаетъ дѣло, проигранное въ общественномъ мнѣніи, борется изъ-за него съ судьями, парламентами и властями, сражается тонкой ироніей, крѣпкой логикой. Удивительная ловкость, разнообразіе, и неутомимая сила возбуждали всеобщее участіе къ фехтованію первокласснаго бойца. Три долгихъ года исходъ дѣла колеблется. Наконецъ, послѣ геркулесовыхъ трудовъ, неукротимый Каронъ торжествуетъ, выигрываетъ снова всѣ свои процессы, срываетъ съ докладчика Гезмана горностаевую мантію и взамѣнъ ея набрасываетъ на его личность несмываемый комизмъ; что до парламента Морпу (къ упраздненію котораго онъ много содѣйствовалъ), до всѣхъ парламентовъ вообще и французской юстиціи, онъ всѣхъ заставляетъ призадуматься. Вотъ какъ удалось Бомарше, худощавому французскому геркулесу, забрести далеко въ адскія бездны и торжественно смирить адскихъ церберовъ. Отнынѣ онъ принадлежитъ къ знаменитостямъ своего поколѣнія.

ГЛАВА V.

ВОЗВРАЩЕНІЕ АСТРЕИ, НО БЕЗЪ ДЕНЕГЪ.

Посмотрите-ка между тѣмъ, что дѣлается за Атлантическимъ океаномъ: не тамъ ли истинная заря новыхъ дней? Какъ мы уже сказали, демократія родилась и борется за жизнь и побѣду. Симпатизирующая Франція привѣтствуетъ рукоплесканіями возрожденіе правъ человѣка; во всѣхъ гостинныхъ говорятъ: что за зрѣлище! Посмотрите же теперь на нашего Дина, Франклина, на американскихъ уполномоченныхъ, которые лично ведутъ переговоры и просятъ о помощи. Сыны саксонскихъ пуританъ съ своимъ древнимъ саксонскимъ темпераментомъ, древней еврейской культурой; благочестивый Силасъ, благочестивый Веніаминъ, служатъ такому дѣлу здѣсь среди легкомысленныхъ дѣтей паганизма, монархіи, сантиментальности и легкой женщины. Дѣйствительно, это великое зрѣлище, хотя философъ Кайзеръ Іосифъ на вопросъ по этому поводу далъ такой неожиданный для философа отвѣтъ: сударыня, мое ремесло быть роялистомъ.

Такъ думаетъ и пустомеля Морпа, но вѣтеръ философіи и сила общественнаго мнѣнія повернутъ его въ противоположную

сторону. Покамѣстъ пересылаются братскими привѣтствіями и пожеланіями. Частныя лица тайкомъ снаряжаютъ каперскіе корабли. Поль-Джонсъ снаряжаетъ своего bon homme Richard; оружіе, военные запасы могутъ быть доставлены контрабандой (если только Англичане не накроютъ ихъ). Бомарше принимаетъ участіе въ этомъ дѣлѣ и набиваетъ свои карманы. Но во всякомъ случаѣ Франціи слѣдуетъ имѣть свой флотъ. А не теперь ли самое удобное время, такъ какъ у гордой владычицы морей заняты руки? Конечно, обѣднѣвшая казна не можетъ строить кораблей, но это сдѣлаетъ Бомарше посредствомъ ловкаго внушенія (онъ самъ утверждаетъ, что взялъ на себя это дѣло); одна или двѣ вѣрныхъ гавани и торговыя палаты выстроятъ и предложатъ прекрасные корабли, которые поскачутъ по крутымъ валамъ. Между прочими «городъ Парижъ» будетъ Левіаѳаномъ кораблей.

Теперь представьте себѣ, что качаются на якорѣ даровыя трехпалубныя судна, украшенныя пестрыми флюгерами, а свободолюбимая философія заговариваетъ все громче и громче — ну что тутъ дѣлать какому нибудь Морпа? Вертись флюгеромъ по вѣтру и только. Эскадры переплываютъ океанъ, Гэтсъ, Ли, суровые генералы — янки «въ шерстяныхъ колпакахъ подъ шляпами» привѣтствуютъ по военному обычаю блестящее французское рыцарство; и не безъ удивленія видитъ возстающая демократія, какъ рядомъ съ нею сражается «деспотизмъ, ограниченный эпиграммами.» Однако, какъ ни удивительно, а это дѣйствительно такъ. Войска короля и геройскіе волонтеры: Рошамбо, Булье, Ламетъ, Ла-

файетъ обнажили шпаги за святое дѣло и обнажатъ ихъ въ другой еще разъ, но очень страннымъ образомъ.

Со стороны Юшанта доносится громъ морскаго сраженія, при шумѣ котораго герцогъ Шартрскій дѣйствительно ли, какъ говорятъ, спрятался въ трюмѣ, или же своей отвагою способствовалъ побѣдѣ? Увы! вслѣдъ за тѣмъ мы узнаемъ, что не было никакой побѣды, или что она принадлежитъ англичанину Кеппелю [1]). Бѣдному молодому принцу пришлось испытать на себѣ, какъ скоро аплодисменты, встрѣчавшіе его въ оперѣ, могутъ превращаться въ насмѣшливое хихиканье. Не быть ему генералъ-адмираломъ; отсюда источникъ бѣдствій, можно сказать, неизсякаемыхъ.

Горе и «городу Парижу», Левіаѳану кораблей! Англичанинъ Родни захватилъ его багромъ и отвелъ къ себѣ вмѣстѣ съ другой добычей; такъ удаченъ былъ его новый маневръ разбивать непріятельскій строй [2]). Кажется, сбываются слова Людовика XV: «Франціи не суждено имѣть флота». Храбрый Сюффрэнъ долженъ вернуться отъ Идеръ-Али и индійскихъ водъ, правда, безъ большихъ результатовъ, но съ великою славою шести непораженій; это, въ концѣ концовъ, нельзя не назвать геройствомъ, если вспомнить, какъ его поддерживали; пусть же отдыхаетъ среди родныхъ Севенскихъ горъ старый морской герой, уважаемый Франціею. Пусть дымятся передъ нимъ не пушки, а старыя кухонныя трубы замка Жалесъ, которому, со временемъ, въ другихъ рукахъ предстоитъ другая слава. Храбрый Лаперузъ скоро подниметъ якорь, чтобы

---

[1]) 27 Іюля 1778.

[2]) 9 и 12 апрѣля 1782.

предпринять филантропическое путешествіе съ цѣлью новыхъ открытій, такъ какъ король занимается географіей. Но увы! и тутъ неудача: отважный мореплаватель уѣзжаетъ и не возвращается. Напрасно изслѣдователи отправлялись разыскивать его въ дальнихъ моряхъ: онъ изчезъ, не оставивъ слѣдовъ въ синѣющей дали; осталась отъ него только грустная и таинственная тѣнь у всѣхъ въ умѣ и сердцѣ.

Нечего расчитывать также на взятіе Гибралтара, пока длится война, хотя тамъ и находятся Крильонъ, Нассау-Зигенъ съ ученѣйшими инженерами, и принцы Конде и Артуа, прилетѣвшіе на подмогу. Чудесныя пловучія батареи, обшитыя кожею, спущенныя въ силу франко-испанскаго pacte de famille шлютъ энергическія требованія, но Гибралтаръ, не смущаясь, отвѣчаетъ плутонически потоками расканеннаго желѣза, точно Кальпейская скала превратилась въ жерло вулкана, произносящее такое грозное «нѣтъ», которому всѣ люди должны вѣрить. А потомъ, послѣ страшнаго взрыва, утихла военная буря; можно надѣяться на вѣчное царство мира. Благородные волонтеры свободы вернулись ея миссіонерами. Несравненный Лафайетъ блистаетъ въ придворныхъ собраніяхъ; его бюстъ поставленъ въ Парижской ратушѣ. Демократія осталась неодолимою, безпредѣльною властительницей новаго свѣта. Она даже собирается ступить на старое полушаріе, а наши французскіе финансы, которымъ отъ того мало прока, находятся въ плохихъ обстоятельствахъ.

Что дѣлать съ финансами? Вотъ, дѣйствительно, громадный вопросъ, небольшое, но черное облачко на горизонтѣ,

грозный симптомъ, котораго не разгонитъ и не скроетъ все сіяніе свѣтлыхъ надеждъ. Мы видѣли какъ Тюрго былъ съ воплемъ изгнанъ изъ контроля за то, что не имѣлъ волшебнаго кошелька. Г. де-Клюньи не съумѣлъ повести дѣло на лучшій ладъ; онъ даже ничего не съумѣлъ сдѣлать, развѣ только то, что весьма исправно проживалъ свое жалованье, не добившись «мѣстечка въ исторіи,» гдѣ онъ проходитъ какъ безполезная тѣнь, предоставляя дѣламъ устроиваться, какъ имъ угодно. Наконецъ, не владѣлъ ли женевецъ Неккеръ завѣтнымъ кошелькомъ? Онъ обладалъ банкирскою сноровкою, банкирскою честностью, разнороднымъ кредитомъ; писалъ онъ «опыты» на академическія преміи, полемизировалъ за индійскія компаніи, давалъ обѣды философамъ и въ двадцать лѣтъ сколотилъ большое состояніе. Онъ обладалъ сверхъ всего этого величественною угрюмостью, обличающей или глубину, или заспанность. Какъ странно было селадону - Гиббону, этому невѣрному пастушку, отецъ котораго ѣздилъ въ кабріолетѣ и не хотѣлъ слышать о неравномъ бракѣ — видѣть свою покинутую красавицу, мадмуазель Киршо между высшими міра сего, въ качествѣ супруги министра, и Неккера «вовсе не ревнивымъ».

Молодая барышня, которая со временемъ будетъ знаменита, подъ именемъ г-жи де-Сталь, играетъ теперь на колѣняхъ автора «упадка и паденія Римской имперіи.» Г-жа Неккеръ основываетъ больницы, даетъ торжественные философскіе обѣды для поддержанія истощеннаго генералъ-контролера. Странныя происходятъ вещи, благодаря крикамъ философизма, управленію маркиза де-Пезэ и бѣдности, одолѣваю-

щей самихъ королей. И вотъ такъ-то, Неккеръ, на подобіе Атласа, въ продолженіи пяти лѣтъ, выноситъ финансы на своихъ плечахъ, безъ жалованія, (онъ отъ него отказался), поддерживаемый только общественнымъ мнѣніемъ и помощью благородной жены своей. У него много идей, но врожденная застѣнчивость не позволяетъ ему высказывать ихъ. Его «отчетъ», напечатанный съ дозволенія короля, новый признакъ новой эры, сулитъ золотыя горы: но нуженъ весь геній Атласа-Неккера, чтобы эти чудеса не обратились въ бѣдствія. Въ головѣ Неккера цѣлая мирная революція, совершенно своеобразная, и за молчаливостью мрачнаго глубокомыслія или глубокомысленной мрачности — какъ хотите — не мало скрывается честолюбія.

Но при всемъ томъ его волшебный кошелекъ оказывается, увы, тѣмъ же старымъ средствомъ бережливости. Мало этого, у него также свой планъ налога: налогъ на духовенство, на дворянство; провинціяльныя собранія и все остальное какъ у Тюрго. Еще разъ приходится умирающему де-Морпа повернуть свой флюгеръ. Пусть же удаляется Неккеръ, оставляя по себѣ не мало сожалѣній.

Онъ сталъ великъ въ положеніи частнаго человѣка. Издалека, до поры до времени, онъ наблюдаетъ. Восемьдесятъ тысячъ экземпляровъ новаго его сочиненія, озаглавленнаго «Управленіе финансами», раскуплено въ нѣсколько дней. Онъ удалился, но вернется обратно, и не одинъ разъ, на рукахъ ликующей націи. Странный генералъ-контролеръ финансовъ, когда-то бывшій прикащикомъ въ банкѣ Тэлюссона!

ГЛАВА VI.

МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ.

Такъ-то идутъ дѣла на свѣтѣ, въ бумажное время грядущихъ надеждъ; не безъ препятствій, конечно, не безъ воинственныхъ взрывовъ, которые издалека не портятъ общаго впечатлѣнія, а кажутся аккордами веселаго военнаго марша. Лишь бы темный живой хаосъ невѣжества и нищеты, который вы держите подъ ногами, господа, лишь бы онъ не вздумалъ начать свою серенаду въ двадцать пять милліоновъ голосовъ!

А покамѣстъ, не угодно ли вамъ обратить вниманіе на гулянье Лоншанъ (Longchamp) въ то время, когда кончается постъ, и все, что есть славнаго въ Парижѣ и въ цѣлой Франціи, выѣзжаетъ на показъ, по ежегодному обычаю, не затѣмъ, конечно, чтобы присутствовать на messe de tenebres, а чтобы поблестѣть при яркомъ солнышкѣ, привѣтствовать возвращающуюся весну [1]). Толпа многочисленная, пестрая, съ золотымъ отливомъ, тянется чрезъ Булонскій лѣсъ, длин-

---

[1]) Mercier, Tableau de Paris, t. II, p. 51. Louvet, Roman de Faublas.

ными разноцвѣтными рядами, словно длинныя аллеи живыхъ цвѣтовъ: тюльпаны, георгины, лиліи, всѣ въ подвижныхъ цвѣточныхъ банкахъ, въ каретахъ, вызолоченныхъ за-ново: чары зрѣнія, гордость жизни. Такъ катится и пляшетъ шествіе, спокойно и съ твердою увѣренностію, точно оно катается по алмазу, по самымъ крѣпкимъ основамъ міра, а не по простому геральдическому пергаменту, подъ которымъ клокочетъ огненное озеро. Пляшите, пляшите безумные. Вы не искали мудрости, и, конечно, не нашли ее. Вы и отцы ваши сѣяли вѣтры и пожнете бурю. Развѣ не давнымъ-давно написано: плата за грѣхъ — смерть?

Но на гуляньи, какъ вездѣ, мы между прочимъ замѣчаемъ, что и дамы и кавалеры имѣютъ при себѣ, въ качествѣ прислуги, какого-то генія хранителя въ человѣческомъ образѣ подъ именемъ жокей: молодой, но уже поблекшій мальчикъ, съ вялымъ отпечаткомъ преждевременнаго порока, лукавства, всякой чертовщины, годный на разное употребленіе. Названіе жокей заимствовано отъ англійскаго, и маленькое твореніе думаетъ, что оно тоже англійскаго происхожденія. Англоманія, дѣйствительно, сдѣлала большіе успѣхи, что предвѣщаетъ многое въ будущемъ. Если Франціи суждено быть свободною, почему бы, покончивъ безумную войну, и не полюбить сосѣднюю свободу? Развитые умы, какъ ваши герцоги де-Ларошфуко, де-Ліанкуръ, удивляются англійской конституціи, англійскому національному характеру, стараются на сколько возможно вводить у себя все англійское.

Что полегче, особенно если легче вѣтра, то всего скорѣе принимается какъ по вдохновенію. Не адмиралъ герцогъ де-Шартръ

(который еще не называется Орлеанскимъ, или Egalité) снуетъ взадъ и впередъ черезъ проливъ, все англійскія моды вводитъ и, безъ сомнѣнія, кому же и вводить ихъ, какъ не ему, товарищу и близкому пріятелю принца Вэльскаго. У него англійскія кареты и сѣдла, сапоги съ отворотами и сюртуки. Теперь никто въ его лѣта не позволитъ себѣ иначе ѣхать рысью, какъ не *по англійски*, привставши на стременахъ и презирая старую посадку— вплотную, посредствомъ которой, говоря словами Шекспира, возили на рынокъ «масло да яица.» Сверхъ того, нашъ храбрый герцогъ можетъ еще похвастать своей быстротою ни у кого въ Парижѣ бичъ не бьетъ такъ смѣло и вѣрно какъ у его высочества.

Мы уже видѣли карликовъ жокеевъ, но вотъ уже іоркширскіе жокеи, которые мчатся на своихъ туземныхъ скакунахъ: англійскіе кони для французскихъ скачекъ «и этимъ мы обязаны его высочеству.» У графа д'Артуа также своя конюшня скакуновъ и сверхъ того странный ветеринаръ, какой-то лунатикъ, коренастый и суровый, изъ Невшателя въ Швейцаріи, по имени Жанъ-Поль Мара. Загадочный кавалеръ д'Эонъ то въ юбкахъ, то въ панталонахъ, является въ Парижѣ не менѣе загадочнымъ, чѣмъ въ Лондонѣ и вызываетъ пари и даже тяжбы. Прекрасные дни международной общительности! Жулики и прощалыги подаютъ другъ другу руки черезъ каналъ, обмѣниваются привѣтствіями. На Венсенскихъ и Саблонскихъ скачкахъ, смотрите, какъ величественно въ англійскомъ экипажѣ четвернею катитъ англичанинъ, докторъ Доддъ, между разными

сіятельствами и ракальствами, и ему не избѣжать висѣлицы [1]).

Герцогъ Шартрскій подавалъ блистательныя надежды, подобно многимъ юнымъ принцамъ; но, къ сожалѣнію, всѣ надежды оказались тщетными. Благодаря громадному Орлеанскому имуществу, имѣя тестемъ своимъ герцога Пентіевръ (а еще сверхъ того шуриномъ герцога Ламбальскаго, убитаго излишествомъ всякаго рода), онъ со временемъ будетъ богатѣйшимъ человѣкомъ Франціи, а покамѣстъ, у него вылѣзли волосы и кровь окончательно испорчена, благодаря непрерывнымъ оргіямъ. Прыщи такъ и гнѣздятся на его лицѣ: темные угри на полированно-мѣдномъ фонѣ. Да, пропащій человѣкъ этотъ юный принцъ! Все хорошее въ немъ преждевременно перегорѣло, оставивъ по себѣ только черный дымъ и пепелъ угасающей чувственности. Парижъ насмѣхается надъ его маніей къ кабріолетамъ; но ему дѣла нѣтъ до смѣха.

Съ другой стороны, вовсе не смѣшно, какъ онъ однажды задумалъ, ради корысти, занести святотатственную руку на сады Пале-рояля [2]). Цвѣточныя клумбы будутъ срыты; аллеи каштановыхъ деревьевъ будутъ срублены вмѣстѣ съ освященнымъ временемъ лѣскомъ, подъ сѣнью котораго обыкновенно бродили оперныя нимфы, гамадріады весьма осязаемаго свойства и доступныя для человѣка. Парижъ громко вопіетъ. Филидоръ [3]) изъ своего Café de la Régence не увидитъ болѣе зелени; гдѣ теперь будутъ разгуливать тунеядцы и вся-

---

[1]) Аделунгъ, исторія людской глупости: Доддъ.

[2]) 1781—1782 (Дюларъ, т. VIII, стр. 423).

[3]) Знаменитый шахматный игрокъ. *Пр. Ред.*

кая свѣтская разнобоярщина? Напрасный стонъ! Засверкалъ топоръ; священныя дебри рушатся съ трескомъ, потому что его сіятельство вовсе безъ гроша! Оперныя гамадріады убѣгаютъ съ плачемъ. Не плачьте гамадріады! Онъ окружитъ вашъ садъ новыми зданіями, новыми площадями; хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, но садъ будетъ разведенъ снова, украсится фонтанами, пушкой, которую солнце зажигаетъ въ полдень, разными тѣлесными и духовными вещами, которыя и во снѣ не снились человѣку; Пале-рояль по прежнему будетъ шабашемъ вѣдьмъ и пристанищемъ сатаны на нашей планетѣ.

Чего только не испытываютъ смертные? Изъ дальняго Аннонэ (въ провинціи Виварэ) братья Монгольфье пускаютъ въ небо свой бумажный куполъ, наполненный дымомъ сожженой шерсти [1]). Засѣданіе провинціальнаго земскаго собранія Виварэ отложено на этотъ день. Его члены рукоплещутъ. Ужъ не думаетъ ли торжествующій анализъ взобраться на небеса?

Парижъ узнаетъ объ этомъ съ изумленіамъ. Но скоро самъ увидитъ то же чудо. Изъ бумажной мануфактуры Ревельонъ, въ улицѣ Сэнтъ-Антуана (знаменитая мануфактура), подымается новое воздушное судно Монгольфье. Сначала утки и куры были пущены на воздухъ, а теперь люди дерзаютъ летѣть къ небесамъ [2]). Скоро химикъ Шарль приложитъ къ этому открытію силу водороднаго газа и проклеенную тафту. Химикъ Шарль самъ совершитъ воздушный полетъ изъ Тюлье-

---

[1]) 5-го іюня 1783.

[2]) Октября и ноября 1783.

рійскаго сада, а Монгольфье торжественно отрѣжетъ веревку. О Боже! Шарль поднялся, летитъ, и еще кто-то съ нимъ! Сотня тысячъ сердецъ трепещутъ, уста нѣмѣютъ отъ изумленія и страха; грянулъ крикъ, громадный, какъ голосъ моря, привѣтствовалъ воздушный корабль и полетѣлъ за нимъ въ невѣдомый путь. Онъ паритъ, подымается до тѣхъ поръ, пока не становится крошечнымъ кружечкомъ, въ родѣ едва замѣтной табакерки, которую называютъ: Turgotine-Ptatitude, въ родѣ новаго луннаго диска, виднаго среди бѣлаго дня. Наконецъ, онъ опускается, привѣтствуемый вселенною. Герцогиня де-Полиньякъ со своей компаніей ждетъ въ Булонскомъ лѣсу, не смотря на суровую зиму, 1-го декабря 1783. Все французское рыцарство, и во главѣ его герцогъ де-Шартръ, скачетъ къ нему на встрѣчу [1]).

Великолѣпное изобрѣтеніе, стремящееся къ небесамъ, такъ прекрасно, такъ неудержимо; эмблема многаго и даже нашего вѣка надеждъ, который тоже полетитъ вверхъ, благодаря своей специфической легкости, также величественно подымется и раскачается на воздухѣ, чтобы упасть куда судьба велитъ. Хорошо еще, если онъ не лопнетъ, какъ шаръ Пилатра, и не кончитъ трагическимъ взрывомъ! Такъ вотъ какимъ способомъ люди, взобравшись на мыльные пузыри, лѣзутъ на небо.

Посмотрите еще на доктора Месмера среди его обширныхъ магнетическихъ залъ. Онъ выходитъ облаченный въ ризу, торжественный, поднявъ очи къ небу, какъ будто

---

[1]) Лакретель, XVIII-й вѣкъ. Т. III, стр. 258.

въ общеніи съ божествомъ; гіерофонтъ древняго Египта въ новѣйшее время! Раздается тихая музыка, едва нарушая священное молчаніе, окружающее магнетическія таинства. На видъ представляются только кадки, наполненныя водою: кругомъ усаживаются красавицы и модные франты, въ благоговѣйномъ молчаніи, съ палочкою въ рукахъ; каждый кружокъ образуетъ «оживленный, страстный цвѣтокъ» въ ожиданіи магнетическаго тока и новоизобрѣтеннаго блаженства. О женщины, о люди, сильна ваша невѣрная вѣра! Тутъ сидитъ членъ парламента Дюпоръ, Бергассъ, д'Эспремениль, а рядомъ съ нимъ химикъ Бертоллэ по порученію герцога Шартрскаго.

Не вступись въ это дѣло академія наукъ (она вступается [1]) съ такими людьми во главѣ, какъ Бальи, Франклинъ, Лавуазье), Месмеръ могъ бы загрести хорошія деньги и удалиться съ ними. Пусть же онъ гуляетъ себѣ по берегамъ Баденскаго озера, близъ древняго города Констанса, размышляя о многомъ. Ибо вотъ какая добрая старая истина начинаетъ снова обнаруживаться и никакія фокусническіе снаряды не могутъ заслонить ее, а именно: человѣкъ— чудесное созданіе, съ его чудесною властью надъ другими людьми; онъ носитъ въ себѣ такую жизнь и вокругъ себя имѣетъ такой міръ, который никогда не разъяснитъ никакой торжествующій анализъ вмѣстѣ съ физіологіей и нервными системами, физикой и метафизикой. Вотъ почему шарлатанству всегда будетъ обильная пища.

---

[1]) Августа 1784.

ГЛАВА VII.

CONTRAT SOCIAL.

Въ такой послѣдовательности странныхъ призматическихъ цвѣтовъ, поочередно освѣщающихъ горизонтъ, приближается къ своему осуществленію эра упованій. Въ этомъ вся задача. Эра — основана на всеобщемъ благоволеніи, на торжествующемъ анализѣ и изцѣленномъ отъ безобразія порокѣ — тогда какъ въ самомъ фонѣ картины стоитъ черная масса изъ 25 милліоновъ дикихъ, которые голодные и отчаянные созерцаютъ свое, ecce signum» въ «сорокъ футовъ вышины.» Какъ же не быть тутъ задачѣ?

Во всѣ времена, если правда то, чему насъ учили, грѣхъ былъ, есть и будетъ родоначальникомъ бѣдствія: эта страна называется «христіаннѣйшею,» у нея и кресты и соборы, но первымъ священнослужителемъ какой нибудь Рошъ-Эмонъ, какой-нибудь Луи-де-Роганъ, кардиналъ ожерелья. Голосъ бѣднаго въ теченіи долгихъ лѣтъ остается невнятнымъ въ Jacqueries, въ бунтѣ за муку: жалкіе отголоски громаднаго стона! Земля къ нему глуха, только небо не глухо. Всегда впрочемъ, когда милліоны горько бѣдствуютъ, тысячи людей чувствуютъ себя не хорошо, нуждаются; лишь отдѣльныя единицы могутъ благоденствовать или, вѣрнѣе, раззоряться послѣ другихъ. Промышленность связанная, съ туго перетяну-

тымъ горломъ, точно она какая-нибудь дичъ для охотниковъ, доставляющая только забаву и лучшіе куски сильнымъ охотникамъ міра сего—промышленность отчаянно вопіетъ къ получающимъ хорошую плату покровителямъ и вождямъ: дайте мнѣ волю (laissez faire), не покровительствуйте мнѣ, не нужно мнѣ вашего надзора.» Въ этой Франціи какой рынокъ открытъ для промышленности? На два предмета есть запросъ и предложеніе: на насущные продукты сельскаго хозяйства, потому что милліонамъ людей нужно жить, да на утонченныя порожденія роскоши и возвышеннаго вкуса, разновидные и разнообразные, отъ оперныхъ мелодій до скаковыхъ лошадей и публичныхъ женщинъ, потому что человѣческимъ единицамъ нужно веселиться. Въ сущности, это странный, безумный порядокъ вещей.

Чтобы все это поправить и передѣлать, у насъ имѣется, правда, торжествующій анализъ. Честь ему и слава! Однако, что же произвелъ этотъ пресловутый анализъ внѣ лабораторіи и лавки? Онъ открывалъ несообразности и уничтожалъ ихъ. Всегда сомнѣніе было только вполовину чародѣемъ; оно вызывало духовъ, но не умѣло произвести заклинанія. Мы имѣемъ безконечныя пропасти туманной логики, гдѣ кружатся вихремъ и куда погружаются сперва слова, потомъ и вещи. Смотри въ глубину этой пропасти: то, что считаютъ основаніемъ надежды, на самомъ дѣлѣ, только предвозвѣщаетъ отчаяніе; это вѣчныя теоріи о человѣкѣ, о разумѣ человѣка, о прогрессѣ человѣческаго рода, о философіи правительства и такъ далѣе. Время, Монтескье и Мабли, орудія времени, открыли множество вещей; а теперь Жанъ-Жакъ не провозгласилъ

ли свое новое евангеліе «общественнаго договора,» объясняющаго всѣ тайны правительства и какъ оно выторговывается, и какъ оно контрактуется для удовлетворенія всѣхъ? Государственныя теоріи! Они всегда возникаютъ въ эпохи упадка. Оцѣните ихъ по достоинству, какъ средства дѣйствія природы, ничего не дѣлающей даромъ, какъ шагъ дальнѣйшаго движенія. Но какая теорія вѣрнѣе той, что всякая теорія, какимъ бы громаднымъ трудомъ ее ни выработали, есть и по самому своему условію должна быть неполна, загадочна и ложна. Знай же, что этотъ міръ и есть то, что онъ самъ о себѣ заявляетъ — безконечность. Не пытайся проглотить его твоею логикою: будь благодаренъ, если тебѣ удастся кое-гдѣ въ хаосѣ утвердить ту или другую прочную колонну, чтобы не дать ему поглотить тебя.

Новое молодое поколѣніе промѣняло свой скептицизмъ на слѣпую вѣру въ евангеліе отъ Жанъ-Жака. Вотъ это большой шагъ и предвѣщаетъ многое.

Да будетъ благословенна надежда! Всегда, во всѣ времена были предсказываемы какіе-нибудь тысячелѣтніе сроки для блаженства, для святости, но что достовѣрно — никогда не было предсказано тысячелѣтія, съ котораго начнется простое благосостояніе и изобиліе. О друзья мои! не вѣрьте вы этимъ пророчествамъ о медовыхъ рѣкахъ съ непремѣннымъ счастіемъ, благодушествомъ и изцѣленнымъ порокомъ. Человѣка нельзя назвать счастливымъ животнымъ; у него такой страшный аппетитъ къ хорошей пищѣ! Какъ же бѣдному человѣку найти себѣ въ этомъ мірѣ, который подавляетъ его подобно бурнымъ угрожающимъ волнамъ безконечнаго моря, какъ

же ему найти, я уже не говорю счастіе, а хоть существованіе, мѣсто, гдѣ можно остановиться безъ того, чтобы не вооружаться для постояннаго перенесенія всѣхъ бѣдствій? Горе ему, если въ его сердцѣ нѣтъ святой вѣры, если слово «долгъ» потеряло для него всякій смыслъ. Что касается до сантиментальнаго чувства, принаровленнаго къ романамъ и патетическимъ случаямъ, оно никуда не годится; это менѣе, чѣмъ ничто. Здоровое сердце, говорящее само себѣ: «сколь я здраво,» уже впало въ худшую изъ болѣзней. Сантиментальность не сестра ли притворству или, скорѣе, не то ли самое? Это притворство не есть ли materia prima діавола, откуда возникаютъ всякая фальшъ и мерзость, отъ которыхъ не можетъ родиться ничего истиннаго? Потому что притворство есть уже двойная дистиллированная ложь, ложь въ квадратѣ.

Ну, а если цѣлая нація впадетъ въ нее? Въ такомъ случаѣ отвѣчаю: она непремѣнно отъ нея отрѣшится. Вѣдь жизнь не есть искусственно комбинированное обольщеніе или самообольщеніе, нѣтъ, что ты живъ, что у тебя желанія, потребности — великая истина, и онѣ удовлетворяются не иллюзіями, а фактами. Положитесь на то, что мы вернемся къ фактамъ, счастливымъ и несчастнымъ, смотря по степени нашей мудрости. Низшій, наименѣе похвальный фактъ, на который люди были вызваны нуждою — это людоѣдство: мнѣ мало, слѣдуетъ тебя пожрать. И что же? Неужели мы, нашими усовершенствованными теоріями, стремимся возобновить такой первобытный фактъ, принявъ его за исходную точку?

ГЛАВА VIII.

ПЕЧАТНАЯ БУМАГА.

Въ странѣ, столь практической какъ Франція, чтобы тамъ ни говорила теорія усовершимости, въ неудовольствіяхъ не можетъ быть недостатка; обѣщанная реформа неизбѣжна; между тѣмъ ея нѣтъ; кто же начнетъ ее съ самаго себя? Неудовольствія на то, что вокругъ насъ, а еще болѣе на то, что выше насъ постоянно возрастаютъ и ищутъ для себя новыхъ путей.

Не стоитъ говорить объ уличныхъ балладахъ, объ эпиграммахъ, издавна умѣрявшихъ деспотизмъ, равно какъ и о рукописныхъ новостяхъ (nouvelles à la main). Башомонъ и его веселая компанія могутъ закончить свои тридцать томовъ, наполненные шуточными разсказами, и отказаться отъ подслушиванія у чужихъ дверей; потому что, если и нѣтъ свободы прессы, то все-таки есть своеволіе. Памфлеты можно въ тихомолку и продавать и читать въ Парижѣ, когда на нихъ значилось: «печатано въ Пекинѣ.» Мы имѣемъ отъ этого времени *Courier d'Europe*, издававшійся въ Лондонѣ нѣкіимъ де-Морандомъ, пока еще не попавшимъ подъ гильотину. Тамъ же несвязный Лэнге, еще негильетинированный, можетъ издавать свои хриплыя ламентаціи и свою разоблаченную Бастилію (la Bastille dévoilé), такъ какъ въ собственной странѣ ему стало очень жар-

ко, и его выгнали оттуда его же товарищи адвокаты. Болтливый аббатъ Рейналь достигаетъ наконецъ исполненія своихъ желаній; онъ видитъ свою Histoire Philosophique, проникнутую похотливостью (lubricity), ложью и сводолюбивою напыщенностію (написанную, какъ говорятъ, философствующими сообща, хотя она и была издана подъ его именемъ и для его славы)—видитъ эту крикливую размазню, сожженною рукою палача, и отправляется странствовать въ качествѣ мученика. Книга вышла въ 1781 году и была послѣднею, сподобившеюся блаженства огня, такъ какъ и палачъ уже замѣтилъ, что это ни къ чему не ведетъ.

Въ судахъ, съ ихъ денежными тяжбами и съ дѣлами о разводѣ, короче вездѣ, гдѣ только была возможность заглянуть во внутреннюю домашнюю жизнь, какія можно было сдѣлать открытія! Парламенты Безансонскій и Эйскій гремятъ въ слухъ всей Франціи о любовныхъ похожденіяхъ и судьбѣ молодаго Мирабо. Онъ подъ опекою «друга людей,» въ государственныхъ темницахъ, въ полкахъ на походѣ, на чердакахъ нѣмецкихъ писателей и другихъ подобныхъ убѣжищахъ, «въ продолженіи двадцати лѣтъ учился сопротивляться деспотизму» людей и даже боговъ. Какъ! неужели подъ розовымъ покровомъ всеобщей благонамѣренности и возвращенія Астреи, святилище семейства такъ часто дѣлается печальною пустынею, шумнымъ убѣжищемъ распрей, земнымъ адомъ! Да, старый «другъ людей» имѣетъ также свою тяжбу о разводѣ и по временамъ все семейство, за исключеніемъ одного, сидитъ подъ замкамъ. Онъ много

писалъ объ реформѣ, объ эманципаціи міра, и между тѣмъ для его собственной надобности потребовалось шестьдесятъ lettres de cachet. Это человѣкъ свѣдущій, рѣшительный, даже съ сильными принципами; но въ немъ такая стихія, что онъ не могъ управлять ею и только разъярялъ ее. Прожорливость и корыстолюбіе — полнѣйшая противоположность нѣжности сердца! Безумцы же вы, которые ждете своего цвѣтущаго тысячелѣтія, приносящаго только изобиліе и любовь, — тысячелѣтія, съ его ручейками, несущими вино, съ его вѣтрами, дышащими музыкой, — и погружаете въ то же время всю основу вашей жизни въ грязь чувственности, которая, съ каждымъ днемъ становясь глубже и глубже, скоро превратится въ бездонную пропасть!

И посмотрите хоть на это неразгаданное происшествіе съ ожерельемъ. Красная шапка, кардиналъ Людовикъ Роганъ, сицилійскій острожникъ Бальзамо Каліостро, модная торговка госпожа Ламоттъ, «наружности очень пикантной;» самые высокіе сановники церкви кружатся въ вальпургіевой пляскѣ, съ шарлатанами пророками, мошенниками и публичными дѣвками; все незримое воинство сатаны выходитъ наружу и работаетъ безъ устали въ видимомъ адѣ на землѣ. Тронъ былъ приведенъ въ скандалезное столкновеніе съ каторгою. Изумленная Европа въ продолженіе девяти мѣсяцевъ толкуетъ объ этихъ мистеріяхъ; и ничего не видитъ, кромѣ лжи, которая все увеличивается новой ложью. Развратъ между вельможами и простыми людьми, обжорство, легковѣріе, тупоуміе и никакой силы, кромѣ силы голода. Плачь, прекрасная королева, проливай первыя слезы непритворной горести! Твое доброе

имя потемнено нечистымъ дыханіемъ, запятнано безвозвратно на всю твою жизнь. Никогда для тебя не будетъ ни сожалѣнія, ни любви въ сердцахъ живущихъ, пока не родится новое поколѣніе и пока не охладѣетъ твое сердце, изцѣленное отъ всѣхъ своихъ горестей. Эпиграммы дѣлаются не то чтобы болѣе острыми и ѣдкими, а жестокими, невыразимо свирѣпыми. 31 мая 1786 года презрѣнный кардиналъ Роганъ при выходѣ изъ Бастиліи былъ осыпанъ рукоплесканіями толпы, не потому, чтобы былъ любимъ или достоенъ любви, но потому, что имѣлъ врагами дворъ и королеву.

Какъ потемнѣла наша блестящая эра надежды! Все небо чернѣетъ отъ признаковъ близкаго урагана и землетрясенія. Это міръ осужденный! Нѣтъ ни тѣни повиновенія, которое дѣлаетъ людей свободными, быстро изчезаетъ и то повиновеніе, которое дѣлало людей рабами, по крайней мѣрѣ другъ друга. Теперь они рабы своихъ алчныхъ желаній, а, дѣлаясь рабами грѣха, въ то же время дѣлаются и рабами скорби. Посмотрите на эту массу, растлѣнную чувственностію и ложью, вокругъ которой глупо играетъ лучъ сентиментальности, въ сущности ничто иное, какъ фосфорическій свѣтъ гніенія, и надъ всѣмъ этимъ, какъ бы ковчегъ завѣта, мрачный монументъ висѣлицы «въ сорокъ футовъ вышины.» Прибавьте къ этому, что французская нація отличается особенною возбудительностію, которая имѣетъ свои добрыя, но и свои опасныя стороны. Бунтъ, взрывы невѣдомыхъ размѣровъ можно уже предвидѣть. Честерфильдъ писалъ: «есть уже всѣ симптомы, которые я встрѣчалъ когда либо въ исторіи.»

Поэтому, можемъ ли мы сказать, горе философизму, который разрушилъ религію, что называлось на его языкѣ подавлять нечестіе (écraser l'infame)? Горе, скорѣе, обратившимъ святыню въ скверну, достойную попранія. Горе всѣмъ живущимъ во времена поруганія и отчаянія! Нѣтъ, отвѣчаютъ куртизаны, это Тюрго, это Неккеръ съ ихъ глупыми нововведеніями, это королева съ ея незнаніемъ этикета, это онъ, это она, это то, это другое. Друзья мои! это каждый негодяй, который жилъ, думая своимъ шарлатанствомъ сдѣлать что-нибудь, а между тѣмъ ничего не дѣлалъ, кромѣ зла во всѣхъ сферахъ жизни, чистилъ ли онъ сапоги, или былъ высокимъ господиномъ. Все это (будьте увѣрены, никакая ложь даромъ не проходитъ) есть сѣмя, посѣянное для того, чтобы выросло; все это накоплялось въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, и теперь наступило время разсчета. И ужасно разразится гнѣвъ, скопившійся ко дню гнѣва. Братъ мой, не будь шарлатаномъ! Умри лучше, если хочешь послушать моего добраго совѣта; ты умрешь однажды—и правъ навсегда. Но эта богопротивная спекуляція носитъ въ себѣ такія проклятія, которыя тянутся долго послѣ тебя, когда самый барышъ, полученный тобою, давно издержанъ; да, тянутся, какъ сказалъ одинъ древній мудрецъ, чрезъ всю вѣчность; онѣ вписаны въ книгу суда Божія!

Отсроченная надежда заставляетъ скорбѣть наше сердце. Но она, какъ мы сказали, только отсрочена, но не разрушена. Поучительно и трогательно видѣть, какъ эта самая надежда все еще освѣщаетъ французскую націю среди жестокихъ ея судебъ. Мы постоянно будемъ видѣть надежду

свѣтящуюся, то въ дружескомъ приглашеніи, то въ словѣ гнѣва и угрозы, она сіяетъ какъ чистый свѣтъ небесный; она свѣтитъ, какъ красное зарево пожара; она блеститъ въ голубыхъ сѣрныхъ огняхъ въ мрачной области террора и не погасаетъ совершенно потому, что и у безнадежнаго есть тоже своего рода надежда. Вотъ почему наша эра можетъ быть названа эрою надежды, хотя въ самомъ печальномъ смыслѣ, такъ какъ ничего не остается, кромѣ надежды.

Но, если кто хочетъ окончательно знать, какой именно ящикъ пандоры предназначается быть открытымъ, это можно видѣть въ томъ, что есть симптомъ изъ симптомовъ по самой своей природѣ, въ литературѣ, переживающей эпоху. Аббатъ Рейналь, съ его похотями, съ его многорѣчивою крикливою напыщенностью, сказалъ свое слово, и вотъ скороспѣлое потомство отвѣчаетъ уже на другое. Взгляните на *свадьбу Фигаро*, которая послѣ многихъ затрудненій теперь поставлена на сцену и выдерживаетъ сотни представленій при громкихъ рукоплесканіяхъ. Какими достоинствами, какою внутреннею силою заслужила она столь огромный успѣхъ! Читатель нынѣшняго времени невольно при этомъ изумится, и однакожъ онъ увидитъ ясно, что эта піеса пріятно щекотала какое-то поползновеніе того времени; она высказывала то, что всѣ чувствовали и желали высказать. Мало существеннаго въ этомъ Фигаро; мелкія затянутыя интриги, мелкія мысли и сарказмы, притащенные за волоса; произведеніе тощее, сухое. Весь секретъ его въ томъ, что въ каждомъ его намекѣ всякій видитъ самого себя, свое положеніе, свои манеры.

Вотъ почему оно и выдержало сто представленій при смѣхѣ и рукоплесканіяхъ цѣлой Франціи. Говоритъ напримѣръ Фигаро самъ съ собою: «чѣмъ, ваша милость, заслужили вы такія блага?» и потомъ самъ же отвѣчаетъ: «тѣмъ, что потрудились родиться» (vous vous êtes donné la piene de naître); въ это время всѣ считаютъ обязанностью смѣяться, а знать, зараженная англоманіею, смѣется громче всѣхъ. Ибо можетъ ли быть большая опасность въ маленькой книжонкѣ? спрашиваетъ почтенный Каронъ и воображаетъ себѣ при этой жалкой эпиграммѣ, что сказалъ что нибудь дѣльное. Пріобрѣтшій золотое руно гигантской контрабандой, укротитель адскихъ собакъ въ парламентѣ Мопу, и наконецъ коронованный *Орѳей* французскаго театра, Бомарше стоитъ въ это время очень высоко и въ одной своей особѣ соединяетъ качества многихъ полубоговъ. Мы будемъ имѣть случай встрѣтиться съ нимъ еще разъ во время его заката.

Еще болѣе знаменательны двѣ книги, вышедшія наканунѣ достопамятнаго взрыва и читанныя всѣми съ жадностію: это *Павелъ* и *Виргинія* — Сэн-Піера и *кавалеръ Фобласъ* — Луве. Книги эти стоютъ вниманія, какъ послѣднее слово феодальной Франціи. Въ первой слышится какъ бы нѣкотораго рода — мелодія, стонъ умирающаго міра: вездѣ здоровая натура въ борьбѣ съ искусствомъ вѣроломнымъ и больнымъ; она не можетъ отъ него укрыться ни въ низкой хижинѣ, ни на самомъ отдаленномъ островѣ моря. Паденіе и смерть должны поразить возлюбленную, и, что всего замѣчательнѣе, самая смерть приходитъ здѣсь не по необходимости, а такъ, по этикету. Какое растлѣнное и без-

нравственное общество обнаруживается при этой чрезвычайной высотѣ стыдливости! Въ сущности однакожъ добрый Сэн-Піеръ строенъ, поэтиченъ, хотя и очень вялъ. Я бы назвалъ его книгу лебединою пѣснью старой умирающей Франціи.

Что касается до Луве, его никто не назоветъ гармоническимъ. И дѣйствительно, если этотъ жалкій Фобласъ есть предсмертное слово, то слово, высказанное на галерахъ закоренѣлыми негодяями; это клоакъ и даже безъ глубины клоака. Какая картина французскаго общества представлена въ ней. Сказать правду, не болѣе, картина духа того, кто написалъ ее. Впрочемъ здѣсь видѣнъ симптомъ очень многаго, и въ особенности симптомъ самаго общества, которое могло въ такомъ произведеніи находить для себя пищу.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ПАРИЖСКІЙ ПАРЛАМЕНТЪ.

ГЛАВА I.

ПРОТЕСТОВАННЫЕ БИЛЕТЫ.

Когда внутри невыразимый безпорядокъ и броженіе и на поверхности изъ множества разщелинъ тянется сѣрный дымъ, тогда вопросъ только въ томъ, чрезъ какую именно разще-

лину произойдетъ изверженіе? Чрезъ одинъ ли изъ прежнихъ кратеровъ? Или образуется новый? Въ каждомъ обществѣ есть свои выходныя трубы, это учрежденія. Даже въ Константинополѣ есть предохранительные клапаны: тамъ тоже неудовольствіе находитъ для себя выходъ—въ матеріальномъ огнѣ. По числу ночныхъ пожаровъ и повѣшенныхъ хлѣбниковъ, правительственная власть можетъ видѣть знаменія времени, измѣнять и сообразовать съ ними свою дѣятельность.

Мы можемъ сказать, что французское изверженіе безъ сомнѣнія попробуетъ прежде найти выходъ чрезъ старыя учрежденія, ибо въ каждомъ изъ нихъ есть или, по крайней мѣрѣ, бывало нѣкоторое сообщеніе съ внутренними глубинами; потому-то эти учрежденія и національны. Если бы онѣ сдѣлались даже личными учрежденіями и уклонились отъ своей первоначальной цѣли, и въ такомъ случаѣ препятствія въ нихъ меньше, нежели гдѣ нибудь. И такъ, чрезъ которое же изъ нихъ будетъ оно искать для себя выхода? Всякій наблюдательный человѣкъ можетъ угадать это: чрезъ судебные парламенты, и въ особенности чрезъ парижскій.

Какъ бы ни высоко стояли люди, они не могутъ быть недоступны вліянію своей эпохи, особенно люди дѣловые, которые, хотя бы и изъ судейскихъ креселъ, но при всякомъ движеніи приходятъ въ соприкосновеніе съ настоящею дѣятельностію и стремленіями людей. Парламентскій совѣтникъ, даже самъ президентъ, заплативши не дешево за свое мѣсто и разсчитывая въ то же время купить и общее уваженіе, захочетъ ли въ изящныхъ салонахъ или на философскихъ вечерахъ прослыть поборникомъ обскурантизма? Между длинными мантіями

въ Парижѣ найдется не одинъ патріотъ Малербъ, который считаетъ своимъ руководящимъ правиломъ совѣсть и общее благо; и не одинъ пылкій Эспремениль, стремящійся сдѣлаться Брутомъ. У Лепельтье, у Ламоаньона есть и титулы и богатство; но при дворѣ ихъ называютъ не иначе какъ noblesse de robe. Дюпонъ, отличающійся глубокими соображеніями, Фрето и Сабатье, извѣстные невоздержностью языка, всѣ эти господа питались болѣе или менѣе млекомъ Contrat Social. Что касается до всей корпораціи, эта патріотическая оппозиція не есть ли для нея борьба за собственные интересы? И такъ, возстань же Парижскій парламентъ, возобнови твою долгую битву! Развѣ парламентъ Мопу не былъ распущенъ съ безчестіемъ? Не теперь тебѣ бояться Людовика XIV съ его бичемъ, съ его олимпійскими взглядами, ни Ришелье и его бастилій; нѣтъ, нація вся за тебя: ты тоже (о небо!) можешь сдѣлаться великою политическою силою, и малѣйшее движеніе твоего парика изъ лошадиныхъ волосъ потрясетъ троны и династіи, ничѣмъ не хуже, какъ пропитанные благовоніемъ амврозіи кудри Юпитера.

Вѣтреннаго старика Морпа остепенила смерть въ концѣ 1781 года. «Ужъ не услышу больше шаговъ его въ комнатѣ надъ моей головою,» говорилъ добрый Людовикъ: конецъ шуточкамъ и пируетамъ. Докучливую дѣйствительность нельзя болѣе прикрывать острыми словами и отъ зла настоящаго дня отдѣлываться до завтра. Это завтра пришло и теперь предъ ними солидный флегматикъ Де-Верженъ; въ виду мрачныхъ фактовъ, подобно мрачному, но аккуратному прикащику (какимъ онъ нѣкогда былъ) онъ допускаетъ только то, чего нельзя отвергать, а тамъ ищи себѣ помощи, гдѣ знаешь;

онъ не поможетъ, въ немъ только прикащицкая дѣловая расторопность по обычной рутинѣ. Бѣдный король, постарѣвшій, но съ годами едва ли пріобрѣтшій болѣе опытности, долженъ самъ съ своею абсолютною бездарностью взяться за управленіе, и въ этомъ ему будетъ помогать королева блестящая, съ свѣтлымъ взоромъ, съ пылкими порывами; взглядъ ея свѣтелъ и даже благороденъ, но слишкомъ поверхностенъ, слишкомъ узокъ для такого дѣла. Управлять Франціею, какая огромная задача, а между тѣмъ сдѣлалось труднымъ управлять и oeil-de-boeuf. Если бѣдствующій народъ издаетъ стоны, то и дворъ стонетъ еще громче, потому что испытываетъ лишенія. Для oeil-de-boeuf непостижимо, какъ это во Франціи, странѣ такъ богатой источниками, можетъ изсякнуть рогъ изобилія; развѣ прежде этотъ рогъ не былъ постоянно полонъ? Тѣмъ не менѣе Неккеръ, съ своей системой бережливости, уничтожилъ болѣе шестисотъ мѣстъ, прежде нежели куртизаны успѣли удалить его, этого бережливаго финансиста-педанта. А вотъ еще другой педантъ—военный, Сенъ-Жермень, съ своими прусскими маневрами, съ своими прусскими идеями, что будто заслуга, а не геральдика, должна служить основаніемъ къ повышенію, возбудилъ неудовольствіе военныхъ; мушкатеры и много кой чего другаго было уничтожено; и онъ, подобно Неккеру, былъ однимъ изъ вашихъ гонителей, напрасно обижалъ бѣдный oeil-de-boeuf все, опрокидывая, смѣняя и уничтожая. Жалобамъ нѣтъ конца: повсюду скудость, опасеніе, oeil-de-boeuf узнать нельзя. Безенваль говоритъ, что въ это время дворъ находился въ такомъ унынiи, что и смотрѣть было жалко.

Впрочемъ неудивительно, что oeil-de-boeuf хандритъ, когда уничтожаютъ его мѣста. Ни одного мѣста нельзя уничтожить безъ того, чтобъ у кого нибудь не сдѣлалось легче въ кошелькѣ и тяжелѣе на сердцѣ. Вѣдь онъ даетъ работу промышленнымъ классамъ, мужчинамъ и женщинамъ, приготовляющимъ кружева, дорогіе духи, и всякаго рода пріятности, кто бы ни производилъ ихъ. Жалкія сбереженія! Однакоже онѣ продолжаются. Чрезъ нѣсколько лѣтъ будутъ уничтожены своры собакъ для травли волковъ и медвѣдей и соколиная охота. Мѣста будутъ падать, какъ осенніе листья. Герцогъ Полиньякъ заставляетъ молчать министерскую логику, доказывая, что мѣсто его уничтожено быть не можетъ, и потомъ, обратясь учтиво къ королевѣ, подаетъ ей просьбу объ отставкѣ, говоря: такъ угодно его величеству. Герцогъ Коаньи поступаетъ менѣе рыцарски, но все таки безуспѣшно. «Мы имѣли настоящую ссору съ Коаньи, говорилъ Людовикъ; но если бы онъ и прибилъ меня, я не сталъ бы порицать его.» О такихъ дѣлахъ можетъ быть только одно мнѣніе. Баронъ Безенваль, какъ человѣкъ независимый, безцеремонно говоритъ его величеству, что это ужасно: «ложась спать не бываешь увѣренъ, что завтра не проснешься бѣднѣе, чѣмъ былъ сегодня; вѣдь это хуже, нежели въ Турціи.»—Да, поистиннѣ, собачья жизнь.

Какъ странно это постоянное оскудѣніе королевской казны. И однакоже оно также несомнѣнно, какъ сама фактическая дѣйствительность; плачевный фактъ, камень преткновенія, спотыкаясь о которой, падаютъ одинъ за другимъ всѣ министры. Отъ недостатка ли фискальнаго генія

это происходитъ или отъ другаго какого нибудь недостатка, но разница между приходомъ и расходомъ слишкомъ ощутительна; въ приходѣ дефицитъ, надобно его наполнить, или онъ весь поглотитъ. Вотъ страшная задача, по видимому, неразрѣшимая, какъ квадратура круга. Контролеръ Жоли де Флери могъ только предложить новые займы, которые покрывались бы понемногу, и установить новыя таксы, не дававшія денегъ, а плодившія только неудовольствія и вопли. Также мало, или еще менѣе, могъ сдѣлать контролеръ Д'Ормсонъ, и если Жоли продержался годъ со днемъ, то Д'Ормсонъ служилъ не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и отретировался подъ тѣмъ предлогомъ, что король купилъ Рамбулье, предварительно не посовѣтовавшись съ нимъ. Такимъ образомъ къ концу 1783 года дѣламъ грозилъ рѣшительный застой. Вся человѣческая изворотливость казалась тщетною. Напрасно подвизается новое учрежденіе, «финансовый совѣтъ», напрасно суетятся интенданты финансовъ, генеральный контролеръ финансовъ; къ несчатію, нечего и контролировать. потому что финансовъ вовсе нѣтъ. Роковой параличъ поражаетъ общественное движеніе—насъ покрываетъ туча ослѣпленія или помраченія; неужели мы должны впасть въ мрачное и ужасное положеніе національнаго банкротства?

Великое дѣло банкротство. Это бездонная пропасть, куда низвергаются и гдѣ изчезаютъ всѣ общественныя и частныя фальши, обреченныя на это при самомъ рожденіи. Природа есть истина, а не ложь. Вы не можете ни сказать, ни сдѣлать лжи безъ того, чтобъ она послѣ долгаго или короткаго обращенія, подобно векселю, не возвратилась къ вамъ для

разсчета, и вы отвѣтите: нечѣмъ заплатить. Жаль только, что этотъ вексель бываетъ въ обращеніи очень долго и что первый, кто его выпустилъ, рѣдко бываетъ конечною его жертвой. Фальши и тяжесть зла, которое онѣ раждаютъ, переходятъ отъ одного къ другому, передаются изъ рукъ въ руки, отъ одного сословія въ другое и останавливаются окончательно въ низшихъ слояхъ безгласныхъ, которые съ заступомъ въ рукахъ, съ скорбію въ сердцѣ, съ пустымъ кошелькомъ, находятся ежедневно въ соприкосновеніи съ дѣйствительностію и не могутъ сообщить фальшамъ дальнѣйшаго движенія.

Однакоже замѣтьте, что хотя въ круговоротѣ общественной жизни ложь съ ея тяжестью всегда обрушивается на низшіе слои, но въ силу справедливаго закона возмездія—бѣдствія, которыя она производитъ, всегда болѣе и болѣе порываются вверхъ. Отсюда-то и происходитъ, что послѣ продолжительныхъ страданій и полуголода этихъ двадцати милліоновъ душъ, какой нибудь герцогъ Коаньи и его величество доходятъ наконецъ до рѣшительной ссоры. Таковъ законъ правосудной природы, приводящій дѣла чрезъ длинные промежутки къ первоначальной ихъ точкѣ отправленія, хотя бы это было путемъ банкротства.

Но съ кошелькомъ Фортуната въ карманѣ, какъ долго можетъ продлиться какая бы то ни была фальшъ? Ваше общество, ваша домашняя жизнь, ваша дѣятельность матеріальная и духовпая, —все это лживо, неправедно, оскорбительно въ очахъ Бога и людей. Но пусть очагъ вашъ будетъ теплъ, кладовыя полны и многочисленные слуги съ нѣкотораго рода естественной вѣрно-

сти будутъ толпиться вокругъ васъ и доказывать памфлетами и ружьями, что все это истина, если и не безъ примѣси, что совершенно невозможно на землѣ; по крайней мѣрѣ истина умѣреннаго свойства (какъ вѣтеръ для стриженой овцы), истина, съ которой все идетъ хорошо. Но какъ все измѣняется, когда и кошелекъ и кладовыя пусты! Если ваша дѣятельность была такъ правильна, такъ согласна съ законами природы, то скажите во имя неба, какимъ чудомъ природа съ своею безконечною благостью привела къ вамъ голодъ? Для каждаго мужчины, каждой женщины, каждаго ребенка, становится тогда несомѣннымъ, что ваша дѣятельность — ложь. Честь и слава банкротству, всегда справедливому въ общемъ масштабѣ, какъ оно ни жестоко въ подробностяхъ: оно не перестаетъ подводить мины подъ ложь. Какъ бы высоко ни поднялась ложь, хотя бы она поднялась до неба и покрыла всю землю, наступитъ день, когда банкротство смететъ ее съ лица земли и осводитъ отъ ней.

ГЛАВА II.

КОНТРОЛЕРЪ КАЛОННЪ.

Въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ, при общемъ оцѣпенѣнiи и болѣзненномъ разслабленiи, когда безнадежный дворъ думалъ, что фискальный генiй совсѣмъ оставилъ мiръ, чье

появленіе могло быть принято съ такою радостью, какъ не появленіе Калонна! Человѣкъ несомнѣнной геніальности, даже финансовый геній въ большей или меньшей степени,—опытный въ управленіи финансами и парламентомъ, потому что былъ интендантомъ въ Меццѣ и Лиллѣ и королевскимъ прокуроромъ въ Дуэ. Человѣхъ съ вѣсомъ и въ связяхъ съ капиталистами, съ именемъ незапятнаннымъ, за исключеніемъ маленькаго грѣшка (что показалъ письмо своего кліента) въ старомъ дѣлѣ Д'Эгильомъ—Лашалотэ, давно забытомъ. У него есть родственники съ туго набитымъ кошелькомъ, который всегда пользуется уваженіемъ на биржѣ. Для него интригуютъ наши Бертье, Фулоны; старому Фулону только и дѣла, что интрига, и хотя онъ извѣстенъ подъ именемъ чего-то въ родѣ плута, за то богатъ и изъ коммиссаріатскаго писаря, какимъ былъ нѣкогда, какъ думаютъ, можетъ сдѣлаться министромъ.

Таковы-то щиты и подпоры Калонна, а въ немъ-то самомъ какія качества! Надежда сіяетъ на его лицѣ, на языкѣ у него убѣжденіе, для каждой трудности онъ имѣетъ готовое средство и хочетъ заставить міръ катиться предъ собою на колесахъ. Ноября 3-го 1783 года oeil-de-boeuf поздравилъ себя съ новымъ генеральнымъ контролеромъ. Калоннъ тоже сдѣлаетъ свою попытку, и Калоннъ въ свою очередь не хуже Тюрго и Неккера приблизитъ развязку, прольетъ новый свѣтъ на нашу эру надежды, имѣющую нынѣ слишкомъ свинцовый отливъ, и осуществитъ ее.

Во всякомъ случаѣ велико счастіе oeil-de-boeuf. Бережливость изгнана изъ королевсваго жилища, уничтоженіе мѣстъ прекратилось, Безенваль можетъ спокойно ложиться

спать, не опасаясь проснуться обобраннымъ; веселое изобиліе, вызванное какъ бы волшебствомъ, возвратилось и льетъ довольство изъ рога, снова наполнившагося. И посмотрите, что за пріятныя манеры! Контролеръ нашъ всегда отличается привѣтливой улыбкою, онъ выслушиваетъ всѣхъ съ видомъ участія и даже съ предупредительностію, самъ разъясняетъ ихъ желанія, соглашается на нихъ прямо или, по крайней мѣрѣ, даетъ условныя обѣщанія. «Боюсь, не было бы это трудно,» говоритъ королева. «Государыня, отвѣчаетъ контролеръ, если только трудно, то дѣло уже сдѣлано; если невозможно, то будетъ сдѣлано.» При томъ, какъ легко все ему дается? Смотря на него въ вихрѣ общественныхъ удовольствій, которымъ никто не придается съ такимъ жаромъ, какъ онъ, невольно спросишь: «да когда же онъ занимается дѣлами!» А между тѣмъ его дѣла, какъ видно, не стоятъ; особенно же видны плоды дѣлъ: наличныя деньги. По всему видно, что это человѣкъ съ необыкновенными способностями: съ способностью дѣлать, съ способностью говорить, съ способностью мыслить. Во время сладкой, увлекательной его бесѣды такъ и искрится, такъ и брызжитъ въ остроумныхъ фразахъ глубокомысленная философія, и на вечерахъ ея величества, онъ съ тяжестію цѣлаго міра на плечахъ, составляетъ восторгъ мужчинъ и женщинъ. Какою же волшебной силой дѣлаетъ онъ такія чудеса? Единственно волшебною силой, — силою генія. Его называютъ министръ, и въ самомъ дѣлѣ, видали ли когда нибудь ему подобнаго? Чрезъ него кривизны выпрямились, неровныя мѣста сдѣлались гладкими, и надъ oeil-de-boeuf взошло такое великолѣпное солнце, что и сказать нельзя.

И дѣйствительно, Калонну нельзя отказать въ геніи; онъ геніально убѣждалъ, и въ особенности геніально занималъ деньги. Разсудительнымъ и ловкимъ употребленіемъ денегъ, добытыхъ подъ рукою, онъ держитъ денежный рынокъ въ цвѣтущемъ положеніи, такъ что заемъ за займомъ находитъ себѣ тотчасъ же подписчиковъ. «По вычисленію свѣдущихъ людей, онъ издерживалъ около милліона въ день на чрезвычайные расходы.» Достигалъ ли онъ чего-нибудь этою суммою? Именно достигъ ли мира и благоденствія для настоящаго времени? Философизмъ ворчитъ и каркаетъ, покупаетъ, какъ мы уже сказали, 80,000 экземпляровъ новой книги Неккера. Но несравненный Калоннъ въ аппартаментахъ ея величества, въ обществѣ блестящихъ герцоговъ, герцогинь и счастливыхъ лицъ, удивлиющихся ему, можетъ не обращать вниманія на Неккера и каркающій философизмъ.

Но вотъ горе, что все это непродолжительно. Мотовство и займы не служатъ средствомъ пополнить дефицитъ, и масло вовсе не имѣетъ такого свойства, чтобы тушить пожаръ. Для самаго несравненнаго, который не лишенъ проницательности, предносится смутно, а по временамъ становится и вовсе ясно, что всѣ его обороты, по самому ихъ свойству, временны, съ каждымъ днемъ дѣлаются болѣе и болѣе затруднительными, и что безчисленныя перемѣны готовятся не въ далекомъ будущемъ. Всѣ въ какомъ-то новомъ расположеніи духа, все выходитъ изъ своей обычной колеи, ищетъ новаго пути и новыхъ комбинацій? Нѣтъ ни одного жокея карлика, ни одной головы, остриженной à la Brutus, ни одного англомана всадника, скачущаго стоя на стремянахъ, въ кото-

рыхъ бы не видно было признаковъ близкаго переворота. Но что жъ? Во всякомъ случаѣ, нынѣшній день проходитъ хорошо, а объ завтрашнемъ, если только онъ будетъ, успѣютъ еще подумать. Поставивши себя такъ высоко въ мнѣніи de l'oeil de boeuf, короля и королевы, биржи и сколько возможно публики (посредствомъ щедрости, дара убѣжденія и волшебной силы генія), несравненный контролеръ можетъ надѣяться, что онъ перешагнетъ чрезъ неизбѣжное, какимъ нибудь непредвидимымъ способомъ.

Во всѣхъ критическихъ случаяхъ, въ продолженіе этихъ трехъ чудесныхъ годовъ, безпрестанно громоздили одинъ на другой разные способы къ изворотамъ до того, что груда, слишкомъ поднятая вверхъ, шатается и грозитъ паденіемъ. И вотъ, какъ на зло, брилліантовое ожерелье, это чудо свѣта, дѣлаетъ паденіе ея неизбѣжнымъ. Но дѣлать нечего, какъ бы далеко не зашелъ геній, необходимо идти впередъ. Едва только Роганъ, кардиналъ ожерелья, успѣлъ скрыться безопасно въ Овернь, а дама Ламотъ въ Санпетріе, хотя и не безопасно; едва только это несчастное дѣло успѣло стихнуть, какъ нашъ смѣлый контролеръ еще разъ удивляетъ міръ. Онъ предлагаетъ средство, о которомъ не слышно было около шестидесяти лѣтъ и съ помощію его дара убѣждать (такъ какъ его смѣлости, самоувѣренности и краснорѣчію ничто противостоять не можетъ), средство это принято. Оно с о з в а т ь н о т а б л е й.

Пусть лица, состоящія вождями своихъ округовъ или достойные быть ими, будутъ созваны со всѣхъ концовъ Франціи; пусть представятъ имъ вѣрное изложеніе патріотическихъ

плановъ его величества и финансовыхъ затрудненій, и потомъ пусть спросятъ: «что дѣлать?» Очевидно будутъ приняты мѣры, которыя укажетъ магическая сила генія и которымъ, послѣ утвержденія нотаблями, всѣ парламенты и всѣ вообще, съ большимъ или меньшимъ сопротивленіемъ, должны подчиниться.

ГЛАВА III.

НОТАБЛИ.

И такъ вотъ наконецъ знаменіе и чудо, видное всѣму свѣту, предвѣщающее очень многое. L'oeil de boeuf стонетъ болѣзненно: за чѣмъ все это? Намъ было хорошо и такъ, то есть, когда пожаръ заливали масломъ. Конституціонный философизмъ дрожитъ отъ нечаянной радости и смотритъ, что будетъ дальше? Публичный кредиторъ, публичный должникъ, вся публика и мыслящая и немыслящая, всѣ въ изумленіи радостномъ или печальномъ. Мирабо издали чуетъ богатую добычу. Какъ орелъ или коршунъ, или, лучше, то и другое вмѣстѣ, онъ расправляетъ крылья, чтобы летѣть домой.

Калоннъ чудодѣйственно простеръ Аароновъ жезлъ надъ Франціею, вызывая событія совершенно неожиданныя. У него смѣлость и надежда поперемѣнно смѣняются ошибками въ разсчетѣ, хотя сангвиническая храбрость беретъ верхъ; онъ то пишетъ къ другу je me fais pitié à moi même, то приглашаетъ какого нибудь поэта или риѳмаплета воспѣть это собраніе нотаблей и тотъ переворотъ, который готовится.

Да, дѣйствительно, переворотъ приготовляется и стоитъ воспѣть, но не то, что мы видѣли пока и не тѣ послѣдствія, которыя увидимъ. Среди глубокаго и мрачнаго волненія, когда

все такъ долго кипѣло и разлагалось, Калоннъ съ своей алхиміей нотаблей приведетъ ли опять все въ порядокъ и получитъ ли новые доходы? Или скорѣе онъ разорветъ все на части, такъ что не будетъ ни кипѣнія, ни разложенія, а только столкновеніе и борьба?

Какъ бы то ни было, съ наступленіемъ холодныхъ и короткихъ дней, люди съ вѣсомъ и вліяніемъ вступаютъ въ великій водоворотъ французскаго движенія, каждый своимъ путемъ стекаясь со всѣхъ концовъ Франціи въ Версальскій замокъ, куда они призваны по волѣ короля. Февраля 22-го 1787 они собрались и открыли засѣданія; всѣхъ нотаблей было сто тридцать семь, и сверхъ того семь принцовъ крови. Собраніе состояло изъ военныхъ, статскихъ, высшаго духовенства, перовъ, президентовъ парламентовъ и раздѣлялось на семь бюро, подъ предсѣдательствомъ семи принцевъ крови: Monsreur, d'Artois и прочихъ. Въ числѣ ихъ не забудьте новаго нашего принца Орлеанскаго (съ 1785 онъ пересталъ быть Шартускимъ). Еще не сдѣланный адмираломъ, на сороковомъ году, съ кровью столько же отравленною, сколько отравлены его надежды, полуутомленный свѣтомъ, который болѣе нежели полуутомленъ имъ; съ будущностью сомнительной. Не въ свѣтѣ иллюминацій или даже пожаровъ живетъ онъ, нѣтъ, онъ живетъ въ густомъ дымѣ, въ пеплѣ перегорѣвшей чувственности. Роскошь и грязь, мщеніе, утомленіе жизнію, честолюбіе, тьма и гниль, и при всемъ этомъ триста тысячъ фунтовъ дохода: вотъ въ какомъ положеніи находится этотъ несчастный принцъ! Предположите, что онъ когда нибудь освободится отъ цѣпей двора: въ какія

стороны онъ не кинется и среди какихъ явленій? Посчастію, въ настоящее время онъ повидимому ежедневно занятъ охотою и, посаженный въ бюро, предсѣдательствуетъ тамъ съ угрюмымъ лицомъ, стеклянными глазами, какъ будто это для него страшная скука.

Мы видѣли появленіе графа Мирабо. Изъ Берлина онъ выходитъ на сцену дѣйствія, бросаетъ на нее проницательный взглядъ и находитъ, что ему дѣлать на ней пока нечего. Онъ надѣялся, что нотабли будутъ имѣть нужду въ секретарѣ, это дѣйствительно такъ; но они выбрали въ эту должность Дюпона де Немуръ, человѣка съ репутаціею не громкою, но хорошею, который впрочемъ, какъ извѣстно его друзьямъ, страдаетъ недугомъ, не очень обыкновеннымъ: обязанностью вести переписку съ пятью королями. Такимъ образомъ перо Мирабо не сдѣлалось оффиціальнымъ, но во всякомъ случаѣ оно остается перомъ. За неимѣніемъ секретарской должности онъ сталъ писать доносы противъ ажіотажа, заявляя по обыкновенію свое присутствіе и свою дѣятельность большимъ шумомъ, пока пріятель его Талейранъ и даже самъ Калоннъ не предупредили его, что онъ дождется семнадцатаго lettre de cachet и тогда ему придется убираться за границу.

И вотъ теперь въ величественныхъ королевскихъ аппартаментахъ, въ томъ видѣ, какъ изображаютъ современныя картины, возсѣдаютъ наши нотабли въ числѣ ста сорока четырехъ; они готовы выслушивать и совѣщаться. Контролеръ Калоннъ страшно замѣшкался съ своими рѣчами и приготовленіями, не смотря на свою необыкновенную быстроту въ дѣлѣ. Его рѣчь, которою открыты засѣданія,

по живости слога, ясности и остротѣ взгляда, не оставляетъ желать ничего лучшаго; но содержанiе ея убійствено. Это deficit, величина котораго считается различно; вѣрность показаній контролера остается вопросомъ, но всѣ вычисленія единогласно представляютъ его громаднымъ. Вотъ въ краткихъ словахъ затруднительное положенiе контролера; какія же теперь его средства? Просто подражанiе Тюрго: провинціальныя собранія, новая таксація, въ особенности же, что однако всего страннѣе, новый поземельный налогъ, названный имъ subvention territoriale, отъ котораго никто не освобождается: ни привилегированныя сословія, ни простой народъ, ни знать, ни духовенство, ни парламентскiе чины.

Какая глупость! Привилегированные классы привыкли только налагать подати и забирать въ свои руки всѣ до послѣдней копѣйки — акцизы, пошлины, налоги и права; но самимъ платить подати? и притомъ изъ такихъ привилегированныхъ лицъ состоятъ сами нотабли, за исключенiемъ весьма немногихъ. Въ своемъ одуренiи Калоннъ не позаботился даже сдѣлать благоразумнаго выбора и назначить въ нотабли людей, дѣйствительно ему преданныхъ, надѣясь всего достигнуть своей ловкостью, счастiемъ и краснорѣчiемъ, Глупый контролеръ! конечно краснорѣчiе можетъ сдѣлать много, но не все. Орфей съ своимъ риѳмическимъ, музыкальнымъ краснорѣчiемъ, что мы называемъ поэзiею, могъ извлечь желѣзныя слезы изъ очей Плутона; но посредствомъ какого волшебства риѳмы или прозы ты извлечешь золото изъ кармана Плутуса?

Такимъ образомъ буря, поднявшаяся и забушевавшая около

Калонна сначала въ семи бюро, чрезъ нихъ вылетаетъ наружу и, мало по малу обнимая всю Францію, грозитъ сдѣлаться неукротимою. Такой громадный дефицитъ! дурное хозяйство и расточительность здѣсь слишкомъ очевидны! Стали поговаривать о казнокрадствѣ; Лафайетъ и другіе даже громко говорятъ объ этомъ и обѣщаются представить доказательства. Калоннъ попробовалъ было, что и естественно въ его положеніи, свалить обвиненіе въ дефицитѣ на предшественниковъ, не исключая даже и Неккера. Но Неккеръ представляетъ ему сильныя опроверженія; завязалась по этому предмету ѣдкая переписка, которая появилась и въ печати.

Въ l'oeil de boeuf, въ аппартаментахъ ея величества, краснорѣчивый контролеръ могъ убѣждать своею фразою: «государыня, если это только трудно;» но увы! теперь дѣло поставлено совсѣмъ иначе. Посмотрите на него въ одинъ изъ этихъ тяжкихъ дней испытанія, въ бюро Monsieur, куда всѣ другія бюро прислали своихъ депутатовъ. Онъ стоитъ одиноко и выдерживаетъ непрерывный огонь вопросовъ, требованій, порицаній изъ ста тридцати пяти пушекъ—логики, которыя по справедливости можно назвать: bouches a feu. Никогда, говоритъ Безенваль, или почти никогда не проявлялось столько ума, ловкости, хладнокровія и такой силы убѣжденія. Бѣшеный громъ многочисленныхъ батарей онъ встрѣчаетъ съ хладнокровіемъ и братскою улыбкою. Ясно съ невозмутимою любезностью въ продолженіи пяти часовъ Калоннъ отвѣчаетъ на непрерывный огонь хитрыхъ вопросовъ, упрековъ, дѣлаемыхъ на перерывъ, и отвѣчаетъ словами быстрыми, какъ молнія и тихими, какъ свѣтъ. Даже

перекрестный огонь не смущаетъ его; посторонніе вопросы и требованія, не относящіяся къ дѣлу, на которыя въ жару битвы, имѣя одинъ только языкъ, онъ не могъ отвѣчать, онъ и тѣ схватываетъ налету и отвѣчаетъ на нихъ. Если бы любезность и убѣдительное краснорѣчіе могли спасти Францію, она была бы спасена.

Какая тяжесть на плечахъ его! Во всѣхъ семи бюро онъ встрѣчаетъ только препятствія; въ бюро Monsieur, Лемени де Бріеннъ, архіепископъ Тулузскій, который прочитъ для себя должность контролера, возмущаетъ духовенство, собираетъ кружки, — ведетъ подземныя интриги, извнѣ также нѣтъ никакого признака помощи, никакой надежды. Для націи (въ которой теперь Мирабо вопіетъ голосомъ стентора противъ ажіотажа) контролеръ не сдѣлалъ ничего, — менѣе нежели ничего. Для философизма онъ также почти ничего не сдѣлалъ, — устроилъ только ученую экспедицію Лаперуза и тому подобное. И при томъ онъ состоитъ въ самой враждебной перепискѣ съ Неккеромъ. Даже oeil de boeuf посматриваетъ вопросительно; у падующаго контролера нѣтъ друзей. Солидный де Верженъ, который съ своей флегмой, съ своей разсудительной аккуратностью, могъ бы многое уладить, умеръ за недѣлю до несчастнаго собранія нотаблей. А вотъ теперь хранитель печати Миромениль является предателемъ, составляя комплоты въ пользу Ломени де Бріеннъ! Чтецъ королевы аббатъ Вермондъ, личность не особенно симпатичная, былъ креатурою Бріенна, дѣломъ рукъ его съ первыхъ шаговъ: можно опасаться, чтобы не открылись потаенныя двери, когда земля подъ нашими ногами из-

рыта минами. Надлежало бы по крайней мѣрѣ уволить Мироменила. Способнѣе всѣхъ къ занятію должности хранителя печати будетъ Ламоаньонъ, краснорѣчивый нотабль, человѣкъ твердый въ своихъ правилахъ, со связями даже не безъ идей, президентъ парламента и однакожъ желающій реформы парламента. По крайней мѣрѣ таково мнѣніе объ немъ дѣятельнаго Безенваля; онъ и нашептывалъ его за столомъ контролеру, который слушаетъ его въ свободное отъ обязанностей хозяина время и слушаетъ по видимому съ удовольствіемъ, но не даетъ положительнаго отвѣта.

Увы! что отвѣчать? Сила интриги частной и общественной становится очень опасною, запутанною. Философизмъ громко смѣется, какъ будто бы его любимецъ Неккеръ уже одержалъ побѣду. Чернь глазѣетъ на все, глазѣетъ на гравюры, въ которыхъ представленъ, напримѣръ, поселянинъ, обращающійся къ своимъ курамъ съ такою рѣчью: милые птенцы, я собралъ васъ нарочно, чтобъ узнать ваше мнѣніе, подъ какимъ соусомъ васъ лучше изготовить? Когда пѣтухъ на это отвѣтилъ: «мы не хотимъ, чтобы насъ съѣли»; поселянинъ тотчасъ прерываетъ его словами: «вы удаляетесь отъ предмета» (vous vous écartez de la question). Смѣхъ и логика, баллады и памфлеты, эпиграммы и каррикатуры, какая буря общественнаго мнѣнія! точно всѣ вѣтры съ цѣпи сорвались! Съ наступленіемъ ночи Ламоаньонъ тихонько прокрадывается къ контролеру и находитъ его «шагающимъ по комнатѣ внѣ себя.» Въ короткихъ и отрывистыхъ словахъ контролеръ проситъ его дать какой-нибудь совѣтъ; Ламоаньонъ очень наивно отвѣчаетъ, что не берется дать другаго

совѣта кромѣ того, чтобъ вручили ему печать, если это еще послужитъ къ чему нибудь.

«Въ понедѣльникъ послѣ пасхи, говоритъ Безенваль, когда я ѣхалъ въ Романвиль къ маршалу Сегюру, на бульварѣ встрѣчается со мною одинъ изъ моихъ друзей и сообщаетъ мнѣ, что Калоннъ отставленъ. Нѣсколько далѣе встрѣтился герцогъ Орлеанскій, верхомъ à l'anglaise и подтвердилъ это извѣстіе; оно было справедливо. Измѣнникъ, хранитель печати Мироменилъ вышелъ въ отставку; его мѣсто занялъ Ламоаньонъ, вовсе не для выгоды контролера; на другой же день послѣдній долженъ былъ выйдти въ отставку. Въ продолженіи нѣкотораго времени онъ будетъ еще слоняться по сосѣдству, будетъ встрѣчаться у мѣнялъ, даже сидѣть въ контрольномъ бюро, гдѣ такъ много неоконченной работы, но это не долго будетъ. Страшно шумитъ буря общественнаго мнѣнія и частныхъ интригъ, какъ будто вырвалась прямо изъ эоловой пещеры; она уноситъ его (по повелѣнію высшей власти) изъ Парижа, за предѣлы Франціи, — за горизонтъ, въ невѣдомое пространство, въ тьму.

Жестокая судьба, которую не всегда можетъ отвратить магическая сила генія! Неблагодарный oeil de boeuf! Не заставлялъ ли онъ чудотворнымъ образомъ падать на тебя дождемъ золотую манну, такъ что «всѣ протягивали руки, а я подставлялъ шапку», говорилъ одинъ придворный. Самъ онъ бѣденъ и остался бы вовсе безъ средствъ, если бы вдова одного Лотарингскаго богача не предложила ему свою руку, съ полнымъ кошелькомъ въ ней, хотя ему было подъ пятьдесятъ. Съ этой поры его дѣятельность будетъ темная, хотя

и неутомимая: письма къ королю, предсказанія, памфлеты (изъ Лондона), всевозможная письменность, пущенная въ ходъ съ свойственной ему силой убѣжденія; но эта сила никого уже не могла убѣдить. Къ счастію, кошелекъ вдовы не истощается. По прошествіи двухъ лѣтъ его блуждающая тѣнь покажется на сѣверѣ Франціи, съ цѣлію попасть въ національные депутаты, но ей сурово прикажутъ удалиться. Сдѣлавшись еще болѣе темнымъ, носясь по отдаленнымъ странамъ Европы, Калоннъ долго будетъ бродить въ потемкахъ дипломатіи, интригуя въ пользу изгнанныхъ принцевъ, пускаясь на разныя предпріятія; наконецъ онъ будетъ тонуть въ водахъ Рейна, почти потонетъ въ нихъ и едва спасетъ свои бумаги. Онъ неутомимъ, но все напрасно! Прощай же нашъ быстрый и довѣрчивый контролеръ съ твоею щедрою и безразсудною рукою, съ твоимъ золотымъ даромъ убѣжденія; есть много людей и хуже тебя и лучше; на твою долю выпала обязанность добыть деньги и поднять бурю и ты ее выполнилъ.

Но въ то время, когда экс-контролеръ Калоннъ, разбитый бурею, такъ странно бѣжитъ и скрывается за горизонтъ, въ какомъ положеніи его должность? Она остается вакантною угасшею подобно лунѣ между ущербомъ и новымъ всходомъ. Потерпите нотабли. Новый контролеръ уже извѣстенъ и почти готовъ, какъ только будутъ выполнены неизбѣжные маневры. Великая голова Ламоаньонъ, секретарь внутреннихъ дѣлъ Бретель и секретарь иностранныхъ дѣлъ Монморанъ обмѣнялись взглядами. Пусть эти господа сойдутся втроемъ и потолкуютъ. Кто въ большей милости у королевы и аббата де Вермона? Кто

съ большими способностями, или по крайней мѣрѣ, кто пятьдесятъ лѣтъ трудился надъ тѣмъ, чтобы казаться способнымъ, то требуя во имя клира исполненія смертнаго приговора надъ протестантами, то рисуясь въ oeil de boeuf, какъ самый веселый утѣшникъ мущинъ и дамъ, пользуясь иногда для этого острымъ словцомъ философизма вашихъ Волтеровъ и Даламберовъ? У кого среди нотаблей подготовлена партія? «Это Ломени де Бріеннъ, архіепископъ Тулузскій,» отвѣчаютъ всѣ трое въ одинъ голосъ и бѣгутъ предложить его королю и при томъ съ такою поспѣшностью, говоритъ Безенваль, что Ламоаньонъ долженъ былъ занять «simarre», одежду повидимому очень необходимую для дѣла.

Ломени Бріенскій, цѣлую жизнь «стремившійся къ высшимъ должностямъ, теперь достигаетъ ихъ. Онъ предсѣдательствуетъ въ управленіи, онъ будетъ имѣть титулъ министра, и такимъ образомъ стремленія долгой его жизни осуществятся. Но вотъ бѣда, для полученія должности онъ истратилъ столько ловкости и таланта, что теперь для исправленія ея у него и таланта и ловкости осталось очень не много. Всматриваясь въ свою особу онъ ничего не находитъ внутри ея, кромѣ пустоты, случая и кой-чего занесеннаго случаемъ; а что касается до внѣшности, это — изношенное, изможденное тѣло. Правилъ, такта, знаній ничего нѣтъ, нѣтъ никакого опредѣленнаго собственнаго плана, даже худаго. Къ счастію у Калонна былъ планъ. Этотъ-то планъ — кампиляція изъ Тюрго и Неккера — усвоитъ себѣ и Ломени. Не напрасно онъ изучалъ британскую конституцію; онъ тоже по своему корчитъ англомана. Почему въ этой свободной

странѣ министръ, изгнанный парламентомъ, удаляется изъ совѣта короля и его мѣсто занимаетъ другой, посланный парламентомъ? [1]) Конечно не для простой перемѣны (это было бы во всякомъ случаѣ потеря) и для того, чтобъ всякой могъ участвовать въ дѣлахъ и чтобы такимъ образомъ борьба свободы продолжалась постоянно, не причиняя никакого вреда.

Нотабли, смягченные пасхальными празднествами и жертвоприношеніемъ Калонна, стали сговорчивѣе, его величество изволилъ самъ присутствовать въ засѣданіи нотаблей и съ высоты трона ниспосылалъ краснорѣчивыя обѣщанія все премирить и уладить; «королева стоитъ у окна, ожидая возвращенія его кареты, и Monsieur еще издали привѣтствуетъ ее рукоплесканіемъ въ знакъ того, что все благополучно». Все это прекрасно, если бъ только продолжилось. Съ теченіемъ времени можно было бы нотаблей приласкать; новое свѣтило Бріеннъ, великая голова Ламоаньонъ могли бы зарекомендоваться, примирительное краснорѣчіе тоже успѣло бы что-нибудь сдѣлать. Однакоже, говоря вообще, нельзя не признаться, что удаленіе Калонна и усвоеніе его плановъ есть средство, производящее эффектъ тогда только, когда на него смотрятъ въ должномъ разстояніи, и смотрятъ въ цѣломъ, не вдаваясь въ подробности; на немъ нельзя останавливаться ни минуты съ ближайшимъ анализомъ. Однимъ словомъ, нотабли не могли сдѣлать ничего лучшаго, какъ удалиться какимъ нибудь приличнымъ манеромъ.

Шесть предложеній ихъ касательно предварительныхъ собраній, уничтоженія барщины и т. п. могутъ быть приняты

[1]) Montgaillard, Histoire de France, I. 410—117.

безъ критики. Subvention или поземельнаго налога и еще кой-чего въ этомъ родѣ надлежало коснуться слегка только, въ потокѣ примирительнаго краснорѣчія. Наконецъ, 25 Мая 1787 года, въ послѣднемъ торжественномъ засѣданіи, произошелъ цѣлый взрывъ краснорѣчія; король, Ломени, Ламоаньонъ и ихъ свита, одинъ за другимъ произнесли десять рѣчей (не считая рѣчи его величества), продолжавшихся цѣлый день. Такимъ образомъ послѣ такого поочереднаго распѣванія или бравурнаго финала, состоящаго изъ благодарностей похвалъ и обѣщаній, нотабли нѣсколько просіяли, по крайней мѣрѣ по наружности, и были отпущены домой. Они засѣдали и совѣщались девять недѣль; это было первое собраніе нотаблей, которые не созывались со времени Ришельё съ 1626 года.

Нѣкоторые историки, чувствующіе себя хорошо на разстояніи менѣе опасномъ, порицали Ломени за распущеніе нотаблей; но надо сказать, давно пора это сдѣлать. Есть предметы, о которыхъ нельзя судить очень строго; по неволѣ побѣжишь скоро, когда подъ ногами горячіе уголья.

Въ этихъ семи бюро, гдѣ ничего нельзя было сдѣлать, если не считать дѣломъ только слова, поднимались самые радикальные вопросы. Лафайэтъ, напримѣръ, въ бюро принца д'Артуа произнесъ нѣсколько обвинительныхъ рѣчей противъ letres de cachet, о личной свободѣ, объ ажіотажѣ и другихъ предметахъ, и когда Monsieur хотѣлъ заставить его молчать, Лафайэтъ отвѣчалъ ему: нотабли, созванные для того, чтобы высказать свое мнѣніе, должны же высказать его [1]).

[1]) Montgaillard, I, 360.

Вотъ другой случай, когда его милость, архіепископъ Эйскій (Aix) витійствовалъ въ тонѣ церковнаго краснорѣчія: «десятина, сія добровольная жертва, приносимая благочестіемъ вѣрныхъ,» то герцогъ Ла-Рошефуко, съ британскимъ хладнокровіемъ, прервалъ его такъ: «десятина, сія добровольная жертва, благочестія вѣрныхъ, по поводу которой существуетъ въ королевствѣ сорокъ тысячъ процессовъ» [1]. Лафайэтъ, усиливаясь высказать свое мнѣніе, дошелъ однажды до того, что предложилъ созвать національное собраніе. «Вы требуете генеральныхъ штатовъ?» спросилъ Monseigneur съ видомъ удивленія и угрозы. Да, Monseigneur, и даже кой чего получше. Запишите, сказалъ Monseigneur, обращаясь къ секретарямъ [2]. Это было записано и, что всего важнѣе, будетъ сдѣлано.

---

[1]) Dumont, Souvenirs sur Mirabeau, p. 21.

[2]) Toulongeon, Hist. de France (Paris 1803), I, 4.

ГЛАВА IV.

ЭДИКТЫ ЛОМЕНИ.

Такимъ образомъ нотабли возвратились домой, разнося по всей Франціи печальныя извѣстія о дефицитѣ, объ упадкѣ и безпорядкѣ, съ дополненіемъ, что генеральные штаты все это могутъ исправить. Каждый нотабль былъ погребальнымъ факеломъ, освѣщающимъ бездну, которую лучше было бы скрывать. Бѣшенство овладѣло всѣми, броженіе ищетъ исхода въ памфлетахъ, каррикатурахъ, проектахъ, возгласахъ; началась пустая трескотня мыслей, рѣчей и дѣйствій.

Духовное банкротство, долго терпимое, переходитъ въ банкротство экономическое и дѣлается нестерпимымъ. Отъ слоевъ низшихъ и безгласныхъ неизбѣжное бѣдствіе, какъ сказалъ я прежде, восходитъ въ высшіе регіоны и охватываетъ ихъ. Каждому, будь онъ угнетатель или угнѣтаемый, темное чувство говоритъ, что положеніе его ложно: всѣ, нападающіе и защищающіеся, должны на томъ или другомъ ѣдкомъ языкѣ дать выходъ внутреннему неудовольствію. Народное благосостояніе и слава народныхъ вождей шьются не изъ одной матеріи. О Ломени! послѣ всѣхъ усилій возвыситься въ про-

долженіе твоей многолѣтней жизни, какое распущенное, разоренное, голодное и раздражительное общество принялъ ты на свои плечи чрезъ это повышеніе?

Певые редикты Ломени были примирительнаго свойства: учрежденіе провинціальныхъ собраній для распредѣленія налоговъ, если только можно ихъ получить, для уничтоженія тяжкихъ работъ, для пониженія акциза на соль. Эти облегчительныя мѣры, которыя предложены нотаблями, давно уже требовались всѣми либералами. Масло, вылитое на волны, признано полезнымъ средствомъ противъ бури. Прежде чѣмъ отважиться на великія и коренныя измѣненія, Ломени хочетъ сначала сколько нибудь утишить необыкновенное волненіе умовъ французскаго общества.

Разсчетъ не дуренъ. Но что, если это волненіе умовъ такого свойства, что не поддается мѣрамъ смягчительнымъ? Есть волненія, которыя происходятъ отъ бурь и вѣтровъ, дующихъ сверху. Но есть и такія, которыя происходятъ отъ вѣтровъ подземныхъ, сжатыхъ и даже отъ внутренняго разложенія, отъ тлѣнія, которое переходитъ въ огонь. Этого волненія нельзя утишить масломъ. Безумный говоритъ въ сердцѣ своемъ: почему и завтрашнему дню не быть такимъ же, какъ нынѣшній, и какъ всѣ дни, которые прежде были завтрашними? Мудрый, смотря на Францію со стороны нравственной, умственной и экономической, усматриваетъ всѣ виданные имъ когда либо въ исторіи симптомы такого положенія дѣлъ, котораго не успокоютъ смягчительные эдикты.

Какъ бы то ни было, стихнетъ ли волненіе или нѣтъ, а между тѣмъ деньги все-таки нужны сей часъ и для этого тре-

буются эдикты со всѣмъ другаго содержанія, эдикты по части кошелька, финансовые эдикты. Какъ легки были бы они, если бы парламентъ парижскій заносилъ ихъ тотчасъ въ свои регистры! Это право регистрировать эдикты или, просто сказать, записывать ихъ, ведется издавна, и, хотя парламентъ не болѣе, какъ простой судъ, но онъ можетъ дѣлать возраженія и торговаться очень долго. Отсюда множество споровъ, отсюда извороты отчаяннаго Мопу, его побѣда, его пораженіе, споръ, продолжающійся около сорока лѣтъ. Напримѣръ subvention territoriale Калонна, всеобщій поземельный налогъ, безъ изъятія, не есть ли это якорь для спасенія финансовъ? Но Ломени, чтобы показать, что и онъ тоже не безъ таланта въ финансовомъ дѣлѣ, выдумалъ edit du timbre, или гербовыя пошлины, заимствованныя, правда, но за то не у Калонна, а у Америки. Дай-то Богъ, чтобы они во Франціи имѣли болѣе успѣха, нежели сколько имѣли тамъ.

У Франціи есть средства; однако же нельзя сказать, чтобы физіогномія парламента не была загадочной. Уже между нотаблями, во время финальной симфоніи при закрытіи собранія, парижскій президентъ имѣлъ видъ зловѣщаго авгура. Адріанъ Дюперте, проснувшись отъ магнетическаго сна среди этой всеобщей тревоги, грозится сдѣлать сверхъестественно неусыпнымъ. Менѣе сильный, но болѣе шумливый, магнетикъ Эспремениль, съ своимъ тропическимъ жаромъ (онъ родился въ Мадрасѣ), съ запальчивою наглостью цѣпляется въ одно и то же время за иллюминатизмъ и магнетизмъ животный, за общественное мнѣніе и Адама Вейсгаупта, за Армодія и Аристогитона и за всякую смѣсь дерзости и безпорядка;

отъ него не жди добра. Даже перія заквашена дождями. Наши перы по большей части оставили своихъ лягушекъ, свои кружева, свои хвостики въ видѣ кошельковъ; они прогуливаются въ британскихъ костюмахъ и, стоя въ стременахъ, скачутъ сломя голову; ихъ голова набита неподчиненностью, элевтороманіею, сбивчивыми идеями, безграничною оппозиціей. Критическое положеніе; человѣкъ осторожный не довѣрился бы имъ, хотя бы имѣлъ кошелекъ фортуната. Но Ломени терпѣлъ цѣлый іюнь, выливъ все масло, которое имѣлось въ запасѣ; теперь, будь что будетъ, рѣшился на два финансовые эдикта. Іюля 6-го онъ вноситъ штемпельную пошлину и поземельный налогъ въ Парижскій парламентъ и, желая занести впередъ свою собственную ходулю, а не ту, которую заимствовалъ у Калонна, вноситъ первымъ эдиктъ о гербовой пошлинѣ.

Увы! парламентъ не хочетъ его регистрировать. Парламентъ требуетъ вмѣсто того «росписи расходовъ», «росписей предположенныхъ сокращеній и тысячу другихъ росписей», въ которыхъ его величество принужденъ былъ отказать. Разногласія возрастаютъ: патріотическое краснорѣчіе гремитъ; созваны перы. Что это? Ужъ не начинаеть ли щетиниться Немейскій левъ? Да, начался поединокъ, на который Франція и міръ смотрѣли съ молитвой, по крайней мѣрѣ съ любопытствомъ. Площади, примыкающія къ палатѣ правосудія, захлебнулись толпами любопытныхъ, которые сновали взадъ и впередъ; страшный шумъ извнѣ, сливаясь съ трескотней патріотическаго краснорѣчія, увеличивалъ его силу. Бѣдный Ломени смотритъ на все это въ разстояніи, недостаточно безопас-

номъ, посылаетъ незримыхъ эмиссаровъ, которые бѣгаютъ туда и сюда, но безъ всякаго толка.

Такъ въ самомъ электрическомъ настроеніи проходятъ каникулярные дни, потомъ цѣлый іюль мѣсяцъ. Въ святилищѣ правосудія только и слышно краснорѣчіе Армодія-Аристогитона, которому вторитъ ропотъ цѣлаго Парижа, собирающагося у стѣнъ палаты; и между тѣмъ инрегистрировки все нѣтъ, нѣтъ и никакого опредѣленнаго пораженія. «Положеніе, восклицаетъ одинъ жовіальный ораторъ, положеніе, милостивые государи, которое должны намъ дать, одно: это генеральные штаты!» И эта игра словъ [1]), высказанная такъ кстати, сопровождается смѣхомъ и ропотомъ одобренія. Что жъ лучше этого и можно сказать въ палатѣ правосудія! Старикъ д'Ормессонъ (дядя экс-контролера), которому вовсе не до смѣха, качаетъ своею разсудительной головою. Но площадь, Парижъ и Франція подхватили это удачное словцо, повторяютъ его, будутъ повторять, какъ эхо, отражая въ дальнѣйшее пространство, до тѣхъ поръ, пока оно не сдѣлается оглушительнымъ шумомъ. Понятно, что тутъ и грезить нечего объ инрегистрировкѣ.

Пословица говоритъ: «есть средство противъ всего, кромѣ смерти». Когда парламенъ отказываетъ въ инрегистрировкѣ, средство, которое рекомендуетъ долговременная практика, какъ самое простое, это Lit de justice. Цѣлый мѣсяцъ потерянъ, по милости этого парламента, въ пустой болтовнѣ, въ шумѣ и бѣснованіи. Эдиктъ о штемпелѣ не инрегистрированъ и даже

---

[1]) Слово Etat значитъ положеніе и штатъ.

нѣтъ къ тому надежды; объ эдиктѣ subvention territoriale нѣтъ и помину. Такъ пусть же вся эта неугомонная корпорація будетъ перевезена 6-го августа въ Версаль: тамъ король откроетъ засѣданіе правосудія и собственными своими королевскими устами прикажетъ имъ сдѣлать инрегистрировку. — Шопотомъ они сдѣлаютъ можетъ быть возраженія, но ослушаться не посмѣютъ, изъ опасенія, чтобъ не случилось чего нибудь похуже.

Такъ и сдѣлано: парламентъ прокатили въ Версаль; король объявилъ имъ свою волю о немедленной инрегистрировкѣ эдикта; потомъ тѣмъ же порядкомъ возвратили въ Парижъ среди молчаливаго ожиданія публики. И однакожъ парламентъ, собравшись въ обычномъ своемъ мѣстѣ, когда толпы наводняли площадь, не только не дѣлаетъ инрегистрировки, но даже объявляетъ, что все сдѣланное вчера ничтожно, что никакого lit de justice не было. Да, въ исторіи Франціи эта черта совершенно новая. Даже еще лучше: парламентъ объявляетъ, что съ его стороны даже не компетентно будетъ инрегистрировать эдикты о налогѣ, хотя онъ и дѣлалъ это по ошибкѣ въ продолженіи послѣднихъ вѣковъ, что единственно компетентная для этого власть, — это собраніе трехъ государственныхъ сословій.

Вотъ какъ глубоко общій духъ націи можетъ проникнуть въ корпорацію самую изолированную или, лучше, только такимъ убійственнымъ и самоубійственнымъ оружіемъ сражаются корпораціи въ отчаянномъ политическомъ поединкѣ. Но во всякомъ случаѣ, не происходитъ ли здѣсь смертельная борьба, смертельный поединокъ, на который всѣ смотрятъ

съ невыразимымъ интересомъ, даже и тогда, когда лично въ немъ не заинтересованы? Толпа, какъ мы сказали, наводняла площадь, окружающую палату; тутъ была свободолюбивая молодежь изъ знати, одѣтая а l'anglaise, щеголяющая вольною рѣчью; были повѣренные клерки, гуляющіе безъ дѣла при настоящихъ обстоятельствахъ, зѣваки, нувелисты и множество изъ другихъ классовъ, которыхъ описать нѣтъ возможности. Среди этой-то волны выходили члены парламента; среди толпы, состоящей изъ трехъ или четырехъ тысячъ человѣкъ, которая ждала чтенія парламентскихъ рѣшеній, рукоплескала съ яростію и гремѣла шестью или осьмью тысячами ладоней. И какая же прекрасная награда для патріотическаго краснорѣчія, когда какой-нибудь Эспремениль, или Фрето, или Сабатье, сходя, по окончаніи дневной бури, съ своего демосѳеновскаго олимпа, былъ привѣтствуемъ на площади голосами изъ груди четырехъ тысячъ, потомъ относимъ домой на сильныхъ плечахъ, съ благословеніями и высоко поднятой головой чуть не цѣплялъ за звѣзды!

ГЛАВА V.

ПЕРУНЫ ЛОМЕНИ.

Возстань Ломени-Бріеннъ! Неумѣстны теперь ни «lêttres de jussion» (кабинетныя приказанія короля), ни послабленія, ни сдѣлки. Ты самъ видишь, что все народонаселеніе Парижа (за исключеніемъ того, которое приковано къ мѣсту работою) волнуется, наводняетъ площади, какъ шумный и разрушительный потокъ; даже клерки адвокатовъ говорятъ о возстаніи Въ поединкѣ одной власти съ другой, грека съ грекомъ, низшіе классы перестали бояться полиціи; на спинахъ полисменовъ пишутъ мѣломъ литеру M — (monchard — шпіонъ); ихъ толкаютъ и гонятъ, какъ бурую скотину. Второстепенныя трибуналы посылаютъ извѣщенія о своемъ сочувствіи и преданности. Источникъ правосудія сдѣлался источникомъ возмущенія. Провинціальные парламенты внимательнымъ окомъ, съ біеніемъ сердца, смотрятъ, какъ сражается старшій ихъ братъ, парламентъ Парижскій. Всѣ двѣнадцать одной крови, одного темперамента, побѣда одного — побѣда всѣхъ.

Все стало хуже; 10-го Августа формулирована «жалоба на расточительность Калонна» съ требованіемъ нарядить слѣдствіе противъ него. Вмѣсто enregistrement дѣлается заяв-

леніе о мотовствѣ, о казнокрадствѣ и непремѣнно съ страшнымъ припѣвомъ, что нужно созвать генеральные штаты. И такъ что жъ? Неужели въ королевскихъ арсеналахъ не найдется какого-нибудь перуна, который могъ бы ты, Ломени, бросить твоею красною десницею въ эти боченки, начиненные демосѳеновскимъ порохомъ, не имѣющіе по большей части ничего, кромѣ растяжимыхъ легкихъ и голоса. Неужели не найдется ничего, чтобы разразить ихъ въ дребезги и заставить молчать? Въ ночь на 14-е число Ломени бросаетъ свой перунъ или цѣлую пригоршню ихъ; lêttres de cachet разосланы въ числѣ ста двадцати въ одну ночь; и вотъ поутру на другой день парламентъ еще разъ въ телѣжкѣ катитъ въ Troys de Champagne, подъ конвоемъ общихъ благословеній, какъ говорятъ историки: даже трактирщики и почтальоны выказывали знаки благоговѣнія. Это было 15-го августа 1787 года.

Кого не благословитъ народъ, доведенный до крайности! Рѣдко случалось парижскому парламенту получать благословенія; рѣдко онъ и заслуживалъ ихъ. Корпорація изолированная, которая, вышедши изъ среды старыхъ общественныхъ неурядицъ (когда господство меча усиливалось перейдти въ господство пера), кой-какъ сложилась въ одно цѣлое, какъ дѣлаетъ обыкновенно всякая корпорація, чтобъ соотвѣтствовать неясному общественному желанію, а, главное, слишкомъ яснымъ желаніямъ частнымъ, и потомъ въ теченіи вѣковъ черезъ уступки, пріобрѣтенія, злоупотребленія дошла до того состоянія, въ которомъ видимъ его въ настоящую эпоху; это цвѣтущая соціальная аномалія, рѣшающая тяжбы, утверждающая или

отвергающая законы, а, главное, располагающая мѣстами и властью за хорошую плату; способъ замѣщенія безспорно самый лучшій, по мнѣнію добраго президента Эно, которое онъ высказалъ по зрѣломъ размышленіи.

Въ такой корпораціи, существующей продажею должностей, не можетъ быть слишкомъ много общественнаго духа; за то слишкомъ много можетъ быть жадности къ захвату общественнаго достоянія. Кивера дѣлятъ его между собою съ саблею въ рукахъ, парики дѣлятъ перомъ и чернилицею, болѣе мирнымъ способомъ нежели первые, но и болѣе ненавистнымъ, потому что способъ париковъ въ одно и то же время неотразимъ и низокъ. Долгимъ опытомъ доказано, говоритъ Безенваль, какъ безполезно призывать члена парламента къ суду; ни одинъ судебный чиновникъ не приметъ на себя приготовить ему повѣстку. Парикъ и парламентская мантія образуютъ броню, скованную вулканомъ, или волшебный плащъ, дѣлающій человѣка невидимкою.

Парижскій парламентъ можно считать учрежденіемъ нелюбимымъ, низкимъ, бездушнымъ, особенно въ отношеніи къ политикѣ. Когда король слабъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, парламентъ преслѣдуетъ его по пятамъ своимъ лаемъ, какъ собаченка, и дѣлается опорою народныхъ жалобъ. Когда король силенъ, парламентъ лаетъ впереди его, какъ чуткая гончая собака, указывающая охотнику его добычу. Учрежденіе беззаконное, въ которомъ правосудіе не разъ нарушалось самымъ постыднымъ образомъ, вслѣдствіе какихъ нибудь нечистыхъ внѣшнихъ побужденій. Даже въ эти дни кровь убіеннаго Лалли не вопіетъ ли объ отмщеніи? Затравленный,

обставленный ловушками. доведенный до бѣшенства, какъ раненый левъ, онъ палъ подъ ударами мстительной ябеды. Посмотрите на этого несчастнаго Лалли; мрачная душа отражается въ его мрачной наружности; его влекутъ на позорной колесницѣ и ротъ завязанъ, чтобы вопли отчаянія не могли вырваться наружу! Это душа гордая, вся изъ огня, знавшая только опасности и труды, которая въ продолженіи шестидесяти лѣтъ сражалась съ препятствіями судьбы и вѣроломствомъ людей, какъ геній и храбрость въ средоточіи трусости, безсовѣстности и пошлости; все презирающая и не останавливающаяся ни передъ чѣмъ.

О! парижскій парламентъ, неужели все это ты не могъ ничѣмъ почтить лучшимъ, какъ висѣлицею и завязкою рта? Умирающій Лалли завѣщалъ сыну оправдать его память; молодой Лалли возсталъ, требуя именемъ Бога и людей пересмотра дѣла. Парламентъ парижскій истощилъ всѣ усилія оправдывать дѣло, котораго оправдать ничѣмъ нельзя,—дѣло гнусное и, что всего замѣчательнѣе, защита его поручена Аристогитону Эспременилю.

Такова эта соціальная аномалія, которую теперь благословляетъ Франція! Грязная аномалія, но возстающая противъ того, что еще болѣе грязно. Изгнанный парламентъ покрывается славою; есть ссоры, въ которыхъ самъ сатана, если приходитъ на помогу, будетъ принятъ съ распростертыми объятіями; самъ сатана, сражаясь храбро, могъ бы покрыться славою мимолетнаго свойства.

Но какое волненіе на площадяхъ, когда Парижъ узналъ, что его парламентъ отвезенъ въ Шампаньскій городъ Троа,

что остались одни сторожа, что демосѳенический громъ умолкъ, — защитники свободы удалены. Крики и угрозы вылетаютъ изъ груди четырехтысячной толпы, состоящей изъ повѣренныхъ, адвокатскихъ клерковъ, людей, не принадлежащихъ ни къ какому сословію, и знатныхъ англомановъ; любопытные сбѣгаются посмотрѣть и послушать; чернь въ большемъ числѣ и съ большимъ жаромъ охотится на полицейскихъ. Шумный вихрь кружится по улицамъ; остальное народонаселеніе, занятое работою, пока еще спокойно. На стѣнахъ дерзскіе пасквили, въ судахъ и около ихъ мятежъ. Да, Парижъ узнать нельзя. На третій день послѣ этого, Monsieur и monseigneur д'Артуа, проѣзжая въ казенныхъ каретахъ, чтобы вычеркнуть изъ мемуаровъ рѣшенія и протесты, были встрѣчены народомъ съ замѣчательнымъ контрастомъ. Monsieur, котораго считаютъ въ оппозиціи, былъ встрѣченъ виватами и цвѣтами; напротивъ, Monseigneur—молчаніемъ, потомъ ропотомъ, который скоро переходитъ въ крикъ и свистки. Дерзская чернь густою толпою съ шиканьемъ выступаетъ впередъ, такъ что капитанъ гвардіи долженъ былъ скомандовать: haut les armes. Конечно, при этихъ словахъ, сопровождаемыхъ блескомъ стали, волна отхлынула и всѣ поспѣшно скрылись, куда попало. Но все-таки здѣсь что-то необыкновенное и, какъ умно замѣчаетъ добрый Малербъ, «это совершенно небывалая борьба короля съ парламентомъ, это не преходящій звукъ отъ столкновенія одного тѣла съ другимъ, а, скорѣе, первыя искры огня, который, если не будетъ затушенъ, превратится въ огромный пожаръ».

Добрый Малербъ послѣ десятилѣтняго отсутствія снова

призванъ въ королевскій совѣтъ. Ломени хотѣлъ извлечь для себя пользу, если не изъ способностей этой личности, то по крайней мѣрѣ изъ его имени. Но что касается до его совѣтовъ, ихъ никто не слушаетъ; и вотъ почему онъ въ другой разъ вернется къ своимъ книгамъ и деревьямъ. Въ настоящемъ королевскомъ совѣтѣ нечего дѣлать честному человѣку. Тюрго не придетъ туда въ другой разъ. Тюрго простился съ Франціей уже нѣсколько лѣтъ назадъ и теперь вовсе не безпокоится о томъ, что въ ней происходитъ. Странное однакожъ дѣло! Тюрго, Ломени и Мореле нѣкогда составляли тріо молодыхъ друзей и товарищей въ Сорбоннѣ. Сорокъ новыхъ лѣтъ отдалили ихъ другъ отъ друга и понесли по разнымъ направленіямъ.

Между тѣмъ парламентъ ежедневно засѣдаетъ въ Троа, дожидаясь процессовъ, и ежедневно отсрочиваетъ засѣданіе, потому что не является ни одинъ адвокатъ, чтобы вести ихъ. Троа такое гостепріимное мѣсто, какого только можно желать; тѣмъ не менѣе жизнь въ немъ идетъ сравнительно невесело. Нѣтъ толпы, которая бы на плечахъ поднимала васъ къ богамъ безсмертнымъ; развѣ только одинъ или два патріота пріѣдутъ сказать, чтобы вы не унывали. Вы подъ стражей, далеко отъ дома и домашнихъ удобствъ, вамъ нечего дѣлать, какъ только бродить по долинамъ Шампаніи, вовсе не интереснымъ, смотрѣть какъ зрѣетъ виноградъ, толковать о вещахъ, о которыхъ тысячу разъ было толковано; вы отданы на жертву скукѣ; вы боитесь, чтобъ васъ совсѣмъ не забыли въ Парижѣ. Курьеры скачутъ взадъ и впередъ; миролюбивый Ломени не скупится на обѣщанія и на сдѣлки; д'Ормессонъ и

благоразумные старые члены не видятъ большаго прока въ борьбѣ.

По прошествіи цѣлаго скучнаго мѣсяца, парламентъ, то уступая, то сопротивляясь, заключаетъ наконецъ перемиріе, какъ и должны поступать всѣ парламенты. Штемпельный налогъ и subvention territoriale отвергнуты, но въ замѣнъ ихъ согласились принять prorogation du second vingtieme, — своего рода поземельный налогъ, но только менѣе обременительный для вліятельныхъ классовъ и падающій главнымъ образомъ на классъ безгласный. Кромѣ того были секретныя обѣщанія (со стороны старшихъ) на счетъ поправленія финансовъ посредствомъ займа. Что касается подлаго слова: генеральные штаты, объ немъ не должно быть и помину.

Такимъ-то образомъ, 20 сентября былъ возвращенъ нашъ сосланный парламентъ. Эспремениль кричитъ: «онъ отправлялся покрытый славою, онъ возвращается покрытый грязью». Нѣтъ, Аристогитонъ, это не такъ; а если такъ, то ты именно тотъ самый человѣкъ, котораго нужно, чтобы обмыть его.

ГЛАВА VI

ШТУКИ ЛОМЕНИ.

Бывалъ ли когда нибудь несчастный первый министръ въ такомъ положеніи, въ какомъ находился Ломени Бріеннъ? Уже шесть мѣсяцевъ возжи государства совершенно въ его рукахъ, а между тѣмъ нѣтъ ни малѣйшей финансовой силы, чтобъ передвинуться съ одной стороны на другую. Онъ хлопаетъ бичемъ, а впередъ ни шагу. Вмѣсто наличныхъ денегъ ему остаются одни мятежныя дебаты и ляганье.

Общественное мнѣніе не только не успокоивается, но разгарается и дымитъ сильнѣе, чѣмъ когда нибудь. Въ королевскомъ сундукѣ, при непрерывномъ ежегодномъ дефицитѣ, едва замѣтенъ блескъ серебра. Грозныя предзнаменованія! Малербъ, видя, что Францiя въ истощеніи и отчаяніи, воспламеняется болѣе и болѣе и толкуетъ о пожарѣ. Мирабо, молча, въ слѣдъ за парламентомъ, еще разъ прилетаетъ въ Парижъ, чтобъ никогда не оставлять родимой почвы.

А за границей? Тамъ Голландія наводнена Пруссаками, французская партія угнетена, Англія и Штатгалтеръ торжествуютъ къ великому сожалѣнію военнаго министра и всей публики. Но что же будетъ дѣлать первый министръ безъ денегъ, составляющихъ главный нервъ войны, равно какъ

труда и самаго существованія? Налоги мало приносятъ пользы; налогъ du second vingtieme будетъ источникомъ дохода только въ слѣдующемъ году; но и онъ, при самомъ строгомъ выполненіи дѣла, принесетъ болѣе споровъ, чѣмъ денегъ. Налоги на привилегированные классы не утвердитъ парламентъ; они противны даже тѣмъ, которые ихъ предлагаютъ; а налоги на непривилегированные классы ничего не дадутъ, такъ какъ нельзя ужъ черпать тамъ, гдѣ сухо. Нѣтъ ниоткуда надежды; остается прибѣгнуть къ займамъ.

Тогда какъ Ломени, съ помощью дальновидной головы Ламоаньона, глубоко измѣряетъ весь океанъ тревогъ, вдругъ ему приходитъ мысль: почему бы не сдѣлать заемъ преемственный, заемъ такой, который бы продолжался изъ года въ годъ, смотря по нуждѣ, хоть на примѣръ до 1792 года. Затрудненія при утвержденіи займа парламентомъ однѣ и тѣ же, но тогда мы имѣли бы время вздохнуть свободно, имѣли бы деньги, чтобы дѣйствовать или по крайней мѣрѣ существовать. Чтобы задобрить философовъ, пустимъ впереди либеральный эдиктъ объ эманципаціи протестантовъ, а сзади составимъ арріергардъ изъ обѣщанія тоже либеральнаго, именно: когда кончится заемъ въ 1792 году, созвать генеральные штаты.

Этотъ либеральный эдиктъ объ эманципаціи протестантовъ также мало будетъ стоить Ломени, какъ «исполненіе смертной казни». Что касается до либеральнаго обѣщанія созвать штаты,—его можно и выполнить и нѣтъ; срокъ для выполненія пять лѣтъ, а въ это время много воды утечетъ. Но утвержденіе эдикта? Вотъ гдѣ задача! Впрочемъ у насъ есть

обѣщаніе старшихъ, данное секретно въ Троа. Подарки, розданные благоразумно, ласки, подземныя интриги, при помощи Фулона, прозваннаго âme damnée du parlement — сдѣлаютъ остальное. Въ крайнемъ случаѣ, у короля кое-что еще останется, что можно будетъ пустить въ ходъ. Если король не добудетъ денегъ, королевская власть умретъ смертью самою вѣрною и самою жалкою: «смертью отъ истощенія». «Кто не рискуетъ, тотъ и не выигрываетъ; безъ риска все погибло. Впрочемъ и здѣсь, какъ и во всякомъ важномъ предпріятіи, не мѣшаетъ имѣть немножко хитрости. 13 Ноября его величество назначаетъ королевскую охоту и всѣ, которые примутъ въ ней участіе, приготовляютъ нужное.

Подлинно королевская охота, но только на дичь двуногую, безъ перьевъ! Въ одиннадцать часовъ утра 19 Ноября 1787 года, неожиданый звукъ трубъ, громъ экипажей и кавалькады нарушили тишину въ жилищѣ правосудія: его величество, съ хранителемъ печати Ламоаньономъ, съ перами и длинною свитою изволилъ прибыть, для открытія королевскаго засѣданія, на которомъ должно совершиться инрегистрированіе эдиктовъ. Какая перемѣна, послѣ того, какъ Людовикъ XIV входилъ сюда въ сапогахъ, съ бичемъ въ рукѣ, съ олимпійскимъ взглядомъ, котораго никто не могъ вынести, приказывалъ сдѣлать enregistrement, все дѣлая просто, съ одинакою безцеремонностью, какъ на охотѣ, такъ и въ парламентѣ! [1]) Что касается до Людовика XVI въ этотъ день enregistrement будетъ сдѣлано, если только и его, и дня на это хватитъ. Между тѣмъ съ обычною церемоніей предварительныхъ рѣчей, проекты ко-

[1]) Dulaure, t. VI, p. 306.

ролевской воли были объявлены; это два эдикта: одинъ объ эманципаціи протестантовъ, другой о постепенномъ займѣ, о которомъ надлежащее понятіе сообщитъ вѣрный хранитель печати Ламоаньонъ, а мнѣніе выскажетъ вѣрный парламентъ, такъ какъ всѣ члены его имѣютъ право свободнаго слова. Потомъ, когда Ламоаньонъ благополучно кончилъ свою рѣчь, заключивъ ее обѣщаніемъ генеральныхъ штатовъ, началась музыка парламентскаго краснорѣчія. Краснорѣчіе волканическаго свойства, съ возраженіями, съ борьбой одной стороны противъ другой; оно становится живѣе съ часу на часъ. Перы слушаютъ внимательно, съ различными чувствами: одни съ чувствами враждебными для генеральнаго контролера, другіе — враждебными для деспотизма, который не можетъ вознаграждать заслуги, и уничтожаетъ мѣста. Но что такое съ его высочествомъ герцогомъ Орлеанскимъ? Его голова, какъ полная красная луна, качается изъ стороны въ сторону, мѣдный цвѣтъ лица получилъ колоритъ мѣди, давно нечищенной; въ стекляныхъ глазахъ его тревога; онъ вертится на стулѣ, какъ будто ему что-то неловко. Послѣ невыразимаго пресыщенія, ужъ не почувтвовалъ ли онъ позывъ къ какому нибудь новому запрещенному плоду? Потеря вкуса и страсть къ лакомству; лѣность, не могущая наслаждаться покоемъ; мелкое честолюбіе, мщеніе, неудавшееся адмиральство. Какая смѣсь всего и сколько безпорядка подъ этой угреватой кожей!

«Восемь курьеровъ скачутъ въ галопъ изъ Версаля, гдѣ съ трепетомъ сердца ждетъ Ломени, и возвращаются назадъ съ тревожными извѣстіями. На площади близъ палаты ропотъ ожиданія; носится слухъ, что въ прошлую ночь Ломени потерялъ

шесть голосовъ. Въ самой палатѣ гремитъ краснорѣчіе въ патетическомъ и даже негодующемъ тонѣ; слышны раздирающія воззванія къ монаршему милосердію; просятъ его величество созвать штаты и быть спасителемъ Франціи. Между самыми пылкими ораторами особенно выдается мрачный Эспремениль и еще болѣе Сабатье и Фрето, которому впослѣдствіи дано прозваніе «кумушка Фрето». Такимъ образомъ проходятъ шесть убійственныхъ часовъ, а безконечный крикъ все еще не стихаетъ.

Наконецъ, когда тѣни сумерекъ начали прокрадываться въ окна, а конца все еще не видно, его величество, по знаку хранителя печати Ламоаньона, отверзъ свои королевскія уста, чтобы сказать въ кратцѣ, что эдиктъ о займѣ долженъ быть внесенъ въ книги. — Глубокое молчаніе. — Смотрите: что это? встаетъ герцогъ Орлеанскій и, обративъ свое полнолунное лицо къ королевской платформѣ, съ граціозной деликатностью спрашиваетъ: «что здѣсь lit de justice или королевское засѣданіе?» Ему отвѣчаютъ ѣдко: «конечно засѣданіе». — Послѣ такого отвѣта принцъ проситъ позволенія замѣтить, что эдикты не могутъ быть регистрованы по приказу въ королевскомъ засѣданіи, и вмѣстѣ проситъ принять его смиренный личный протестъ противъ подобной регистровки. — «Можете дѣлать, что вамъ угодно», отвѣчаетъ король и уходитъ торжественно; за нимъ идетъ дворъ; самъ герцогъ Орлеанскій провожаетъ его по должности, но только до рѣшетки. Возвратясь, онъ садится на свое мѣсто, редижируетъ протестъ при рукоплесканіи парламента и цѣлой Франціи; такимъ образомъ онъ обрубилъ ка-

натъ, привязывавшій его ко двору и, легши на дрейфъ, стремительно несется въ хаотическую бездну.

Безумецъ Орлеанъ, будущій Egalité! Неужели королевское достоинство стало деревяннымъ пугаломъ, на которое ты, нечистый и зловѣщій воронъ, можешь сѣсть и долбить его своимъ клювомъ? Нѣтъ, до того пока еще не дошло.

На другой день lettre de cachet посылаетъ герцога Орлеанскаго обдуматься въ его замкѣ de Willers Cotterêtes, гдѣ увы! онъ не найдетъ никакого Парижа, съ его пріятными принадлежностями жизни, никакой очаровательной M-e Buffon, легкомысленной супруги великаго натуралиста, слишкомъ для ней стараго. Говорятъ, что Monseigneur задумчиво бродитъ въ Willers Cotterêts, проклиная свою несчастную звѣзду. Даже въ Версали слышны стоны его раскаянья; такъ жестока судьба его! Другимъ lettre de cachet кумушка Фрето брошенъ въ крѣпость «Ham» среди болотъ; de Cabre помѣщенъ въ mont St. Michel, среди песковъ зыбучихъ. Что касается до парламента, ему приказано совершить путешествіе въ Версаль съ регистровою книгой подъ мышкой, чтобы посмотрѣть, какъ зачеркнутъ его протестацію съ приличными нравоученіями и упреками. Таково дѣйствіе власти, посредствомъ которой надѣялись уладить дѣло.

По несчастію вышло не такъ; это — удары кнута по норовистымъ лошадямъ, которыя дѣлали ихъ еще упрямѣе. Когда двадцать пять милліоновъ въ упряжи и начинаютъ бить, что сдѣлаетъ тутъ кнутъ какого нибудь Ломени! Парламентъ вовсе не думаетъ уступать, ни вписывать эдикты,

ни вообще дѣлать что нибудь подъ вліяніемъ спасительнаго страха передъ lettres de cachet. Напротивъ, онъ поднялъ вопросъ о самыхъ lettres de cachet, объ ихъ законности, онъ ропщетъ, посылаетъ прошеніе за прошеніемъ объ освобожденіи трехъ мучениковъ своихъ съ такимъ дополненіемъ, что если не получитъ удовлетворенія, то не станетъ и думать объ обсужденіи протестантскаго эдикта, но отложитъ его на недѣлю [1].

Въ своемъ ропотѣ парламентъ опирается на Парижъ и Францію или, лучше сказать, онъ только вторитъ общему голосу, который сливается въ одинъ страшный хоръ. Вотъ и другіе парламенты открываютъ наконецъ ротъ и присоединяются къ нему: Гренобльскій и Реннскій грозятся остановить собираніе пошлинъ [2]. «Во всѣхъ предшедствующихъ возмущеніяхъ парламентъ возбуждалъ публику, теперь публика возбуждаетъ парламентъ», замѣчаетъ Малербъ.

---

[1]) Besenval, t. III, p. 309.

[2]) Weber, t. I, p. 266.

ГЛАВА VII.

СМЕРТНЫЙ ПОЕДИНОКЪ.

Что стало съ Франціей въ продолженіи зимнихъ мѣсяцевъ 1787 года? Oeil de boeuf въ унынiи и тревогѣ; между паразитами, потерявшими мѣста, общее мнѣніе то, что стало хуже, чѣмъ въ Турціи; уничтожены своры собакъ для травли волковъ и медвѣдей; нѣтъ Коаньи и Полиньяка. Въ маленькомъ раѣ Тріанона, королева, вечеромъ, беретъ подъ руку Безенваля и проситъ его сказать откровенно свое мнѣніе о настоящемъ положеніи дѣлъ. Неустрашимый Безанваль прямо говоритъ: что когда парламентъ бунтуетъ, а oeil de boeuf подвергается преслѣдованію, то корона въ опасности. Странное дѣло, ея величество послѣ этихъ словъ тотчасъ завела рѣчь о постороннемъ предметѣ, какъ будто ее кто нибудь ранилъ и уже не говорила со мною болѣе ни о чемъ [1]).

И съ кѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, могла говорить эта бѣдная королева! Никогда смертный не имѣлъ болѣе нужды въ благоразумномъ совѣтѣ, а между тѣмъ она ничего не слышитъ вокругъ себя, кромѣ смѣшаннаго шума какого-то хаоса. Ея прекрасное жилище потемнено отъ тревоги и мрачныхъ заботъ. Ея печаль, какъ государыни и какъ женщины,

[1]) Besenval, t. III, p. 264.

постоянно возрастаетъ и давитъ ее со всѣхъ сторонъ. Въ эти послѣдніе мѣсяцы Ламоттъ, графиня au collies бѣжала изъ Салпетріеръ, если не съ помощью стражи, то по крайней мѣрѣ при намѣренномъ ея невниманіи. Напрасно думаютъ, что Парижъ ее забудетъ: нѣтъ, это новое происшествіе породило новыя сплетни, которыя все увеличиваются и развиваются. Ламоттъ, съ буквою V (voleuse — воровка), выжженною на ея плечѣ, явилась въ Англію, и оттуда распространяетъ новую и новую ложь, стараясь очернить имя августѣйшей королевы. Клеветы, взводимыя на нее, вовсе лишены основаній [1]); но при той настроенности, въ которой теперь Франція, всѣ охотно вѣрятъ имъ.

Что касается до остальнаго, то разумѣется нашъ постепенный заемъ не состоялся. Инрегистровка займа, посредствомъ подавленія протестаціи, не давала никакой надежды на успѣхъ. На Lettres de cachet и на деспотизмъ вообще все еще сыплятся обвиненія. Двѣнадцать парламентовъ волнуются; двѣнадцать сотень занимаются сочиненіемъ пасквилей, баладъ и памфлетовъ. Парижъ наводненъ брошюрами, которыя переходятъ изъ рукъ въ руки. Просто огненный потопъ; патріоты импровизаторы на точкѣ кипѣнія и каждый того и гляди произведетъ вулканическое изверженіе, какъ Гейзеръ въ Исландіи. Что же тутъ сдѣлаетъ холодная вода умнаго Морелье, Ривароля или распутнаго Линье, получающаго большія деньги за свои сочиненія!

Теперь приступили наконецъ къ обсужденію эдикта о протестантахъ, который породилъ только новыя распри, выра-

---

[1]) Mémoires justificatifs de la comtesse de Lamotte.—Londres, 1788.

зившіяся въ памфлетахъ и контръ-памфлетахъ, и увеличилъ общее головокруженіе. Ортодоксія, при всей своей болѣзни, тоже ринулась въ схватку. Съ высоты каѳедры она громогласно вопіетъ устами аббата Ланфана, котораго прелаты въ своихъ каретахъ пріѣзжаютъ навѣщать и привѣтствовать. Съ другой стороны Эспремениль, съ свойственною ему способностію все перепутывать, во время ораторской рѣчи, вдругъ вынимаетъ изъ кармана крестъ и спрашиваетъ: или хотите опять распять Его? Да, Эспремениль, можно опасаться, если принять въ соображеніе, что Онъ сдѣланъ изъ жалкаго матеріала, изъ слоновой кости, съ самыми дешевыми украшеніями.

Прибавьте къ этому, что бѣдный Бріеннъ сдѣлался болѣнъ; его уходили оргіи распутной юности и непрестанныя тревоги глупой старости. Преслѣдуемый безъ отдыха, всюду сопровождаемый лаемъ со всѣхъ сторонъ, Sa Grace получилъ чахотку, и раздраженный до крайности, въ безнадежномъ положеніи, онъ посаженъ на молоко. Врачи предписали ему спокойствіе, т. е. такое лѣкарство, которое всего менѣе возможно въ его положеніи.

И такъ, что можетъ сдѣлать бѣдное правительство, какъ не уступить еще разъ въ слѣдствіе своего безсилія? Королевская казна сѣла на мель, а между тѣмъ Парижъ весь затопленъ памфлетами. Во всякомъ случаѣ нужно уменьшить наводненіе. Герцогъ Орлеанскій возвращается въ Ренси, поближе къ Парижу и къ легкомысленной красавицѣ Бюффонъ, а потомъ и въ самый Парижъ; наконецъ Фрето и Сабатье изгнаны не на всегда. Эдиктъ о протестантахъ инрегистро-

ванъ, къ великой радости Боасси д'Англа и добраго Малерба. Постепенный заемъ съ протестами, вычеркнутыми или взятыми назадъ, остается открытымъ, потому что людей, которые взялись бы его выполнить, немного или даже вовсе нѣтъ. Генеральные Штаты, о которыхъ столько кричалъ парламентъ, будутъ созваны черезъ пять лѣтъ, если не ранѣе. О! парижскій парламентъ, какіе это крики! «Господа, говоритъ старый д'Ормессонъ, у васъ будутъ Генеральные Штаты и вы же будете жалѣть о томъ. Въ одной баснѣ лошадь, чтобы отмстить врагу, обратилась къ человѣку; онъ сѣлъ на нее, наказалъ врага, но по несчастію слѣзать не хочетъ». Черезъ три года парламентъ увидитъ, что врагъ его низложенъ, но и самъ будетъ доведенъ до изнеможенія или, лучше, его зарѣжутъ для шкуры и копытъ; остатки будутъ валяться во рву, на дорогѣ.

Вотъ подъ какими предзнаменованіями встрѣчаемъ мы весну 1788 года. Нѣтъ выхода для королевскаго правительства; вездѣ оно отброшено назадъ самымъ постыднымъ образомъ. Осажденное двѣнадцатью бунтующими парламентами, которые стали органомъ раздраженной націи, оно не можетъ ни двинуться куда нибудь, ни выполнить или получить что нибудь, не можетъ получить даже денегъ для поддержки своего существованія; ему приходилось лечь на дорогѣ и быть пожраннымъ собственнымъ дефицитомъ.

Такъ исполнилась мѣра беззаконій и неправдъ, которыя накоплялись въ продолженіи многихъ вѣковъ. Бѣдствіе, изъ глубины трущобъ двадцати пяти милліоновъ, поднимаясь вверхъ, сообразно своему закону, зашло теперь такъ далеко, что по-

явилось въ Версали въ oeil de boeuf. Въ состояніи страданія, котораго причины не видны, рука человѣка поднимается противъ человѣка; не только низшіе возстаютъ противъ высшихъ, но и высшіе возстаютъ другъ на друга. Провинціяльная знать возстаетъ противъ знати придворной, перо противъ сабли, ряса противъ пера. А противъ королевскаго правительства кто ни возстаетъ? Возстаетъ даже Безенваль; въ эти печальные дни каждый человѣкъ, каждое общество, все это враги правительства; оно центръ, на который устремляются и падаютъ всѣ удары неудовольствія. Это новое всеобщее головокружительное движеніе всѣхъ общественныхъ учрежденій, корпорацій, частныхъ лицъ, которыя прежде всѣ шли и дѣйствовали вмѣстѣ, теперь всѣ спотыкаются и терзаютъ другъ друга въ общей коллизіи. Фактъ неизбѣжный. Сглаживается политическій солицизмъ, дошедшій наконецъ до банкротства. Вотъ почему противъ бѣднаго Версальскаго двора, который составляетъ главный и центральный солицизмъ, поднялись всѣ прочіе солицизмы. Это очень естественно. Всякій человѣческій солицизмъ, происходитъ ли отъ одного лица или отъ комбинаціи нѣсколькихъ лицъ, всегда, по самой своей природѣ, неустойчивъ, стремится къ несостоятельности, несчастенъ самъ въ себѣ; а потому маленькій солицизмъ согласится ли порицать себя или исправиться самъ собою, когда есть другой солицизмъ, требующій исправленія?

Эти грозныя явленія не устрашаютъ и не вразумляютъ Ломени; при всемъ легкомысліи, онъ не лишенъ нѣкоторой храбрости. Не случалось ли вамъ слыхать, что самыя маленькія твари, напримѣръ ученые чижи, смѣло летаютъ съ

зажженными спичками, приближаютъ огонь къ пушкѣ, даже взрываютъ пороховые магазины! Сѣсть и умереть отъ дефицита, это не въ планахъ Ломени. Конечно зло велико, но нельзя ли его избѣгнуть, нельзя ли сразиться съ нимъ? По самой меньшей мѣрѣ, онъ можетъ сразиться съ симптомами зла, сразиться съ этими бунтующими парламентами и, можетъ быть, побѣдитъ ихъ. Много неяснаго для Ломени, но за то двѣ вещи очень ясны: во-первыхъ, что этотъ поединокъ парламента съ королемъ, поединокъ опасный, даже смертельный; во-вторыхъ нужны деньги. Подумай-ка, подумай хорошенько, храбрый Ломени, и ты, хранитель печати, Ламоаньонъ, человѣкъ съ идеями! Послѣ столькихъ пораженій, послѣ жестокихъ обмановъ, когда золотыя яблоки по видимому были уже въ рукахъ, соединитесь-ка еще разъ на окончательную битву. Укротить парламентъ, наполнить королевскіе сундуки, вотъ вопросы — жизни и смерти.

Парламенты были усмиряемы неоднократно. Когда переносили парламентъ на вершину утесовъ, куда можно взобраться развѣ на носилкахъ, онъ дѣлался благоразумнымъ. О Мопу, смѣлый и злой человѣкъ, почему не поступили мы по твоему? Впрочемъ, кромѣ ссылокъ и другихъ насильственныхъ мѣръ, есть еще мѣра къ укрощенію всего на свѣтѣ, даже львовъ. Эта мѣра — голодъ. Лишимъ же парламентъ его доходовъ, отнявъ у него процессы.

Можно учредить низшіе суды для рѣшенія безчисленныхъ мелкихъ тяжбъ; мы ихъ назовемъ grand-bailliages. Конечно парламентъ пожелтѣетъ отъ злости, видя какъ отнимаютъ у него добычу, но за то публика, которая любитъ имѣть

правосудіе за дешевую цѣну, встрѣтитъ эту мѣру благосклонно и съ надеждою. Что касается до финансовъ, до инрегистровки эдиктовъ, что препятствуетъ намъ съ нашими великими сановниками изъ œil de bœuf, съ нашими принцами, герцогами, маршалами образовать учрежденіе, которое можно бы назвать «cour pleniere» и посредствомъ его, такъ сказать, самимъ производить инрегистровку? Вѣдь святой Людовикъ имѣлъ же cour pleniere, составленный изъ великихъ бароновъ, который былъ ему очень полезенъ [1]); наши великіе бароны здѣсь на лицо (по крайней мѣрѣ по имени), а наше положеніе хуже, чѣмъ его.

Таковъ планъ Ломени; онъ принятъ въ королевскомъ совѣтѣ, какъ лучъ свѣта среди густой тьмы. Дѣло повидимому сбыточное; притомъ же оно необходимо въ высшей степени; если рѣшимся на него, наши руки будутъ развязаны. И такъ молчать и не шевелиться, теперь или никогда. Міръ увидитъ новую историческую комедію и человѣкъ столь странный, какъ Ломени Бріеннъ, будетъ въ ней режиссеромъ.

Видите ли, съ какимъ миролюбивымъ расположеніемъ секретарь внутреннихъ дѣлъ Бретель украшаетъ Парижъ? Весною 1788 года, полною надеждъ, всѣ ветхія лавки и шалаши изчезаютъ съ мостовъ, какъ будто наступила весна и для государства, такъ что ничего не остается дѣлать, какъ только украшать. Парламентъ смотритъ побѣдителемъ. Бріеннъ ничего не говоритъ о финансахъ; даже говоритъ и печатаетъ, что все обстоитъ благополучно. Откуда же такое глубокое спокойствіе, когда постепенный заемъ не состоялся? Въ побѣдоносномъ пар-

[1]) Montgaillard. I, 405.

ламентѣ совѣтникъ Госларъ Моисаберъ возстаетъ противъ сбора «du second vingtieme по точной оцѣнкѣ», и достигаетъ того, что выданъ декретъ, чтобъ не дѣлать строгой оцѣнки по отношенію къ привилегированнымъ классамъ. Несмотря на все это Ломени спокоенъ и не выпускаетъ ни одного lettre de cachet. Что же все это значитъ?

Прекрасныя улыбки весны, но улыбки обманчивыя! Во-первыхъ поговариваютъ въ тихомолку, что «провинціяльные интенданты получили приказаніе быть на своемъ постѣ въ извѣстный день.» Потомъ, дѣло еще болѣе необыкновенное, въ королевскомъ замкѣ что-то печатаютъ безъ отдыха взаперти. Поставлены часовые у всѣхъ воротъ и оконъ; типографщики не выходятъ, они спятъ въ мастерской; имъ и кушанье туда приносятъ. Побѣдоносный парламентъ чуетъ новую опасность. Д'Эспремениль скачетъ въ Версаль, бродитъ вокругъ типографіи, обставленной часовыми, развѣдываетъ и обдумываетъ, нельзя ли какъ-нибудь ловкому и умному человѣку въ нее пробраться.

Куда не проникнетъ золотой дождь? Д'Эспремениль спустился въ сердце Данаи одного типографщика въ образѣ «пяти сотъ луидоровъ.» Супругъ Данаи, передалъ ей глиняный шаръ, набитый внутри печатными листами, который она передала совѣтнику. Раскрываютъ, и что же? О небо! Въ немъ королевскіе эдикты о cour plénière, который долженъ дѣлать enregistrement и, о grands bailliages, которые должны обрѣзать у насъ всѣ процессы.

Такъ вотъ зачѣмъ интенданты должны быть всѣ на своихъ мѣстахъ. Такъ вотъ какое проклятое яйцо василиска

высиживалъ Ломени, не шевелясь, не смотря на всѣ вызовы, пока не вылупится змѣенышъ. Спѣши Эспремениль, спѣши въ Парижъ; созови экстренное засѣданіе; пусть и парламентъ, и небо, и земля, пусть всѣ узнаютъ объ этомъ дѣлѣ!

ГЛАВА VIII.

ПОСЛѢДНЯЯ АГОНІЯ ЛОМЕНИ.

На другой день 3-го Мая 1788 года созванъ удивленный парламентъ и безмолвно внимаетъ голосу Эспремениля, разсказывающаго о безконечномъ злодѣяніи. Дѣло вѣроломное, постыдное, одно изъ тѣхъ, какія любитъ деспотизмъ. Огласи его, парижскій парламентъ, разбуди всю Францію, весь міръ; пусть грянутъ громы твоего краснорѣчія; тебѣ тоже въ свою очередь приходится сказать: теперь или никогда.

Въ такихъ обстоятельствахъ парламентъ съ своей стороны не сдѣлалъ никакого опущенія. Въ минуту крайней опасности левъ начинаетъ подниматься, рыкая и ударяя себя хвостомъ по бокамъ. Такъ и Парижскій парламентъ: по предложенію Эспремениля всѣ члены единодушно произносятъ патріотическую клятву, стоять твердо другъ за друга. Это новая прекрасная идея, которая еще не разъ повторится въ будущемъ. Потомъ составляется самая неукротимая декларація о правахъ, если не человѣка вообще, то по крайней мѣрѣ о правахъ парламента и воззваніе къ друзьямъ Французской свободы въ настоящее и будущее время. Все это или по крайней мѣрѣ сущность всего излагается на бумагѣ въ такомъ тонѣ, что жалобы смѣшиваются съ героическими аллюрами,

какъ бы для ихъ умѣренія. Такимъ образомъ, ударивъ въ набатъ, который слышитъ Парижъ и услышитъ вся Франція, и бросивъ вызовъ въ лицо Ломени и деспотизма, парламентъ расходится какъ будто послѣ перваго еще дня, въ который удалось ему какъ слѣдуетъ заняться дѣломъ.

Читатель можетъ представить себѣ, какъ посмотрѣлъ Ломени на преждевременно разбитое яйцо василиска, столь нужное для спасенія Франціи! Въ негодованіи онъ хватаетъ свои перуны (lettres de cachet) и бросаетъ ихъ: одинъ въ Эспременилья, другой въ безразсуднаго Гослара, котораго услуга касательно налога du second vingtième и «строгой оцѣнки» еще не позабыта. Перуны, схваченные ночью и брошенные на разсвѣтѣ, если не возстановятъ спокойствія въ взволнованномъ Парижѣ, то по крайней мѣрѣ произведутъ спасительный страхъ.

Министерскіе перуны можно бросать, но попадутъ ли они въ цѣль? Д'Эспремениль и Госларъ, извѣщенные во-время друзьями, ускользнули отъ сержантовъ Ломени и, переодѣтые, пробрались чрезъ слуховое окно по кровлѣ и явились въ палату юстиціи; перуны не попали въ цѣль. Парижъ (такъ какъ вѣсть объ этомъ скоро разнеслась) въ изумленіи, но вовсе не въ спасительномъ. Два мученика свободы сбрасываютъ платье, въ которое переодѣлись, надѣваютъ свои длинныя мантіи, и вотъ не прошло часа, парламентъ при помощи своихъ сторожей и скороходовъ собрался и въ присутствіи совѣтниковъ, президентовъ и даже перовъ, снова открылъ засѣданіе. Онъ объявляетъ, что два мученика не будутъ выданы никакой силѣ подъ луною; далѣе, что засѣданіе будетъ непрерывно до тѣхъ поръ, пока не прекратится преслѣдованіе.

Такимъ образомъ, среди судебнаго краснорѣчія, жалобъ, протестовъ съ курьерами, снующими взадъ и впередъ, въ состояніи постояннаго волканическаго изверженія, которое не прекратится ни днемъ, ни ночью, парламентъ ждетъ исхода. Пробужденный Парижъ еще разъ наводняетъ площади и стремится волною, болѣе грозною, чѣмъ когда нибудь, ко всѣмъ входамъ. Начинается смѣшеніе языковъ, какъ при столпотвореніи Вавилонскомъ, когда народы, еще неразсѣявшіеся, поражены были неспособностію понимать другъ друга.

Парижъ во второй разъ проводитъ ночь безъ сна. Почти всѣ смертные въ Европѣ и Африкѣ спятъ; но здѣсь, среди этого вихря рѣчей, сонъ не является. Напрасно ночь простираетъ надъ ними свой покровъ! Внутри палаты шумъ непобѣдимаго мученика, умѣряемый тономъ жалобы. Внѣ ея безконечное жужжанье ожидающихъ, стихающее по немногу. Все это продолжается тридцать шесть часовъ.

Но что это за топотъ раздается въ глубокую ночь? Это топотъ вооруженныхъ людей, пѣхоты и кавалеріи: это французская гвардія и швейцарцы приближаются безмолвно, при свѣтѣ факеловъ. При нихъ саперы съ топорами и рычагами; по всему видно, что двери будутъ выломаны, если ихъ добровольно не отворятъ. Это капитанъ д'Агу, посланный изъ Версаля. Д'Агу извѣстный своей твердостью, который недавно принудилъ самого принца Конде дать ему удовлетвореніе и драться съ нимъ [1]); вотъ онъ-то теперь съ топорами и факелами приближается къ святилищу правосудія! Какое святотатство!

---

[1]) Weber. I. 283.

Но что дѣлать? Этотъ человѣкъ—солдатъ: онъ знаетъ только команду и идетъ впередъ безстрастный, какъ машина.

Двери отворяются по первому требованію, дверь за дверью; въ топорахъ нѣтъ надобности. Наконецъ отворилась послѣдняя и вотъ—предъ вами сенаторы Франціи въ длинныхъ мантіяхъ въ числѣ ста шестидесяти, между которыми семнадцать перовъ, съ величественнымъ видомъ въ «непрерывномъ засѣданіи». Если бы д'Агу не былъ воинъ, съ желѣзнымъ сердцемъ, то это зрѣлище, эта тишина, въ которой раздавался стукъ его шаговъ, могли бы поколебать его. Сто шестьдесятъ семь приняли его съ такимъ глубокимъ молчаніемъ, которое одни сравниваютъ съ положеніемъ, принятымъ Римскими сенаторами при вступленіи въ Римъ Бріенна, а другіе съ шайкою дѣлателей фальшивой монеты, накрытыхъ вдругъ чиновниками полиціи [1]).

«Messieurs, говоритъ д'Агу, de par le roi! Ясныя приказанія возлагаютъ на д'Агу печальную обязанность арестовать здѣсь два лица: г. Дюваля д'Эспремениля и г. Гослара Монсабера. Именемъ короля приглашаю этихъ почтенныхъ особъ, которыхъ не имѣю чести знать лично, сдаться.» Глубокое молчаніе!—Начинается ропотъ, и скоро переходитъ въ шумъ. Мы всѣ здѣсь Эспремenили, кричитъ одинъ голосъ, которому вторятъ многіе другіе. Президентъ спрашиваетъ: намѣренъ ли онъ употребить силу? Капитанъ д'Агу, имѣющій честь исполнять повелѣніе его величества, охотно желалъ бы сдѣлать свое дѣло, не прибѣгая къ силѣ, но онъ непремѣнно долженъ исполнить его во всякомъ случаѣ; онъ

[1]) Besenval. III. 355.

даетъ время почтенному сенату избрать то или другое, что ему болѣе понравится. За тѣмъ д'Агу съ важностію военнаго человѣка и съ вѣжливостію въ то же время удаляется на нѣсколько минутъ.

Что думаете дѣлать теперь, почтенные сенаторы? Всѣ выходы заперты и охраняются штыками. Вашъ курьеръ въ темную ночь во весь галопъ скачетъ въ Версаль, и также поспѣшно возвращается назадъ съ извѣстіемъ, что приказаніе дѣйствительно дано и не отмѣняется. Смѣжная площадь захлебнулась празднымъ народомъ, а гренадеры д'Агу стоятъ, какъ не сокрушимая плотина. Возмущенія не будетъ, чтобы освободить васъ. «Господа, говоритъ д'Эспремениль, когда Галлы побѣдоносно вошли въ Римъ, взятый приступомъ, сенаторы римскіе, надѣвши пурпуровыя мантіи, сидѣли въ своихъ курульскихъ креслахъ съ гордымъ и спокойнымъ видомъ, ожидая рабства или смерти. Вотъ то высокое зрѣлище, которое вы теперь являете всему міру. Послѣ того, какъ вы благородно» и проч. и проч. все въ томъ же родѣ, что можно и теперь читать въ хроникахъ [1]).

Но все тщетно, д'Эспремениль! Вотъ снова входитъ этотъ желѣзный человѣкъ, капитанъ д'Агу, съ своей желѣзной физіогноміей. Деспотизмъ, насиліе, разрушеніе, кажется, такъ и качаются на перьяхъ его плюмажа. Д'Эспремениль долженъ выступить изъ среды безмолвно и героически сдаться; его геройству подражалъ и Госларъ; съ волненіемъ и безъ словъ бросаются они въ объятія своихъ парламентскихъ собратій, прощаясь съ ними. Такимъ образомъ при рукопле-

[1]) Toulongcon. I. App. 20.

сканіяхъ и жалобахъ, изливающихся изъ груди ста шестидесяти пяти, при прощальныхъ знакахъ, возгласахъ и безчисленныхъ вздохахъ, ихъ повели по извилистымъ корридорамъ къ заднему выходу, гдѣ ждутъ ихъ двѣ повозки съ полицейскими офицерами. Въ нихъ-то должны сѣсть эти жертвы; позади ихъ грозные штыки. Мрачный вопросъ Эспремениля, сдѣланный народу: чувствуетъ ли онъ въ себѣ храбрость? остался безъ отвѣта. Они садятся и ѣдутъ, и уже ни восходъ, ни закатъ майскаго солнца (это происходило 6 числа утромъ) не облегчатъ ихъ сердца. Они ѣдутъ все далѣе и далѣе безъ отдыха: Эспремениль на крайній изъ острововъ св. Маргариты, а Госларъ въ крѣпость de Pierre en Cise, недалеко отъ Ліона.

Капитанъ д'Агу можетъ теперь мѣтить въ маіоры, въ Тюльерійскіе коменданты [1]) и потомъ изчезнуть изъ исторіи, въ которой однакожъ на его долю выпала не маловажная работа. Задача состояла не въ томъ только, чтобы благополучно спровадить на югъ Эспремениля и Гослара, но очистить и палату отъ парламентскаго собранія, что также заключалось въ его ордерѣ. Подобравъ свои длинныя мантіи, сенаторы, въ числѣ ста шестидесяти пяти, проходятъ между двумя рядами гренадеровъ, очень не симпатичныхъ: позоръ богамъ и человѣкамъ! Народъ не бунтуетъ; онъ только изумляется и ропщетъ; замѣтимъ также, что несимпатичные гренадеры принадлежали французской гвардіи, въ которой скоро появится симпатія.

Однимъ словомъ, палата юстиціи пуста, двери заперты, и

[1]) Montgaillard. I. 404.

д'Агу возвращается въ Версаль съ ключемъ въ карманѣ, заслуживъ такимъ образомъ, какъ мы уже сказали, повышеніе.

Что касается до парижскаго парламента, выброшеннаго на улицу, мы оставимъ его тамъ безъ особеннаго сожалѣнія. Les lits de justice, которыя онъ долженъ имѣть въ Версали въ слѣдующіе пятьдесятъ дней, по случаю инрегистровки новорожденныхъ эдиктовъ или отказа въ ней, его собранія въ тавернахъ и ресторанахъ, для редакціи своихъ протестовъ, — его блуждающіе и печальные переѣзды съ мѣста на мѣсто въ развѣвающихся мантіяхъ, при недоумѣніи, гдѣ бы собраться, такъ что свои протесты онъ принужденъ былъ отдать какому-то нотаріусу [1]), его натянутое спокойствіе во время невольной вакаціи и невозможность сдѣлать что-нибудь — все это очень естественно и, какъ погребеніе мертвыхъ послѣ сраженія, до насъ не касается. Парижскій парламентъ съигралъ свою роль; его дѣлъ и бездѣлья довольно; идти далѣе значило бы потрясти міръ.

Итакъ Ломени предотвратилъ ли зло? Нисколько; онъ не отклонилъ даже симптомовъ зла: отклонилъ одинъ изъ двѣнадцати симптомовъ, и то, не иначе, какъ ожесточивъ еще болѣе прочіе одиннадцать. Провинціяльные интенданты, военные начальники, всѣ на своихъ мѣстахъ въ назначенный день 8 Мая, но ни въ одномъ парламентѣ, исключая Дуэ, нельзя было регистровать новые эдикты. Ни одна подпись не сдѣлана миролюбиво; вездѣ вызовы, кровавая борьба, обращеніе къ кулачному праву, противъ этихъ bail-

---

[1]) Weber. I, 299—303.

lages, противъ этого cour plenière. Θемида повсюду смотритъ воинственно; провинціяльная знать за одно съ ней, равно какъ и всѣ, которые проклинаютъ Ломени и трудныя времена. Посредствомъ адвокатовъ и экзекуторовъ она вербуетъ въ свои ряды и возбуждаетъ чернь. Въ Реннѣ, что въ Бретани, гдѣ интендантомъ историкъ Бертанъ де Мелевиль, послѣ безпрестанныхъ дуэлей между военными и простыми гражданами дошло до уличныхъ дракъ, до камней, до перестрѣлки; а эдикты все не регистрованы. Оскорбленные Бретонцы посылаютъ къ Ломени съ жалобами депутацію изъ двѣнадцати человѣкъ. Ломени выслушалъ ихъ и засадилъ въ Бастилію. Отправлена другая депутація болѣе многочисленная, но Ломени выслалъ ей на встрѣчу своихъ чиновниковъ и депутація частію по убѣжденію, частію изъ страха, возвратилась назадъ. Послѣ того еще разъ съ негодованіемъ послана была третья депутація, гораздо многочисленнѣйшая, и уже по разнымъ дорогамъ; по прибытіи въ Парижъ, получивъ отказъ въ аудіенціи, она не захотѣла возвратиться назадъ ни съ чѣмъ, но рѣшилась подумать, что дѣлать, пригласила на совѣщаніе Лафайэта и другихъ Бретонскихъ патріотовъ; она волнуется и образуетъ Бретонскій клубъ, который былъ первымъ зародышемъ общества якобинцевъ.

Около осьми парламентовъ отправлено въ ссылку, прочіе нуждаются въ томъ же лѣкарствѣ; но его не всегда можно прописывать съ одинакимъ удобствомъ. Напримѣръ, въ Греноблѣ, гдѣ работаютъ Мунье и Барнавъ, парламентъ получилъ ясное приказаніе (посредствомъ lettres de cachet) идти

въ ссылку; но вмѣсто стука отъ запряженныхъ кибитокъ, раздается набатъ, который слышенъ вездѣ въ продолженіе цѣлаго дня; толпы горцевъ бѣгутъ опрометью съ топорами, нѣкоторые даже съ ружьями, и, что всего болѣе грозно, въ солдатахъ вовсе не замѣтно желанія сражаться съ ними. Бѣдный генералъ, съ топоромъ надъ головою, принужденъ былъ подписать капитуляцію, въ которой обѣщается, что lettres de cachet не будутъ приведены въ исполненіе и что возлюбленный парламентъ останется на своемъ мѣстѣ. Безансонъ, Дижонъ, Руанъ, Бордо, не ясно ли показали, чего можно ждать отъ нихъ. Въ По, что въ Беарнѣ, гдѣ старый комендантъ вышелъ въ отставку, новый (Граммонъ, патріотъ) при вступленіи былъ встрѣченъ процессіею гражданъ, несущихъ колыбель Генриха IV, палладіумъ ихъ города, и благоговѣніемъ къ этой древней раковинѣ, въ которой нѣкогда качался великій Генрихъ, его заклинали не топтать ногами вольности Беарнскія и въ то же время поставляли на видъ, что пушки его величества находятся въ безопасномъ мѣстѣ, подъ стражею вѣрноподданныхъ его величества гражданъ города По, что въ настоящую минуту онѣ разставлены на стѣнахъ и готовы къ дѣйствію.

При такихъ условіяхъ можно опасаться, что младенчество вашихъ baillages будетъ бурное. Что касается до cour plenière [1]), онъ буквально умеръ при самомъ рожденіи.

---

[1]) Cour plenière — героико-траги-комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ въ прозѣ, игранная 12 іюля 1788 года обществомъ любителей въ замкѣ близъ Версаля, сочиненіе аббата Вермона, чтеца ея величества въ Бавилѣ, загородномъ домѣ Ламоаньона; продается въ Парижѣ у вдовы Свободы, подъ фирмою революція 1788 года. Страданіе, смерть и воскресеніе народа, печатано въ Іерусалимѣ. См. Montgaillard. I. 407.

Даже придворные смотрятъ на него съ презрѣніемъ; старый маршалъ де Брольи отказался отъ чести засѣдать въ немъ. Единогласно осмѣянный и проклятый, этотъ несчастный—cour plenière только однажды собрался и съ этимъ все кончено. Заблудшая страна! Гдѣ ни поставитъ ногу бѣдный Ломени, раздоръ шипитъ на него своимъ длнинымъ языкомъ. «Какъ только комендантъ или королевскій коммиссаръ, гово-«ритъ Веберъ, войдетъ къ какой-нибудь парламентъ, чтобы «регистровать эдикты, тотчасъ всѣ члены вонъ и остается «только президентъ и экзекуторъ. Эдиктъ региструется, но «едва комендантъ ушелъ, трибуналъ возвращается и объ-«являетъ все сдѣланное недѣйствительнымъ. Дороги покры-«ты парламентскими депутаціями, направляющимися въ Вер-«саль съ тѣмъ, чтобы король собственноручно зачеркнулъ «написанное въ ихъ регистрахъ, или по возвращеніи домой «они напишутъ новыя рѣшенія, еще болѣе смѣлыя» [1]).

Такова-то Франція 1788 года. Это уже не золотой вѣкъ, ни даже бумажный вѣкъ надежды, съ его лошадиными скачками, съ его шарами, съ его чувствительностію сердца, самою утонченною; увы! все это изчезло; его золотой свѣтъ блѣднѣетъ, помраченный такимъ страннымъ образомъ, и предвѣщаетъ сверхъестественную невзгоду. Это все то же, что буря, описанная въ книгѣ Павла и Виргиніи; «огромная темная туча (мы говоримъ о скорби и негодованіи) покрываетъ весь горизонтъ: на свинцовомъ фонѣ неба перебѣгаютъ темно-красные отливы». Она еще неподвижна, но

---

[1]) Weber. I, 275.

уже маленькія тучи (т. е. сосланные и другіе парламенты) отдѣляются отъ ней, летятъ черезъ зенитъ съ быстротою птицы до тѣхъ поръ, пока наконецъ съ страшнымъ ревомъ четыре вѣтра не срываются съ цѣпей, и вотъ слышится общій крикъ: «ураганъ!»

Что касается до остального, само собою разумѣется, что постепенный заемъ не состоялся, налогъ второй двадцатой не привелъ ни къ чему. «Заимодавцы, говоритъ Веберъ своимъ сильнымъ истерическимъ языкомъ, боятся разоренія, а сборщики податей боятся, что ихъ повѣсятъ». Даже клиръ отвращаетъ свое лицо; призванный въ чрезвычайное собраніе, онъ не согласился ни на какой добровольный даръ, кромѣ дара благихъ совѣтовъ; въ этомъ собраніи добились не денегъ, а только новыхъ криковъ о созваніи генеральныхъ штатовъ.

О Ломени Бріеннъ! съ твоимъ слабенькимъ умомъ, совершенно одурѣвшимъ, съ твоими тремя котерами на изношенномъ тѣлѣ, въ опасности умереть отъ воспаленія, отъ вызова на поединокъ, отъ молочной діэты, отъ острыхъ лишаевъ, отъ болѣзни наконецъ, которую лучше не называть; ты, который предсѣдательствуешь во Франціи, носящей также безчисленные котеры, также умирающей отъ воспаленія и прочаго, умно ли ты поступилъ, Ломени, оставивъ для этого зеленые боскеты Бріенскіе, замокъ и все, что къ нему принадлежало? Сколько удовольствій подъ этими молодыми грабинами въ этихъ тѣняхъ! Сколько очарованія въ гимнахъ поэтовъ, въ привѣтливости разрумяненныхъ грацій, въ обществѣ такихъ философовъ, какъ Морелле, который по-

добно тебѣ, не считалъ себя ложнымъ жрецомъ и свое счастіе полагалъ только въ томъ, чтобъ осчастливить другихъ; сверхъ того въ военной школѣ, тогда какъ ты и понятія объ этомъ не имѣешь, находится студентъ математики, молодой, молчаливаго свойства воспитанникъ, съ смуглымъ лицомъ, подъ йменемъ Наполеона Бонапарте! Нѣтъ, Ломени, послѣ пятидесятилѣтнихъ усилій и послѣдней отчаянной борьбы, ты сдѣлалъ рѣшительную глупость! Министерская мантія для тебя то же, что для Геркулеса мантія Несса.

Іюля 13-го 1788 года, почти наканунѣ жатвы, выпалъ страшный градъ, который уничтожилъ всѣ плоды, и безъ того много потерпѣвшіе отъ засухи; на шестьдесятъ верстъ вокругъ Парижа все разорено въ конецъ. И такъ къ другимъ бѣдствіямъ надобно присоединить дороговизну, а, можетъ быть, и голодъ.

За нѣсколько дней до этого градобитія 5-го іюля, а потомъ еще разъ 8-го августа Ломени возвѣщаетъ, что генеральные штаты будутъ созваны въ маѣ слѣдующаго года. До той поры cour plenière и все прочее будетъ отложено. Кромѣ того, такъ какъ у Ломени нѣтъ никакого плана касательно организаціи и дѣйствій генеральныхъ штатовъ, то всѣ мыслящіе люди приглашаются участвовать въ его составленіи посредствомъ гласнаго обсужденія въ печати.

Что же еще могъ сдѣлать бѣдный министръ? Онъ выгадываетъ для себя отсрочку на десять мѣсяцевъ; во время кораблекрушенія кормчій выброситъ за бортъ все: свои мѣшки съ сухарями, свой грузъ, свой циркуль и компасъ, прежде чѣмъ бросится самъ. Только этой тактикой и безуміемъ, сопро-

вождающимъ отчаяніе, можно объяснить странное приглашеніе мыслящихъ людей. Это то же, что приглашеніе, обращенное къ хаосу, чтобы онъ былъ такъ добръ, изъ бревенъ, кружащихся въ немъ, построилъ для Ломени ковчегъ спасенія. Нѣтъ, въ подобныхъ случаяхъ не приглашеніе, а только повелѣніе можетъ еще сдѣлать что нибудь.

Вечеромъ того же дня королева стояла у окна въ задумчивости и смотрѣла въ садъ. Главный мундшенкъ подалъ ей почтительно чашку кофе и потомъ удалился до тѣхъ поръ, пока она не выпьетъ. Ея величество сдѣлала знакъ г-жи Кампань подойти къ ней: «Боже мой, сказала она ей тихо, какая новость объявлена: государь соглашается на генеральные штаты!» Потомъ, поднявъ глаза къ небу (если только мадамъ Кампань не обманулась), прибавила: «это вервый ударъ барабана, зловѣщаго дла Франціи; дворянство погубитъ насъ!» Во все время, пока продолжалось высиживанье cour plenière, когда Ламоаньонъ носилъ таинственную физіогномію, Безенваль безпрестанно спрашивалъ его: есть ли деньги? и когда получалъ отвѣтъ (если вѣрить Ломени), что въ деньгахъ нѣтъ недостатка, то всякій разъ рѣшалъ, что все пойдетъ хорошо. И однакожъ горькая истина состояла въ томъ, что королевскій сундукъ пустъ почти въ буквальномъ смыслѣ, что приглашеніе мыслящихъ людей и великій приготовляющійся переворотъ могутъ способствовать къ быстрому обращенію не капиталовъ, а только памфлетовъ. Нѣсколько тысячъ луидоровъ, — вотъ все, что остается въ королевскомъ казнохранилищѣ! Въ новомъ порывѣ отчаянія Ломени приглашаетъ Неккера быть контроле-

ромъ финансовъ, но у Неккера не то на умѣ; отказавшись сухо, онъ молчитъ и ждетъ своего времени.

Что можетъ сдѣлать первый министръ, приведенный въ отчаяніе? Онъ завладѣлъ кассою королевскаго театра; устроена лотерея для пострадавшихъ отъ града; въ крайней нуждѣ Ломени хватается даже за это. Скоро никакимъ способомъ нельзя будетъ достать денегъ на текущіе дневные расходы. Августа 16 дня, бѣдный Веберъ слышалъ въ Парижѣ и Версали, какъ носильщики глухимъ, удушливымъ голосомъ кричали по улицамъ: эдиктъ объ уплатѣ. (Таково было названіе эдикта, придуманное Риваролемъ.) Всѣ уплаты королевской казны съ этой поры будутъ производимы такъ, что три пятыхъ будутъ выдаваться деньгами, а остальное бумагами, приносящими процентъ. Бѣдный Веберъ чуть не упалъ въ обморокъ при звукѣ этихъ разбитыхъ голосовъ, съ ихъ неяснымъ произношеніемъ, и никогда не забудетъ произведеннаго на него дѣйствія [1]).

Но какое дѣйствіе произвело все это на Парижъ и на всѣхъ вообще? Начиная отъ пещеръ ажіотажа до вершины политической экономіи, до неккеризма и философизма, всѣ голоса разумные и неразумные поднимаютъ такой крикъ, такіе вопли, какихъ ухо никогда не слыхало. Возмущеніе близко. Принцъ д'Артуа, по внушенію герцогини Полиньякъ, считаетъ обязанностью явиться къ королевѣ и откровенно объяснить ей критическое положеніе дѣлъ. Королева плачетъ, плачетъ и Бріеннъ, такъ какъ теперь стало ясно, что ему надобно удалиться!

[1]) Weber t. I, p. 339.

Для него остается то утѣшеніе, что дворъ, который всегда находилъ пріятными его манеры и его болтовню, усладитъ его паденіе. Жадный старикъ успѣлъ уже промѣнять свое архіепископство Тулузское на Санское, болѣе богатое, и теперь, въ часъ скорби, палучаетъ мѣсто коадьютора для своего племянника, едва достигшаго совершеннолѣтія, мѣсто штатсъ-дамы для племянницы, полкъ для ея мужа, а для себя красную кардинальскую шапку, участокъ въ королевскихъ лѣсахъ, и въ заключеніе отъ пяти до шести сотъ тысячъ ливровъ дохода; сверхъ того, братъ его [1]), графъ де Бріеннъ, останется военнымъ министромъ. Такимъ образомъ укутанный въ подушки промоцій, онъ падаетъ такъ мягко и тихо, какъ это только возможно.

Такъ сошелъ со сцены Ломени, богатый, если только титулы и бумажныя деньги могутъ обогатить; но, если нѣтъ, то бѣднѣе всякаго. Освистанный народомъ въ Версали, онъ направляется къ Жарди, потомъ на годъ въ Бріеннъ, въ видахъ поправленія здоровья, оттуда въ Ниццу въ Италію; но онъ скоро возвратится дрожащій, почти слѣпой, блуждая туда и сюда, пока гильотина не прекратитъ его существованіе. Увы, и этого нѣтъ! оно прекратилось жалкимъ, постыднымъ образомъ еще на пути къ гильотинѣ. Въ его Санскомъ дворцѣ грубые якобинскіе экзекуторы заставляютъ его пить съ ними его же вино, праздновать собственное его паденіе, и на другой день бѣдный старикъ найденъ мертвымъ. Такъ кончилъ дни свои первый министръ, кардиналъ, архіепископъ, Ломени де Бріеннъ. Рѣдко человѣкъ, болѣе

[2]) Weber, t. I, p. 328.

пустой, дѣлалъ зло столь страшное, и рѣдко кто послѣ жизни, которой многіе завидовали, имѣлъ столь позорную кончину. Сгарая отъ честолюбія, сдѣлавшись тряпкою, игрушкою вѣтровъ, не съ одной какой нибудь стороны, но со всѣхъ, увлеченный къ пороховой минѣ, онъ бросилъ огонь въ нее; пожалѣемъ о бѣдномъ Ломени; простимъ его и забудемъ, на сколько это возможно.

ГЛАВА IX.

ПОХОРОНЫ СЪ ИЛЛЮМИНАЦІЕЮ.

Тогда какъ происходили эти необыкновенныя операціи уплаты двухъ пятыхъ долга бумагами и перемѣнялось министерство, Безенваль отправился осмотрѣть свое вѣдомство, чтобы потомъ спокойно пить контрксевильскія воды. Возвращаясь теперь въ концѣ августа въ Муленъ и ничего не зная, онъ вечеромъ по прибытіи въ Лангръ, находитъ городъ въ сильномъ волненіи. Должно быть какое нибудь возмущеніе, очень обыкновенное въ это время. Однакожъ онъ вышелъ изъ экипажа и спросилъ одного, посредственно одѣтаго, человѣка. «что здѣсь такое? Какъ, отвѣчаетъ онъ, развѣ вы не слыхали? Архіепископъ отставленъ, Неккеръ снова вступилъ въ должность и все пойдетъ хорошо» [1]).

Съ шумомъ и радостными криками былъ встрѣченъ Неккеръ въ тотъ день, какъ получивъ назначеніе быть министромъ, онъ выходилъ отъ королевы. Это было 24 августа. «Галлереи, площади, улицы Версали, черезъ нѣсколько часовъ вся столица и наконецъ вся Франція, такъ новость пролетала быстро, гремѣла криками: vive le Roi,

[1]) Besenval, t. III, p. 366.

vive M. Necker!» [1]) Въ Парижѣ радость доходитъ до безпорядка, на площади дофина петарды, ружья гремятъ болѣе, нежели слѣдуетъ. Къ барьеру народнаго суда съ криками притащили деревянную куклу, одѣтую въ архіепископское платье, сдѣланное эмблематически, — три пятыхъ изъ атласа, двѣ изъ бумаги, потомъ осудили и послѣ исповѣди поддѣльнымъ аббатомъ де Вермонъ торжественно сожгли ее на Pont Neuf у подножія статуи Генриха IV, съ такимъ аккомпаньементомъ петардъ и завываній, что кавалеръ Дюбоа съ караульными солдатами, счелъ необходимымъ сдѣлать залпъ болѣе или менѣе дѣйствительный; потомъ начали жечь будки, брать приступомъ гауптвахты и ночью тѣла убитыхъ были брошены въ Сену, для избѣжанія новыхъ вспышекъ.

Парламенты возвращены изъ ссылки; cour plenière, уплата двухъ пятыхъ бумагою изчезли, разлетѣвшись въ дымъ у подножія статуи Генриха IV. Генеральные штаты — дѣло рѣшенное. Съ нѣжной предупредительностью ихъ обѣщаютъ созвать въ генварѣ и тогда, какъ сказалъ Лангрскій обыватель, все пойдетъ хорошо.

Для прозорливыхъ очей Безенваля сдѣлалось очевиднымъ еще одно обстоятельство, именно, что ни другъ Ламоаньонъ, ни онъ самъ, ни военный министръ графъ де Бріеннъ, не могутъ остаться на своихъ мѣстахъ. Старый Фулонъ, имѣя въ виду прибрать для себя мѣстечко военнаго министра, уже ведетъ подземныя интриги. Это тотъ самый Фулонъ, котораго прозвали «âme damnée du parlement», человѣкъ посѣдѣв-

---

[1]) Weber, t. I, p. 342.

шій въ предательствѣ, въ угнетеніяхъ, въ проектахъ, въ интригахъ и несправедливости, который на возраженіе противъ его финансовыхъ плановъ: «что будетъ дѣлать народъ?» отвѣчалъ въ самомъ разгарѣ преній: «пусть ѣстъ сѣно.» Слова неблагоразумныя, которыя улетятъ далеко и принесутъ страшное возмездіе.

Къ общему удовольствію, Фулонъ не успѣлъ въ этомъ и не успѣетъ никогда. Но Ламоаньону не легче отъ того, не легче и отъ свиданій съ королемъ, откуда онъ выходитъ сіяющимъ. Парламентъ терпѣть не можетъ Ламоаньона, а графъ Бріеннъ — братъ архіепископа. 24-е августа прошло; 14-е сентября еще не кончилось, какъ уже два человѣка падаютъ подобно своему начальнику; имъ также, какъ и ему, постарались сдѣлать мягкую подстилку.

И вотъ теперь, какъ будто сбросивъ съ себя послѣднюю тяжесть и какъ будто вполнѣ обезпеченный во всемъ, Парижъ весь предался увеселеніямъ. Клерки громко поздравляютъ себя, что врагъ парламента палъ. Знать, простые граждане, народъ, также поздравляютъ себя, даже чернь, вышедши изъ мрачныхъ своихъ подземельевъ, ободрилась и развеселилась; и къ нимъ проникло политическое евангеліе, конечно въ грубыхъ переводахъ. Теперь понедѣльникъ 14-е сентября 1781 года. Чернь снова собирается на площадь дофина, бросаетъ петарды, стрѣляетъ изъ ружей безпрерывно въ продолженіи осьмнадцати часовъ; опять mannequin d'osier, привлекающая безконечный вой; потомъ портретъ Неккера купили или просто схватили въ лавкѣ и носятъ въ процессіи съ шумными восклицаніями, прикрѣпивъ на конецъ шеста.

Но главное мѣсто, гдѣ наиболѣе толпится народъ, — это Pont Neuf, на которомъ стоитъ статуя Генриха IV. Каждый проходящій долженъ остановиться, привѣтствовать короля и народъ и потомъ сказать громко: да здравствуетъ Генрихъ IV! въ черту Ламоаньона! (Vive Henri IV! au diable Lamoignon!) Ни одинъ экипажъ не проѣхалъ безъ того, чтобъ его не остановили; даже экипажъ его высочества герцога Орлеанскаго. Открываютъ дверцы каретъ, спрашиваютъ: угодно-ли господину высунуть голову и привѣтствовать; если заупрямится, то заставляютъ выйти и стать на колѣни; для дамы довольно, если она потрясетъ перьями и улыбнется; что касается до высшихъ классовъ, имъ ничего не стоитъ дать нѣсколько и денегъ (хотя на покупку ружей), такъ какъ они друзья свободы. Эта забава продолжалась много дней, забава, во время которой лошади рвались и били. Полиція тутъ ничего не могла сдѣлать, ей въ пору только спасать свою шкуру; болѣе нежели въ продолженіе года народъ считалъ нѣкотораго рода пріятнымъ препровожденіемъ времени — охотиться за полиціею. Правда, Безенваль съ своими солдатами близко, но ему даны приказанія избѣгать столкновенія; да и солдаты не очень расположены драться.

Метаніе петардъ началось въ понедѣльникъ утромъ; теперь среда и полночь: надобно похоронить и деревянную куклу по древнему обыкновенію. Длинная цѣпь сопровождающихъ ее факеловъ направляетея къ отели Ламоаньона, но «одинъ изъ моихъ служителей (говоритъ Безенваль) побѣжалъ предупредить его». Ламоаньонъ долженъ умереть, но только не въ эту ночь и не въ этотъ годъ и притомъ не отъ огня, а

отъ пули, посторонней или собственной — неизвѣстно. Чернь, обманувшись въ надеждѣ, сжигаетъ куклу подъ окнами Ламоаньона, разбиваетъ будку и идетъ производить судъ надъ Бріенномъ и Дюбоа, капитаномъ стражи. Но теперь все приходитъ въ движеніе; французская гвардія, инвалиды, конные патрули; процессія съ факелами встрѣчена ружейными выстрѣлами, штыками и саблями. Дюбуа съ своей кавалеріей бросился къ атаку, убитыхъ и раненыхъ было множество. Такимъ образомъ, съ помощію стальной метлы, улицы очищены и чернь загнана въ свои темныя трущобы.

Въ продолженіи полутораста лѣтъ никогда еще она не показывала такой удали; давно она не выставляла на свѣтъ Божій свою огромную и свирѣпую физіономію. Настоящее поведеніе ея,—это чудо и новость; до сихъ поръ видна со стороны ея грубая забава, не лишенная оригинальности; гнѣва почти нѣтъ; но въ ея грубомъ и полузатаенномъ смѣхѣ слышится тонъ угрозы, которая можетъ нѣкогда осуществиться.

Между тѣмъ мыслящіе люди, которыхъ пригласилъ Ломени, теперь вполнѣ заняты своими памфлетами; генеральные штаты, такъ или иначе, непремѣнно соберутся, если не въ генварѣ, какъ полагали, во всякомъ случаѣ не позже мая. Старый герцогъ Решильё, умирая въ одинъ изъ осеннихъ дней, еще разъ открываетъ глаза, ворча: «Что сказалъ бы Людовикъ XIV?» (котораго онъ помнилъ), потомъ смежаетъ ихъ навсегда, пока не наступили несчастные дни.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ШТАТЫ.

ГЛАВА I.

ОПЯТЬ НОТАБЛИ.

И такъ, общая молитва услышана! Во времена общественныхъ бѣдствій, когда зло достигало крайнихъ предѣловъ, а помочь было нечѣмъ, всегда взывали къ генеральнымъ штатамъ, какъ къ цѣлебному средству; ихъ требовалъ Малербъ также какъ и Фенелонъ; даже парламенты были благословляемы, когда желали созванія ихъ. И вотъ теперь на это изъявлено согласіе; генеральные штаты дѣйствительно соберутся.

Съ 1614 года они ни разу не были созываемы во Франціи и всякій ихъ слѣдъ давно изчезъ изъ существующихъ обычаевъ. Ихъ организація, права, порядокъ занятій никогда не были опредѣлены надлежащимъ образомъ, а теперь представляютъ собою одну неопредѣленную возможность. Это глина, которой горшечникъ можетъ дать какую ему угодно форму, или, лучше сказать, не одинъ горшечникъ, а двадцать пять милліоновъ горшечниковъ, потому что каждый имѣетъ въ нихъ

въ большей или меньшей степени право голоса. Какъ же организовать генеральные штаты? вотъ задача. Каждая корпорація, каждое привилегированное сословіе, каждый организованный классъ имѣетъ въ этомъ дѣлѣ свои тайныя надежды, а потому и свои тайныя опасенія. Чудовищная масса народа въ двадцать пять милліоновъ, — прежде не болѣе какъ безгласное стадо барановъ, представлявшее для другихъ одну только заботу, какъ можно лучше его стричь, теперь встаетъ сама съ своими надеждами. Она перестала или перестаетъ быть безгласной. Она говоритъ въ памфлетахъ или, по крайней мѣрѣ, реветъ въ слѣдъ за памфлетами.

Что касается до парижскаго парламента, онъ высказался въ пользу организаціи 1614-го года; она имѣетъ то удобство, что третье сословіе занимаетъ въ ней мѣсто только для вида, такъ что дворянству и духовенству стоило только не ссориться между собой, чтобы рѣшать всѣ дѣла по своему усмотрѣнію. Таково было мнѣніе парижскаго парламента, которое онъ высказалъ ясно. Но, встрѣченное бурею криковъ и свиста, мнѣніе это тотчасъ пущено на вѣтеръ, а вмѣстѣ съ нимъ безвозвратно улетѣла и популярность парламента. Роль его, какъ мы уже сказали, сыграна и кончена. Если что заслуживаетъ дальнѣйшаго вниманія въ судьбѣ парламента, такъ это быстрота переворота. Сентября 22-го парламентъ возвратился изъ ссылки и былъ возстановленъ при безграничномъ ликованіи всего Парижа. На слѣдующій же день парламентъ объявилъ «свое мнѣніе, высказанное ясно», и вотъ на другой день онъ уже «покрытъ оскорбленіями»; смежная площадь сдѣлалась театромъ свистковъ и слава его

навсегда изчезла. Впрочемъ популярность на двадцать четыре часа была въ это время явленіемъ самымъ обыкновеннымъ.

Съ другой стороны, какъ не кстати со стороны Ломени было сдѣлано это приглашеніе людямъ мыслящимъ! Мыслящіе и не мыслящіе цѣлыми милліонами явились къ дѣлу и дѣлали его всякъ по своему. Клубы работаютъ: sociétè publicale, бретонскій клубъ, club des enragés. Въ то же время въ Палероялѣ даются обѣды не безъ особенной цѣли. Мирабо, Талейранъ сидятъ за столомъ вмѣстѣ съ Шамфорами, Морелле, Дюпонами и другими пылкими членами парламента. Извѣстный подрядчикъ, неккеріанецъ, котораго можно бы было назвать, сзываетъ ихъ обѣдать, если только это не было собственнымъ, произвольнымъ ихъ движеніемъ. И потомъ, что касается до памфлетовъ, такъ это чисто снѣгъ, падающій хлопьями, снѣгъ, который скоро завалитъ всѣ дороги правительства. Итакъ впередъ друзья свободы, умные и безумные!

Графъ д'Энтригъ, «молодой Лангедокскій дворянинъ», съ помощію циника Шамфора бѣснуется, какъ пиѳія. Бѣдный «молодой Лангедокскій дворянинъ!» скоро ты самъ, сдѣлавшись однимъ изъ первыхъ эмигрантовъ, долженъ будешь бѣжать за границу, съ contrat social въ карманѣ, чтобы жить въ кромѣшной тьмѣ, подвергнуться неблагодарнымъ интригамъ, быть обманутымъ ложными огоньками и умереть отъ кинжала! Аббатъ Сіейсъ, оставивъ каѳедральную церковь въ Шартрѣ, должность каноника и книжную пыль, заростилъ тонсуру и съ свѣтской головой очень солиднаго вида является въ Парижъ, чтобы поставить и рѣшить свои знаменитые три во-

проса: что такое среднее сословіе?—Все.—Чѣмъ оно было доселѣ?—Ничѣмъ.—Чѣмъ оно хочетъ теперь быть?—Чѣмъ нибудь.

Герцогъ Орлеанскій (надобно сказать, что на пути своемъ къ хаосу онъ достигъ высшей точки) издаетъ усыновленныя имъ deliberations, написанныя Laclos, авторомъ liaisons dangereuses. Мысль ихъ проста: среднее сословіе есть нація. Съ другой стороны Monseigneur d'Artois вмѣстѣ съ другими принцами крови провозглашаетъ въ торжественной докладной запискѣ, поданной королю, что если все это будутъ слушать, то привилегіи, дворянство, монархія, церковь, государство и казна будутъ въ опасности. Да, подлинно въ опасности; а что, если не будутъ всего этого слушать, то будутъ ли они въ безопасности? Это голосъ цѣлой Франціи, это поднимающійся гулъ, неизмѣримый, разнообразный, какъ шумъ водъ, выступившихъ изъ береговъ. Мудрецъ тотъ, кто зналъ бы, какъ поступить въ такихъ обстоятельствахъ, если не бѣжать въ горы, чтобы укрыться тамъ.

Какъ при такой обстановкѣ поступило бы идеальное всевидящее версальское правительство? Отвѣтить трудно. Такое правительство должно бы понять, что его продолжительная работа приходила къ концу, что подъ этой маской генеральныхъ штатовъ, сдѣлавшихся неизбѣжными, выходило наружу начало демократическое, новое и всемогущее, въ присутствіи котораго версальское правительство можетъ удержаться только на время. Чтобы удержать это временное положеніе, столь невыразимо важное, для этого ему нужно было употребить всѣ свои средства. И послѣднимъ результатомъ было бы постепенное отреченіе, мирное: Domine dimittas!

Такъ поступило бы идеальное всевидящее Версальское правительство. Но какъ поступитъ неразумное правительство настоящей минуты? Увы! Оно существуетъ только для своего удовольствія безъ всякаго права, кромѣ владѣнія, а теперь и безъ власти. Оно ничего не предвидитъ, ничего не видитъ, не имѣетъ ни одного опредѣленнаго плана, а только множество неопредѣленныхъ стремленій, не имѣетъ даже того инстинкта, по которому все существующее будетъ сражаться за свое существованіе. Оно представляетъ собою какой-то омутъ, въ которомъ пустые планы, галлюцинаціи, ложь, интриги, слабоуміе кружатся, какъ негодныя тряпки, подхваченныя вихремъ. У oeil de boeuf есть свои глупыя надежды, также какъ и свои опасенія. Доселѣ генеральные штаты не сдѣлали ничего путнаго, почему не думать, что они и теперь ничего не сдѣлаютъ? Правда, третье сословіе принимаетъ нѣсколько опасный видъ; но возстаніе, котораго не было въ продолженіе пяти поколѣній, не есть ли чистая невозможность? При небольшой ловкости три сословія можно поссорить между собой, и тогда среднее пристанетъ къ королю, какъ это бывало и прежде. На зло двумъ остальнымъ и въ своемъ интересѣ оно будетъ усердно преслѣдовать и обкладывать налогами два первыя. Такимъ образомъ эти послѣднія будутъ отданы связанными въ наши руки и мы можемъ постричь и ихъ въ свою очередь. Добывъ денегъ и поссоривъ между собою сословія, мы распустимъ собраніе, а тамъ будь, что будетъ. Такъ точно говаривалъ обыкновенно и добрый архіепископъ Ломени: «случаевъ спастись такъ много, а намъ нуженъ одинъ.» Это правда; а сколько случаевъ и погибнуть?

Среди этой неурядицы бѣдный Неккеръ дѣлаетъ все, что только можно. Онъ не находитъ положеніе дѣлъ безнадежнымъ, указываетъ на прямоту короля, всѣмъ извѣстную, снисходительно выслушиваетъ, что говорятъ о безнравственности королевы и придворныхъ, выдаетъ прокламаціи и правила, и между прочимъ одно въ пользу средняго сословія, но окончательнаго рѣшенія ни въ чемъ не дѣлаетъ, тянетъ дѣла и совѣтуетъ ждать, пока все устроится само собою. Важныхъ вопросовъ въ настоящую минуту два: одинъ о двойномъ представительствѣ, другой о поголовной подачѣ голосовъ. Будетъ ли третье сословіе имѣть двойное представительство, то есть столько членовъ, сколько дворянство и духовенство вмѣстѣ? Когда откроется собраніе генеральныхъ штатовъ, будутъ ли они совѣщаться вмѣстѣ, какъ одно тѣло, или раздѣлятся на три части? будетъ ли подача голосовъ поголовная или по классамъ (par ordre)? Вотъ спорные пункты, которые теперь наполняютъ всю Францію жаргономъ, логикою и элевтероманіею. Чтобы положить всему конецъ, Неккеръ предлагаетъ вопросъ: не лучше ли всего опять собрать нотаблей? Вторичное собраніе нотаблей рѣшено.

Ноября 6-го дня 1788 года нотабли собрались, послѣ промежутка какихъ нибудь десяти мѣсяцевъ. Это прежніе нотабли Калонна, тѣ же сто сорокъ четыре. Еще разъ открыли они засѣданія, раздѣлившись на семь бюро во время суровой зимы; это была самая суровая зима, какой не было съ 1709 года: термометръ стоялъ ниже нуля по Фаренгейту; Сена была покрыта льдомъ. Повсемѣстно холодъ, дороговизна и вопли элевтероманами; весь міръ перемѣнился послѣ

того какъ нотабли были распущены въ маѣ предшествовавшаго года. Въ своихъ семи бюро, подъ предсѣдательствомъ семи принцевъ крови, нотабли попробуютъ теперь, нельзя ли какъ нибудь разрѣшить спорные вопросы.

Къ удивленію патріотизма, эти нотабли, нѣкогда столь патріотическіе, сбились на дурную дорогу, къ сторонѣ антипатріотизма. Они дрожатъ предъ двойнымъ представительствомъ, предъ поголовной подачей голосовъ; рѣшительнаго пока ничего еще нѣтъ; идутъ только пустыя пренія, которыя не предвѣщаютъ ничего хорошаго. Въ самомъ дѣлѣ, большая часть нотаблей не принадлежала ли къ привилегированнымъ классамъ? Прежде они много шумѣли, но теперь у нихъ свои опасенія......

Такъ пропадай же они совсѣмъ, эти негодные нотабли, и чтобы вѣкъ ихъ не было! Послѣ занятій, продолжавшихся мѣсяцъ, они разошлись 12 декабря 1788; это—послѣдніе земные нотабли, никогда не появлявшіеся потомъ въ исторіи міра.

Такимъ образомъ, когда вопли еще продолжались, когда изъ всѣхъ угловъ Франціи лились дождемъ памфлеты и патріотическіе адресы, все болѣе и болѣе громкіе, самъ Неккеръ, менѣе нежели черезъ двѣ недѣли, долженъ былъ представить свой Rapport [1]), въ которомъ рекомендуетъ на свой страхъ двойное представительство и даже настоятельно требуетъ его: такъ силенъ шумъ, производимый жаргономъ и элевтероманіею. Сколько колебаній, сколько увертокъ! Въ продолженіе этихъ шести шумныхъ мѣсяцевъ (такъ какъ

---

[1]) Rapport fait au roi dans son conseil, le 27 decemb. 1788.

Бріеннъ началъ въ Іюлѣ) безпрестанно являлись донесеніе за донесеніемъ и прокламаціи, пораждавшія одна другую [1]).

Между тѣмъ, какъ мы видѣли, одинъ изъ спорныхъ пунктовъ рѣшенъ. Что касается до второго, т. е. поголовно ли подавать голоса или по сословіямъ, онъ все еще остается спорнымъ. Это призъ между сословіями привилегированными и непривилегированными, необходимый предлогъ для первоначальной войны, и та сторона, которая овладѣетъ этимъ призомъ, можетъ сдѣлать изъ него знамя для битвы при самыхъ лучшихъ предзнаменованіяхъ!

Какъ бы то ни было, 24 января нетерпѣливая Франція узнаетъ изъ королевскаго эдикта не только то, что народные депутаты скоро будутъ собраны, но и что можно будетъ даже приступить къ выборамъ [2]).

---

[1]) 5 іюля, 8 августа, 22 сентября и проч. и проч. и проч.

[2]) Reglement du roi pour la convocation des états, généraux à Versailles (réimprimé avec un erreur de date dans l'histoire parl. t. I, p. 262).

ГЛАВА II.

ВЫБОРЫ.

Такъ впередъ же и къ дѣлу! Королевское слово перелетаетъ по всей Франціи, подобно страшному вою вѣтра въ лѣсу. Народъ толпится въ приходскихъ церквахъ, въ ратушахъ, во всякихъ общественныхъ домахъ, образуются предварительныя сходки и не всегда съ строгимъ соблюденіемъ порядка. Такъ совершаются наши выборы избирателей и составляются cahiers de plaintes et deléances, въ которыхъ нѣтъ недостатка.

Такимъ образомъ январскій эдиктъ короля приводитъ все въ движеніе по мѣрѣ того, какъ онъ катится въ кожанныхъ сумкахъ по мерзлымъ дорогамъ, по всѣмъ направленіямъ, подобно да будетъ или другому какому магическому слову. Эдиктъ объявляется на всѣхъ перекратнахъ, при звукѣ трубъ, въ присутствіи бальи, сенешаля или другаго низшаго чиновника; его читаютъ гнусливымъ голосомъ въ сельскихъ церквахъ, послѣ проповѣди, au prône des messes paroissiales; онъ зарегистрованъ, отправленъ на почту, летитъ по всѣмъ направленіямъ; и вотъ толпы, такъ долго кипѣвшія и завывавшія въ нетерпѣливомъ ожиданіи, начали соединяться и образовать изъ себя органическія группы. Эти

группы въ свою очередь подраздѣляются на мелкія группы; послѣ того безсмысленное завываніе дѣлается осмысленнымъ словомъ и дѣломъ. При первоначальныхъ сходкахъ, потомъ вторичныхъ, при выборахъ по степенямъ, при безконечной разработкѣ и разборѣ дѣлъ можно имѣть наконецъ письменное изложеніе жалобъ и неудовольствій, можно имѣть истинное народное правительство.

Смотрите же какъ народъ-то поднялся, какъ будто у него одна жизнь! Какъ, крикомъ въ тысячу голосовъ, объявляетъ, что онъ проснулся отъ долговременнаго мертваго сна и спать уже болѣе не будетъ! Насталъ наконецъ день, давно желанный: чудесныя обѣщанія побѣды, освобожденія, вольности, какъ волшебные звуки, отозвались во всѣхъ сердцахъ. Ихъ услышалъ человѣкъ сильный, у котораго развязаны сильныя руки. Ихъ услышалъ поденщикъ, истощившій все терпѣніе въ страданіи, услышалъ нищій, размачивающій сухую корку своими слезами! Какъ, такъ и до насъ дошла надежда? Неужели голодъ и бѣдствіе не вѣчны? Неужели хлѣбъ, который мы вырываемъ изъ неблагодарной почвы съ напряженіемъ всѣхъ нашихъ мускуловъ, хлѣбъ, который жнемъ, мелемъ, печемъ, неужели онъ не весь принадлежитъ другимъ; неужели и мы можемъ ѣсть его досыта? Хороши обѣщанія, замѣчаютъ опытные старики, только не можетъ быть, чтобъ сбылось все это. — Во всякомъ случаѣ, низшіе слои народа, которые не платятъ податей и не имѣютъ права голоса, тѣмъ не менѣе имѣетъ право постоянно собираться около тѣхъ, которые могутъ вотировать; залы, въ которыхъ происходятъ собранія, оживлены какъ внутри, такъ и снаружи.

Изъ всѣхъ городовъ одинъ Парижъ долженъ имѣть представителей; ихъ будетъ двадцать. Онъ раздѣленъ на шестьдесятъ дистриктовъ; каждый (собравшись въ церкви или гдѣ нибудь) долженъ выбрать изъ среды своей двухъ избирателей. Оффиціальныя депутаціи ходятъ изъ одного дистракта въ другой для совѣщанія, такъ какъ всѣ еще очень неопытны въ дѣлѣ. Улицы кипятъ суетящимся народомъ, мирнымъ, но шумящимъ и болтливымъ; по временамъ блеститъ сталь ружей, особенно около палаты, въ которой засѣдаетъ парламентъ; жалкій и почти трепещущій, онъ пока еще исполняетъ свои обязанности.

Все въ движеніи въ французскомъ мірѣ! Въ эти великіе дни каждый, самый бѣдный работникъ, кидаетъ свою мастерскую, если не для того, чтобъ подавать голосъ, по крайней мѣрѣ, чтобъ быть при подачѣ голосовъ. По всѣмъ дорогамъ шумная дѣятельность. Въ продолженіе весеннихъ мѣсяцевъ, когда земледѣлецъ разбрасываетъ зерна по бороздамъ, во всей Франціи, время отъ времени, восходитъ къ небу нестройный шумъ толпы, то собирающейся, то разсѣвающейся, которая совѣщается, кричитъ, производитъ выборы шарами и голосомъ. Къ этимъ явленіямъ политическимъ прибавимъ экономическія явленія; торговля въ застоѣ, хлѣбъ дорожаетъ, потому что прежде суровой зимы было еще несчастное лѣто съ засухой и съ разрушительнымъ градомъ 13 іюля. Какой ужасный день, восклицали всѣ, когда ревѣла буря; увы! черезъ годъ этотъ день будетъ еще ужаснѣе. Вотъ при какихъ предзнаменованіяхъ Франція выбираетъ своихъ народныхъ представителей!

Частные случаи и подробности этихъ выборовъ принадлежатъ не всеобщей исторіи, а исторіямъ мѣстнымъ, приходскимъ; вотъ почему мы не говоримъ здѣсь ни о новыхъ безпорядкахъ въ Греноблѣ и Безансонѣ, ни о кровопролитіи на улицахъ Ренна, созвавшемъ туда «молодыхъ бретонцовъ, которыхъ сопровождали манифестаціи ихъ матерей, сестеръ и невѣстъ.» Впрочемъ это одна и та же исторія съ нѣкоторыми незначительными варіантами. Возстановленный парламентъ (какъ напр. въ Безансонѣ), изумленный при видѣ бегемота генеральныхъ штатовъ, котораго самъ же вызвалъ, старается съ большею или меньшею смѣлостью, наложить путы на его ноги; и, увы! самъ опрокинутъ и прогнанъ, потому что новая народная сила умѣетъ употреблять въ дѣло не одни словесныя доказательства, но и камни. То же надобно сказать и о дворянствѣ (какъ напр. въ Бретани), которое хочетъ связать среднее сословіе, чтобы оно не уничтожило его старинныхъ привилегій. Это покушеніе связать, какъ бы ловко вы не распорядились, не обѣщаетъ ни малѣйшаго успѣха, потому что Бегемотъ-Бріарей ломаетъ въ дребезги всѣ ваши цѣпи, какъ тонкіе прутья. Связать? Увы! господа. Что значитъ все ваше рыцарство, шпаги, вызовы, поединки? Плебейское лицо тоже имѣетъ много жизненной краски и не поблѣднѣетъ ни передъ кѣмъ изъ васъ; шестьсотъ бретанскихъ дворянъ, собравшіеся съ оружіемъ въ францисканскій монастырь въ Реннѣ, черезъ семьдесятъ два часа принуждены были выйти изъ него гораздо болѣе умными, нежели какими туда вступили. Потому что всѣ молодые люди въ Нантѣ, въ Анжерѣ, въ цѣлой Бретани,

поднялись при крикѣ: marche! который услышали отъ своихъ матерей, сестеръ и невѣстъ. Бретонское дворянство должно было позволить заблудшему міру идти своей дорогой [1]).

Въ другихъ провинціяхъ дворянство, при той же благонамѣренности, сочло нужнымъ посвятить труды свои на редактированіе «cahiers de deleances» на сатирическія письма и рѣчи. Такое направленіе принято въ Провансѣ, куда кинулся изъ Парижа Габріель—Оноре — Рикетти, — графъ Мирабо, чтобъ во́-время сказать свое слово. Здѣсь нѣкоторые, принадлежащіе къ привилегированному сословію, поддерживаемые своимъ Эйскимъ парламентомъ, сдѣлали такое открытіе, что всѣ эти новости, хотя и предписаны королевскимъ эдиктомъ, вредны для народа, и во всякомъ случаѣ угрожаютъ достоинству дворянства. Такъ какъ Мирабо протестовалъ противъ этого со всей энергіей, то дворянство при неописанномъ шумѣ въ парламентѣ и на улицахъ рѣшило выгнать его изъ своего собранія. Никакое другое средство, даже множество дуэлей, не было дѣйствительно противъ этого неукротимаго человѣка съ гордыми взглядами. Мирабо изгнанъ.

«Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ,» восклицаетъ онъ удаляясь, «аристократы неумолимо преслѣдуютъ друзей народа, и, если по какому нибудь случаю другъ народа появится въ самой средѣ ихъ, то его-то въ особенности стараются поразить, желая внушить страхъ самымъ выборомъ жертвы. Такъ погибъ послѣдній изъ Гракховъ отъ руки

---

[1]) Histoire parlamentaire, Tom. I, pag. 287.

патриціевъ; но пораженный смертельнымъ ударомъ, онъ бросилъ къ небу горсть пыли, призывая боговъ мстителей, и изъ этой-то пыли возникъ Марій, Марій, славный не столько истребленіемъ Кимвровъ, сколько тѣмъ, что сломилъ въ Римѣ тиранію дворянства» [1]).

Бросивъ въ свою очередь горсть пыли необыкновенной и новой (въ видѣ печатанной бумаги), не заботясь о томъ, что изъ нея выдетъ, Мирабо съ гордостію переходитъ на сторону средняго сословія.

Дѣйствительно ли онъ открылъ суконную лавку въ Марселѣ и сдѣлался на время купцомъ, чтобы снискать благосклонность средняго сословія, или это просто басня, во всякомъ случаѣ обстоятельство это принадлежитъ къ достопримѣчательностямъ той эпохи. Никогда еще такой необыкновенный купецъ не дѣйствовалъ аршиномъ и не рвалъ ткань на продажу людямъ или полулюдямъ. Пріемный сынъ негодуетъ на эту презрѣнную басню [2]); тѣмъ неменѣе басня всѣми принята въ это время. Но, наконецъ, если Ахиллъ, во времена героическія, самъ рѣзалъ барановъ, почему жъ и Мирабо не отрѣзывать сукно во времена не героическія.

Гораздо болѣе достовѣрны его церемоніальные марши, по бурному дистрикту, въ сопровожденіи толпы съ зажженными факелами: окна нанимали за два луидора; его охраняетъ добровольная стража изъ ста человѣкъ. Онъ сдѣланъ депутатомъ въ одно время и Э и Марселя, но онъ предпочитаетъ

---

[1]) Fils adoptif, Tom. V, pag. 256.

[2]) Memoires de Mirabeau, Tom. I, pag. 307.

Э. Онъ открылъ теперь пещеры, въ которыхъ таился его гремящій голосъ; открылъ глубины души своей, производящей эхо; онъ усмиряетъ (такова сила произнесеннаго имъ слова) и гордый шумъ богачей, и голодный шумъ бѣдныхъ; дикія толпы гнутся подъ нимъ, какъ волны океана подъ давленіемъ луны; онъ сдѣлался двигателемъ міра, правителемъ людей.

Приведемъ еще одинъ случай, совершенно интересный въ другомъ родѣ. Вотъ парижскій парламентъ также какъ и другіе, хотя и съ меньшею смѣлостію, зная свое положеніе, собирается надѣть намордникъ на Бегемота — генеральные штаты. Достойный докторъ Гильотинъ, уважаемый въ Парижѣ практикъ, изложилъ на бумагѣ свой маленькій «планъ тетради для жалобъ», такъ какъ онъ на это имѣетъ право, потому что у него есть идея. Онъ приглашаетъ народъ подписаться, а гордый парламентъ самого его требуетъ къ отчету. Докторъ идетъ, но въ сопровожденіи всего Парижа, и пока отдаетъ отчетъ парламенту, толпы наводняютъ площадь и живо скрѣпляютъ своими подписами его тетрадь. Парламенту оставалось только отпустить какъ можно скорѣе и притомъ съ комплиментами доктора, котораго народъ понесъ домой на своихъ плечахъ. Надѣемся еще разъ увидѣть этого почтеннаго доктора; но самый парламентъ не надѣемся болѣе видѣть ни разу: такъ пусть же его тонетъ въ пропасти и изчезнетъ навсегда изъ глазъ нашихъ!

Все это однакожъ, какъ ни весело, мало веселитъ національнаго и вообще всякаго кредитора. При неизмѣримо сомнительномъ положеніи общества, что̀ можно считать са-

мымъ вѣрнымъ, какъ не деньги и умѣнье сберечь ихъ? Торговая спекуляція и вся торговля вообще достигли крайнихъ предѣловъ застоя; работникъ положилъ за пазуху руку, которой дѣлать было нечего. Страшная перспектива, когда при этомъ еще и неурожай, и когда къ недостатку работы присоединяется и недостатокъ хлѣба. Съ открытіемъ весны появились слухи о монополіяхъ, королевскіе эдикты, петиціи хлѣбниковъ на мельниковъ и, наконецъ, въ апрѣлѣ толпы голодныхъ людей въ лохмотьяхъ и свирѣпые крики о бѣдности. Вотъ они-то и были разбойники, надѣлавшіе столько разговоровъ. Извѣстное число живыхъ людей, долгое время отражаясь, преломляясь въ милліонахъ головъ, какъ въ вогнутыхъ зеркалахъ, наконецъ дѣлаются цѣлымъ міромъ разбойниковъ и какъ будто какой-то неестественной механикой приводятъ въ движеніе эпосъ революціи. Разбойники здѣсь, разбойники тамъ, разбойники идутъ! Такъ раздавался вдали шумъ серебрянаго лука Феба-Аполлона, распространяя всюду гибель и блѣдный страхъ; говоря собственно, шумъ этотъ былъ въ воображеніи; онъ сверхъестественный; онъ приближался безъ мѣры и безъ формы, уподобляясь ночи (νυκτὶ ἐοικώς).

Но замѣтьте по крайней мѣрѣ, на первый разъ, необыкновенное могущество подозрѣнія въ этой странѣ, въ эти времена. Если бѣдные голодные люди, прежде чѣмъ умереть, собираются группами и толпами въ суровое время года, въ ненастную и дождливую погоду, то съ какою цѣлью, какъ не съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ погоревать, чтобы одно бѣдствіе повидалось съ другимъ бѣдствіемъ; если эти голодные люди не все равно что голодныя птицы, а потому, собравшись разъ,

видятъ, что имъ нѣтъ резона умирать съ голода, когда въ странѣ есть жизненные припасы, потому нѣтъ резона, что ихъ много, и хоть пусты ихъ кошельки, но руки сильны, то зачѣмъ предполагать тутъ какую-то сверхъестественную механику? Въ ней нѣтъ нужды у другихъ народовъ, тѣмъ менѣе нужды въ французскомъ народѣ во время революціи. Эти разбойники (какъ и тѣ, которые были при Торго, сорокъ лѣтъ назадъ) всегда двигались впередъ по призыву аристократовъ, демократовъ, герцога Орлеанскаго, графа д'Артуа и другихъ враговъ общественнаго блага, просто безъ всякихъ трубъ и барабановъ. И однакожъ есть историки даже и нынѣ, которые докажутъ вамъ противное сильнымъ аргументомъ: «разбойники, которые говорятъ, что имъ ѣсть нечего, находятъ однако что пить; ихъ видали пьяными»[1]). Фактъ безпримѣрный! Но, въ сущности, народъ съ такою дозою легковѣрія и невѣрія (изъ соединенія которыхъ рождается подозрѣніе и безразсудность), этотъ народъ какъ разъ увидитъ безсмертныхъ боговъ, подъ разными видами сражающихся въ рядахъ его, и никогда не имѣетъ недостатка въ эпической механикѣ.

Какъ бы то ни было, но достовѣрно то, что разбойники прибыли въ Парижъ въ значительномъ числѣ съ блѣдными лицами[2]), съ растрепанными волосами, въ грязныхъ лохмотьяхъ и съ толстыми дубинами, которыми стучатъ по мостовой! Всѣ они, вмѣшавшись въ шумную среду выборовъ, желали бы скрѣпить своимъ подписомъ тетрадь доктора Гильотина и всякую другую тетрадь, если бы только умѣли пи-

---

[1]) Lacretelle, 18-me siècle, II, 155.

[2]) Besenval, III, 385.

сать. Ихъ энтузіазмъ и стукъ ихъ дубинъ не предвѣщаютъ ничего добраго, особенно для богатыхъ фабрикантовъ предмѣстья St.-Antoine, рабочіе которыхъ находятся съ ними въ сношеніяхъ.

ГЛАВА III.

СОДРАГАНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКАГО СВОЙСТВА.

Но вотъ наконецъ прибыли въ Парижъ народные представители изъ всѣхъ угловъ Франціи съ довѣренностями въ карманѣ, которыя они называютъ полномочіями; они спрашиваютъ, совѣтуются, отыскиваютъ себѣ помѣщенія въ Версалѣ. Здѣсь съ великимъ торжествомъ и процессіей должны открыться засѣданія генаральныхъ штатовъ, если не 1-го, то непремѣнно 4-го мая. Зала для засѣданій заново перестроена и обита обоями; самые костюмы опредѣлены съ точностію; продолжительный споръ о томъ, должны ли депутаты третьяго сословія быть въ низкихъ шляпахъ съ широкими полями, наконецъ рѣшонъ. Иностранцы прибываютъ со всѣхъ сторонъ: праздные люди двусмысленнаго характера, офицеры, состоящіе въ отпуску, какъ напримѣръ достойный капитанъ Дампмартенъ, съ которымъ надѣемся въ послѣдствіи короче познакомиться, все это стекается отовсюду посмотрѣть, что̀ будетъ. Наши парижскіе комитеты шестидесяти округовъ заняты болѣе, чѣмъ когда нибудь; теперь становится очевиднымъ, что парижскіе выборы будутъ медленны.

Въ понедѣльникъ 27-го апрѣля астрономъ Бальи замѣтилъ, что г. Ревельонъ не явился къ своей должности. Ре-

вельонъ, значительный бумажный фабрикантъ, человѣкъ аккуратный всегда, не явился въ избирательный комитетъ и никогда не явится. Ужъ не случилось ли что нибудь важное въ его неизмѣримыхъ магазинахъ? Увы! да, увы! Это не монгольфіеровъ шаръ поднимается тамъ теперь; поднялась чернь, поднялся пролетаріатъ, поднялось цѣлое предмѣстіе. Правда ли, будто г. Ревельонъ, бывшій нѣкогда самъ фабричнымъ работникомъ, сказалъ, что работнику очень довольно на содержаніе въ день пятнадцати су? Сумма очень ничтожная, слыханное ли это дѣло! Всѣ горячатся, волнуются; отъ тренія массъ народный темпераментъ становится электрическимъ.

Кто можетъ опредѣлить ту странную форму, которую приметъ новое политическое евангеліе въ этихъ мрачныхъ трущобахъ, въ мрачныхъ головахъ и сердцахъ людей, изнуренныхъ голодомъ? Смотрите: толпы оборвышей, увеличивающіяся толпами праздныхъ зѣвакъ, окружаютъ фабрику, доказывая языкомъ не книжнымъ, но глубоко затрогивающимъ страсти, что пятнадцати су недостаточно на дневное содержаніе работника. Городская стража не можетъ ихъ разсѣять; поднимаются ссоры; начался рёвъ. Ревельонъ, истощивъ всѣ способы, обращается съ мольбами къ народу, обращается къ властямъ. Безенваль, парижскій комендантъ, въ слѣдствіе усильной просьбы Ревельона, посылаетъ подъ вечеръ тридцать человѣкъ французской гвардіи: они благополучно очистили улицу, не прибѣгая къ стрѣльбѣ, и расположились на ней карауломъ на ночь, въ надеждѣ, что все кончено [1]).

[1]) Besenval, t. III, p. 385—386.

Но дѣло идетъ не такъ; на другой день поднялось все предмѣстіе св. Антонія, грозное болѣе чѣмъ прежде, усиленное неизвѣстными бандами людей съ изступленнымъ видомъ и съ толстыми дубинами. Весь городъ бѣжитъ по улицамъ посмотрѣть на нихъ; двѣ повозки, нагруженныя булыжникомъ для мостовой, схвачены, какъ видимый даръ неба. Надобно послать новый отрядъ гвардіи. Безенваль находится въ очень серьезныхъ совѣщаніяхъ съ полковникомъ; рѣшено призвать еще одинъ отрядъ; оба отряда едва могли себѣ очистить дорогу штыками и угрозами, что будутъ стрѣлять. Какая картина! Улица завалена бревнами и наполнена непроницаемыми народными толпами; въ огромной фабрикѣ все поставлено вверхъ дномъ огнемъ и топорами; слышны бѣшеные крики возмущенія, ружейные выстрѣлы, которымъ вторятъ завыванія; сыплются черепицы изъ оконъ и съ кровель; черепицы, проклятія и смерть!

Солнце заходитъ, а С. Антуанъ все еще не успокоился. Весь городъ на открытомъ воздухѣ, бѣгая туда и сюда. Увы! громы ружейныхъ выстрѣловъ раздаются въ отдаленныхъ ресторанахъ предмѣстья и измѣняется тонъ застольныхъ разговоровъ. Капитанъ Дампмартенъ покидаетъ свою бутылку и, въ сообществѣ одного или двухъ изъ своихъ друзей, идетъ посмотрѣть на схватку. Оборвыши посматриваютъ на нихъ косо и кричатъ: долой аристократовъ! оскорбляютъ кавалера св. Лудовика. Они толкаютъ его локтями, но кармановъ не касаются; даже у Ревельона не было ни одной кражи [1]).

---

[1]) Evenements qui se sont passés sous mes yeux endant la revolution française; par A. H. Dampmartin. Berlin. 1799, t. I, p. 25—27.

Съ наступленіемъ ночи, такъ какъ дѣла оставались въ одномъ положеніи, Безенваль вооружается наконецъ рѣшимостью и выводитъ швейцарскую гвардію съ артиллеріею.

Отданъ приказъ идти и во имя закона уговорить толпу разойтись. Гвардейцы будутъ стрѣлять изъ пушекъ картечью, сначала только для вида, но, если толпа будетъ упорно сопротивляться то — стрѣлять въ нее, пока улица не будетъ очищена «до послѣдняго человѣка». Приказъ исполненъ съ энергической рѣшимостью. При видѣ зажженныхъ фитилей и красныхъ мундировъ швейцарцевъ толпы быстро разсѣялись и изчезли въ вечернемъ сумракѣ. Улица загромождена; сотъ до пяти труповъ. Несчастный Ревельонъ укрылся въ Бастиліи и изъ глубины этого каменнаго убѣжища извергаетъ жалобы, протесты, объявленія въ продолженіе цѣлаго мѣсяца.

Отважный Безенваль получаетъ благодарность отъ высшихъ классовъ Парижа, но въ Версалѣ принятъ холодно; обстоятельство, заслуживающее вниманія людей съ истинными заслугами [1]).

Но гдѣ же причина этого великаго побоища, этого электрическаго взрыва? Это дѣло Орлеанскаго! кричитъ партія придворныхъ; онъ съ помощію своего богатства навербовалъ разбойниковъ; онъ какимъ-то таинственнымъ способомъ, безъ барабаннаго боя созвалъ ихъ изъ всѣхъ угловъ города, возмутилъ и воспламенилъ: онъ только въ злодѣйствѣ находитъ свое счастіе. Это дворъ, кричитъ патріотизмъ; это его проклятое золото, это хитрость аристократовъ навербо-

[1]) Besenval, t. III, p. 389.

вала ихъ и ринула на невиннаго Ревельона, чтобы запугать малодушныхъ и отбить охоту къ успѣхамъ свободы.

Безенваль рѣшилъ, что все зло произошло «отъ англичанъ, нашихъ исконныхъ враговъ» [1]). Но, увы! не лучше ли его приписать Діанѣ, явившейся въ видѣ голода, или близнецамъ Діоскурамъ, угнетенію и мщенію, которые такъ часто являются во время битвъ. Бѣдные оборвыши, они угнетены работою и поборами, обезображены отвратительною бѣдностію и однакожъ дыханіе Всемогущаго вдохнуло въ нихъ душу живую. Для нихъ очень ясно, что элевтероманный патріотизмъ пока еще не испекъ хлѣба, что члены платоническихъ комитетовъ спустятъ уровень людской только до своего уровня, и никакъ не ниже. Разбойники они или другіе люди, дѣло ихъ серьезное. Погребая своихъ мертвыхъ, они величаютъ ихъ титломъ защитниковъ отечества, мучениковъ, пострадавшихъ за правду.

Прибавимъ къ этому: возмущеніе сдѣлало первую попытку, первый, такъ сказать, ученическій ударъ, и нельзя сказать, чтобы сдѣлало его дурно. За нимъ послѣдуетъ уже ударъ руки опытной, который возвѣститъ изумленному міру, что верховная власть остается за нимъ неоспоримо. Теперь надобно пробраться къ этой каменной крѣпости, называемой Бастиліей или Батиссою, берлогѣ тираніи, какъ будто бы не было другого зданія для ея пушекъ.

Такимъ-то образомъ волнующаяся Франція покончила свои выборы, послѣ собраній первоначальныхъ и вторичныхъ, съ тетрадями жалобъ, съ разнаго рода волненіями, съ громами

---

[1]) Besenval, III, 389.

кипучаго краснорѣчія и потомъ съ громами выстрѣловъ. Благодаря просѣяванью и вывѣиванью во время волненій и смутъ, она хорошія зерна отобрала въ свои національные депутаты (за исключеніемъ нѣсколькихъ парижскихъ retardataires), въ числѣ двухъ сотъ сорока, и теперь неудержимо спѣшитъ къ открытію генеральныхъ штатовъ.

ГЛАВА IV.

ПРОЦЕССІЯ.

Въ первую субботу мая мѣсяца въ Версали было большое торжество, а понедѣльникъ 4-го мая будетъ днемъ еще болѣе торжественнымъ. Депутаты большею частью уже прибыли и заняли назначенныя имъ помѣщенія. Теперь длинными и правильными рядами ихъ допускаютъ одного за другимъ къ цѣлованію руки его величества. Нельзя сказать, чтобы главный церемоніймейстеръ де Брезэ былъ со всѣми одинаковъ. Вводя въ священное присутствіе дворянство и духовенство, онъ щедро отворяетъ обѣ половинки дверей, тогда какъ третье сословіе входитъ въ одну. Но, хоть и въ одну половинку, а все таки оно входитъ; его величество всѣмъ улыбается.

Съ улыбкою надежды добрый Людовикъ принимаетъ почтенныхъ членовъ. Онъ приготовилъ для собранія залу des Menus, самую обширную, какая только была во дворцѣ, и часто самъ наблюдалъ за рабочими, приспособлявшими ее къ новому назначенію. Въ ней устроена была довольно высокая платформа, на которой долженъ стоять королевскій тронъ, а также помѣщаться принцы крови и дворъ; передъ платформою сдѣланы были мѣста для 600 депутатовъ третьяго сословія, и по бокамъ ея по 300 мѣстъ для дворянства

и духовенства. По сторонамъ залы шли высокія галлереи, назначенныя для почетныхъ дамъ, одѣтыхъ въ раззолоченный газъ, для иностранныхъ дипломатовъ и другихъ сановниковъ въ бѣлыхъ жабо и блестящихъ костюмахъ. Въ этихъ галлереяхъ можетъ помѣститься пожалуй 2,000 человѣкъ. По всей залѣ устроены довольно широкіе проходы между мѣстами и такой же широкій проходъ оставленъ вдоль стѣнъ кругомъ залы. Для коммиссій, для стражи и для храненія верхняго платья отведены особенныя комнаты. Въ самомъ дѣлѣ искусство драпировщиковъ и другихъ мастеровъ сдѣлало для этой залы все, что только можно было сдѣлать. Ярко-красные обои съ толстыми желудями и эмблематическими цвѣтами лилій производили большой эффектъ.

Такимъ образомъ зала для собраній генеральныхъ штатовъ готова, рѣшено даже, въ какихъ костюмахъ слѣдуетъ являться въ эти собранія: третье сословіе будетъ имѣть на головѣ шляпы уже не съ поднятыми, я съ опущенными полями. Но что касается до способа занятій генеральныхъ штатовъ, до подачи голосовъ посословно или поголовно, эти вопросы пока остаются неразрѣшенными и занимаютъ умы 1,200 человѣкъ, хотя и было время для ихъ разрѣшенія; чрезъ нѣсколько часовъ будетъ уже слишкомъ поздно разрѣшать ихъ.

Но вотъ наконецъ наступилъ понедѣльникъ 4-го мая; солнце взошло на безоблачномъ небѣ, какъ оно восходитъ всегда, какъ будто бы это былъ день обыкновенный. Но если его первые лучи вызывали нѣкогда гармоническіе звуки Мемноновой статуи въ долинѣ Нила, то теперь они вызываютъ изъ груди

каждаго версальца пронзительные звуки, полные нетерпѣнія и предсказаній. Почти все населеніе необъятнаго Парижа, во всѣхъ возможныхъ экипажахъ, стремится въ Версаль; изъ каждаго города и изъ каждой деревни постоянно прибываетъ сюда множество новыхъ посѣтителей. Версаль представляетъ собою цѣлое море головъ. Особенно на пространствѣ отъ церкви святаго Людовика до церкви Богоматери столпилось столько народа, что онъ представляетъ собою живыя волны, верхушки которыхъ достаютъ до самыхъ крышъ. На трубахъ, на тумбахъ, на фонарныхъ столбахъ, на крышахъ домовъ, даже на вывѣскахъ сидятъ мужественные патріоты и всѣ окна унизаны красавицами патріотками. Депутаты собираются въ церкви святаго Людовика, чтобы потомъ въ торжественной процессіи отправиться въ церковь Богоматери, гдѣ они должны слушать проповѣдь.

Да, друзья, здѣть есть на что посмотрѣть; вся Франція, вся Европа можетъ прибыть сюда, по крайней мѣрѣ мысленно, и смотрѣть, потому что мало такихъ дней, какъ нынѣшній. Ахъ, если бы можно было оплакать его, какъ плакалъ Ксерксъ! Вотъ они идутъ чинно рядами, тѣсно сомкнутые другъ съ другомъ, какъ ангелы, слетѣвшіе съ неба. Они и многіе другіе, которые будутъ идти послѣ нихъ, улетятъ и изчезнутъ въ необъятной лазури, но память объ этомъ днѣ не изчезнетъ. Это день крещенія демократіи, ее только что родила больная эпоха, когда миновало извѣстное число мѣсяцевъ беременности. Для феодализма это день послѣдняго соборованія масломъ. Дряхлая соціальная система, изнуренная отъ трудовъ (въ самомъ дѣлѣ развѣ, она мало

сдѣлала, развѣ не она произвела васъ и все, что вы имѣете и знаете), съ своими распрями и плутнями, которыя выдавались за славныя побѣды; — съ своею расточительностію, съ своею чувственностію, перешедшею въ старческую похотливость, должна умереть непремѣнно. Среди этой предсмертной агоніи умирающей эпохи и болѣзней рожденія, является новорожденный. Какіе труды предстоятъ ему, о небо и земля, какіе труды! Сраженія и кровь, сентябрскія убійства, мостъ при Лоди, отступленіе отъ Москвы, ватерлооская и петерлооская битвы, избиратели съ десятью марками, могилы и гильотины, цѣлые два вѣка борьбы и сраженій, считая отъ этого дня, если только можно это предсказывать.

Но тѣмъ не менѣе возрадуйтесь же всѣ вы, собравшіеся въ Версали, для васъ сокрыты эти послѣдствія, вы видите одну славную цѣль. Въ настоящій день произнесенъ смертный приговоръ надъ всякою ложью, и всему дѣйствительно существующему суждено воскреснуть, хотя и въ отдаленномъ будущемъ. Въ настоящій день громко, какъ звукъ судной трубы, провозглашено рѣшеніе, что ложь не будетъ болѣе торжествовать. Держитесь за эти слова; положите ихъ въ основаніе всѣхъ вашихъ дѣйствій, хотя бы вы ихъ не слыхали больше, и пусть всѣ грядущія дѣла идутъ сообразно имъ. «Нѣтъ другаго пути, Богъ да поможетъ вамъ!» Такъ говорилъ нѣкто, болѣе великій, чѣмъ всѣ вы, открывая свою главу всемірной исторіи.

Между тѣмъ смотрите: вотъ двери церкви св. Людовика отворены настежъ и самая торжественная изъ всѣхъ процессій выходитъ и направляется къ церкви Богоматери. Воз-

духъ дрожитъ отъ восклицаній, лучше сказать, отъ одного громкаго восклицанія. Въ самомъ дѣлѣ, процессія представляла зрѣлище величественное, торжественное. Въ чинномъ порядкѣ, сообразно церемоніалу, идутъ чины Франціи, а потомъ дворъ; всякій на своемъ мѣстѣ и въ своемъ костюмѣ. Представители общинъ въ простыхъ черныхъ мантіяхъ и бѣлыхъ галстукахъ, дворянство въ бархатныхъ мантіяхъ, яркихъ блестящихъ цвѣтовъ, съ золотымъ шитьемъ и множествомъ кружевъ, въ шляпахъ со страусовыми перьями; духовенство въ сутанахъ и другихъ pontificalibus. Наконецъ идетъ самъ король съ своею фамиліею, всѣ пышно разодѣтые, сіяющіе своимъ послѣднимъ блескомъ. Около 1,400 человѣкъ собралось въ Версаль отовсюду для самой торжественной цѣли.

Да, въ этой массѣ, которая молча идетъ въ процессіи, заключается вся будущность.

Эти люди не несутъ никакого символическаго ковчега, какой былъ у евреевъ, но у нихъ есть свой завѣтъ. Они точно также начинаютъ собою новую эру въ исторіи человѣчества. Вся будущность заключается здѣсь и въ нихъ темная судьба, какъ насѣдка, сидитъ въ своемъ гнѣздѣ. Она сидитъ въ сердцахъ этихъ людей, въ ихъ смутныхъ мысляхъ, непостижимая, но неизбѣжная. Странное дѣло! Эти люди несутъ въ себѣ судьбу Франціи и однакожъ ни имъ и никому изъ смертныхъ не дано прочесть ее: только смотрящій свыше можетъ прочесть, какъ она будетъ раскрываться въ огнѣ и громѣ осадъ и сраженій, въ колыханіи военныхъ знаменъ, въ мѣрномъ топотѣ движущихся войскъ, въ заревѣ горящихъ

городовъ, въ вопляхъ угнетенныхъ народностей! Все это скрыто, зародыши всего этого заключаются въ днѣ четвертаго мая или, лучше, во множествѣ другихъ неизвѣстныхъ дней, которыхъ онъ есть слѣдствіе и плодъ. И сколько чудесъ, совершающихся каждый день, мы узнали бы, если бы имѣли способность проникнуть въ нихъ, которой къ счастію не имѣемъ. Даже самый незначительный день не представляетъ ли собою сліяніе двухъ вѣчностей?

Въ ожиданіи этого представимъ себѣ, другъ читатель, что мы стоимъ вмѣстѣ въ какомъ-нибудь уголкѣ и смотримъ на эту процессію, на это живое море, но не такими глазами, какъ другіе зрители, а глазами пророковъ, по полномочію, данному намъ отъ музы Кліо. Взойдемъ повыше, мы не боимся упасть.

Что касается до живаго моря, до безчисленнаго множества зрителей, то, къ сожалѣнію, оно слишкомъ темно. Впрочемъ, взглянувъ попристальнѣе, не увидимъ ли между ними много личностей, теперь еще неизвѣстныхъ, но которыя не останутся навсегда такими? Вотъ молодая баронесса Сталь стоитъ въ окнѣ между другими почтенными дамами, которыя всѣ старше ея [1]. Отецъ баронессы, какъ министръ, идетъ въ процессіи и есть главное лице въ ея глазахъ. Молодая и умная амазонка, не здѣсь отдохнете вы, ты и отецъ твой, нѣжнолюбимый тобою; какъ Мальбраншъ все существующее видѣлъ въ Богѣ, такъ Неккеръ видитъ все въ Неккерѣ. Теорема, которая не можетъ держаться.

Но гдѣ же молодая дѣвушка съ черными волосами, съ ог-

[1]) Madame de Staël, considerations sur la revolution française. T. I, p. 114—171.

неннымъ сердцемъ и легкаго поведенія, демоазель Тэруань? Ты прекрасная и краснорѣчивая брюнетка своими словами и вдохновенными взглядами размягчишь самыя грубыя сердца, побѣдишь стальные батальоны, соблазнишь даже Австрійскаго императора; судьба назначила тебѣ пику и каску, но, увы! назначила тебѣ также арестантскую куртку и долгое заключеніе въ Санпетріе. Лучше было бы тебѣ остаться въ своемъ родномъ Люксенбургѣ и быть матерью дѣтей какого-нибудь честнаго человѣка; но не таковъ твой жребій!

Нужно имѣть желѣзный языкъ или, лучше сказать, сто языковъ, чтобы перечислить всѣ замѣчательныя лица. Вотъ маркизъ Валади, оставившій свою квакерскую шляпу и пиѳагорейскія изреченія и городъ Глозгау [1]. Де Морандъ съ своимъ courrier de l'Europe, Лангэ со своими Annales, простились съ лондонскими туманами и сдѣлались эксредакторами, чтобы давать гильотинѣ постоянно новыя жертвы и отплатить за себя. Вотъ приподнялся на-носки Лувэ (de Faublas). А вотъ Бриссо, онъ же Варвиль, другъ черныхъ. Онъ вмѣстѣ съ маркизомъ Кондорсэ и женевцемъ Клавьеромъ, основали или готовы основать Монитеръ. Нѣтъ, нужно имѣть особенное перо, чтобы описать этотъ день.

Видите ли вы тамъ вдали, вѣроятно очень низко и никакъ уже не на почетномъ мѣстѣ, нѣкоего Станислава Мольяра, коннаго стража тюрьмы Шатлэ, одного изъ самыхъ искусившихся во всѣхъ дѣлахъ людей? Вотъ капитанъ Гюлэнъ изъ Женевы и капитанъ полка Эли, оба съ полусолдатскимъ видомъ. Вотъ Журданъ съ рыжими бакенбардами, но еще безъ

[1] Fondation de la république Française. Londres, 1798, § Valadi.

рыжей бороды, безсовѣстный лошадиный барышникъ. У него черезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ другое занятіе: онъ слѣлается Журданъ-Coupe-têtes.

Не на почетномъ также мѣстѣ стоитъ или, лучше, лѣпится один толстый смертный, съ гноящимися глазами, съ запахомъ пота и навоза изъ конюшенъ: Жанъ-Поль Мара (изъ Невшателя). О Мара! реноваторъ человѣческой науки, составившій чтенія объ оптикѣ, самый замѣчательный изъ ветеринаровъ, служившій нѣкогда даже въ конюшняхъ герцога д'Артуа, что̀ видитъ въ этой процессіи твоя поблекшая душа, проглядывающая изъ твоего изкаженнаго, свирѣпаго и поблекшаго лица? Видитъ-ли онъ слабый лучъ надежды, блѣдный, какъ утреннія сумерки послѣ ночи де Nouvelle Zemble? Или только голубоватый фосфорическій блескъ, въ которомъ одни привидѣнія, подозрѣнія, несчастія всякаго рода и безконечное мщеніе?

Едва ли нужно говорить объ обойщикѣ Лекуантрѣ, который заперъ свою лавку и прибѣжалъ въ толпу поглазѣть; о Сантерѣ, громогласномъ пивоварѣ изъ предмѣстья св. Антонія. Но необходимо обратить вниманіе еще на двухъ, и только на двухъ. Вотъ мускулистый колоссъ, съ черными нависшими бровями и сдавленнымъ лицемъ, въ которомъ таится энергія геркулеса, но еще отдыхающаго и не разъяреннаго. Это одинъ извѣстный адвокатъ, по имени Дантонъ: замѣтьте его непремѣнно. А вотъ другой, его товарищъ, худощавый, по интригамъ родной его братъ, съ длинными, вьющимися волосами, съ лицемъ бездѣльника, но, къ удивленію, освѣщаемымъ лучами генія, какъ будто внутри его головы

горитъ фотонафтилевая лампа; — это Камиллъ Демулэнъ, умъ острый, злой, одаренный чрезвычайнымъ краснорѣчіемъ, самая свѣтлая, самая возбужденная душа среди этихъ милліоновъ. Бѣдный Камиллъ! Пусть говорятъ, что угодно; но, зная тебя, нельзя не любить; милый шалунъ, блестящій, хотя и вѣтреный! Но мускулистый колоссъ, еще не разъяренный, это, какъ мы сказали уже, Жакъ Дантонъ, имя, очень небезизвѣстное во время революціи. Онъ президентъ избирательнаго округа кордельеровъ въ Парижѣ, или скоро будетъ имъ; скоро дадутъ себя знать его бронзовыя легкія.

Но будетъ намъ разсматривать пеструю толпу зрителей; вотъ уже приближаются во главѣ шествія депутаты третьяго сословія.

Нельзя ли угадать, кто будетъ королемъ между этими 600 личностями въ простыхъ бѣлыхъ галстукахъ, собравшимися для возрожденія Франціи? А кто-нибудь да долженъ быть между ними королемъ или вождемъ, назовите, какъ хотите, какъ и во всякомъ человѣческомъ обществѣ. Каково бы ни было ихъ занятіе, непремѣнно среди ихъ есть человѣкъ, который, по своему характеру, умственному образованію и положенію въ свѣтѣ, больше всѣхъ другихъ къ нему способенъ и конечно этотъ человѣкъ будущій ихъ король, хотя еще теперь неизбранный, идетъ тутъ же вмѣстѣ со всѣми. Ужъ не онъ ли это съ черными волосами, съ кабаньей головой, какъ самъ онъ ее называетъ, назначенной для того, чтобъ ею потрясать, какъ сенаторскимъ знаменемъ? Въ его лицѣ, рябомъ, покрытомъ морщинами и прыщами, въ его густыхъ суровыхъ бровяхъ видны природное безобразіе, слѣды невоз-

держаности, банкротство, но вмѣстѣ съ тѣмъ виденъ и блестящій свѣтъ генія, подобный блеску кометы, ярко сіяющей на небосклонѣ, среди самаго густого мрака. Это Габріель Опоре Рикетти де Мирабо, блестящій ораторъ, вождь людей, депутатъ города Э! Баронесса Сталь говоритъ, что онъ шелъ гордо и не одинъ глазъ покоробило при видѣ того, какъ онъ встряхивалъ свои черные волоса, свою длинную гриву, какъ бы предсказывая великіе подвиги.

Вотъ, читатель, типъ француза новаго поколѣнія, какъ Вольтеръ былъ типомъ французовъ прежняго вѣка. Онъ французъ по всему: по своей жизни и стремленіямъ, по добродѣтелямъ и порокамъ. Всмотритесь въ него хорошенько. Безъ него національное собраніе имѣло бы совсѣмъ другой характеръ. Онъ по всей справедливости могъ бы примѣнить къ себѣ слова стараго деспота: «національное собраніе, это—я».

Онъ происходитъ изъ южныхъ странъ; въ жилахъ его дикая полуденная кровь; много вѣковъ тому назадъ его предки Рикетти или Аригетти бѣжали изъ Флоренціи, во время господства тамъ партіи Гвельфовъ, и поселились въ Провансѣ. Здѣсь во всѣхъ поколѣніяхъ они представляли собою какую-то особую расу; раздражительные, непреклонные, рѣзкіе, но въ то же время твердые, какъ сталь, которую носили на своемъ бедрѣ. Дѣятельность всѣхъ ихъ безпорядочная, иногда близка къ совершенному безумію, хотя до него не доходитъ. Одинъ изъ предковъ Рикетти, напримѣръ, исполняя безразсудный обѣтъ,—связалъ вмѣстѣ двѣ горы цѣпью, и эта цѣпь съ желѣзною звѣздою о пяти лучахъ видна еще до сихъ поръ. А нашъ Рикетти развѣ не могъ бы разъеди-

нить горъ, толкнувши ихъ въ пропасть? Но это еще впереди.

Да, поработала же судьба надъ этой мрачной, колоссальною головою: она бодрствовала надъ Мирабо и давно приготовляла его. Вотъ его дѣдъ, человѣкъ твердый, прозванный Col d'argent, весь изломанный, получившій 27 ранъ въ одномъ сраженіи, вотъ онъ лежитъ окровавленный на мосту при Казано; по немъ взадъ и впередъ скачетъ кавалерія принца Евгенія. Одинъ сержантъ, проходя мимо своего любимаго офицера во время бѣгства, надѣлъ ему на голову походный котелокъ. Вандомъ, увидѣвъ его, уронилъ свои очки и съ горемъ сказалъ: «а Мирабо-то вѣдь умеръ!» Но, не смотря на все это Мирабо остался живъ, хирургія сдѣлала надъ нимъ истинное чудо. Долго еще послѣ этого воскресшій Мирабо, съ своею серебряною шеею, гордо носилъ свою голову; мало того — женился и сдѣлался отцомъ суроваго маркиза Виктора, друга людей. Наконецъ въ роковомъ 1742 году явился на свѣтъ этотъ давно жданный, очень некрасивый Габріэль Оноре, самый неукротимый львенокъ изъ всего своего неукротимаго поколѣнія. Съ какимъ удивленіемъ старый левъ (нашъ старый маркизъ также принадлежалъ къ львиной породѣ, непреклонный, царственнаго вида, развратный), съ какимъ удивленіемъ, говорю, смотрѣлъ онъ на своего первенца! Онъ рѣшился выдрессировать его такъ, какъ еще никогда не дрессировали львовъ. Но напрасно, маркизъ! Этотъ львенокъ, хоть ты его разорви и сдери съ него кожу, никогда не пріучится возить телѣгу политической экономіи и не сдѣлается другомъ людей. Онъ не будетъ ты, а будетъ онъ,

т. е. будетъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ ты. Процессы о разводѣ, заключеніе въ тюрьму всей семьи, кромѣ одного человѣка, 60 lettres de cachet, изданныхъ для одного тебя, удивятъ только свѣтъ.

Нашъ несчастный Габріэль, жертва своихъ и чужихъ грѣховъ, былъ заключенъ на островъ Рэ и изъ своей башни слышалъ шумъ волнъ Атлантическаго океана, а въ замкѣ Ифъ до его слуха долеталъ шумъ волнъ Средиземнаго моря. Побывалъ онъ и въ крѣпости Жу, и въ Венсенскихъ казаматахъ полунагой высидѣлъ 42 мѣсяца, все по милости своего льва отца и его lettres de cachet. Въ Понтарье онъ добровольно отдался плѣнникомъ, настигнутый врасплохъ въ ту минуту, когда во время отлива переходилъ въ бродъ морскую отмель. Когда онъ велъ дѣло въ парламентѣ города Э, о возвращеніи ему жены, народъ взлѣзалъ на крыши, чтобы по крайней мѣрѣ посмотрѣть на него, такъ какъ онъ не могъ слышать этого «claque dents», какъ выражался старый маркизъ Мирабо, который во всемъ судебномъ краснорѣчіи, возбуждающемъ столько удивленія, видѣлъ не болѣе, какъ стукъ челюстей, вылетавшій изъ головы пустой и звонкой, какъ барабанъ. Чего не насмотрѣлся и чего не испыталъ Габріэль Оноре во время своихъ удивительныхъ приключеній! Онъ видѣлъ людей всякаго сорта, начиная отъ сержанта вербовщика до перваго министра, былъ знакомъ со всѣми книгопродавцами французскими и иностранными. И однакожъ всѣхъ людей, кто бы они ни были, онъ умѣлъ заставить полюбить себя (потому что у этого неукротимаго дикаря сердце было общительное, любящее). Особенно любили его женщины: начиная отъ дочери

стрѣлка въ Сентѣ, до прекрасной Софьи Монье, которую онъ долженъ былъ похитить, за что и былъ обезглавленъ (in effigie) заочно. Въ самомъ дѣлѣ со смерти арабскаго пророка, до сихъ поръ еще не явилось такого героя въ любовныхъ похожденіяхъ, владѣвшаго силою, которой бы стало на 30 человѣкъ. На войнѣ онъ помогаетъ завоеванію Корсики, дерется то на дуэли, то въ безпорядочныхъ схваткахъ и рукопашныхъ расправахъ мятежныхъ бароновъ. Въ литературѣ онъ пишетъ о деспотизмѣ, о lettres de cachet, эротическія произведенія, подражанія Сафо и Вертеру, всякаго рода непристойности и ругательства, книги о прусской монархіи, о Каліостро, о Калоннѣ, о компаніяхъ парижскихъ водопроводовъ. Каждое изъ его сочиненій можно сравнить съ костромъ, который зажигаютъ въ случаѣ тревоги въ лагеряхъ, костромъ смолистымъ, дымнымъ, внезапно и ярко вспыхивающимъ. Фитиль, чѣмъ зажигаютъ, принадлежалъ исключительно ему, но горючій матеріалъ, куча старья и хвороста всякаго рода, былъ взятъ имъ у разныхъ барышниковъ и собирателей тряпья. Оттого часто можно было слышать, какъ тотъ или другой собиратель тряпья кричалъ: прочь отсюда, это пламя здѣсь мнѣ принадлежитъ.

Рѣдко можно встрѣтить человѣка съ такой способностью къ заимствованію, какъ Мирабо. Онъ сей часъ усвоивалъ себѣ идею и способность другаго человѣка, могъ, кажется, усвоить его самаго. Tout de reflet et de réverbère, говорилъ старикъ Мирабо. Другъ людей, старый ворчунъ! сынъ заимствовалъ у тебя твою общительность, твою экспансивную природу, и это его самое лучшее качество. Въ своей сороко-

лѣтней борьбѣ противъ деспотизма, онъ получилъ способность помогать самъ себѣ, не утративъ природнаго дара братства, которое не гнушается помощью другихъ. Рѣдкое соедниеніе! Этотъ человѣкъ можетъ жить, довольствуясь самимъ собою, но онъ въ то же время живетъ жизнью другихъ, заставляя ихъ полюбить себя, работать вмѣстѣ съ собою; онъ рожденъ повелѣвать людьми!

Но посмотрите, какъ онъ, по словамъ стараго маркиза, пустилъ на вѣтеръ всѣ условныя формулы жизни. Фактъ многозначительный для этого времени. Это человѣкъ, дѣйствующій не по системѣ, а по инстикту, по внутреннему такту; онъ смѣло глядитъ на всякій предметъ, видитъ его насквозь и овладѣваетъ имъ вполнѣ: у него есть умъ, есть воля, есть сила болѣе, чѣмъ у всякаго другаго; у него не очки логики, а вѣрный глазъ. Къ несчастію, для него не существуетъ ни декалога, ни кодекса нравственнаго, ни вообще твердыхъ правилъ, хотя въ немъ сильная душа, а въ душѣ искренность и притомъ искренность дѣйствительная, неподдѣльная, безъ комедій. И вотъ, сороколѣтній врагъ деспотизма, пустившій на вѣтеръ всѣ условныя формулы, скоро будетъ глашатаемъ всего народа, желающаго того же, чего и онъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего хочетъ Франція, какъ не борьбы съ деспотизмомъ, отверженія всѣхъ старыхъ формулъ, которыя она нашла пустыми, обветшавшими, далекими отъ дѣйствительности? Она хочетъ покончить съ такими формулами, хотя пришлось бы при этомъ нѣсколько времени остаться безъ всякихъ формулъ, пока не найдутся новыя.

Вотъ куда и вотъ какимъ способомъ стремится этотъ не-

обыкновенный Рикетти Мирабо. Онъ выступаетъ своею гордою и суровою поступью, съ своими черными волосами Самсона, разсыпающимися по плечамъ изъ-подъ надвинутой шляпы. Это зажженная масса горючихъ веществъ, неугасимая, которая наполнитъ своимъ дымомъ всю Францію. Теперь воздухъ коснулся этой массы, она загорится на свободѣ. Странная судьба этого человѣка! Сорокъ лѣтъ внутренняго огня, сорокъ лѣтъ тушенія и черныхъ паровъ и наконецъ побѣда надъ всѣмъ этимъ. Изъ него, какъ изъ огнедыщащей горы, изверженіе летитъ до небесъ; въ продолженіи цѣлыхъ 23 мѣсяцевъ горѣнія онъ извергаетъ въ видѣ огня все, что накопилось внутри его, служа маякомъ и удивленіемъ для изумленной Европы; потомъ навсегда стихаетъ утомленный, охлажденный. Но проходи же загадочный Габріель-Онорэ, самый великій изъ всѣхъ депутатовъ! Во всемъ народномъ представительствѣ, во всемъ народѣ нѣтъ тебѣ равнаго, нѣтъ втораго тебя.

Но, если Мирабо самый великій изъ числа шестисотъ, то кто же между ними самый малый? Посмотрите на этого тонкаго господина, около тридцати лѣтъ, въ очкахъ, со взглядомъ безпокойнымъ, съ тусклыми осторожными глазами, съ поднятымъ носомъ, какъ будто тоскливо обнюхивающимъ въ воздухѣ неизвѣстную будущность. Цвѣтъ лица его желчный, съ какимъ-то блѣднозеленымъ оттѣнкомъ [1]). Это зеленоватое существо Максимиліанъ Робеспьеръ, аррасскій адвокатъ, сынъ адвоката. Отецъ его основалъ масонскія ложи подъ покровительствомъ Карла Эдуарда, англійскаго претендента. Старшій его сынъ Максимиліанъ получилъ скромное воспи-

[1]) Mod. de Staël, Considerations, II, 142.

таніе: онъ воспитывался на казенный счетъ въ коллегіи Людовика великаго въ Парижѣ, гдѣ его товарищемъ былъ веселый Камиль Демуленъ. Но онъ просилъ своего покровителя, кардинала Рогана, извѣстнаго по исторіи съ ожерельемъ, позволить ему выйти изъ школы, чтобы помѣстить туда на казенный счетъ своего младшаго брата. Воротившись въ отцовскій домъ въ Аррасѣ, онъ долженъ былъ защищать въ судѣ процессъ по дѣлу о первомъ громоотводѣ, устроенномъ Франклиномъ, который ему удалось выиграть. Характера безпокойнаго, но прямаго, съ умомъ не глубокимъ, но быстрымъ, онъ скоро пріобрѣлъ расположеніе оффиціальныхъ лицъ, которыя видѣли въ немъ прекраснаго дѣловаго человѣка, и, къ ихъ удовольствію, вовсе не геніальнаго Арраскій епископъ назначилъ его судьею своей епархіи и здѣсь Роберспьеръ отличился справедливостью. Но вотъ разъ представляютъ ему виновнаго въ одномъ преступленіи, за которое долженъ онъ быть повѣшенъ и строго нравственный Максъ долженъ былъ отказаться отъ своего мѣста; его совѣсть не позволила ему осудить на смерть сына адамова. Мнительный, ограниченный человѣкъ, совершенно неспособный къ революціямъ! Твоя водянистая и прѣсная душа, какъ жидкое пиво, не забродитъ съ силою уксуса до тѣхъ поръ, пока вся Франція не сдѣлается злѣйшею кислотою. Мы еще встрѣтимся съ нимъ потомъ.

Между двухъ крайностей самаго великаго и самаго малаго, сколько другихъ великихъ и малыхъ личностей идутъ въ этой процессіи и каждаго изъ нихъ ждетъ своя судьба! Вотъ Казалесъ, молодой, ученый офицеръ, будущій краснорѣчивый ро-

ялистскій ораторъ. Вотъ два человѣка, опытные въ парламентскихъ дѣлахъ, Монье и Малуэ, но ихъ парламентская и президентская опытность не устоитъ противъ силы вещей. Вотъ Петіонъ, промѣнявшій адвокатскую мантію и занятія въ Шартрѣ на самый бурный изъ всѣхъ процессовъ; но онъ не забылъ привести съ собою скрипку, такъ какъ очень любитъ музыку. Волосы его начинаютъ сѣдѣть, хотя онъ еще молодъ. Всѣ его убѣжденія и вѣрованія носятъ характеръ непоколебимой твердости, но самое твердое изъ всѣхъ его вѣрованій, это вѣра въ самаго себя. Вотъ протестанскій пасторъ Рабо Сент-Этьенъ, статный молодой человѣкъ, обладающій сильнымъ краснорѣчіемъ; вотъ Барнавъ: они также будутъ способствовать возрожденію Франціи. Сколько между ними вовсе молодыхъ! Въ Спартѣ не позволялось мущинѣ жениться раньше 30 лѣтъ. Но здѣсь сколько такихъ, которымъ нѣтъ еще 30 лѣтъ, а между тѣмъ они призваны дать бытіе не одному гражданину, а возродить цѣлую націю! Старшіе должны заняться поправкою финансовыхъ дѣлъ, а молодые очистить всю общественную грязь. Это послѣднее дѣло не есть ли самое настоятельное?

Самые безличные изъ всѣхъ депутатовъ, это депутаты Нанта. Это куклы въ черныхъ плащахъ и шляпахъ, съ опущенными полями; въ ихъ карманахъ есть также прошенія о разныхъ нуждахъ, изъ которыхъ особенно замѣчательно слѣдующее: «просимъ, чтобы хозяева парикмахерскихъ въ Нантѣ не были стѣснены впредь допущеніемъ въ ихъ цехъ новыхъ мастеровъ, такъ какъ настоящее число 92 больше, чѣмъ достаточно». Въ Реннѣ выбрали депутатомъ фермера Жерара, человѣка съ здравымъ смысломъ и съ природною прямотою, хотя безъ

всякаго образованія. Вотъ онъ идетъ твердымъ шагомъ, одинъ только въ деревенской одеждѣ фермера, такъ какъ онъ не терпитъ плащей и всякихъ парадныхъ костюмовъ. Имя Жерара, или дяди Жерара, какъ его называютъ, будетъ скоро извѣстно очень далеко, благодаря безконечнымъ эпиграммамъ и сатирамъ роялистовъ и дидактическимъ альманахамъ республиканцевъ. Самъ Жераръ, послѣ первыхъ опытовъ занятія парламентскими дѣлами, на вопросъ, что онъ думаетъ о нихъ, откровенно отвѣчалъ: «я думаю, что между нами есть много негодяевъ». Такъ идетъ нашъ дядя Жераръ въ своихъ толстыхъ сапогахъ, все равно, куда бы ни лежалъ путь.

А достойный докторъ Гильотэнъ, котораго мы когда-то надѣялись встрѣтить? Онъ долженъ быть здѣсь, хотя его нѣтъ, но мы пророческимъ окомъ видимъ его;—въ самомъ дѣлѣ, парижскіе депутаты всѣ немного запоздали. Чудакъ Гильотэнъ, почтенный практикъ, которому, какъ бы на смѣхъ, судьба дала безсмертіе самое странное, какое только когда нибудь вызывало смертныхъ изъ нѣдръ забвенія. Онъ могъ усовершенствовать вентиляцію залъ, могъ оказать дѣйствительныя услуги полиціи по части медицины и гигіены; но надобно же, чтобъ онъ сверхъ всего этого могъ также сочинить трактактъ объ уголовномъ кодексѣ, въ которомъ представилъ изобрѣтенную имъ машину для отрѣзанія головы и художнически выполненную, которая скоро сдѣлается извѣстною повсюду. Вотъ каковъ былъ плодъ занятій Гильотэна, конечно, стоившій ему довольно размышленій и чтенія,—плодъ, который народная благодарность или легкомысліе окрестили производнымъ отъ него именемъ женскаго рода, какъ будто эта ма-

шина была его дочерью—Гильотина. «Моею машиною, господа, вамъ будутъ отрубать головы въ одно мгновеніе, такъ что вы не почувствуете никакой боли». Всѣ смѣются этому. Несчастный докторъ! Двадцать два года ты только и будешь слышать о Гильотинѣ, только ее ты и будешь видѣть. Даже послѣ смерти много вѣковъ будешь блуждать ты неутѣшнымъ привидѣніемъ на мрачныхъ берегахъ Стикса и Леты; а имя твое переживетъ, пожалуй, имя Цезаря.

Посмотрите, вотъ Бальи, также парижскій депутатъ, написавшій исторію астрономіи древней и новой, пріобрѣтшій репутацію, освященную временемъ. Бѣдный Бальи! Какъ скоро твоя спокойная и изящная философія, поверхностная и легкая, какъ свѣтъ луны, изчезнетъ въ густомъ и мрачномъ туманѣ меріи, президенства, дипломатическаго оффиціализма, пошлости и наконецъ совершенно погрузится въ вѣчную бездну мрака! Довольно труденъ переходъ отъ небеснаго млечнаго пути къ красному знамени революціи. Послѣ этого роковаго очага, въ этотъ адскій день, который для тебя будетъ, конечно, послѣднимъ, ты задрожишь, хотя только отъ холода. Отвлеченная работа не годится для практики; быть слабымъ еще не бѣда, но ужасно быть слабѣе своего дѣла! Будь проклятъ день, въ который посадили тебя, жалкаго пѣшехода, на бѣшенаго гиппогрифа демократіи, который, оставивъ твердую землю, летитъ выше звѣздъ и котораго не могъ осѣдлать еще ни одинъ извѣстный Астольфъ!

Въ числѣ депутатовъ третьяго сословія есть купцы, артисты, ученые люди, 372 адвоката и одинъ священникъ, аббатъ Сіейсъ. Онъ также одинъ изъ двадцати депутатовъ

Парижа. Посмотрите на этого маленькаго и легкаго человѣка; онъ гордится своею логикою; это человѣкъ безстрастный или, лучше сказать, въ немъ единственная страсть личное тщеславіе, если можно назвать страстью то, когда человѣкъ теряется среди облаковъ транцендентализма въ сосредоточенномъ и изолированномъ величіи, чтобы сѣсть наконецъ на парламентскую скамью въ видѣ какого-то бога, взирающаго безучастно на дѣла человѣческія съ высоты своего эмпирея. Это человѣкъ, вся мудрость котораго умретъ съ нимъ. Это Сіейсъ, строитель системъ и конституцій, которыя къ несчастью падутъ всѣ прежде, чѣмъ онъ уберетъ подмостки. «Кажется я первый вполнѣ постигъ науку политики», говорилъ онъ Дюмону. А любопытно было бы узнать, какъ Сіейсъ теперь (говорятъ онъ еще живъ) смотритъ на свою постройку конституціи, когда глубокая старость поотрезвила его.

Такъ идутъ въ процессіи депутаты третьяго сословія посреди оглушительныхъ криковъ «виватъ» и благословеній, посылаемыхъ всѣми сердцами.

За ними идетъ дворянство и потомъ духовенство. Можно бы спросить у этихъ двухъ сословій: что они собственно будутъ дѣлать въ этомъ собраніи? Они и не думаютъ объ отвѣтѣ на вопросъ, который будетъ предложенъ имъ громовымъ голосомъ: что вы дѣлаете на этой прекрасной божіей землѣ, въ этомъ раю труда, гдѣ не трудятся только нищіе, да воры? Горе, горе имъ и всѣмъ, кто можетъ отвѣтить на это не болѣе, какъ только: «мы собираемъ десятины, мы охотимся за дичью». Посмотрите, впрочемъ, какъ герцогъ Орлеанскій старается идти впереди своего дворянства, чтобы примкнуть къ депу-

татамъ третьяго сословія. Въ честь его раздаются крики: виватъ! На долю другихъ представителей дворянства приходится очень мало такихъ криковъ, хотя у всѣхъ ихъ торжественно развѣваются перья на шляпахъ и всѣ со шпагами на боку. Въ числѣ ихъ мы видимъ д'Энтрига, молодого лангедокскаго дворянина, и кромѣ того еще нѣсколько перовъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ.

Вотъ Ліанкуръ и Ларошфуко, два либерала англомана, вотъ Лалли, вотъ братья либералы Ламеты. Но выше всѣхъ стоитъ Лафайэтъ: онъ скоро будетъ Кромвелемъ Франціи и слава имени его наполнитъ весь міръ. Онъ также отказался отъ многихъ условныхъ жизненныхъ формулъ, но не отъ всѣхъ. Онъ усвоилъ себѣ формулу Вашингтона, держится за нее, какъ морское судно за якорь и, не смотря на всѣ волненія и бури, остается неподвижно на своемъ мѣстѣ; это доставляетъ ему счастье, хотя можетъ быть и не славу. Онъ одинъ изъ всѣхъ французовъ имѣетъ опредѣленный взглядъ на міръ и здравый смыслъ, чтобы жить сообразно съ нимъ. А вотъ дальше идетъ нашъ старый парламентскій знакомецъ Криспинъ Катилипа д'Эспремениль. Онъ воротился съ острововъ Средиземнаго моря горячимъ роялистомъ, раскаивающимся до конца своихъ ногтей. Его умственныя очи тусклы и, въ лучшее для него время, теперь блестятъ только по временамъ и скоро національное собраніе объявитъ его въ состояніи аберраціи зрѣнія.

Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на молодого круглаго Мирабо, который съ негодованіемъ видитъ своего брата представителемъ третьяго сословія. Это виконтъ Мирабо, извѣ-

стный больше подъ именемъ бочки-Мирабо, благодаря своему шарообразному лицу и поглощенію спиртныхъ напитковъ въ необъятномъ количествѣ.

Такъ-то идетъ наше дворянство во всемъ своемъ рыцарскомъ блескѣ; но, увы! какъ измѣнилось его положеніе. Они удалены отъ своей родной географической полосы, какъ ледяныя горы арктическаго полюса, вступившія въ экваторіальныя моря, чтобъ въ нихъ растаять и изчезнуть совершенно. Было время, когда эти рыцари-вожди (duces) дѣйствительно вели за собою міръ, конечно, только къ битвамъ, которыя тогда доставляли единственную выгоду. А такъ какъ они были самыми способными вождями, то и брали себѣ вездѣ львиную часть, которой у нихъ никто и не думалъ оспоривать. Но теперь, когда изобрѣтены улучшенныя орудія производства, машины, векселя, когда даже для битвъ можно нанимать солдатъ за 18 су въ день, какое значеніе имѣютъ эти рыцари съ своими бархатными мантіями, расшитыми золотомъ, и шляпами съ высокимъ плюмажемъ? Это трости, колеблемыя вѣтромъ.

За дворянствомъ по очереди идетъ духовенство съ просьбами объ уничтоженіи нѣкоторыхъ бенефицій, объ учрежденіи новыхъ епископскихъ резиденцій, о болѣе исправномъ платежѣ десятинъ. Сановники духовные выступаютъ торжественно и держатся въ сторонѣ отъ большаго числа не сановниковъ, которые не что иное, какъ третье сословіе въ духовной одеждѣ. На духовенствѣ также сбудется изреченіе Спасителя: «первые будутъ послѣдними,» къ ихъ величайшему изумленію. Напримѣръ, замѣтьте этого смиреннаго Григорія; будетъ время, онъ сдѣлается епископомъ, а самые высокіе те-

перь будутъ странствовать повсюду и получатъ мѣста in partibus. Замѣтьте еще аббата Мори съ его широкимъ и смѣлымъ лицомъ, съ его ртомъ, кажется нарочно устроеннымъ для гримасъ, съ его больными глазами, въ которыхъ свѣтится умъ, лживость и тотъ родъ софизма, который никакъ не хочетъ признать себя софизмомъ. Искусно починивая старыя тряпки, такъ чтобы онѣ казались новыми, онъ будетъ постоянно возвышаться. Онъ говорилъ Мерсье: «вы увидите, что меня прежде васъ выберутъ въ академію» [1]. Очень вѣроятно, искусникъ Мори, очень вѣроятно! даже болѣе, ты получишь кардинальскую шапку, мантію и славу, но потомъ удѣломъ твоимъ, какъ большей части людей, будетъ забвеніе и шесть футовъ земли на кладбищѣ! Стоитъ ли для этого заниматься починкою стараго тряпья? Жизнь твоего старика отца, искуснаго сапожника, будетъ пожалуй славнѣе. У Мори нѣтъ недостатка въ смѣлости. Въ послѣдствіи онъ будетъ носить пистолеты, и на крики иступленнаго народа: «къ фонарю!» спокойно отвѣтитъ: «друзья, лучше ли вы отъ этого разглядите?»

Видите ли вы, тамъ вдали хромаетъ Талейранъ-Перигоръ, епископъ Отэнскій. Сардоническая улыбка играетъ на губахъ высокопочтеннаго владыки Отэнской эпархіи. Онъ надѣлаетъ и испытаетъ много удивительныхъ вещей и самъ сдѣлается весьма удивительнымъ явленіемъ. Этотъ человѣкъ живетъ ложью и во лжи, но его нельзя назвать лживымъ человѣкомъ: въ этомъ-то и заключается его особенность. Онъ сдѣлается загадкою для будущихъ поколѣній, по крайней мѣрѣ можно этого на-

[1]) Mercier, Nouveau Paris.

дѣяться. Подобное произведеніе природы и искусства возможно только въ настоящую эпоху, эпоху бумагъ и истребленія бумагъ. Талейранъ и Лафайэтъ могутъ считаться вершинами людей ихъ профессіи. Можно сказать о нихъ смотря на то, что они сдѣлали и чѣмъ они были: o tempus ferax rerum!

Сказать правду, и бѣдное духовенство не также ли какъ и дворянство увлечено потокомъ времени далеко отъ своей родной географической широты? Когда-то они были истинными пастырями душъ, толковали мудрость, раскрывали то, что есть въ человѣкѣ святаго, были намѣстниками Бога на землѣ; но теперь? Молча идутъ они съ просьбами, какія могли написать, и никто не кричитъ имъ вслѣдъ: Богъ да благословитъ васъ!

Король Людовикъ XVI со своимъ дворомъ замыкаетъ шествіе; онъ веселъ въ этотъ день надежды; его привѣтствуютъ вездѣ рукоплесканіями, но еще больше рукоплесканій достается на долю его перваго министра Неккера. Одной королевѣ не улыбается никакая надежда. Несчастная королева! Волосы твои уже начинаютъ сѣдѣть отъ тревогъ и креста, который ты несешь; старшій твой сынъ умираетъ въ эти дни; черная клевета наложила на твое имя неизгладимое пятно, неизгладимое до тѣхъ поръ, пока живо настоящее поколѣніе. Вмѣсто криковъ, да здравствуетъ королева! ей на зло кричатъ: да здравствуетъ герцогъ Орлеанскій! Отъ ея королевской красоты почти ничего не осталось, кромѣ величія: но это величіе неграціозное, а гордое, суровое и молчаливо терпѣливое. Съ чувствомъ, вовсе нерадостнымъ, встрѣчаетъ она этотъ день, котораго надѣялась никогда не видѣть. Бѣдная Марія

Антуанетта! Несчастна ты, при всѣхъ твоихъ благородныхъ порывахъ, при твоемъ быстромъ и проницательномъ взглядѣ, впрочемъ слишкомъ узкомъ для дѣла, которое предлежитъ тебѣ! Много ждетъ тебя слезъ и горькихъ скорбей; будетъ надъ чѣмъ показать тебѣ нѣжную заботливость женщины, хотя въ груди твоей и бьется императорское сердце дочери Маріи-Терезіи. Закрой, бѣдная женщипа, обреченная на жертву, закрой глаза твои отъ будущаго!

Такъ въ величественной процессіи шли представители Франціи: иные идутъ къ почестямъ и дѣятельности, иные, напротивъ, къ безславію, очень многіе къ рѣзнѣ, къ смутамъ, эмиграціи, отчаянію. Но всѣ идутъ къ вѣчности! Столько разнородныхъ элементовъ соединилось вмѣстѣ въ одномъ бродильномъ чанѣ для того, чтобы составить лѣкарство, предназначенноэ изцѣлить умирающую соціальную систему. Вѣроятно не было еще никогда на нашей планетѣ такого удивительнаго собранія людей для подобной цѣли. Общество совсѣмъ запуталось и каждую минуту готово извергнуть все то, что накипѣло въ бездонныхъ его глубинахъ. А эти люди—его вожди, его врачи, сами не имѣющіе никакого вождя для себя, кромѣ евангелія отъ Жанъ-Жака Руссо. По мнѣнію самаго умнаго изъ нихъ, по крайней мѣрѣ того, кого мы можемъ назвать самымъ умнымъ, человѣкъ есть только случайное явленіе на землѣ. У него нѣтъ никакихъ обязанностей кромѣ составленія конституціи. Надъ нимъ нѣтъ неба, подъ нимъ нѣтъ ада и нѣтъ никакого Бога въ мірѣ.

Есть ли какая нибудь другая вѣра въ этихъ 1,200 человѣкахъ? Есть вѣра въ шляпы съ плюмажемъ, въ геральдиче-

скіе щиты, въ божественное право королей, въ божественное право истребителей дичи. Есть еще вѣрованіе или, что еще хуже, какой-то религіозный жаргонъ, полувѣра или, пожалуй, какая-то макіавелическая личина вѣры въ освященный хлѣбъ и божественность итальянскаго старика!

По крайней мѣрѣ среди этихъ смутъ, среди этой неизмѣримой испорченности, которыя слѣпо борются, чтобы сдѣлаться яснѣе и чище, можно различить едва замѣтный зародышъ новой жизни, это — твердая рѣшимость покончить со старою ложью. Эта рѣшимость, сознательно или безсознательно, сдѣлалась очень твердою; она дошла у иныхъ до помѣшательства, до мономаніи; она приняла извѣстный видъ и будетъ быстро раскрываться на дѣлѣ; она чудовищна, страшна, неизобразима; это совершенная новость, которой не бывало цѣлыя тысячелѣтія. Она похожа на небесный свѣтъ, который часто закутывается въ элекрическихъ мракахъ, чтобы потомъ перейти въ молнію, разрушающую для того, чтобы очистить. Впрочемъ не эта ли тьма и не эта ли удушливая атмосфера земли приводятъ свѣтъ и молнію? Итакъ, неужели и новое Евангеліе, также какъ и старое, должно родиться въ моментъ разрушенія міра?

Читатель можетъ себѣ представить, какъ депутаты слушали торжественную мэссу и проповѣдь, какъ они рукоплескали проповѣднику, какъ скоро онъ начиналъ говорить о политикѣ, какъ на другой день торжественно были введены въ залу засѣданій и наконецъ сдѣлались генеральными штатами. Король съ высоты своей эстрады, великолѣпный, какъ Соломонъ во всей своей славѣ, озираетъ кругомъ величественную

залу, въ которой столько плюмажей, столько устремленныхъ на него взлядовъ, которая сіяетъ всѣми цвѣтами радуги на высокихъ галлереяхъ, гдѣ красота сверкаетъ кокетливыми глазами. На его широкомъ, полномъ лицѣ написано удовольствіе, какъ у человѣка, который, послѣ долгаго путешествія, наконецъ входитъ въ свой домъ! Вотъ онъ встаетъ и громкимъ голосомъ, произноситъ приличную случаю рѣчь. Мы не будемъ разсказывать читателю ни рѣчи короля, ни слѣдовавшихъ за нею рѣчей; послѣ него говорили—канцлеръ и Неккеръ, одинъ говорилъ часъ, другой два часа; рѣчи того и другого были исполнены патріотизма, надежды, вѣры и сознанія въ дефицитѣ...

Замѣтимъ только, что когда его величество, кончивъ рѣчь, надѣлъ шляпу съ плюмажемъ и дворянство, по обычаю, послѣдовало его примѣру, то же сдѣлали и депутаты третьяго сословія, не безъ нѣкотораго гордаго жеста, при чемъ иные даже смяли свои шляпы съ опущенными полями, и стоя ждали, что изъ этого выйдетъ [1]). По залѣ пробѣжалъ ропотъ, раздались крики между большинствомъ и меньшинствомъ: надѣньте шляпы! Снимите ихъ! Наконецъ, король положилъ конецъ этому, снявши самъ свою королевскую шляпу.

Засѣданіе кончилось безъ всякихъ другихъ происшествій, впрочемъ и этотъ случай со шляпами довольно знаменателенъ: такъ Франція открыла свои генеральные штаты.

---

[1]) Histoire parlament. t. I, p. 356. Mercier, Nouveau Paris.

КНИГА ПЯТАЯ.

ТРЕТЬЕ СОСЛОВІЕ.

ГЛАВА I.

ИНЕРЦІЯ.

Наконецъ эта отчаянная Францiя въ своемъ національномъ собраніи достигла кой-чего великаго, важнаго, необходимаго; но чего же именно? вотъ въ чемъ вопросъ. Этотъ вопросъ трудно разрѣшить даже холоднымъ наблюдателямъ на томъ разстояніи времени, на какомъ находимся мы; а для дѣятелей того времени это былъ совершенно неразрѣшимый вопросъ. Генеральные штаты, созданные и приведенные въ дѣйствіе страстными усиліями всего народа, сами по себѣ представляютъ великое и очень высокое дѣло. Торжествующая надежда готова признать ихъ мѣднымъ зміемъ пустыни, изцѣляющимъ отъ всѣхъ золъ, отъ всѣхъ укушеній ядовитыхъ змѣй всякаго, кто только съ вѣрою на него смотритъ.

Мы можемъ отвѣтить: генеральные штаты сдѣлались по крайней мѣрѣ символическимъ знаменемъ, около котораго соберутся цѣлыя 25 милліоновъ отчаянныхъ, стѣнящихъ лю-

дей, до сихъ поръ бывшихъ разрозненными и безсильными, соберутся, чтобы сдѣлать то, что́ они могутъ сдѣлать. Если начнется борьба, что очень возможно представить, тогда штаты будутъ знаменемъ битвы (какъ Итальянскій гонфалонъ въ своемъ старомъ карроччіо): его повезутъ всюду, водрузивши высоко на колесницѣ, блестящей какъ солнце, и онъ будетъ издавать страшные сигнальные звуки своимъ желѣзнымъ языкомъ. Это дѣло первой необходимости. Знамя окажетъ неоцѣненныя услуги народу, въ авангардѣ ли оно будетъ, или въ центрѣ, будетъ ли оно вести толпу за собою на бой, или, напротивъ, само будетъ слѣдовать за нею. Впродолженіе нѣкотораго времени, пока это знамя развѣвается въ первыхъ рядахъ, даже когда оно остается неподвижнымъ и уединеннымъ, ожидая сосредоточенія силъ вокругъ себя, національная колесница и сигнальный колоколъ, слышный издалека, будутъ главнымъ предметомъ нашего вниманія.

Исторія со шляпами доказала, что депутаты третьяго сословія не уступятъ первенства ни дворянству, ни духовенству никому, кромѣ короля, да и тому едва-едва. Вотъ куда привели насъ contrat social и сила общественнаго мнѣнія.

Пришедши въ залу на другой день, эта неорганическая масса 600 депутатовъ третьяго сословія не нашла тамъ представителей другихъ сословій. Это очень озадачило ихъ. Вѣдь зала должна быть общею для всѣхъ, а между тѣмъ духовенство и дворянство удалились въ особенныя комнаты, для повѣрки полномочій отдѣльно по сословіямъ. Не хотятъ ли уже они образовать два отдѣльно вотирующія сословія? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, дворянство и духовен-

ство приняли такое рѣшеніе; два сословія противъ одного? Да вѣдь послѣ этого tiers etat всегда будетъ меньшинствомъ.

Много вопросовъ неразрѣшенныхъ; но вопросъ о томъ, чтобы не допустить раздѣльности сословій, уже рѣшенъ въ умахъ представителей третьяго сословія, въ умахъ всей французской націи. Иначе двойное представительство и все остальное, что было пріобрѣтено борьбою, сдѣлалось бы чистымъ нулемъ. Безъ сомнѣнія нужно повѣрить полномочія, избирательныя довѣренности однихъ депутатовъ должны быть разсмотрѣны другими; съ этого нужно было начать. Самый вопросъ о способѣ повѣрки полномочій, отдѣльно ли по сословіямъ или нѣтъ, конечно самъ по себѣ не есть вопросъ жизненный; но что, если онъ повлечетъ за собою вполнѣ жизненный. Надобно ему противодѣйствовать. Очень умно это правило: сопротивляйтесь сначала, Principiis obsta. Если упорство вовсе некстати, даже опасно, во всякомъ случаѣ попытаться все таки совершенно естественно; эта попытка къ сопротивленію съ 25 милліонами людей назади можетъ обратиться въ упорное сопротивленіе. Неорганическая масса депутатовъ третьяго сословія рѣшилась выбрать систему бездѣйствія и на нѣсколько времени остается неорганизованною.

Такую-то тактику, внушенную благоразуміемъ или страхомъ, усвоили себя представители общинъ, и ловко и упорно держатся ея; они тянутъ день за день, недѣлю за недѣлю; цѣлыя шесть недѣль ихъ исторія была, что называется, безплодной, и однакоже она-то, какъ извѣстно естествоиспытателю, и бываетъ часто самою плодотворною; это дни безмолвнаго творенія, періодъ высиживанія яйца. Дѣятельность

заключалась въ то время въ стараніи продолжить бездѣйствіе. Каждый день они собирались, жалѣли, что не могутъ организоваться посредствомъ общей повѣрки полномочій и начать возрожденіе Франціи. Если произойдутъ матежныя движенія, то ихъ подавятъ; одно бездѣйстіе непобѣдимо и безнаказанно.

Хитрость слѣдуетъ побѣждать хитростью, горделивыя притязанія упорнымъ и стойкимъ бездѣйствіемъ, тономъ патріотической скорби. Мудрость змія и чистота голубя: какое зрѣлище для Франціи! 600 личностей, существенно необходимыхъ для ея возрожденія и спасенія, сидятъ на своихъ полукруглыхъ скамьяхъ, страстно желая жизни, въ нетерпѣливомъ ожиданіи, какъ души. готовыя родиться. Произносятъ самыя краснорѣчивыя рѣчи, и молва разноситъ ихъ повсюду. Умы волнуются, нація смотритъ на все это съ возрастающимъ интересомъ. Такимъ образомъ депутаты продолжаютъ свое высиживаніе яйца.

По временамъ бываютъ частныя собранія, ужины, совѣщанія; основались два клуба: Бретонскій и Вирофлэ, родоначальники многихъ другихъ. Здѣсь сосредоточиваются разные темные слухи, раздраженіе, ярость; но яйцо будущаго совершенно безопасно и не разобьется прежде времени. Для этого имѣютъ довольно опытности Мунье, Малуэ и Лешапелье и достаточно жара Барнавъ и Рабо. Иногда приходитъ вдохновеніе отъ царственнаго Мирабо; тогда еще никто не признаетъ его царственнымъ; даже при самомъ имени его слышенъ бываетъ ропотъ; но онъ борется для того, чтобы признали его такимъ.

Въ продолженіи недѣли депутаты общинъ, выбравъ предсѣ-

дателемъ одного изъ своей среды, старшаго по лѣтамъ, и давъ ему молодыхъ помощниковъ съ хорошими легкими, заговорили скорбнымъ тономъ, слышнымъ далеко, что вотъ-де они доселѣ составляютъ все еще нестройную массу и очень желаютъ организоваться. Къ нимъ поступаютъ разныя бумаги, но они ихъ не распечатываютъ и оставляютъ въ бюро. Между тѣмъ дворянство и духовенство продолжаютъ свои отдѣльныя засѣданія, а любопытная публика наполняетъ всѣ галлереи, всѣ углы. Наконецъ рѣшено послать къ духовенству и дворянству не то что депутацію, потому что неорганизованное собраніе не имѣетъ права посылать депутацій, но нѣсколько представителей третьяго сословія, которые должны сказать, какъ будто отъ себя, что представители общинъ, кажется, ждутъ ихъ для повѣрки полномочій. Это самый благоразумный путь.

Духовенство, имѣющее среди себя много простыхъ священниковъ, тотчасъ прислало депутацію объявить почтительно общинамъ, что оно занято теперь этимъ дѣломъ. Дворянство, напротивъ, отвѣчало рыцарскимъ тономъ, спустя уже четыре дня, что оно совершенно кончило повѣрку полномочій и окончательно организовалось и что оно думало, что тоже сдѣлали и представители общинъ, что повѣрка по сословіямъ всегда была самымъ мудрымъ конституціоннымъ правиломъ ихъ предковъ. Дворянство надѣется доказать это, пославши къ третьему сословію коммиссію отъ себя, если только третье сословіе пришлетъ также коммиссію. Тотчасъ послѣ этого въ залу третьяго сословія является депутація отъ духовенства, повторяя то же самое тономъ коварнаго

примиренія. Вотъ тутъ-то пошла путаница: что-то на это скажутъ благоразумныя общины?

Представители общинъ, принимая во вниманіе, что хотя они и не составляютъ еще третьяго сословія Франціи, имѣютъ однакожъ притязанія на этотъ титулъ, послѣ пятидневнаго разсужденія рѣшили назначить коммиссію. На шестой день коммиссія назначена; впродолженіи седьмаго и восьмаго опредѣляются мѣсто, день и часъ. Вечеромъ 23 мая сошлись коммиссіи дворянства и третьяго сословія; коммиссія духовенства приняла роль примирителя и начала трудиться надъ невозможнымъ дѣломъ. Въ другой разъ сошлись коммиссіи 25 мая; общины не поддаются ни на какія убѣжденія, дворянство и духовенство упорно стоятъ на томъ, чтобы убѣдить общины; коммиссіи расходятся; каждая остается при своемъ мнѣніи.

Такъ прошли 3 недѣли. Въ продолженіи ихъ національная колесница со знаменемъ, виднымъ издалека, стоитъ неподвижно, смѣясь надъ всѣми вѣтрами и ожидая тѣхъ силъ, которыя должны собраться вокругъ нея.

Можно вообразить себѣ чувства двора; совѣты слѣдуютъ за совѣтами, во всемъ пустота громкая, но лишенная содержанія, и въ то же время во всемъ какое-то смутное волненіе, а для мудрости нѣтъ никакого мѣста. Машина для взиманія налоговъ, такъ искусно заведенная и собранная съ такимъ трудомъ, остановилась. Два колеса ея—дворянство и духовенство, а перекладина—третье сословіе. Два колеса вертятся легко, но огромная перекладина, странно даже видѣть, стоитъ себѣ неподвижно и рѣшительно не хочетъ тронуться.

Самые даровитые механики стали въ тупикъ. Когда же наконецъ она заработаетъ, и какъ? Работа ея будетъ ужасна, мои друзья; но, что касается налоговъ, то навѣрное она ничего не будетъ дѣлать. Ахъ! если бы можно было по прежнему собирать налоги. Не оправдываются ли теперь предсказанія принцевъ Артуа, Конти и Конде, этого придворнаго тріумвирата, авторовъ антидемократической меморіи королю? Пусть они съ упрекомъ качаютъ гордыми головами, пусть напрягаютъ свой бѣдный мозгъ, а все таки даровитые механики ничего не могутъ сдѣлать. Самъ Неккеръ, когда просили у него совѣтовъ, отвѣчалъ уклончиво и нерѣшительно. Единственно пригоднымъ въ настоящихъ обстоятельствахъ средствомъ признано ввести солдатъ. Прибыли въ Парижъ два новыхъ полка и баталіонъ третьяго, другіе полки двинуты въ походъ. Во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ имѣть подъ рукою войска; надобно только, чтобъ начальство надъ ними находилось въ вѣрныхъ рукахъ. Ну что же, назначимъ командиромъ де Брольи, стараго маршала, ветерана дисциплины, съ степенною моралью сержанта-вербовщика; на него можно положиться.

Увы! дворянство и духовенство не то, чѣмъ они должны и чѣмъ могли бы быть въ виду внѣшнихъ угрозъ; между ними нѣтъ внутренняго единства. Конечно есть у дворянъ свой Катилина или Криспинъ—это Эспремениль съ мрачными взглядами, есть шумный бочька-Мирабо, но есть также Лафайэтъ, Ліанкуръ и братья Ламеты, а важнѣе всего, есть герцогъ Орлеанскій, разорвавшій навсегда связи съ дворомъ и думающій о тѣхъ выгодахъ, которыя могутъ ему представиться на его пути къ хаосу; вѣдь онъ также

потомокъ Генриха IV и можетъ занять престолъ. Между духовенствомъ есть много простыхъ священниковъ, они постоянно перебѣгаютъ въ враждебный лагерь: въ средѣ его образовались двѣ небольшихъ шайки, къ одной изъ нихъ принадлежитъ Григорій. Говорятъ даже, что есть 149 священниковъ, готовыхъ тотчасъ передаться противной сторонѣ всею массою и удерживаемыхъ единственно вліяніемъ парижскаго архіепископа. Кажется игра проиграна.

Судите, можетъ ли Парижъ и Франція оставаться въ бездѣйствіи? Отовсюду летитъ множество адресовъ; такъ какъ наши общины уже получили наконецъ кой-какую организацію, то могутъ распечатывать письма и разсуждать объ ихъ содержаніи. Бѣдный маркизъ де Брезе, верховный церемоніймейстеръ, или какъ бы онъ ни назывался, пиша о какой-то церемоніи, счелъ очень естественнымъ заключить письмо такою фразою: «остаюсь съ искреннею преданностью къ вамъ». Къ кому адресована эта искренняя преданность?» спрашиваетъ Мирабо. Къ президенту третьяго сословія. «Никто въ цѣлой Франціи не имѣетъ права писать такъ». Въ отвѣтъ на это раздаются рукоплесканія съ трибунъ и имъ вторитъ весь свѣтъ. Бѣдный Брезе, у него съ общинами старые счеты и онъ еще не покончилъ съ ними.

Съ другой стороны Мирабо протестуетъ противъ внезапнаго запрещенія его журнала генеральныхъ штатовъ и продолжаетъ издавать его подъ другимъ заглавіемъ. Въ этомъ поддерживаютъ его парижскіе избиратели, занятые еще до сихъ поръ составленіемъ своихъ жалобъ. Особымъ адресомъ они просятъ у его величества полной свободы печати, разрушенія басти-

ліи съ тѣмъ, чтобы на ея мѣстѣ была воздвугнута бронзовая статуя короля-патріота. Вотъ куда пошли наши богачи буржуа: посудите сами, что можетъ выйти изъ всей этой смѣси лѣнтяевъ, людей, сбившихся съ толку, всякой дряни, заразившейся новомодною философіей и наполняющей собою галлереи Палерояля, подумайте о глухомъ ропотѣ въ предмѣстьи св. Антонія, могущемъ скоро превратиться въ шумные возгласы 25 милліоновъ, которымъ грозитъ голодная смерть!

Безспорно, что хлѣба очень мало во Франціи. Въ Парижѣ и провинціи бѣдняки съ ужасомъ смотрятъ на участь, которая ихъ ожидаетъ. А эти генеральные штаты, которые могли бы заставить возвратиться золотой вѣкъ, должны остаться въ бездѣйствіи отъ того только, что не повѣрены полномочія! Всякій трудъ, кромѣ труда затѣвать постоянно возмущенія, необходимо останавливается.

Въ Палерояли построили, конечно по подпискѣ, деревянный навѣсъ [1]), очень удобный, гдѣ избранные патріоты могутъ шумѣть и говорить рѣчи сколько имъ угодно, какая бы ни была погода. Это было какое-то сатанинское помѣщеніе, гдѣ могло выражаться общее раздраженіе. Въ каждой кофейной на столѣ, на стулѣ стоитъ патріотическій ораторъ и вокругъ него толпа слушателей внутри, толпа на улицѣ, слушаютъ разиня ротъ, тѣснясь у дверей, лѣзутъ въ окна, покрывая громкими рукоплесканіями всякую дерзкую выходку. Вотъ недалеко лавка Дессена, центръ торговли всевозможными памфлетами; въ ней можно добраться до прилавка не иначе, какъ сильно работая локтями; каждый часъ появляется

[1]) Histoier parlamentaire, t. I, p. 429.

по памфлету, а иногда и нѣсколько въ часъ: «сегодня вышло ихъ 13, вчера 16, на прошедшей недѣлѣ 92 [1]). Прибавьте ко всему этому тиранію, голодъ, пламенное краснорѣчіе народныхъ ораторовъ, всякаго рода слухи, клубъ друзей народа (société publicale), клубъ бретонскій, клубъ раздраженныхъ (des enragés). Но говоря собственно. каждая кофейная, каждый погребокъ, всякое общественное собраніе, всякая кучка людей, случайно собиравшаяся повсюду во Франціи, не были ли своего рода клубами раздраженныхъ?

Депутаты общинъ смотрѣли на все это съ гордымъ бездѣйствіемъ скорби и ограничивались только тѣмъ, что занимались исключительно своею внутреннею полиціею. Положеніе самое вѣрное, если съумѣютъ сохранить его. Нужно, чтобы температура не была слишкомъ высока, чтобы яйцо не разбилось прежде, чѣмъ будетъ высижено. Любопытная публика, тѣснясь въ галлереяхъ и во всѣхъ углахъ, рукоплещетъ безъ помѣхи. Оба привилегированныя сословія могутъ смотрѣть на это, какъ хотятъ, и конечно ужъ смотрятъ не безъ тайнаго замиранія въ сердцѣ. Духовенство, взявшее на себя роль примирителя, дѣлаетъ воззваніе къ галлереямъ, но не достигаетъ цѣли. Оно посылаетъ депутацію къ представителю третьяго сословія, которая должна была изложить, какую нужду въ хлѣбѣ терпитъ Франція и показать необходимость отложить въ сторону пустыя формальности, чтобы собща подумать о средствахъ помочь общему бѣдствію. Коварное предложеніе! Впрочемъ общины (по предложенію желчнаго Робеспьера) принимаютъ его за объявленіе духовенствомъ

[1]) Arthour Young, t. I, p. 104.

своего намѣренія присоединиться къ нимъ, составить вмѣстѣ съ ними генеральные штаты и собща уменьшить дороговизну хлѣба [1]). Наконецъ 27 мая Мирабо, видя, что время уже наступило, предлагаетъ общинамъ отказаться отъ бездѣйствія, оставить дворянство при его горделивомъ уединеніи, сдѣлать воззваніе къ духовенству во имя Бога мира и начать дѣйствовать [2]). Посмотримъ, останется ли оно глухо къ этому воззванію. Развѣ 149 священниковъ не готовы уже дезертировать?

О тріумвиратъ принцевъ; и ты новый канцлеръ Барантэнъ, и ты министръ внутреннихъ дѣлъ Бретэйль, и ты герцогиня Полиньякъ, и ты королева, которой слишкомъ тяжело это слушать! Что-то вы теперь будете дѣлать? Третье сословіе приходитъ въ движеніе съ силою цѣлой Франціи. Дворянство и духовенство, которыя должны бы были противодѣйствовать стремленіямъ третьяго сословія, сами постыднымъ образомъ увлекаются за нимъ и воспламеняются. Что же теперь дѣлать? Oeil de Boeuf встревоженъ такъ, какъ еще никогда не былъ. Каждую ночь призываются во дворецъ вожди всѣхъ трехъ сословій, какъ какіе-то волшебники, но ихъ магія ничего не можетъ сдѣлать. Готовы теперь ухаживать даже за Неккеромъ, лишь бы его вмѣшательство было дѣйствительно.

Пусть же Неккеръ будетъ посредникомъ именемъ короля. Къ счастію, со стороны духовенства еще не послѣдовало никакого отвѣта на поджигательное воззваніе къ нему третья-

---

[1]) Mémoires de Bailly, t. I, p. 114.

[2]) Histoire parlamentaire, t. I, p. 413.

го сословія: во имя Бога мира. Пусть сословія составятъ конференцію; министръ-патріотъ уладитъ дѣло и все поправитъ. А между тѣмъ вызовемъ въ Версаль швейцарскіе полки и сотню пушекъ. Вотъ на что рѣшился Oeil de Boeuf.

Но увы, бѣдный Неккеръ! упрямое третье сословіе твердитъ одно, чтобъ была непремѣнно общая повѣрка полномочій, единственная гарантія свободы вотированія и общихъ преній. Какъ? отвѣчаютъ ему съ видомъ изумленія, такой испытанный другъ предлагаетъ полумѣры! Такимъ образомъ запоздалыя конференціи скоро прекратились. Третье сословіе, готовое къ борьбѣ и рѣшительное, имѣя за собою всю Францію, возвращается въ общую залу засѣданій всѣхъ трехъ сословій; а Неккеръ во дворецъ, какъ безсильный волшебникъ, годный только на то, чтобы быть уволеннымъ опять въ отставку.

Такъ-то депутаты третьяго сословія, своею собственною силою, взялись за дѣло. Они выбрали президентомъ астронома Бальи. Они уже пустились въ путь съ жаждою мщенія. Истощивши много шумнаго и умѣреннаго краснорѣчія, разнесеннаго журналами во всѣ страны, они, наконецъ, рѣшили 17 іюня, что имъ слѣдуетъ называться не третьимъ сословіемъ, а національнымъ собраніемъ. Значитъ, они теперь составляютъ націю. Что жъ послѣ этого тріумвиратъ принцевъ, королева, дворянство и духовенство? Вопросъ трудный, на который едва ли былъ отвѣтъ на политическомъ языкѣ того времени.

Безъ дальнихъ церемоній, наше національное собраніе назначаетъ коммиссію вспомоществованія, столь нужную для Франціи, хотя она можетъ дать лишь очень немного хлѣба,

или даже и совсѣмъ не можетъ его дать. Потомъ, считая себя какъ будто бы уже твердо стоящимъ на ногахъ, оно назначило еще четыре постоянныхъ коммиссіи; потомъ занялась гарантіями національнаго долга, установленіемъ опредѣленной ежегодной подати; и все это въ теченіи какихъ нибудь 48 часовъ. Вотъ какъ быстро оно несется: пусть придворные заклинатели спрашиваютъ себя: къ какой цѣли?

ГЛАВА II.

МЕРКУРІЙ ДЕ БРЕЗЭ.

Теперь наступило время, для появленія какого нибудь deus ex machina; есть завязка его достойная. Весь вопросъ въ томъ, кто этотъ богъ? Не Марсъ ли де Брольи со своею сотнею пушекъ? Нѣтъ, отвѣчаетъ благоразуміе, король Людовикъ такъ мягокъ и нерѣшителенъ. Пусть имъ лучше будетъ вѣстникъ Меркурій, нашъ старый знакомый оберъ-церемоніймейстеръ де Брезэ.

На другой день 20 іюня 149 приходскихъ священниковъ, измѣнивъ своему сословію, перейдутъ непремѣнно на сторону третьяго сословія и ихъ уже не удержитъ архіепископъ парижскій. Надобно, чтобы въ это дѣло вмѣшался де Брезэ и заперъ двери собранія! Для этого назначено въ залѣ des Menus королевское засѣданіе, и до тѣхъ поръ въ ней небудетъ никакого собранія, никакихъ занятій, одни плотники будутъ заниматься ея передѣлкою. Этимъ тонкимъ способомъ ваше третье сословіе, называющееся — національнымъ собраніемъ, вдругъ увидитъ, что у него нѣтъ мѣста для засѣданій и по неволѣ ничего не будетъ дѣлать. Оно не можетъ даже собираться и выражать свои неудовольствія до тѣхъ поръ, пока не будетъ готовъ его величество съ своимъ ко-

ролевскимъ засѣданіемъ и другими чудесами. Вотъ, такъ-то явится deus ex machina, Меркурій де Брезэ и, если только дворъ не ошибается, произведетъ развязку.

Кстати здѣсь замѣтить, что этому бѣдному де Брезэ нѣтъ удачи ни въ какомъ дѣлѣ съ третьимъ сословіемъ. Пять недѣль тому назадъ жестоко порицали его способъ представленія къ цѣлованію руки его величества, потомъ съ величайшимъ презрѣніемъ отвергнута его «искренняя преданность.» Въ этотъ вечеръ передъ ужиномъ онъ пишетъ президенту Бальи новое письмо и приказываетъ отдать его ему на другой день отъ имени короля. Но Бальи, въ гордомъ сознаніи своего достоинства, ограничивается тѣмъ, что, смявши его, кладетъ въ карманъ, какъ росписку, по которой не намѣренъ платить.

Дѣйствительно, въ субботу утромъ 20 іюня по всѣмъ улицамъ Версали проѣзжаютъ герольды и провозглашаютъ, что къ понедѣльникъ будетъ королевское засѣданіе и что до тѣхъ поръ не будетъ ни одного собранія генеральныхъ штатовъ. Но посреди звуковъ этихъ громогласныхъ возглашеній, Бальи, съ письмомъ де Брезэ въ карманѣ, идетъ въ сопровожденіи всего національнаго собранія въ залу des Menus, какъ будто бы ничего не зная и какъ будто крикъ герольдовъ былъ не болѣе, какъ шумъ вѣтра. Зала заперта; у входа поставленъ караулъ. «Гдѣ вашъ капитанъ?» спрашиваетъ Бальи. Капитанъ показываетъ королевское повелѣніе: онъ, къ сожалѣнію, долженъ сказать, что въ залѣ работники устроиваютъ платформу для его величества и что въ нее нельзя войти: допустить только можно президента и секретарей, что-

бы взять бумаги, которыя могутъ изорвать работники. Президентъ Бальи входитъ въ залу съ секретарями и выноситъ бумаги. Увы! внутри залы, вмѣсто патріотическаго краснорѣчія, слышенъ только шумъ молотковъ, пилъ и другихъ плотничныхъ инструментовъ. Безпримѣрная профанація!

Депутаты столпились на парижской дорогѣ въ тѣнистой Версальской аллеѣ, громко жалуясь на недостойное обращеніе съ ними. Придворные, какъ можно предполагать, смотрятъ въ окна и потираютъ себѣ руки отъ удовольствія. Утро этого дня не изъ самыхъ лучшихъ: утро сырое, даже идетъ мелкій дождь. Не смотря на это, всѣ прохожіе останавливаются, группы народа постоянно увеличиваются; сюда приходятъ патріоты, всегдашніе посѣтители трибунъ, и простые зрители всякаго званія. Подаются совѣты, одинъ другаго смѣлѣе, одинъ другаго дерзче. Нѣкоторые отчаянные депутаты предлагаютъ собраться на большой внѣшней лѣстницѣ Марли, подъ самыми окнами короля, потому что, кажется, его величество долженъ быть тамъ. Другіе совѣтуютъ обратить площадь, place d'armes, въ майское поле свободныхъ французовъ или даже огласить самый дворецъ криками негодующаго патріотизма. Наконецъ получено извѣстіе, что президентъ Бальи, съ помощью разсудительнаго Гильотэна и другихъ, нашелъ помѣщеніе для засѣданій въ залѣ «Jeu de paume» въ улицѣ св. Франциска. Тотчасъ всѣ депутаты въ негодованіи и съ шумомъ длинными рядами, какъ журавли, направились туда.

Удивительное зрѣлище представляла улица св. Франциска въ старомъ городѣ Версали. Зала Jeu de paume совершен-

но пуста, какъ представляется она на современныхъ картинахъ, съ голыми стѣнами. Только вверху стѣнъ кругомъ всей залы идутъ простые деревянные подмостки, которые служили когда-то галлереею для зрителей. Въ самой залѣ вмѣсто шума игроковъ и стука шаровъ по подмосткамъ, раздается шумная рѣчь народныхъ представителей, негодующихъ на то, что ихъ изгнали съ такимъ скандаломъ. Между тѣмъ цѣлая туча свидѣтелей смотритъ на нихъ съ верхнихъ подмостокъ, съ деревянныхъ навѣсовъ, съ сосѣднихъ крышъ и съ трубъ, отовсюду стремится народъ къ этой залѣ, громко выражая депутатамъ самое горячее сочувствіе. Найдемъ столъ, на которомъ можно писать, и нѣсколько стульевъ, на которыхъ можно, если не сидѣть, то встать за недостаткомъ трибуны. Секретари развернули свои бумаги, и Бальи открылъ засѣданіе.

Опытный Мунье, привыкшій къ подобнымъ явленіямъ въ парламентскихъ тревогахъ, думаетъ, что полезно было бы въ такихъ плачевныхъ и грозныхъ обстоятельствахъ связать себя взаимною клятвою. Отвѣтомъ на это было общее восклицаніе, какъ будто бы всѣ эти люди, будучи долгое время лишены воздуха, наконецъ могли воздохнуть свободно! Сочинили формулу клятвы и президентъ Бальи произнесъ ее такъ громко, что толпа слушателей, стоявшихъ внѣ залы, могла совершенно ясно слышать ее; она отвѣчала криками радости. За президентомъ Больи поднялось кверху шестьсотъ правыхъ рукъ, чтобы призвать Бога въ свидѣтели того, что ни чье приказаніе не разъединитъ депутатовъ, и они будутъ собираться вездѣ, при всякихъ

обстоятельствахъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ готова конституція. Создать конституцію, друзья, не легкая работа. Присягнувши, депутаты изъявили желаніе подписаться подъ клятвою всѣ, кромѣ одного вѣрнаго Абдіэля Мартэна д'Ошъ, представителя Кастельподари въ Лангедокѣ. Ему позволяютъ заявить протестъ; мало того, его спасаютъ отъ ярости толпы, объявляя сумасшедшимъ. Въ четыре часа всѣ уже подписались; постановили собраться снова въ понедѣльникъ утромъ передъ королевскимъ засѣданіемъ, чтобы не потерять 149 переходящихъ къ нимъ представителей духовенства; мы соберемся въ церковь des Récollets или въ другомъ мѣстѣ въ надеждѣ, что туда придутъ и 149 священниковъ; а теперь пора обѣдать.

Вотъ каково было засѣданіе въ залѣ Jeu de paume, сдѣлавшееся извѣстнымъ повсюду. Вотъ каково появленіе де Брезэ въ качествѣ deus ex machina, вотъ что оно породило. Радость придворныхъ, которую они выражали въ Версальской аллеѣ, смѣнилась жалкимъ молчаніемъ. Ужели помѣшанный дворъ съ канцлеромъ Барантэномъ, тремя принцами и компаніею могъ думать, что достаточно чернаго или бѣлаго жезла оберъ-церемоніймейстера, чтобы 600 народныхъ представителей, носящихъ въ самихъ себѣ новую конституцію народа, — разогнать, какъ какихъ нибудь птицъ скотнаго двора, которыя ничего въ себѣ не носятъ. Птицы, завидя розгу, разумѣется, сей-часъ разбѣгутся, клохча, а народные представители принимаютъ видъ львовъ и, поднявши правыя руки, произносятъ клятву, долженствующую потрясти всѣ четыре угла Франціи.

Президентъ Бальи покрылъ себя славою въ этомъ дѣлѣ и непремѣнно получитъ воздаяніе. Національное собраніе стало теперь вдвойнѣ и втройнѣ народное; оно уже не борется только и терпитъ, а торжествуетъ. Оно оскорблено, но стоитъ выше оскорбленія. Еще разъ жители Парижа бросаютъ занятія, чтобы идти посмотрѣть на королевское засѣданіе, которое теперь отложено до вторника [1]). Сто сорокъ девять священниковъ и даже нѣсколько епископовъ вмѣстѣ съ ними имѣли очень довольно времени, чтобы придти въ длинной процессіи на торжественное соединеніе съ третьимъ сословіемъ, которое между тѣмъ ждало ихъ въ назначенной церкви. Представители третьяго сословія приняли ихъ съ криками восторга, отверстыми объятіями и даже слезами [2]): теперь вѣдь дѣло идетъ о жизни и смерти.

Но вотъ плотники, кажется, кончили свою платформу; все остальное, впрочемъ, остается неконченнымъ. Все это дѣло само по себѣ было ничтожно, но ему суждено быть роковымъ. Король Людовикъ входитъ въ залу посреди цѣлаго моря молчаливыхъ, мрачныхъ и раздраженныхъ зрителей, къ тому же еще вымоченныхъ довольно сильнымъ дождемъ. Представители третьяго сословія были также молчаливы, мрачны и также вымочены дождемъ въ то время, какъ ждали въ довольно тѣсныхъ портикахъ, пока ихъ введутъ въ залу; притомъ же ихъ ввели не черезъ парадную дверь, какъ дворъ и привилегированныя сословія, а черезъ заднюю. Король и канцлеръ (такъ какъ Неккера при этомъ не было)

[1]) Arthur Young. Travels I. 155—18.

[2]) Dumont, Souvenirs de Mirabeau. T. I. p. 4.

объявили, послѣ довольно длинныхъ оговорокъ, рѣшеніе короля, чтобы три сословія подавали свои голоса порознь. Съ другой стороны было объявлено, что Франція можетъ ожидать большихъ конституціонныхъ благодѣяній, которыя заключались въ тридцати пяти статьяхъ [1]), тутъ же прочитанныхъ канцлеромъ. Если, къ несчастію, эти тридцать пять статей, прибавилъ его величество вставая, не будутъ единодушно приняты тремя сословіями, то я одною своею волею приведу ихъ въ исполненіе: я одинъ создамъ счастіе моего народа. Это можно перевести такъ: «вы безпокойные представители генеральныхъ штатовъ недолго останетесь здѣсь». На другой день всѣ сословія должны собраться въ особыхъ залахъ и спѣшить окончаніемъ дѣлъ. Таково рѣшеніе королевской воли, ясно и торжественно выраженное. Затѣмъ, король со свитою, дворянство и большая часть духовенства вышли изъ залы, какъ будто бы все было рѣшено самымъ удовлетворительнымъ образомъ.

Они удалились посреди безмолвной и мрачной массы народа; представители общинъ не выходятъ изъ залы и остаются въ безмолвіи, не зная, что имъ дѣлать. Одинъ только человѣкъ между ними знаетъ, что слѣдуетъ дѣлать; одинъ онъ смѣетъ дѣйствовать. Вотъ онъ,—король третьяго сословія, Мирабо,—всходитъ на трибуну и оттуда раздается его голосъ, подобно рыканію льва. Никогда слово не было больше кстати; вѣдь въ такихъ сценахъ минута рождаетъ вѣка. Не будь здѣсь Габріэля-Оноре, можно предполагать, что представители общинъ, устрашенные опасно-

1) Hist. parlament. t. I, p. 43.

стями, грозящими имъ со всѣхъ сторонъ, вышли бы одинъ за другимъ изъ залы, и тогда исторія Европы приняла бы совсѣмъ другое направленіе.

Но онъ здѣсь. Прислушайтесь къ голосу этого царя лѣсовъ, сначала глухому и жалобному, но постепенно возрастающему и подконецъ перешедшему въ рыканіе! Глаза у него блестятъ: «народные представители присланы народомъ, они дали клятву, они»—но взгляните! Кто это вошелъ въ залу въ то время, какъ съ трибуны раздавался львиный ревъ Мирабо? Вѣдь это де Брезэ; онъ что-то бормочетъ. «Громче!» кричатъ ему. «Господа, говоритъ де Брезэ, крикливымъ голосомъ, вы слышали повелѣніе короля». Мирабо смотритъ на него сверкающими глазами, потрясая своею львиною гривою: «да, мы слышали, что̂ королю присовѣтовали сказать; а вы не имѣете права объяснять генеральнымъ штатамъ его повелѣній, вы не имѣете здѣсь ни мѣста, ни голоса. Ступайте, скажите тѣмъ, кто васъ прислалъ сюда, что мы собрались по волѣ народа, и развѣ только штыками могутъ выжить насъ» отсюда [1]). Бѣдный Брезэ, дрожа, вышелъ изъ народнаго собранія; съ этимъ вмѣстѣ онъ сошелъ со сцены въ исторіи.

Бѣдный Брезэ! Ему назначено въ продолженіи многихъ вѣковъ жить въ памяти людей, въ этомъ печальномъ видѣ, съ бѣлымъ церемоніймейстерскимъ жезломъ, дрожащимъ въ его рукѣ! Онъ былъ вѣренъ этикету, единственной своей вѣрѣ. Онъ не могъ представить, чтобы короткіе суконные плащи могли цѣловать руку его величества съ такимъ же церемо-

---

[1]) Moniteur hist. parlament. t. II, p. 22.

ніаломъ, какъ и длиныя бархатныя мантіи. Мало этого, когда только что умеръ дофинъ, въ то время какъ было церемоніальное представленіе, онъ подошелъ къ трупу и доложилъ ему: «ваше высочество, депутація генеральныхъ штатовъ» [1]). Sunt lacrymae rerum.

Но что же теперь сдѣлаетъ дворъ, по возвращеніи де Брезэ? Употребитъ силу штыковъ? Нельзя; толпы народа постоянно увеличиваются, наблюдая за всѣмъ, что происходитъ. Даже на дворахъ королевскаго дворца начали собираться кучки народа: пронесся слухъ, что Неккеръ выходитъ въ отставку. Всего суже, что французская гвардія кажется не хочетъ дѣйствовать: двѣ роты уже отказались стрѣлять, не смотря на приказаніе офицеровъ. Неккеру, за то, что онъ не былъ въ королевскомъ засѣданіи, раздаются вездѣ привѣтственные возгласы; его несутъ съ тріумфомъ и не допустятъ до отставки. Съ другой стороны его милость принужденъ бѣжать изъ Парижа; стёкла его кареты перебиты, жизнью онъ обязанъ только быстротѣ своихъ лошадей. Сначала вывели гвардію, но потомъ сочли болѣе благоразумнымъ увести ее обратно. Нечего и думать о штыкахъ.

Вмѣсто солдатъ, дворъ распорядился послать въ залу плотниковъ для разбора платформы. Неловкій изворотъ! черезъ нѣсколько минутъ по прибытіи въ залу плотники перестали работать, стоятъ съ молотками въ рукахъ и слушаютъ, разиня рты. Представители третьяго сословія постановили, что они есть, были и будутъ національное собраніе, неприкосновенное; каждый членъ его также неприкосновененъ. «Всякое

[1]) Montgaillard, t. II, p. 28.

лицо, всякая корпорація, всякій трибуналъ, судъ, коммиссія, которые бы осмѣлились сегодня или въ слѣдующіе дни, въ продолженіе настоящаго засѣданія, преслѣдовать какого нибудь члена этого собранія, подвергать его слѣдствію, аресту или личному задержанію, или издастъ приказъ объ арестѣ и задержаніи, будетъ считаться безчестнымъ измѣнникомъ народа и виновнымъ въ уголовномъ преступленіи» [1]). Послѣ всего этого можно заключать словами Сіейса: «Господа, вы сегодня то же, чѣмъ были вчера».

Пусть кричатъ придворные, но таково положеніе дѣлъ и такимъ оно останется. Ихъ собственный взрывъ покрылъ ихъ самихъ контузіями, стыдомъ и толстымъ слоемъ сажи. Бѣдный тріумвиратъ! Бѣдная королева! И въ особенности бѣдный супругъ ея съ добрыми, но очень нетвердыми намѣреніями! Мудрость, которая приходитъ послѣ удара, все равно, что глупость. Назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ 35 уступокъ удовлетворили бы Францію и на нѣсколько лѣтъ могло бы продолжаться это довольство. Теперь онѣ ничего не стоятъ; самая идея ихъ отвергнута: «ясно выраженныя» повелѣнія короля не исполняются.

Вся Франція въ волненіи; цѣлое море народа; до десяти тысячъ человѣкъ толпится и шумитъ цѣлый день въ Пале-Роялѣ [2]). Все духовенство и сорокъ восемь человѣкъ дворянъ, въ томъ числѣ и герцогъ Орлеанскій, перешли на сторону торжествующихъ общинъ, которыя, натурально, приняли ихъ съ криками восторга.

---

[1]) Montgaillard. II, 47.

[2]) Arthour Young, t. I, p. 119.

Третье сословіе торжествуетъ; все населеніе Версаля привѣтствуетъ его представителей восторженными кликами, десять тысячъ народа шумитъ въ Пале-Роялѣ, вся Франція въ напряженномъ состояніи, готовая вскружиться. Пусть же дворъ бережется. Король затаилъ обиду, старается быть умѣреннымъ и молчитъ; онъ, во чтобы ни стало, хочетъ міра и въ настоящую минуту. 23-го іюня объявилъ свое рѣшительное королевское повелѣніе. Не прошло недѣли и онъ же предписываетъ остальному упорствующему дворянству уступить. Д'Эспремениль въ послѣдній разъ бѣшено кричитъ; бочка Мирабо ломаетъ шпагу. Тройственная семья теперь собралась вся; третій заблудшій братъ (дворянское сословіе) присоединился къ ней. Но, хотя этотъ братъ и заблудшій, его можно простить. Президентъ Бальи своимъ мягкимъ краснорѣчіемъ старается успокоить его, сколько можно.

Такъ восторжествовало третье сословіе и генеральные штаты сдѣлались національнымъ собраніемъ. Вся Франція теперь можетъ пѣть благодарственные молебны. Побѣда выиграна мудрою системою бездѣйствія и столько же мудрымъ прекращеніемъ ея, когда было нужно. Это послѣдняя ночь іюня. Во всю ночь по улицамъ Версаля ходили люди съ факелами, громкими кликами выражая свою радость. Отъ 2-го мая, когда представители были допущены къ рукѣ его величества, до 30-го іюня, прошли 8 недѣль и три дня. Въ продолженіе восьми недѣль національное знамя, видное на большомъ разстояніи, стояло твердо и подавало тотъ или другой сигналъ. Теперь, когда около него столпилось столько народа, можно надѣятся, что оно устоитъ.

ГЛАВА III.

БРОЛЬИ, БОГЪ ВОЙНЫ.

Дворъ приходитъ въ негодованіе, чувствуя себя побѣжденнымъ. Ну, что же? въ другой разъ будетъ умнѣе! Меркурій сходилъ по напрасну; теперь очередь Марса. Придворные боги удалились на свою туманную Иду и фабрикуютъ тамъ всѣ тѣ орудія, которыя могутъ быть нужны впередъ, будутъ ли то билеты новаго національнаго банка, военное оружіе или другое что нибудь.

Но вотъ появились войска; что это значитъ? Національное собраніе не можетъ добиться никакого пособія для своей коммиссіи вспомоществованія бѣднымъ. Однакожъ оно слышитъ, что въ Парижѣ толпа осаждаетъ лавки хлѣбниковъ, въ провинціяхъ народъ питается мякиною и вареною травою. Между тѣмъ по всѣмъ большимъ дорогамъ поднимаются густые столбы пыли отъ проходящихъ полковъ и провозимыхъ пушекъ; вотъ ѣдутъ иностранные гусары, свирѣпаго вида, вотъ полки: Сали - Самадъ, Эстергази, королевско-нѣмецкій; большая часть между ними иностранцы: всѣхъ ихъ до тридцати тысячъ, а со страху можно насчитать пожалуй и пятьдесятъ: всѣ идутъ по дорогѣ къ Версалю и Парижу! Вотъ уже на высотахъ Монмартра начинаютъ рыть землю, какъ

будто устроивают подкопы и траншеи. Толпу народа, шедшую изъ Парижа въ Версаль, остановили на Севрскомъ мостѣ, гдѣ была устроена застава съ пушками. Въ конюшняхъ королевы поставили также пушки и направили ихъ прямо на залу національнаго собранія. Сонъ его членовъ былъ прерванъ шумомъ мѣрныхъ шаговъ солдатъ, которые проходили безконечными рядами, въ самую глухую ночь, по улицамъ Версаля безъ барабаннаго боя и безъ всякой команды. Что значитъ все это?

Не хотятъ ли уже схватить восемь или двѣнадцать депутатовъ съ Мирабо и Барнавомъ во главѣ и сослать ихъ въ Гамъ, а остальныхъ безславно распустить на всѣ четыре стороны? Никакое національное собраніе не можетъ писать конституціи въ то время, когда на него направлены пушки изъ конюшенъ королевы. Что значитъ это таинственное молчаніе двора, сопровождаемое по временамъ качаньемъ головы и пожатіемъ плечъ? Что такое приготовляется въ таинственномъ мракѣ туманной Иды? На эти вопросы, предлагаемые смущенными патріотами, отвѣчаетъ только эхо.

Однакожъ вопросы съ однимъ эхо вмѣсто отвѣта имѣютъ въ себѣ очень мало успокоительнаго. Сверхъ того неурожайный годъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе угрожаетъ голодомъ: ѣдятъ мякину и вареную траву. Начинаютъ собираться шайки разбойниковъ и приступаютъ къ фермамъ съ криками: хлѣба! хлѣба! Напрасно посылаютъ противъ нихъ солдатъ; при видѣ войскъ онѣ разбѣгаются, какъ будто проваливаются сквозь землю, но вслѣдъ за тѣмъ собираются въ другихъ мѣстахъ и производятъ безпорядки и гра-

бежи. Страшное зрѣлище, но еще болѣе страшно то, что говорится объ этомъ и повторяется двадцатью пятью миллiонами умовъ, расположенныхъ къ подозрительности. Разбойники и Брогли, общественныя смуты и таинственный шопотъ смущаютъ всѣхъ. Чѣмъ же все это кончится?

Въ Марсели, нѣсколько недѣль тому назадъ, всѣ жители города вооружились съ цѣлiю истребленiя разбойниковъ и еще съ другими кой-какими цѣлями. Военный начальникъ пусть думаетъ объ этомъ, что хочетъ. А вѣдь то же самое можетъ случиться и въ другихъ мѣстностяхъ. Возбужденному воображенiю патрiотовъ, какъ единственный исходъ изъ настоящаго положенiя, представляется смутный образъ нацiональной гвардiи. Перенесемтесь же теперь мысленно подъ деревянный навѣсъ, устроенный въ Пале-Роялѣ. Тамъ такой шумъ и гвалтъ, какъ при свѣтопреставленiи; тамъ шумно передаются зловѣщiе слухи, разсказы, волнующiе всѣ умы, тамъ присутствуетъ блѣдное подозрѣнiе, вопрошающее смѣшанный вихрь событiй, созидающее пустые образы и фантомы, видящее уже, что полки стоятъ на Морсовомъ полѣ, что нацiональное собранiе разсѣяно, что приготовляются каленыя ядра, чтобы сжечь Парижъ: самые хлоднокровные люди увѣрены теперь, что битва неизбѣжна.

Это подтверждаютъ также знаменательные взгляды принцевъ и Брогли. Да, битва неизбѣжна и произойдетъ скоро. Пусть нацiональное собранiе, внезапно остановленное въ своихъ работахъ по составленiю конституцiи, надоѣдаетъ королю адресами и представленiями; наши пушки направлены очень вѣрно; войска готовы. Объявленiе короля, заклю-

чавшееся въ 35 статьяхъ, было прочитано, но его не слушали; однакожъ оно не отмѣнено; король самъ его исполнитъ; онъ «одинъ все сдѣлаетъ.»

Брогли назначилъ себѣ главную квартиру въ Версали, какъ будто бы городъ былъ осажденъ; въ канцеляріяхъ работаютъ писцы; офицеры генеральнаго штаба ходятъ повсюду молчаливые, съ знаменательными взглядами и адъютанты всѣ въ полной формѣ; скачутъ или готовятся скакать курьеры и ординарцы. Самъ де Брогли принимаетъ важный, непроницаемый видъ, слушаетъ съ молчаливою улыбкою донесенія парижскаго коменданта Безенваля, который нарочно прибылъ въ Версаль, чтобы сообщить ему объ опасности всякихъ насильственныхъ мѣръ [1]). Парижане будутъ противиться? говорятъ презрительно принцы. Они могутъ только бродить, какъ дрожжи. Вотъ уже впродолженіи пяти поколѣній они держатъ себя спокойно и подчиняются всему. Мерсье сказалъ, въ эти же самые годы, что теперь революція невозможна [2]). Надобно держаться королевскаго объявленія 23 іюня. «Дворянство Франціи сильное, рыцарское, какъ въ древнія времена соберется единодушно вокругъ насъ; а что вы называете третьимъ сословіемъ, то мы называемъ сволочью, борзописцами, задорными крикунами; храбрый Брогли пушечными выстрѣлами воздастъ имъ должное, если будетъ нужно». Такъ-то они разсуждаютъ на своей туманной Идѣ, спрятавшись отъ людскаго взора; но за то и люди спрятаны отъ взора ихъ.

---

[1]) Besenval, t. III, p. 398.

[2]) Mercier, Tableau de Paris, t. IV, p. 22.

Картечь средство хорошее, спора нѣтъ господа, но при одномъ условіи, именно, чтобы и тотъ, кто стрѣляетъ ею, состоялъ изъ металла. Къ несчастью, онъ состоитъ изъ плоти; подъ портупеею и перевязью у вашего наемнаго стрѣлка кроются чувства, даже нѣчто въ родѣ мысли. Вѣдь эта сволочь, которую слѣдуетъ вымести, родня ему, кость отъ костей его; у него братья, отецъ, мать питаются мякиною и вареною травою; сама его любезная, если она еще не умерла въ больницѣ, принуждаетъ его къ отступленію отъ солдатскаго символа вѣры, угрожая проклятіемъ, если онъ прольетъ кровь патріотовъ. Солдатъ, видѣвшій, какъ Фулонъ кралъ его жалованье, какъ Субисъ и Помпадуръ проливали его кровь, какъ крѣпко были закрыты передъ нимъ парадныя двери, потому что онъ не родился благороднымъ, солдатъ, говорю, имѣетъ также свои неудовольствія противъ васъ. Ваше дѣло поэтому не есть вмѣстѣ и дѣло солдата, оно исключительно ваше, никто, ни даже самъ Богъ не принимаетъ въ немъ участія.

Извѣстно напримѣръ, что̀ недавно произошло въ Бетюнѣ, когда тамъ вспыхнуло возмущеніе по поводу хлѣба, возмущеніе, подобныхъ которому было такъ много въ это время. Противъ возмутившихся выстроили солдатъ, скомандовали палить, но не одинъ курокъ не былъ спущѐнъ. Слышно только было, какъ приклады стукнули по мостовой и потомъ солдаты мрачные, съ выраженіемъ самыхъ разнородныхъ чувствъ на лицѣ, каждый взявъ подъ руку какого-нибудь патріотическаго отца семейства, пошли угощаться въ ихъ дома; послѣ чего въ пользу ихъ была составлена подписка [1].

---

[3]) Hist. parlament. t. II, p. 36.

Съ нѣкотораго времени даже французская гвардія не оказываетъ особеннаго расположенія стрѣлять на улицахъ. Она съ ропотомъ воротилась послѣ Ребельёновскаго дѣла, и съ того времени не выстрѣлила ни разу, даже когда получила приказаніе стрѣлять, какъ мы это видѣли. Въ гвардіи господствуетъ опасное направленіе; въ числѣ офицеровъ ея есть люди очень замѣчательные: пиѳагореецъ Валади былъ также когда-то ея офицеромъ. Даже въ рядахъ простыхъ солдатъ подъ трехъугольною шляпою и кокардою можно встрѣтить очень много солидныхъ головъ, въ которыхъ толпится множество мыслей, совершенно неизвѣстныхъ публикѣ. Вотъ сержантъ Лазарь Бошъ. Онъ сначала служилъ при королевскихъ конюшняхъ въ Версали, онъ племянникъ одной торговки, очень умный мальчикъ и страстно любитъ чтеніе. Теперь онъ сержантъ Гошъ и не можетъ больше возвыситься. Все свое жалованье онъ тратитъ на тоненькія свѣчки и дешевыя книги [1]).

Кажется, что лучше всего будетъ приказать французской гвардіи оставаться въ казармахъ. Такъ думалъ и такъ распорядился Безенваль. Запертые въ казарму офицеры и солдаты французской гвардіи составили тайное общество и рѣшились не дѣйствовать противъ національнаго собранія. Безенваль и многіе другіе говорятъ, что ихъ увлекли къ этому пиѳагореецъ Валади, деньги и женщины. Но все равно, кто бы не увлекъ, можетъ быть совсѣмъ и не нужно было ихъ увлекать, они нарушили приказъ и 26 іюня со своими сержантами во главѣ прибыли къ Пале-Роялю. Ихъ приняли

[1]) Dictionnaire des hommes marquants. Londr. 1809, t. II, p. 198.

съ криками: виватъ! и стали угощать водкою, начались взаимныя объятія и гвардейцы громко объявили, что дѣло Франціи есть и ихъ дѣло. На другой и слѣдующіе дни дѣла были въ такомъ же положеніи. Замѣчательно, что кромѣ этого патріотическаго настроенія и нарушенія приказа гвардейцы во всемъ остальномъ сохраняли совершенный порядокъ.

Итакъ, гвардейцы начали волноваться и одиннадцать зачинщиковъ схвачены и посажены въ тюрьму аббатства. Но это ни къ чему не послужило. Имъ стоило только при наступленіи ночи послать записку въ кофейную de Foy, гдѣ происходятъ всегда самыя горячія патріотическія пренія. Тотчасъ же толпа, составленная изъ двухъ сотъ молодыхъ людей и, помѣрѣ своего шествія, увеличившаяся до четырехъ тысячъ, запасшись хорошими ломами, бросилась къ этой тюрьмѣ, выломала двери и освободила одиннадцать арестованныхъ гвардейцевъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими военными арестантами, находившимися тамъ же; потомъ ихъ угостили ужиномъ въ Пале-Роялѣ и положили спать на походныхъ постеляхъ въ театрѣ des Varietés, такъ какъ другаго національнаго пританея по близости не было. Поступокъ дерзкій! Впрочемъ, эти молодые люди были такъ добросовѣстны, что отвели назадъ въ тюрьму одного военнаго, когда узнали, что онъ былъ посаженъ за уголовное преступленіе.

Но отчего же не призвали новыхъ полковъ? Призвали драгунскій полкъ, онъ прискакалъ во весь карьеръ съ саблями на-голо, но народъ очень кротко остановилъ его. Драгуны вложили сабли въ ножны, приподняли свои каски въ знакъ

привѣтствія и остановились неподвижны, какъ статуи. Имъ поднесли стаканы и они выпили за здоровье короля и націи, съ самымъ теплымъ чувствомъ [1]).

Теперь спросите, отчего принцы и Брогли, великій богъ войны, видя все это, не остановились и не избрали какого нибудь совершенно иного пути? Къ несчастію, какъ мы сказали, они не могли ничего видѣть. Гордость, предшествующая всякому паденію, гнѣвъ, если и неразумный, то простительный и совершенно естественный, сдѣлали грубыми ихъ сердца и разгорячили ихъ головы такъ, что съ смѣшаннымъ чувствомъ слабости и насилія (чувства, не идущія одно къ другому), они бросились на встрѣчу своей участи. Не всѣ полки французской гвардіи, не всѣ увлечены пиѳагорейцемъ Валади. Есть множество неувлеченныхъ; королевскій-нѣмецкій, Салисъ-Самади, швейцарскій Chateau vieux. Эти будутъ драться, хотя ничего не могутъ произнести, кромѣ гортанныхъ нѣмецкихъ звуковъ. Такъ пусть же они двинутся въ походъ, пусть всѣ большія дороги огласятся звукомъ проѣзжающей артиллеріи. А между тѣмъ его величество еще разъ откроетъ королевское засѣданіе и совершитъ чудеса. Если нужно, раздастся громовый голосъ пуль и ядеръ.

При такихъ обстоятельствахъ, пока еще не начали стрѣлять калеными ядрами, ста двадцати избирателямъ Парижа, хотя они уже давно составили свою тетрадь съ жалобами, можно ли не собираться ежедневно въ качествѣ избирательнаго клуба? Сначала они собрались въ ресторанъ, гдѣ многолюдная свадь-

---

[1]) Hist. parlam. t. II, p. 32.

ба съ удовольствіемъ уступила имъ мѣсто [1]). Но скоро они начали собираться въ ратушѣ, въ самой залѣ засѣданій муниципальнаго совѣта. Флессель, купеческій старшина, съ четырьмя товарищами не могъ воспротивиться этому; такова сила общественнаго мнѣнія. Онъ и его четыре товарища и двадцат четыре муниципальныхъ совѣтника, назначенные свыше, спокойно сидятъ тутъ же, молча, въ своихъ длинныхъ мантіяхъ, и стараются разгадать, что значитъ эта прелюдія волненій, начинающихся снизу, и что послѣ всего этого будетъ съ ними самими.

---

[1]) Dusaulx Prise de la Bastille (collection de memoires, par Beiville et Barriere, Paris 1821, pag. 269).

ГЛАВА IV.

КЪ ОРУЖІЮ!

Въ такомъ положеніи всѣ дѣла въ жаркіе іюльскіе дни, въ положеніи нерѣшительномъ, загадочномъ, роковомъ. Мара напечаталъ воззваніе, въ которомъ прежде всего совѣтуетъ воздерживаться отъ насилія [1]). Не смотря на то бѣдные голодные люди, мятежные по необходимости, жгутъ уже заставы, на которыхъ собирается пошлина съ привозимыхъ съѣстныхъ припасовъ.

12 іюля было воскресенье. На всѣхъ улицахъ приклеены огромныя афиши, озаглавленныя словами «по повелѣнію короля». Въ нихъ всѣ мирные граждане приглашаются сидѣть дома, не бояться ничего и не собираться толпами. Что это такое? Что значатъ эти огромныя афиши? Но всего болѣе, что значитъ этотъ звукъ оружія? Со всѣхъ сторонъ на площадь Людовика XV собираются гусары и драгуны, съ зловѣщею физіогноміей; ихъ встрѣчаютъ насмѣшками, свистками и даже каменьями [2]). Съ ними Безенваль. Швейцарская гвардія, которою онъ командуетъ, расположилась на Елисейскихъ полахъ, съ четырьмя пушками.

---

[1]) Avis au prenple ou les ministres déroilés. 1789.

[2]) Besenval, t. III, p. 411.

Противъ насъ что ли вывели этихъ разрушителей? Мы окружены со всѣхъ сторонъ, отъ Севрскаго моста до крайней точки Венсенскаго лѣса и отъ Сенъ-Дени до Марсова поля. Всѣ боятся чего-то таинственнаго. Пале-Рояль сталъ центромъ и громкихъ выраженій ужаса и безмолвныхъ покачиваній головою. Можно себѣ представить, какое скорбное чувство объяло всѣхъ при выстрѣлѣ полдневной пушки (это было какъ разъ въ полденъ), какъ будто при какомъ-то мрачномъ предзнаменованіи, какъ будто при неясномъ объявленіи смертнаго приговора [1]). Точно ли эти войска посланы противъ разбойниковъ? Да гдѣ же разбойники? Въ воздухѣ носится что-то таинственное? Но чу! человѣческій голосъ; онъ разрѣшаетъ загадку: «Неккеръ, министръ народа, спаситель Франціи, высланъ». Это невозможно, невѣроятно! Это значитъ измѣнять общему спокойствію! Нужно утопить того, кто это говоритъ [2]): вѣстовщикъ едва успѣлъ уйти. Дѣлайте что хотите, друзья, но это правда. Неккеръ уѣхалъ на сѣверъ вчера ночью, по секретному повелѣнію короля. У насъ новое министерство; оно составлено изъ Брогли—бога войны, аристократа Бретеля и Фулона, который сказалъ, что народъ можетъ ѣсть и сѣно.

Сильный говоръ поднялся въ Пале-Роялѣ и во всей Франціи. Лица вытянулись; на всѣхъ ихъ написанъ смутный ужасъ, вездѣ пробѣжала дрожь, которая скоро перешла въ громовые звуки ярости, увеличиваемой страхомъ.

Но посмотрите на Камилла Демулэна: онъ прибѣжалъ къ кофейную de Foy, съ физіогноміею сивиллы; волосы растрепа-

---

[1]) Hist. parl. t. II, p. 81.

[2]) Ibid.

ны; въ рукахъ пистолеты. Онъ бросается на столъ; полицейскіе слѣдятъ за нимъ; но не возьмутъ его живымъ. На этотъ разъ онъ говоритъ, не заикаясь: «Друзья, неужели, умремъ, какъ пойманные зайцы, какъ бараны, загнатые въ стойла? Ужели будемъ блеять, чтобъ сжалились надъ нами тамъ, гдѣ вмѣсто жалости ожидаетъ насъ острый ножъ? Пришелъ часъ, великій часъ француза и человѣка: угнетатель и угнетенный стоятъ другъ противъ друга; надобно или тотчасъ умереть, или освободиться навсегда. Встрѣтимъ же радостно этотъ часъ. Время воскликнуть: къ оружію! Пусть весь Парижъ, вся Франція закричатъ голосомъ урагана: къ оружію!» Въ отвѣтъ на это множество голосовъ начали кричать: къ оружію! всѣ голоса слились наконецъ въ одинъ общій гулъ, подобный голосу демона, несущагося по воздуху. У всѣхъ загорѣлись глаза, сердца воспламенились до изступленія. «Друзья, продолжаетъ онъ, пусть для насъ будутъ отличительнымъ знакомъ кокарды изъ лентъ зеленаго цвѣта, цвѣта надежды». Какъ рой гусеницъ, когда нападаютъ на деревья, тотчасъ пожираетъ на нихъ всѣ зеленыя листья, такъ теперь всѣ слушатели Демулэня бросились въ сосѣднія лавки и раскупили всѣ зеленыя ленты. Камиллъ, сошедши со стола, чуть не былъ задушенъ въ объятіяхъ, причемъ у всѣхъ на глазахъ были слезы. Ему подали кусокъ зеленой ленты и онъ тотчасъ прикололъ ее къ шляпѣ. Послѣ того они бросились къ Курціусу, торговцу восковыми бюстами, затѣмъ на бульвары и на всѣ четыре стороны; они будутъ странствовать по разнымъ мѣстамъ до тѣхъ поръ, пока вся Франція не будетъ въ огнѣ.

Франція, такъ долго подвергавшаяся губительному дѣйствію

разныхъ неблагопріятныхъ вліяній, теперь, по всей вѣроятности, совершенно готова вспыхнуть. Бюсты Неккера и герцога Орлеанскаго, этихъ двухъ столповъ ея, покрыли крепомъ и понесли, какъ будто въ похоронной процессіи, по всѣмъ улицамъ въ сопровожденіи смѣшанной толпы. Для толпы это — знамя, потому что человѣкъ съ своимъ воображеніемъ ничего не сдѣлаетъ или сдѣлаетъ очень немного безъ какого нибудь вещественнаго знамени; турки въ сраженіи смотрятъ на знамя своего пророка, Такъ сжигались маннекэны, такъ и теперь бюстъ Неккера, поднятый на шестъ, былъ несенъ по городу.

Толпа, постоянно увеличивающаяся, идетъ по улицамъ Парижа съ топорами, палками и другимъ оружіемъ, грозная и шумящая. Закройте всѣ театры, перестаньте танцовать въ домахъ и на открытомъ воздухѣ. Вмѣсто христіанской субботы, вмѣсто праздника кущей, который отправляли за городомъ, пусть будетъ праздноваться шабашъ вѣдьмъ. Парижъ, пришедшій въ совершенное бѣшенство, пляшетъ подъ звуки дьявольской музыки.

Но Безенваль съ пѣхотою и кавалеріею ужестоитъ на площади Людовика XV. Народъ, возвращающійся съ загородной прогулки изъ Пасси или Тальо немного на-веселѣ, проходитъ черезъ эту площадь не такъ весело, какъ обыкновенно. Рѣшится ли идти на эту площадь процессія съ бюстами? Вотъ она: на нее бросается князь Ламбекъ съ своимъ нѣмецкимъ полкомъ. Засвистали ядры, засверкали сабли, бюсты всѣ сброшены на землю, но при этомъ, увы, слетѣло и нѣсколько человѣческихъ головъ. Толпѣ ничего не осталось,

какъ только разбѣжаться по улицамъ и аллеямъ Тюльери и скрыться.

Но не пройтись ли тебѣ, побѣдоносный Ламбекъ и по Тюльерійскому саду, куда скрылись бѣглецы? Не показать ли всѣмъ, кто гуляетъ въ воскресенье, какъ блестятъ окровавленныя сабли? Бросившись въ Тюльери, Ламбекъ сабельнымъ ударомъ плашмя успѣлъ только свалить одного старика, школьнаго учителя, который спокойно прогуливался тамъ. Его тотчасъ выгнали изъ сада, бросая въ него черепками и посылая въ слѣдъ всевозможныя проклятія: предварительно изъ стульевъ устроены были баррикады. Охота же ему въ самомъ дѣлѣ разгонять эту сволочь? Сдѣлать много тутъ также гибельно, какъ и сдѣлать мало. Во всю ночь во всѣхъ углахъ Парижа только и слышны проклятія Ламбеку. Крикъ: къ оружію! постоянно усиливается; съ закатомъ солнца къ нему присоединяется металилческій голосъ набатныхъ колоколовъ; оружейные магазины разграблены; улицы походятъ на волнующееся море.

Такъ кончился походъ Ламбека на Тюльерійскій садъ. Онъ не произвелъ благодѣтельнаго страха между гуляками, но внезапно разбудилъ три изступленныя фуріи, которыя впрочемъ и не спали. Въ самомъ дѣлѣ, эти подземныя эвмениды (баснословныя, но тѣмъ не менѣе реальныя) всегда гнѣздятся въ глубинѣ человѣческой природы, держа наготовѣ зажженные, дымные факелы и потрясая своими волосами изъ змѣй. Ламбекъ съ своимъ полкомъ воротился въ казармы, но скоро опять вышелъ на площадь, какъ скитающійся духъ. Французская гвардія, пылая мщеніемъ, съ проклятіемъ на

губахъ, со сжатыми бровями, бросается на него изъ казармъ на Chaussée d'Antin и стрѣляетъ въ него; нѣсколько солдатъ убито и ранено. Но Ламбекъ, не имѣя возможности отвѣчать на выстрѣлъ, продолжаетъ путь [1]).

Благоразуміе совсѣмъ изчезло изъ головъ, украшенныхъ шляпами съ плюмажемъ. Когда эвмениды проснулись, а Брогли между тѣмъ не отдаетъ приказаній, что можетъ сдѣлать Безенваль? Когда французская гвардія, соединившись съ волонтерами Пале-Рояля, пошла, съ жаждой мщенія, на самую площадь Людовика XV, тамъ уже не было ни Безенваля, ни Ламбека, ни его полка и ни одного солдата. На крайнемъ восточномъ бульварѣ Сентъ-Антуана появились нормандскіе стрѣлки, запыленные и усталые, послѣ усиленнаго перехода, который они сдѣлали въ этотъ день; они не нашли тамъ никакого квартирмистра и не зная куда имъ идти въ этомъ смутномъ городѣ, они хотятъ видѣть Безенваля, но нигдѣ его не могутъ найти. Имъ приходится расположиться бивуаками на бульварѣ, не смотря на грязь и голодъ.

Яростная толпа окружила ратушу и кричитъ: оружія! приказаній! Двадцать шесть муниципальныхъ совѣтниковъ, молча, скрылись и никогда уже не появлялись больше. Безенваль напрасно хочетъ попасть на Марсово поле, онъ долженъ остаться тамъ же, гдѣ и былъ въ самой тяжелой неизвѣстности. Курьеры за курьерами скачутъ въ Версаль, но не привозятъ оттуда никакого отвѣта, едва имѣя возможность вернуться. Всѣ дороги заняты батареями, караулами, экипажами, остановленными для осмотра; таково единственное распоря-

[1]) Weber, II. 75—81.

женіе, сдѣланное Брогли. Oeil-de-Beuf, слыша оглушительный шумъ, похожій на нашествіе непріятелей, хочетъ, прежде всего, сберечь свою голову. Новое министерство, у котораго одна нога, да и та связана, не можетъ сдѣлать ни одного прыжка. Бѣшеный Парижъ предоставленъ совершенно самому себѣ.

Какой видъ принялъ Парижъ съ наступленіемъ ночи! Европейская столица, вдругъ оторвавшись отъ своихъ старыхъ привычекъ, ударилась въ смуты и ищетъ новаго. Обычай и преданіе уже не руководятъ болѣе ничьими дѣйствіями. Каждый долженъ самъ думать или слѣдовать за тѣми, кто думаетъ. Семьсотъ тысячъ человѣкъ вдругъ увидѣли, что всѣ старыя пробитыя дорожки для мыслей и дѣйствій изчезли у нихъ изъ-подъ-ногъ. И вотъ они съ шумомъ и ужасомъ бросаются впередъ, закрывъ глаза, не зная еще, поплывутъ ли они, побѣгутъ или полетятъ въ новой эрѣ. Вверху паритъ надъ ними сверхъестественный Брогли, богъ войны, съ своими калеными ядрами, внизу сверхъестественный міръ разбойниковъ грозитъ кинжаломъ и горящимъ факеломъ; глупость царитъ въ эту минуту въ Парижѣ.

Къ счастію, мѣсто двадцати шести изчезнувшихъ муниципальныхъ совѣтниковъ занялъ клубъ избирателей, объявивъ себя временнымъ муниципалитетомъ. На другой день онъ присоединилъ къ себѣ старшину Флесселя, съ однимъ или двумя товарищами, для пособія при обсужденіи подробностей. Послѣ того временный совѣтъ пришелъ къ важному рѣшенію: нужно образовать на будущее время парижскую милицію. Работайте избиратели надъ этимъ великимъ дѣломъ, а мы, со-

ставивъ изъ себя постоянный комитетъ, и будемъ бдительно охранять городъ. Пусть сильные люди, каждый въ своемъ кварталѣ, бодрствуютъ и отправляютъ должность ночной стражи. Пусть Парижъ хоть сколько нибудь заснетъ лихорадочнымъ сномъ, тревожимый лихорадочными сновидѣніями, хотя и просыпается время отъ времени, глядя въ окно въ ночномъ колпакѣ, дрожа при шумѣ борьбы сталкивающихся патрулей, при видѣ краснаго пламени на отдаленныхъ заставахъ, высоко поднимающагося къ небу [1]).

---

[1]) Deux amis, I, 267—630.

ГЛАВА V.

ДАЙТЕ НАМЪ ОРУЖІЕ!

Въ понедѣльникъ жители огромнаго города проснулись не съ тѣмъ, чтобы приняться за свою обычную работу, а начать другую, совершенно новую. Работникъ сдѣлался воиномъ и у него одна забота—достать оружіе. Во всѣхъ мастерскихъ дѣла остановились. Одни кузнецы особенно усердно заняты выковкою пикъ, да еще повара, хотя и не такъ усердно, продолжаютъ приготовлять обѣды, ибо bouche va toujours. Женщины приготовляютъ кокарды, но не зеленаго цвѣта, который, какъ цвѣтъ герба герцога д'Артуа, запрещенъ ратушею, а краснаго съ голубымъ (старые цвѣта Парижа) на бѣломъ конституціонномъ фонѣ. Такъ составился знаменитый триколеръ, долженствующій, если справедливо пророчество, обойти весь міръ.

Лавки заперты, кромѣ булочныхъ и винныхъ погребковъ. Весь Парижъ на улицахъ, кипитъ и пѣнится, какъ стаканъ вина, отравленный ядомъ. Набатъ гремитъ на всѣхъ колокольняхъ. Оружія, муниципалы, Флессель и товарищи, дайте же намъ оружіе! Флессель даетъ, что̀ можетъ, великолѣпныя обѣщанія, можетъ быть коварныя, что оружіе идетъ изъ Шар-

левиля; онъ приказываетъ искать оружіе то здѣсь, то тамъ. Новые члены муниципалитета даютъ также, что́ могутъ, какихъ нибудь триста шестьдесятъ негодныхъ ружей и экипировку для городской стражи; человѣкъ въ деревянныхъ башмакахъ, безъ верхняго платья, схвативъ одно изъ нихъ, тотчасъ и занялъ постъ. Данъ приказъ всѣмъ кузнецамъ работать какъ можно скорѣе пики.

Старшины избирательныхъ округовъ постоянно совѣщаются другъ съ другомъ. Простые патріоты бѣгаютъ туда и сюда, вездѣ ища оружія. До сихъ поръ ратуша доставила только незначительное количество дурныхъ ружей, о которыхъ мы говорили. Въ такъ называемомъ арсеналѣ нѣтъ ничего, кромѣ негоднаго старья, притомъ же онъ подъ защитою пушекъ Бастиліи. Королевское депо или такъ называемое garde-meuble разграблено. Много тамъ обоевъ и дорогихъ бездѣлушекъ, но собственно оружія, годнаго къ дѣлу, мало. Есть двѣ пушки съ серебряными украшеніями, подаренныя нѣкогда Людовику XIV Сіамскимъ королемъ, позолоченная шпага добраго Генриха, вооруженіе древнихъ рыцарей. За неимѣніемъ лучшаго, всѣ эти и подобныя имъ вещи жадно расхватываютъ нуждающіеся въ оружіи патріоты. Сіамскія пушки вытаскиваются для дѣла, къ которому онѣ вовсе не были назначены. Между негоднымъ оружіемъ можно видѣть турнирныя копья, между непричесанными головами вдругъ выдается какой нибудь блестящій шлемъ или панцырь. Вѣрное изображеніе эпохи, въ которой перемѣшались всѣ эпохи съ ихъ разнородными произведеніями.

Въ домѣ св. Лазаря, который былъ когда-то монастыремъ,

а теперь обращенъ въ исправительный домъ, подъ управленіемъ монаховъ, нѣтъ и слѣда оружія, но за то есть такое скопленіе хлѣба, которое можно назвать преступнымъ. Вонъ его отсюда, тащи на рынокъ. О небо, при такомъ голодѣ, весь этотъ хлѣбъ едва могли перевести на рынокъ на пятидесяти двухъ телѣгахъ. Да, святые отцы, ваши амбары были хорошо наполнены, да и вино ваше очень недурно; послѣ того не преступные ли вы притѣснители бѣдняка, не вѣроломные ли скупщики хлѣбныхъ запасовъ?

Напрасно вы протестуете, напрасно молите на колѣняхъ. Посмотрите лучше какъ изъ всѣхъ его оконъ летятъ на мостовую груды мебели; прислушайтесь къ этому гвалту и шуму, который слышенъ внутри его. Въ погребахъ льется и горитъ вино, зажженное, по словамъ нѣкоторыхъ, самими лазаристами, пришедшими въ отчаяніе отъ своихъ потерь; скоро весь домъ изчезъ въ пламени. Замѣтимъ однакожъ, что одинъ воръ былъ схваченъ и тотчасъ повѣшенъ.

Взгляните также на тюрьму du Châtelet. Эта тюрьма, въ которой содержались неоплатные должники, была взята приступомъ и всѣ заключенные выпущены на волю. При этомъ извѣстіи преступники, содержавшіеся въ тюрьмѣ, также вооружаются и хотятъ выйти, но патріоты открываютъ по нимъ огонь и заставляютъ ихъ вернуться въ свои комнаты. Патріоты незнаются съ ворами и мошенниками.—Въ этотъ день наказаніе слѣдуетъ за преступленіемъ съ ужасающею быстротою. Тридцать человѣкъ, которыхъ нашли пьяными въ погребахъ дома св. Лазаря, тотчасъ съ негодованіемъ были отведены въ тюрьму, но въ ней не было мѣста, и потому

рѣшили ихъ повѣсить [1]). Коротко и знаменательно, если только справедливъ этотъ разсказъ.

При такихъ обстоятельствахъ аристократы-непатріоты начали укладываться. Но имъ нельзя уѣхать. Всѣ заставы, сожженныя и цѣлыя, заняты вооруженными людьми въ деревянныхъ башмакахъ: въѣзжающихъ и выѣзжающихъ останавливаютъ и ведутъ въ ратушу: вся Гревская площадь покрыта множествомъ каретъ, телѣжекъ, серебряной посуды, мебели, мѣшками съ хлѣбомъ, даже стадами барановъ и быковъ.

Крики продолжаютъ потрясать воздухъ; барабаны бьютъ, колокола звонятъ набатъ; глашатаи бѣгаютъ по улицамъ съ колокольчиками въ рукахъ: «слушайте, слушайте, всѣ граждане должны быть записаны по своимъ дистриктамъ». Всѣ жители дистриковъ собираются въ садахъ и на открытыхъ мѣстахъ и образуютъ изъ себя труппы волонтеровъ. Ни одно ядро не упало еще изъ лагеря Безенваля, напротивъ, число дезертировъ, оставляющихъ ряды, съ оружіемъ въ рукахъ, постоянно увеличивается. Въ 2 часа по полудни, о радость! Французская гвардія, получивъ приказаніе собраться въ Сенъ-Дени, наотрѣзъ отказалась повиноваться и присоединилась къ народу. Это самое важное событіе нынѣшняго дня. Три тысячи шестьсотъ лучшихъ солдатъ въ полномъ вооруженіи даже съ пушками присоединились къ народу. Остались одни офицеры, не успѣвъ заклепать пушекъ. Можно надѣяться теперь, что и швейцарцы и шато-вье и всѣ остальные полки не очень расположены драться.

---

[1]) Histoire parlem. II, 96.

Наша парижская милиція, которую называютъ нѣкоторые національною гвардіею, радуется отъ всего сердца. Она обѣщала дойти числомъ до сорока восьми тысячъ, но скоро это число удвоилось и учетверилось. Она была бы непобѣдима, если бы имѣла достаточно оружія.

Но вотъ идутъ обѣщанные артиллерійскіе ящики изъ Шарлевиля съ надписью: артиллерія. Наконецъ-то у насъ будетъ оружіе. Вообразите же, какъ вытянулись лица патріотовъ, когда они, открывъ ящики, нашли въ нихъ тряпки, грязное бѣлье, огарки и разную дрянь! Г. Флессель! что это значитъ? Въ монастырѣ Chartreux, куда насъ послали съ приказомъ, не нашлось, да и никогда не бывало и слѣда оружія. На Сенѣ въ лодкахъ нагружено пять тысячъ фунтовъ пороха, завернутаго въ холстъ, который располагали вывезти изъ Парижа, если бы патріотизмъ не имѣлъ тонкаго чутья. Что это ты затѣваешь, Флессель? Шутить съ нами опасно. Кошка играетъ съ попавшеюся къ ней въ лапы мышью; но слыханное ли дѣло, чтобы мышь играла съ разъяренною кошкою, съ разъяреннымъ національнымъ тигромъ!

Но работайте же вы, кузнецы въ черныхъ передникахъ, работайте усердно. Пусть всѣ хозяева и подмастерья работаютъ безъ устали, пусть всякій стучитъ кузнечнымъ молотомъ по наковальнѣ и куетъ перуны. Отъ времени до времени раздаются надъ вашими головами выстрѣлы вѣстовой пушки, городъ, наконецъ, досталъ пороха, пятьдесятъ тысячъ пикъ успѣли сдѣлать въ 36 часовъ: не спали, значитъ, черные передники. Ройте траншеи, ломайте мостовыя, всѣ работайте надъ этимъ, мущины и женщины; наваливайте земли въ бочки

для баррикадъ, разставляйте часовыхъ, накладывайте каменья по краямъ оконъ верхнихъ этажей; вы, старухи, готовьте кипящую смолу или, по крайней мѣрѣ, воду, чтобы обливать королевскіе полки. — Патрули новорожденной національной гвардіи съ факелами ходятъ всю ночь по пустымъ улицамъ, на которыхъ впрочемъ освѣщены всѣ окна. Странное зрѣлище, точно городъ мертвыхъ, освѣщенный нефтью, въ которомъ тамъ и сямъ встрѣчаются блуждающіе призраки.

Бѣдные люди! какъ много вы сами виноваты въ вашемъ горькомъ существованіи, въ вашей ужасной и необыкновенной жизни, въ ужасной, страшной; во всѣхъ сердцахъ гнѣздится сатана! Какія ужасныя предсмертныя муки, какіе страшные вопли поражаютъ насъ часто; но за ними скоро наступаетъ глубокое молчаніе; и отъ вашихъ слезъ не вздулось соленое море!

Трудно вообразить себѣ, какъ Безенваль провелъ все это время. Возстаніе кипитъ вокругъ него, а войско, состоящее подъ его командой, мало-по-малу изчезаетъ. Изъ Версаля нѣтъ никакого отвѣта на самыя важныя донесенія, или, если и получаются отвѣты, то общіе, которые еще болѣе приводятъ въ отчаяніе, чѣмъ самое молчаніе. Совѣтъ офицеровъ рѣшилъ только одно, что ничего нельзя сдѣлать; полковые командиры объявили, что они не разсчитываютъ на своихъ людей. Одна страшная неизвѣстность! Богъ войны Брогли сидитъ недоступный на своемъ Олимпѣ, не сходитъ оттуда, окруженный страхомъ, не посылаетъ картечныхъ выстрѣловъ, не отдаетъ никакихъ приказаній.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Версальскомъ дворцѣ все какъ-то таин-

ственно; въ городѣ Версали шумъ, негодованіе, всеобщая тревога. Священное національное собраніе сидитъ, проклиная демонстрацію; ему угрожаетъ смерть, но оно хочетъ избѣжать ее. Оно постановило выразить сожалѣніе націи объ удаленіи Неккера. Оно послало въ дворецъ торжественную депутацію просить короля удалить войска. Напрасно! король приглашаетъ ихъ лучше заняться своимъ дѣломъ — составленіемъ конституціи. Иностранные гусары парадируютъ на своихъ лошадяхъ съ видомъ фанфароновъ; они пошли бы охотно въ залу des Menus, если бы не видно было грозныхъ лицъ во всѣхъ версальскихъ аллеяхъ [1]). Держитесь твердо народные сенаторы, надежда энергическаго и грознаго народа!

Народные сенаторы рѣшились быть въ постоянномъ засѣданіи, пока не измѣнится настоящее положеніе дѣлъ. Подумайте однакожъ, что достойный Лефранъ де Помпиньянъ, выбранный президентомъ вмѣсто Бальи, старъ и обремененъ множествомъ дѣлъ. Это братъ того Помпиньяна, который написалъ жалкія размышленія на книгу — плачъ Іереміи.

Savez vous pourquoi Jérémie
Se lamentait tant sa vie?
C'est qu'hélas! il prévoyait.
Que Pompignan le traduirait.

Бѣдный епископъ Помпиньянъ удаляется, оставляя Лафайэта вмѣсто себя; этотъ послѣдній какъ вице-президентъ предсѣдательствуетъ въ ночныхъ засѣданіяхъ собранія въ неубранной комнатѣ, едва освѣщенной тусклою лампой, и ожидаетъ, что̀ принесутъ слѣдующіе часы.

[1]) См. Lameth, Ferrieres etc.

Вотъ какой видъ представляетъ Версаль. Въ Парижѣ Безенваль, прежде чѣмъ уйти домой на ночь, отправился въ тревогѣ къ старику де Сомбрэйлю въ домъ инвалидовъ. У него въ погребахъ спрятано двадцать тысячъ ружей, но на инвалидовъ нельзя расположиться. Нынѣшній день, напримѣръ, онъ послалъ 20 изъ нихъ развинтить ружья, чтобъ не воспользовались ими мятежники, но они въ продолженіи шести часовъ едва успѣли отвинтить 20 курковъ, то есть на каждаго пришлось по одному ружью. Онъ думаетъ, что если имъ прикажутъ стрѣлять, то, пожалуй, они будутъ стрѣлять по своимъ.

Несчастные старые солдаты! пришолъ вашъ часъ, но это не часъ вашей славы. Старый маркизъ де Лонэ, комендантъ Бастиліи, давно уже поднялъ мосты и удалился во внутренность ея, разставивъ на валу часовыхъ, которые должны наблюдать за изступленнымъ Парижемъ. Національный патруль, проходя мимо, прицѣлился въ этихъ часовыхъ, послышалось [1]) семь выстрѣловъ, но они не произвели никакого дѣйствія. Это было 13 іюля 1789 года. Этотъ день еще хуже, чѣмъ 13 іюля 1788: тогда градъ падалъ съ неба, а теперь ярость разрушаетъ вещи поважнѣе посѣвовъ хлѣба.

Въ эти же дни умеръ въ Аржантэйлѣ старый, невозмутимый маркизъ Мирабо. Онъ не слышитъ пушечныхъ выстрѣловъ, да, по поправдѣ сказать, вѣдь не онъ лежитъ на ложѣ, а одно его холодное тѣло, глухое ко всему. Въ субботу вечеромъ онъ испустилъ послѣдній вздохъ, оставивъ этотъ міръ, который никогда не былъ по немъ, а теперь это міръ замутившійся до головокруженія, до общей свалки. Пусть, впрочемъ,

[1]) Deux amis de la liberté, I, 312.

отправляется онъ въ это долгое путешествіе къ неизвѣстнымъ странамъ! Что ему изъ всего этого шума! Старый замокъ Мирабо продолжаетъ стоять, безмолвный, въ отдаленіи, на крутой своей скалѣ, въ этомъ прибѣжищѣ вѣтровъ, между двухъ долинъ, представляя теперь одинъ лишь блѣдный призракъ замка. Будетъ время, когда это великое народное возмущеніе, Франція и весь міръ также изчезнутъ, какъ тѣнь на морѣ, и все пойдетъ, какъ угодно будетъ Богу.

Молодой Мирабо, любившій своего стараго, храбраго и сердитаго отца, съ огорченнымъ сердцемъ и тяжелыми предчувствіями, удалился пока со сцены исторіи. Великій кризисъ совершается безъ него [1]).

---

[1]) Fils adoptif, Mirabeau, VI, I.

ГЛАВА IV.

НАПАДЕНІЕ И ПОБѢДА.

Но для тѣхъ, кто остался живъ и борется, наступило 14 іюля. Во всѣхъ домахъ волнующагося города разыгрывается драма, не лишенная трагическихъ элементовъ и приближающаяся къ развязкѣ. Вездѣ агитація, приготовленія, угрозы и трепетное ожиданіе. Слезы текутъ изъ глазъ стариковъ. «Сего дня, дѣти, вамъ нужно показать себя мужчинами; ступайте съ воспоминаніемъ о страданіяхъ вашихъ отцовъ и съ надеждою на права вашихъ дѣтей. Тиранія угрожаетъ вамъ своимъ гнѣвомъ: у васъ одна надежда на собственныя руки. Въ этотъ день вамъ нужно дѣйствовать или умереть».

Съ ранней зари постоянный комитетъ, не спавши всю ночь, услышалъ опять мятежный старый крикъ: оружія! оружія! доходившій до изступленія. Флессель или другіе измѣнники, какіе есть между вами, должны подумать о Шарлевильскихъ ящикахъ. Насъ полтораста тысячъ и одна пика на троихъ! Намъ необходимо оружіе: съ нимъ мы будемъ непобѣдимая національная гвардія, безъ него сволочь, которую гонятъ картечью.

Къ счастію, пронесся слухъ, что въ инвалидномъ домѣ есть ружья. Пойдемъ туда. Эти-де Корни, королевскій прокуроръ и другія лица, которыя могутъ сообщить авторитетъ нашимъ дѣйствіямъ, пойдутъ съ нами. Тамъ Безенваль разставилъ войска; можетъ быть они будутъ стрѣлять по насъ; ну такъ что жъ? Пусть убиваютъ; намъ осталось только умирать.

Увы! бѣдный Безенваль, съ войсками, которыя таютъ у него подъ рукою, вовсе не имѣетъ намѣренія стрѣлять. Въ 5 часовъ нынѣшнимъ утромъ, когда онъ, забывшись, заснулъ въ военной школѣ, вдругъ передъ его постелью предстало видѣніе, довольно красивой наружности, съ пламенными глазами, съ отрывистой и сильною рѣчью, смѣлымъ видомъ, подобное тому, которое являлось Пріаму! Это видѣніе сказало ему, что сопротивленіе безполезно и горе тѣмъ, кто рѣшится проливать кровь. Сказавши это, видѣніе изчезло. Во всякомъ случаѣ его краснорѣчіе имѣло волшебную силу. Безенваль сознается, что слѣдовало задержать привидѣніе, но онъ не сдѣлалъ этого [1]). Кто же можетъ быть это видѣніе съ пламеннымъ взоромъ, съ отрывистою и сильною рѣчью и съ прекраснымъ лицомъ? Безенваль знаетъ его, но не говоритъ. Ужъ не Камиллъ ли Демулэнъ? Или можетъ быть пиѳагореецъ, маркизъ Валади, возбужденный событіями этой ночи въ Пале-Роялѣ. Молва называетъ молодаго Мельяра и потомъ смыкаетъ навсегда уста свои относительно этого [2]).

Около 9-ти часовъ утра наши національные волонтеры ус-

---

[1]) Besenval, III, 414.

[2]) Tableaux de la révolution.

тремляются, какъ неизмѣримый потокъ, къ юго-востоку къ дому инвалидовъ, на поиски того, что для нихъ существенно необходимо. Вмѣстѣ съ ними королевскій прокуроръ Эти-де Корни и другія власти. Священникъ прихода Saint Etienne du Mont съ грознымъ видомъ выступаетъ во главѣ своего вооруженнаго прихода; съ нимъ клерки въ красныхъ цлащахъ; за тѣмъ волонтеры Пале-Рояля; національные волонтеры въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ; у всѣхъ одна мысль, одно чувство. Королевскія ружья принадлежатъ націи. Подумай же теперь старикъ Самбрэйль: какъ ты имъ откажешь въ такой крайности? Сомбрэйль хотѣлъ бы войти въ переговоры, послать парламентеровъ, курьеровъ; но что изъ этого выйдетъ? Начали уже взбираться на стѣны, ни одинъ инвалидъ не думаетъ стрѣлять, надобно отворить ворота. Патріоты съ шумомъ бросаются въ домъ, роются во всѣхъ комнатахъ, во всѣхъ коридорахъ, вездѣ ища оружія; какой погребъ, какая кладовая укроются отъ нихъ? Наконецъ ружья нашли; онѣ всѣ въ порядкѣ и завернуты въ солому, разумѣется съ цѣлью сжечь ихъ. Какъ голодные львы на мертвую добычу бросаются патріоты съ воплями и криками на ружья, бьютъ, толкаютъ другъ друга, при чемъ особенно плохо достается слабѣйшимъ изъ нихъ. Наконецъ декораціи перемѣнились и 28,000 ружей, теперь уже на плечахъ національной гвардіи, выносятся изъ глубокой темноты на грозный свѣтъ.

Пусть Безенваль посмотритъ, какъ блестятъ эти ружья на походѣ. Французская гвардія, говорятъ, направила на него свои пушки, готовясь перейти, въ случаѣ нужды, на противоположный берегъ рѣки. Теперь къ Бастиліи неустрашимые

Парижане, тамъ грозятъ картечью, туда направлены теперь мысли и шаги всѣхъ!

Въ воскресенье, около полуночи старикъ де Лонэ, какъ мы сказали, удалился въ свои внутреннія комнаты. Съ этой минуты онъ находится тамъ подъ вліяніемъ самой печальной неизвѣстности, какъ и всѣ военные, не зная какъ ему поступить. Ратуша проситъ его впустить во дворъ національную гвардію, это тоже, что сдаться; съ другой стороны приказанія короля очень ясны. Весь гарнизонъ Бастиліи состоитъ изъ 82 старыхъ инвалидовъ, къ которымъ потомъ прибавлено 32 человѣка молодыхъ швейцарцевъ; стѣны, правда, имѣютъ 9 футовъ толщины, есть пушки и порохъ; но, увы! провіанту запасено всего на одинъ день и потомъ гарнизонъ состоитъ большею частію изъ французовъ. Подумай-ка, суровый, старый де Лонэ, что тебѣ слѣдуетъ дѣлать.

Все утро съ 9 часовъ былъ слышенъ крикъ: «къ Бастиліи!» Представлялось нѣсколько депутацій гражданъ, которые страстно желали получить оружіе; де Лонэ хотѣлъ отдѣлаться отъ нихъ миролюбивыми рѣчами, посылаемыми сквозь отверстія бойницъ. Около полудня избиратель Тюріо де ла Розіеръ получилъ къ нему доступъ: онъ находитъ, что де Лонэ вовсе не расположенъ сдаваться, и скорѣе готовъ все взорвать на воздухъ. Тюріо всходитъ на парапетъ; видитъ вездѣ груды камней, стараго желѣза и всего, что только можно было сбросить въ критическую минуту: во всѣхъ амбразурахъ пушки приготовлены къ дѣлу, хотя нѣсколько отодвинуты назадъ. Но извнѣ, посмотри-ка Тюріо, какъ толпы народа стекаются изо всѣхъ улицъ; яростно звонитъ набатъ;

барабаны бьютъ наступленіе; все предмѣстье св. Антонія стремится къ укрѣпленію, какъ одинъ человѣкъ. Таково фантастическое, но тѣмъ не менѣе дѣйствительное видѣніе, которое представляется теперь тебѣ, Тюріо, смотрящему сверху парапета. Que voulez-vous спрашиваетъ де Лонэ, блѣднѣя при этомъ зрѣлищѣ, съ видомъ упрека и почти угрозы. Милостивый Государь! сказалъ Тюріо съ величайшимъ одушевленіемъ: Que prétendez-vous? Понимаете ли, что мы съ вами теперь можемъ полетѣть внизъ? а вышина здѣсь сто футовъ, не считая рвовъ. Послѣ этого де Лонэ замолчалъ. Тюріо съ высоты показывается толпѣ, которая начинаетъ подозрѣвать и шумѣть, за тѣмъ, сошедши внизъ, удаляется съ неудовольствіемъ. Уходя, онъ сдѣлалъ воззваніе къ инвалидамъ, на которыхъ впрочемъ произвелъ неопредѣленное впечатлѣніе. Эти старыя головы не изъ самыхъ дальновидныхъ; говорятъ даже, что де Лонэ не скупился для нихъ на хмѣльные напитки. Они не желали стрѣлять, пока по нимъ стрѣлять не будутъ и вообще рѣшились дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ.

Горе тебѣ де Лонэ, если въ такую минуту ты не съумѣешь восторжествовать надъ обстоятельствами! Мирныя рѣчи ничего не сдѣлаютъ; стрѣльба опасна; но колебаться между тѣмъ и другимъ нельзя. Толпа все дѣлается запальчивѣе; ропотъ доходитъ до проклятій, даже до выстрѣловъ, которые конечно ничего не значатъ для этихъ стѣнъ, толщиною въ 9 футовъ. Одинъ мостъ спущенъ для Тюріо; черезъ него успѣла пробраться въ первый дворъ новая депутація гражданъ, третья и самая бурная изъ всѣхъ. Де Лонэ не могъ подѣйствовать на нихъ увѣщаніями, онъ приказалъ

открыть огонь и поднять мостъ. Легкій выстрѣлъ только поджогъ горючую массу и обратилъ ее въ огненный хаосъ. При видѣ крови, такъ какъ нѣсколько человѣкъ убито, инсургенты открываютъ страшный, непрерывающійся огонь: цѣлый взрывъ выстрѣловъ, криковъ, проклятій! Надъ головами пролетѣло изъ крѣпости ядро; оно показываетъ, что̀ намъ слѣдуетъ дѣлать. Бастилія въ осадѣ!

Впередъ же всѣ французы, у которыхъ есть сердце. Кричите громче дѣти свободы! Пробудите всѣ свои способности физическія и моральныя, потому что часъ насталъ. Бей сильнѣе Луи Турнэ, колесникъ изъ Марэ, старый солдатъ полка Дофинэ, бей по цѣпи подъемнаго моста подъ градомъ пуль, которыя свистятъ вокругъ тебя! Никогда твой топоръ не издавалъ еще такихъ звуковъ, стуча по колесамъ и ободьямъ! Бей! мой храбрецъ! Прочь! прочь! прямо въ преисподнюю! Пусть всѣ проклятыя зданія разрушатся и тиранія изчезнетъ на вѣкъ. Взобравшись на крышу кордегардіи, по словамъ однихъ, или на штыки, воткнутые въ стѣнныхъ спайкахъ, какъ говорятъ другіе, Турнэ вмѣстѣ съ Обэномъ Бонмэромъ, тоже старымъ солдатомъ, сильно бьетъ по цѣпи; она ломается и подъемный мостъ падаетъ съ шумомъ. Какая слава! Но, увы! это только аванпосты. Восемь мрачныхъ башенъ съ ихъ инвалидами, вооруженными ружьями, съ ихъ каменьями и пушечными жерлами, еще угрожаютъ намъ. Ровъ пока нельзя перейти, внутренній подъемный мостъ еще не спущенъ: Бастилія еще не взята!

Описать осаду Бастиліи (одинъ изъ самыхъ важныхъ эпизодовъ въ исторіи) можетъ быть выше человѣческихъ силъ.

Надобно много читать, чтобы только понять планъ Бастиліи. Въ концѣ ея, улицы св. Антонія, есть широкая эспланада, состоящая изъ множества дворовъ: cour Avancée, cour de l'Orme, изъ портана со сводомъ, потомъ изъ новыхъ подъемныхъ мостовъ, изъ мостовъ постоянныхъ, изъ бастіоновъ и восьми мрачныхъ башенъ; кратко—это лабиринтическая масса, которую строили столько вѣковъ и для которой наступилъ теперь послѣдній часъ. Орудія всякихъ калибровъ, жерла всякой величины, люди всякаго разбора и каждый самъ себѣ командиръ: со временъ сраженій пигмеевъ и журавлей рѣдко встрѣчалась подобная аномалія. Эли отправляется домой надѣть мундиръ. Кто бы сталъ ему повиноваться въ партикулярномъ платьѣ? Другой офицеръ, Гюлэнъ, волнуетъ французскую гвардію на Гревской площади. Изступленные патріоты подбираютъ горячія ядра и относятъ ихъ въ ратушу. Видите ли теперь, что Парижъ хотятъ сжечь. Флессель блѣднѣетъ: шумъ толпы дѣлается все громче. Парижъ дошелъ до пароксизма изступленія; все объято паническимъ страхомъ. Въ каждой изъ уличныхъ баррикадъ, свистя, поднимается нѣкотораго рода вихрь, производимый работающими надъ ихъ укрѣпленіемъ, потому что Богъ знаетъ, что еще будетъ. Всѣ эти маленькіе вихри сливаются съ тою великою огненною бурею, которая ревётъ и бушуетъ около Бастиліи.

Виноторговецъ Шоля сдѣлался импровизированнымъ канониромъ. Вотъ матросъ Жорже, только-что прибывшій изъ Бреста, наводитъ пушку короля Сіамскаго. Странное дѣло, вчера вечеромъ онъ еще сидѣлъ въ своей квартирѣ, пушка короля Сіамскаго лежала на своемъ мѣстѣ сто лѣтъ и была

ему совершенно чужда. А вотъ они нечаянно сошлись и производятъ собща очень выразительную музыку, потому что Жорже, лишь только услыхалъ о происходящемъ, тотчасъ оставляетъ Брестъ и летитъ въ Парижъ. Скоро прiѣдетъ французская гвардiя съ настоящею артиллерiею; о! если бы эти стѣны не были такъ толсты! Со всѣхъ сторонъ съ эспланады, съ крыши, изъ оконъ сыплется градъ боевыхъ снарядовъ, не производящiй впрочемъ особеннаго дѣйствiя. Инвалиды стрѣляютъ, спрятавшись за каменья, лежа на землѣ, и ни одинъ не высовываетъ своего носа изъ-за прикрытiя. Напротивъ, мы падаемъ подъ ударами.

Пусть огонь уничтожитъ все, что можетъ горѣть. Кордегардiя и кухня инвалидовъ уже сгорѣли. Одинъ изступленный парикмахеръ, съ двумя горящими факелами въ рукахъ, хочетъ зажечь селитру, хранившуюся въ арсеналѣ; хорошо, что прибѣжала какая-то женщина и начала кричать, и какой-то патрiотъ, толчкомъ ружейнаго приклада въ животъ, остановилъ разрушительные его порывы и вырвалъ у него факелы. Одна хорошенькая молодая дѣвушка была схвачена въ ту минуту, какъ бѣжала со внѣшняго двора; чуть было ее не бросили въ огонь въ глазахъ де Лонэ, полагая, что это его дочь. Безъ чувствъ упала она на кучу соломы, которую намѣревались поджечь, но опять вмѣшался одинъ патрiотъ, храбрый Обэнъ Бонмэръ, старый солдатъ; онъ бросился къ ней и спасъ ее. Вотъ зажгли солому, три полныхъ воза загорѣлись бѣлымъ пламенемъ и чуть не задушили самихъ патрiотовъ, такъ что Эли съ обоженными бровями оттащилъ одинъ возъ и Реоль исполинскаго роста—другой. Вездѣ дымъ,

точно въ аду, смятеніе, какъ при вавилонскомъ столпотвореніи, шумъ, точно преставленіе свѣта.

Кровь льется и еще болѣе увеличиваетъ ярость! Раненыхъ относятъ въ дома на улицѣ de la Cérisaie. Умирающіе завѣщаютъ не уступать до тѣхъ поръ, пока не упадетъ проклятое укрѣпленіе. Но, увы! какъ это сдѣлать? стѣны такъ толсты! Три депутаціи прибыли изъ ратуши. Одинъ изъ членовъ, аббатъ Фоше, можетъ засвидѣтельствовать, съ какою храбростію, съ какимъ сверхчеловѣческимъ самоотверженіемъ они держали подъ аркадами знамя ратуши и били въ барабаны. Все напрасно. Среди такого шума, какъ будто при свѣтопреставленіи, де Лонэ не слышитъ ихъ и не смѣетъ имъ вѣрить. Съ бѣшенствомъ они удаляются, сопровождаемые свистомъ пуль. Что дѣлать? Тутъ были пожарные трубы; ихъ направляютъ на пушки инвалидовъ, чтобы подмочить фитили, но, къ несчастію, вода не поднимается вверхъ, а разсыпается мелкими брызгами. Люди, знакомые съ классиками, предлагаютъ устроить катапульты. Сантеръ, громогласный пивоваръ, изъ предмѣстья св. Антонія, совѣтуетъ наполнить нагнетательные насосы смѣсью фосфора и скипидарнаго масла и бросать въ укрѣпленіе. О, Спиноза Сантеръ! Приготовилъ ли ты эту смѣсь? Всѣ здѣсь инженеры! Потоки огня не уменьшаются. Прибыла французская гвардія съ артиллеріею; Мальяръ въ страшныхъ хлопотахъ, Эли и Гюленъ неистовствуютъ среди осаждающихъ.

Между тѣмъ огромные башенные часы на внутреннемъ дворѣ бьютъ себѣ часъ за часомъ, какъ будто не происходитъ ничего необыкновеннаго! Когда начался огонь, они про-

били часъ; теперь скоро будетъ пять и огонь не уменьшается. — Семеро заключенныхъ въ глубокія подземелья Бастиліи слышатъ глухой гулъ, какъ будто отъ землетрясенія, и на вопросъ о его причинѣ тюремщики даютъ неопредѣленный отвѣтъ.

Горе тебѣ де Лонэ съ твоею жалкою сотнею инвалидовъ! Брогли далеко, да онъ и крѣпокъ на ухо. Безенваль, хотя и слышитъ, да ничего не можетъ сдѣлать. Небольшой отрядъ гусаровъ, вышедшій на рекогносцировку, осторожно пробирался къ Pont-Neuf. «Мы пришли сражаться вмѣстѣ съ вами», сказалъ капитанъ, видя, что толпа ростетъ до огромныхъ размѣровъ. Нѣкто, въ родѣ карлика съ большою головою, съ свинцовымъ цвѣтомъ лица выступаетъ впередъ, раскрываетъ свои блѣдныя губы и кричитъ: «если такъ, то долой съ лошадей и отдайте намъ оружіе». Капитанъ счастливо отдѣлался; его проводили до заставы и отпустили на честное слово. Кто же эта уродливая личность? Это Мара, авторъ превосходнаго и миролюбиваго avis au peuple. Въ самомъ дѣлѣ, онъ великій человѣкъ! О, замѣчательный ветеринаръ! Неужели теперь наступилъ день твоего появленія, твоего возрожденія?—Тебѣ предстоитъ четыре года дѣятельности, считая съ нынѣшняго дня! — Но не станемъ подымать завѣсы будущаго. Что же сдѣлаетъ де Лонэ? Ему остается одно, что онъ и обѣщается сдѣлать. Представьте себѣ какъ онъ сидитъ съ горящимъ факеломъ подлѣ пороховаго погреба, неподвижный, какъ римскій сенаторъ или какъ бронзовая статуя, portelampe, и легкимъ движеніемъ глазъ хладнокровно даетъ понять Тюріо и окружающимъ его, на что онъ рѣшился.

Королевская крѣпость не можетъ и не должна сдаться иначе, какъ по приказанію короля. Жизнь старика ничего не стоитъ, лишь бы потерять ее съ честью: но подумай шумящая чернь, что будетъ съ тобой, когда вся Бастилія взлетитъ на воздухъ. Можно думать, что въ этомъ положеніи неподвижной статуи, поддерживающей горящій факелъ, де Лонэ могъ заставить Тюріо, парламентскихъ клерковъ въ красныхъ плащахъ, священника св. Этьена и всю эту сволочь, собравшуюся со всего міра, соображать дальнѣйшія свои дѣйствія согласно съ его волею.

Однако онъ этого не сдѣлалъ. Знаете ли вы о симпатіи между сердцемъ отдѣльнаго человѣка и сердцами всѣхъ? Замѣчали ли вы, какъ могуществен вопль, вылетающій изъ толпы, какъ крики негодованія парализируютъ самую сильную душу и наполняютъ ее невѣдомою тоскою? Композиторъ Глюкъ говорилъ, что основнымъ тономъ лучшихъ мѣстъ въ лучшихъ его операхъ служитъ крикъ вѣнскаго населенія, когда оно у императора просило хлѣба. Да могуществен голосъ массы! Инстинктъ выражается съ большею правдою, чѣмъ мысли. Де Лонэ не могъ ему противиться. Испуганный, онъ колеблется между двумя партіями, надѣется среди самой безнадежности, не сдаетъ укрѣпленія, выражаетъ свое рѣшеніе взорвать его, схватываетъ фитиль и не взрываетъ. Бѣдный де Лонэ! это предсмертная агонія твоя и вмѣстѣ Бастиліи. Тюрьма и тюремщикъ должны погибнуть вмѣстѣ.

Цѣлыхъ четыре часа яростно шумѣли всѣ эти люди; ихъ можно назвать какимъ-то химерическимъ міромъ, который дышетъ огнемъ. Бѣдные инвалиды спрятались за батареи;

они сдѣлали бѣлое знамя, связавши вмѣстѣ нѣсколько салфетокъ, и бьютъ тревогу или воображаютъ что бьютъ, такъ какъ ихъ никто не слышитъ. Сами швейцарцы, охраняющіе барьеры, перестали, кажется, стрѣлять, испугавшись страшнаго огненнаго потопа. У подъемнаго моста открыли амбразуры, чтобы начать переговоры. Посмотрите на этого Мальяра, человѣка очень ловкаго, какъ онъ качается на своей доскѣ надъ пропастью рва. Доска эта положена на парапетъ и гнется отъ тяжести столпившихся на ней патріотовъ: положеніе очень опасное. Каковъ голубь для такого ковчега! Осторожнѣй Мальяръ! одинъ человѣкъ уже свалился и лежитъ тамъ внизу, разбившись объ стѣну. Но Мальяръ не падаетъ, онъ идетъ тихо по доскѣ, не качаясь, съ распростертыми руками. Швейцарецъ держитъ бумагу, просунувши ее сквозь амбразуру, Мальяръ беретъ ее у него и возвращается. Въ этой бумагѣ заключаются условія сдачи, прощеніе всѣмъ и забвеніе всего! Приняты ли они? Foi d'officier отвѣчаетъ Гюлэнъ или Эли, они приняты. Подъемный мостъ спускается, Мальяръ бросается впередъ, а за нимъ и все живое море народа. Бастилія пала! Victoire, la Bastille est prise! [1])

---

[1]) Hist. de la revol. par deux amis de la liberté, I, 267—306. Besenval, III, 410—434.

ГЛАВА VII.

ЭТО НЕ ВОЗМУЩЕНІЕ.

Зачѣмъ долго останавливаться надъ тѣмъ, что слѣдуетъ? Офицерское слово Гюлэна надобно было бы сдержать, но невозможно. Швейцарцы выстроились какъ къ бою, переодѣтые въ бѣлыя блузы, инвалиды не переодѣтые, оружіе ихъ сложено у стѣны. Первымъ движеніемъ радостныхъ побѣдителей, спасшихся отъ опасности смерти, было броситься въ объятіе побѣжденныхъ. Но новыя толпы побѣдителей врываются съ изступленіемъ, которое могло бы имѣть печальныя послѣдствія. Какъ мы сказали, цѣлое море народа хлынуло впередъ, и если бы французскіе гвардейцы не обернулись съ своимъ обычнымъ хладнокровіемъ противъ своихъ и не подняли ружей, то цѣлыя сотни и тысячи нападавшихъ рисковали изчезнуть во рвахъ, окружающихъ Бастилію.

Толпа, ворвавшись въ Бастилію, бросилась по всѣмъ дворамъ, корридорамъ, съ какимъ-то ревомъ, чувствуя свою непобѣдимость и стрѣляя изъ оконъ даже по своимъ въ изступленіи торжества, ненависти и мщенія за своихъ мертвыхъ. Бѣднымъ инвалидамъ приходится плохо; одинъ швейцарскій

солдатъ въ бѣлой блузѣ, который хотѣлъ спастись, отброшенъ назадъ смертельнымъ ударомъ. Всѣхъ плѣнниковъ хотятъ вести въ ратушу, чтобы тамъ судить ихъ. Увы! у одного бѣднаго инвалида отрубили руку ударомъ сабли и убивши его, стащили обезображеннный трупъ на Гревскую площадь и повѣсили. Говорятъ, что эта самая рука выхватила фитиль изъ рукъ де Лонэ и спасла Парижъ.

Де Лонэ, котораго узнали по его сѣрому фраку съ красною лентою, хочетъ убить себя шпагою, скрытою въ трости. Его ведутъ въ ратушу. Гюленъ, Мальяръ и другіе провожаютъ его; Эли идетъ во главѣ шествія, неся актъ сдачи, воткнутый на кончикъ сабли, посреди криковъ и проклятій, получая со всѣхъ сторонъ толчки, пинки, даже удары. Конвой разбѣжался. Гюленъ упалъ на кучу камней. Бѣдный де Лонэ! ему не дойти до ратуши; лишь одинъ клокъ его окровавленныхъ волосъ донесется туда чьею-то окровавленною рукою въ видѣ трофея. Окровавленный трупъ его лежитъ на дорогѣ, а голову носятъ съ торжествомъ по улицамъ, воткнувъ ее на длинную пику.

Суровый де Лонэ умеръ, крича: убейте меня поскорѣе, друзья! Снисходительному де Лозму необходимо также умереть, хотя признательность обнимаетъ его въ эту страшную минуту и хочетъ умереть за него, но все напрасно. Друзья мои, вашъ гнѣвъ жестокъ! Ваша Гревская площадь сдѣлалась логовищемъ тигра, полнымъ свирѣпыхъ воплей и крови. Еще одинъ офицеръ убитъ, одинъ инвалидъ повѣшенъ на фонарномъ столбѣ; съ большимъ трудомъ, съ истинно благороднымъ мужествомъ французской гвардіи удается спасти осталь-

ныхъ. Старшина Флесель, давно уже поблѣднѣвшій, какъ смерть долженъ сойти со своего стула въ ратушѣ и идти на судъ въ Палэ-Рояль для того, чтобы, увы, быть застрѣленнымъ неизвѣстною рукою на поворотѣ первой улицы.

О! заходящее іюльское солнце, ты своими послѣдними лучами одинаково освѣщаешь въ этотъ часъ жнеца на скудной пашнѣ, старуху, которая прядетъ въ своей хижинѣ, далекія суда, плывущія среди океана, балы въ версальской оранжереѣ, гдѣ прекрасныя воздушныя дамы танцуютъ съ гусарами, и этотъ мятежный адъ у воротъ ратуши! Вавилонское столпотвореніе и смѣшеніе языковъ и то не вполнѣ представитъ намъ то смятеніе, которое царствуетъ въ этой толпѣ; нужно еще прибавить къ этому Бэдламъ [1]) съ его смѣшеніемъ идей. Безконечный лѣсъ стали блеститъ передъ избирательною коллегіею и, грозно колеблясь, страшно грозитъ то той, то другой осужденной груди. Это титаны воютъ съ Олимпомъ и не смѣютъ вѣрить своей побѣдѣ. Чудо изъ чудесъ! Это какое-то сумасшествіе, а не что нибудь другое. Доносы, мщеніе, блескъ побѣды на темномъ фонѣ террора; все перемѣшалось въ этомъ всеобщемъ круговоротѣ безумія.

Если бы избирательная коллегія владѣла тысячью мѣдныхъ гортаней, то и этого было бы мало. Аббатъ Лэфевръ, подъ сводомъ погребовъ, черный какъ вулканъ, въ эти 48 часовъ роздалъ 5.000 фунтовъ пороха. Сколько опасностей это ему стоило! Въ послѣднюю ночь одинъ патріотъ, немного навеселѣ, сидѣлъ съ трубкою на пороховомъ боченкѣ и не хо-

[1]) Бэдламъ—домъ умалишенныхъ. *Пр. ред.*

тѣлъ сойти съ своего мѣста, пока наконецъ Лэфевръ не купилъ у него трубку за 3 франка и не отбросилъ ее какъ можно дальше.

Въ большой залѣ сидитъ Эли, передъ избирательною коллегіею, съ обнаженною и согнутою въ трехъ мѣстахъ саблею, въ каскѣ кавалерійскаго полка королевы, въ которомъ онъ числился; мундиръ его разорванъ, лицо разгорѣлось и покрыто потомъ: говорятъ, онъ похожъ на античнаго воина, который судитъ народъ и составляетъ списокъ героевъ Бастиліи. Друзья мои, не марайте кровью вашихъ лавровъ, самыхъ лучшихъ изъ всѣхъ, которые только когда-нибудь были завоеваны въ этомъ мірѣ. Эти слова повторялъ постоянно Эли, если только можно было бы его слушать. Мужайся Эли! Мужайтесь муниципальные избиратели! Заходящее солнце, нужда въ пищѣ, желаніе разсказать новости, заставятъ эту толпу усмириться и разойтись: въ этомъ мірѣ все имѣетъ конецъ.

По всѣмъ улицамъ Парижа носятъ на рукахъ освобожденныхъ изъ Бастиліи семерыхъ заключенныхъ, вмѣстѣ съ ними семь головъ, воткнутыхъ на пики, ключи Бастиліи и много другихъ вещей. Посмотрите на французскихъ гвардейцевъ, въ какомъ порядкѣ они идутъ въ свои казармы, составивъ каре вокругъ инвалидовъ и швейцарцевъ, чтобы предохранить ихъ отъ ярости толпы. Уже прошелъ годъ и два мѣсяца съ того времени, какъ эти люди, не участвуя въ дѣлѣ, присутствовали въ Palais de Justice съ Брэнномъ д'Агу, когда судьба восторжествовала надъ д'Эспременилемъ. Теперь они участвуютъ и будутъ участвовать во всѣхъ событіяхъ.

Теперь они будутъ называться не Gardes Françaises, но центральными гренадерами національной гвардіи.

Стукъ камней разрушаемой Бастиліи все еще раздается въ темнотѣ: всѣ старыя дѣла въ ея архивахъ, разбираются. Старые секреты выходятъ на свѣтъ; отчаяніе, затаенное столько времени, вырывается наружу. Прочтите этотъ отрывокъ изъ стараго письма, помѣченнаго 7 октября 1751 года: «если государь, изъ любви къ Богу и Св. Троицѣ, благоволитъ дозволить мнѣ имѣть извѣстія о моей женѣ или хотя бы только прочесть собственноручную ея подпись, по которой я узналъ бы, что она жива, то это будетъ величайшимъ для меня утѣшеніемъ, за которое я всегда буду благословлять его величество». Бѣдный заключенный! О тебѣ извѣстно только, что тебя звали Кэрэ-Демери. Умерла твоя милая жена, умеръ и ты! 50 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ твое разбитое сердце выражало это желаніе. Его услышали только теперь въ первый разъ, но память о немъ долго сохранится въ сердцахъ людей.

Но вотъ совсѣмъ стемнѣло, Парижъ, какъ больное дитя или какъ взбѣсившееся животное, засыпаетъ подъ свой собственный шумъ. Муниципальные избиратели, съ удивленіемъ видя свои головы еще цѣлыми, расходятся по домамъ. Одинъ Моро де Сенъ-Мери, родившійся подъ тропиками, имѣющій тропическое сердце, но вмѣстѣ и холодно разсудительный, остается въ ратушѣ съ двумя другими совѣтниками. Парижъ спитъ; на всѣхъ улицахъ иллюминація; патрули ходятъ безъ лозунга, тамъ и сямъ слышны шумъ и военная тревога; говорятъ, что въ предмѣстьѣ св. Антонія собралось пятнад-

цать тысячъ человѣкъ, которыхъ въ самомъ дѣлѣ тамъ и не бывало. По дневной смутѣ можно судить и о ночной. Моро де Сенъ-Мери, прежде чѣмъ оставить свое мѣсто, отдалъ больше трехъ тысячъ приказаній [1]). Какова голова! Ее можно сравнить только съ мѣднымъ черепомъ монаха Бакона! Парижъ можетъ на нее положиться! Отвѣтъ, хорошій или дурной, не замедлитъ. Въ Парижѣ нѣтъ другой власти, кромѣ Моро. Серьезно, это спокойная и свѣтская голова. Пригодится она тебѣ, честный Моро де Сенъ-Мери, на многихъ мѣстахъ, начиная отъ городскаго сенатора, купеческаго приказчика, книгопродавца и до намѣстника различныхъ областей отъ Виргиніи до Сардиніи [2]).

Безенваль снялъ свой лагерь въ облакахъ пыли, среди безчисленной толпы народа, не сдѣлавшей ему никакого вреда. Слабыми и невѣрными шагами шелъ онъ всю ночь вдоль берега Сены въ неопредѣленное пространство. Безенваля вызовутъ снова, но уже для того, чтобы судить и едва едва оставятъ его въ покоѣ; его войска, его королевско-нѣмецкій полкъ, изчезли со сцены навсегда.

Въ Версали кончились всѣ балы и развлеченія: оранжерея молчитъ. Въ залѣ de Menus при догаравшихъ свѣчахъ, далеко за полночь, когда звѣзды уже потухали, засѣдаетъ вице-презедентъ Лафайэтъ и кругомъ его около ста членовъ расположилось за столомъ. Въ этотъ день его величеству представляется другая депутація, потомъ третья, но безъ результата. Чѣмъ же все это кончится?

---

[1]) Dusaulx.

[2]) Biogr. univers. § Moreau Saint Méry.

При дворѣ все таинственно, не безъ шопота ужаса, хотя вы, пустыя женщины, и теперь все еще мечтаете о балахъ и эполетахъ. Его величество, котораго держали въ счастливомъ невѣдѣніи, мечтаетъ можетъ быть о двуствольныхъ ружьяхъ или о лѣсахъ меудонскихъ. Позднимъ вечеромъ герцогъ Ліанкуръ, имѣвшій оффиціальное право входа, является въ королевскую комнату и по своему обыкновенію съ особенною ясностью передаетъ страшныя новости. Но, говоритъ бѣдный Людовикъ, это возмущеніе. Государь, отвѣчаетъ Ліанкуръ, это не возмущеніе.... это революція.

ГЛАВА VIII.

ЗАВОЕВАНІЕ НАШЕГО КОРОЛЯ.

На слѣдующій день четвертая депутація во дворецъ готова, болѣе торжественная, чтобы не сказать болѣе страшная, потому что кромѣ «оргій въ оранжереѣ», кажется, что подвозы хлѣба пріостановились, да и громы Мирабо не умолкли. Эта депутація готова уже отправиться, какъ вотъ входитъ самъ его величество, въ сопровожденіи только двухъ своихъ братьевъ, и самымъ отеческимъ образомъ объявляетъ, что войска и всѣ причины недовѣрія будутъ удалены, что впредь будетъ только довѣріе, миръ и доброжелательство и что онъ уполномочиваетъ и даже проситъ національное собраніе его именемъ объявить объ этомъ Парижу. Отвѣтомъ на эти слова были радостные крики, похожіе на тѣ, которые вылетаютъ изъ груди людей, внѣзапно спасшихся отъ смерти; все собраніе поднимается для того, чтобы сопровождать его величество при его возвращеніи; депутаты, взявшид другъ друга за руки, образуютъ барьеръ, чтобы охранить короля отъ крайняго натиска толпы, потому что весь Версаль находится здѣсь, тѣснясь и крича. Дворцовые музыканты съ счастливой находчивостію заиграли: «où peut on être mieux qu'au sein de sa famille». Королева показывается на балконѣ съ маленькимъ сыномъ и

маленькою дочерью, нѣсколько разъ заключая ихъ въ свои объятія; безконечные виваты слышатся отовсюду.

Восемьдесятъ восемь сенаторовъ, Бальи, Лафайэтъ, и въ томъ числѣ нашъ смиренный архіепископъ, садятся въ карету для того, чтобы везти въ Парижъ великую новость; всюду ихъ сопровождаютъ благословеніями. Все пространство, начиная отъ площади Людовика XV, гдѣ они слѣзли, до ратуши представляло истинный океанъ трехцвѣтныхъ кокардъ и блестящихъ національныхъ мушкетовъ; раздавалась буря виватовъ, рукоплесканій, иногда сопровождаемыхъ барабанной дробью. Рѣчи, какъ слѣдуетъ, пылкія произносились преимущественно Лалли-Толлендалемъ, благочестивымъ сыномъ несчастнаго Лалли; на его голову насильно надѣли вѣнокъ изъ дуба или петрушки, который онъ въ свою очередь насильно возложилъ на голову Бальи.

Но вотъ что важно: національная гвардія должна имѣть генерала! Моро де Сентъ Мери, l'homme de trois mille ordres, бросаетъ значительный взглядъ на бюстъ Лафайэта, который былъ поставленъ тутъ со времени войны за независимость Америки, и затѣмъ Лафайэтъ при громкихъ крикахъ былъ провозглашенъ генераломъ національной гвардіи. Будетъ ли потомъ президентъ Бальи избранъ въ должность «prévôt des marchands» на мѣсто измѣнника или quasi-измѣнника Флесселя? Нѣтъ! пусть Бальи будетъ мэромъ Парижа! Да здравствуетъ Бальи! Да здравствуетъ Лафайэтъ! и крики народа, который даетъ санкцію, оглашаютъ воздухъ. Теперь, въ заключеніе, отправимся въ соборъ Notre Dame и пропоемъ: te Deum.

Обновители націи среди восторженной толпы подвигаются

въ радостной процессіи къ каѳедральному собору Notre Dame; полный энтузіазма, аббатъ Лефевръ, все еще черный отъ пороха, который онъ раздавалъ, шолъ подъ руку съ архіепископомъ, одѣтымъ въ бѣлую ризу. Бѣдный Бальи встрѣчаетъ дѣтей воспитательнаго дома, посланныхъ привѣтствовать его, и проливаетъ слезы. Te Deum не только былъ пропѣтъ, но и сопровождаемъ выстрѣлами. Наша радость также безгранична, какъ безгранично было горе, угрожавшее намъ. Парижъ своими пиками и мушкетами, силой, которая заключается въ немъ, завоевалъ теперь даже боговъ войны, къ удовольствію самаго его величества. Въ эту ночь былъ посланъ курьеръ къ Неккеру: популярный министръ, приглашенный возвратиться королемъ, національнымъ собраніемъ и націей, проѣдетъ по Франціи среди восклицаній, звуковъ трубъ и барабановъ.

Видя какой оборотъ принимаютъ дѣла, Messeigneurs придворнаго тріумвирата, члены мертворожденнаго министерства, Брогли и имъ подобные, рѣшили, что имъ остается одно: сѣсть въ карету и убираться по-добру по-здорову. Уѣзжайте ревностные роялисты—Брогли, Полиньяки и принцы крови, уѣзжайте, пока не поздно. Пале-Рояль, во кремя своихъ послѣднихъ ночныхъ засѣданій, развѣ не оцѣнилъ каждую изъ вашихъ головъ (не означая мѣста для расплаты)? Съ тысячью предосторожностей, съ помощью пушекъ и преданныхъ солдатъ въ ночь съ 16 на 17, messeigneurs отправляются по различнымъ дорогамъ. Не безъ риска! Принцъ Конде видитъ (или полагаетъ, что видитъ) людей, преслѣдующихъ его на всемъ скаку, съ намѣреніемъ, какъ говорятъ, бросить его въ Уазу

у моста св. Максентія [1]). Полиньяки ѣдутъ переодѣтые; на козлахъ вмѣсто кучеровъ—друзья. Брогли встрѣчаетъ затрудненія въ Версалѣ, подвергается опасностямъ въ Метцѣ, Вердюнѣ, однакожъ успѣваетъ доѣхать цѣлымъ до Люксембурга, гдѣ и поселяется.

Это было, что называется, первой эмиграціей, рѣшенной, какъ кажется, полнымъ придворнымъ конклавомъ, въ присутствіи короля, всегда готоваго слѣдовать всякому совѣту, какъ будто для того, чтобы имѣть въ немъ свою долю отвѣтственности. «Три сына Франціи и четыре принца крови св. Людовика, говоритъ Веберъ, не могли лучше унизить буржуа Парижа, какъ выказавъ своимъ удаленіемъ опасеніе за свою жизнь.» Увы! парижскіе буржуа выносятъ униженіе съ самымъ неожиданнымъ стоицизмомъ? Принцъ д'Артуа уѣхалъ, но развѣ онъ увезъ съ собой, напр. земли д'Артуа или свою дачу Багателль, которая теперь приноситъ пользу въ качествѣ кабачка? Онъ едва увезъ только свои штаны, за которыми нужно ухаживать 4-мъ лакеямъ; но портной, который шилъ ихъ, остался!—Что касается до стараго Фулона, то разнесся слухъ, что онъ умеръ; по крайней мѣрѣ были устроены пышныя похороны съ великими почестями со стороны гробовщиковъ, за неимѣніемъ другихъ почитателей; его зять, интендантъ Бертье, пока живъ и держитъ себя насторожѣ: въ день эвменидъ, въ воскресенье, онъ примкнулъ къ Безенвалю, давая этимъ замѣтить, что не считаетъ положеніе дѣлъ опаснымъ, а потомъ скрылся, неизвѣстно куда.

Эмиграція еще не далеко отъѣхала; принцъ Конде, едва

[1]) Weber. T. II, p. 126.

переправился на другую сторону Уазы, какъ его величество, согласно съ тѣмъ, какъ было условлено (потому что эмиграція думала, что это хорошо), принимаетъ довольно смѣлое рѣшеніе — посѣтить Парижъ лично. Вмѣстѣ со 100 членами собранія, съ небольшимъ военнымъ конвоемъ, или даже вовсе безъ него, потому что онъ его отпустилъ у Севрскаго моста, Людовикъ пускается въ путь, оставляя печальный дворецъ и королеву въ слезахъ: для нея настоящее, прошедшее и будущее равно жестоки.

У заставы Пасси, мэръ Бальи, съ великимъ торжествомъ, подаетъ ему ключи и произноситъ рѣчь въ академическомъ стилѣ; онъ говоритъ, что сего дня—великій день, что въ лицѣ Генриха IV король завоевалъ Парижъ, — но въ настоящую, болѣе счастливую минуту народъ завоевалъ своего короля. Король, такъ счастливо завоеванный, медленно подвигается впередъ, среди народа, покрытаго сталью, молчаливаго или кричавшаго только: да здравствуетъ нація! Въ ратушѣ привѣтствуетъ его рѣчью пылкій Моро, королевскій прокуроръ — Эти де Корни, Лилли-Толлендаль и другіе; на все это король не знаетъ, что сказать или подумать; ему объявляютъ, что онъ возстановитель французской свободы, что должно увѣковѣчить статую, которую ему воздвигнутъ на мѣстѣ Бастиліи. Наконецъ онъ показался на балконѣ съ трехцвѣтной кокардой на шляпѣ, тогда его привѣтствуютъ громкими восклицаніями, раздающимися изъ улицъ и переулковъ; потомъ среди смѣшанныхъ криковъ, представлявшихъ альтернативу и какъ бы бракосочетаніе между «да здравствуетъ король! и да здравствуетъ нація!

онъ возвращается въ Версаль, измученный, но увѣренный въ безопасности.

Въ воскресенье каленыя ядра грозно висѣли надъ нашими головами; но вотъ наступила пятница и революція получила санкцію. Августѣйшее національное собраніе издаетъ конституцію и ни чужеземный пандуръ (pandour), ни отечественный тріумвиратъ, съ своими наведенными пушками и пороховыми заговорами въ Гюл—Фэ (потому что и объ этомъ также говорили), никакая тираническая власть ни на землѣ, ни подъ землей не скажетъ ему: «что ты дѣлаешь?» — Такъ торжествуетъ народъ, теперь увѣренный въ томъ, что имѣетъ конституцію. Подъ окнами дворца слышали, какъ сумасшедшій маркизъ Saint Huruge произносилъ слова измѣны [1]).

---

[1]) Compan. t. II. p. 46—64.

ГЛАВА IX.

ФОНАРЬ.

Паденіе Бастиліи потрясло всю Францію до послѣднихъ ея основаній. Молва объ этихъ подвигахъ летитъ во всѣ стороны съ обыкновенной быстротой всякой молвы, оказывая дѣйствіе какъ бы сверхъестественное и какъ бы произведенное заговорами. Ужъ не Орлеанъ ли, Лакло или даже Мирабо послали изъ Парижа курьеровъ, чтобы скакать по всѣмъ большимъ дорогамъ, по всѣмъ угламъ Франціи?— Это — чудо, которое ни одинъ проницательный человѣкъ не будетъ оспоривать [1]).

Въ большей части городовъ уже были учреждены избирательные комитеты съ цѣлью вотировать изъявленіе сожалѣній Неккеру, произносить рѣчи и постановлять рѣшенія. Во многихъ городахъ, какъ напр. въ Реннѣ, Каенѣ, Ліонѣ разъяренный народъ проявлялъ свои сожалѣнія ружейными выстрѣлами и бросаніемъ каменьевъ. Но теперь, въ дни испуга, въ воротахъ каждаго города во Франціи появляются какіе-то люди верхомъ, потому что вообще тревога не распространяется пѣшкомъ. Эти люди объявляютъ съ тревожнымъ видомъ, что идутъ разбойники, что они уже близко, а потомъ

1) Toulongeon. t. I, p. 95.—Weber etc.

ѣдутъ далѣе и дѣлаютъ, что имъ надо. Вслѣдствіе этого, все городское населеніе спѣшитъ приготовиться къ защитѣ. Потомъ посылаются петиціи въ національное собраніе; среди такихъ опасностей и ужасовъ нельзя отказать въ позволеніи организоваться и вооруженное населеніе вездѣ дѣлается національною гвардіею. Такъ-то распространяется тревога, разбѣгаясь въ видѣ радіусовъ отъ Парижа по всѣмъ направленіямъ; въ нѣсколько дней, другіе говорятъ въ нѣсколько часовъ, вся Франція взялась за оружіе и засверкала стальною щетиной. Это странно, но тѣмъ не менѣе вѣрно.

Какъ всякая химическая жидкость, хотя охлажденная до точки замерзанія или даже ниже, остается жидкой до тѣхъ поръ, пока при малѣйшемъ толчкѣ, при малѣйшемъ движеніи совершенно, не превратится въ ледъ; такъ и Франція послѣ того, какъ въ продолженіи долгихъ мѣсяцевъ, долгихъ лѣтъ, терпѣла отъ химическихъ опытовъ, послѣ того, какъ была низведена ниже нуля, вдругъ получаетъ толчокъ, вслѣдствіе паденія Бастиліи, моментъ замерзанія наступаетъ и образуется огромная кристаллическая масса острой стали! Guai a chi la tocca. Горе тому, до кого она коснется!

Въ Парижѣ избирательный комитетъ съ новымъ мэромъ, съ новымъ генераломъ, борется съ трудной задачей — уговорить воинственныхъ рабочихъ снова приняться за работу. Здоровыя бабы торговки произносятъ торжественныя рѣчи, кладутъ букеты на раку св. Женевьевы. Мужчины слагаютъ съ себя оружіе, но не съ такою готовностью, какъ того можно было бы желать, и получаютъ за это девять франковъ. Послѣ молебствія, королевскаго посѣщенія и санкціи рево-

люціи, погода снова дѣлается прекрасной, получаетъ сверхъестественный блескъ: ураганъ прошолъ.

Однако волны еще не улеглись, какъ это и естественно, и плескъ ихъ раздавался въ выбоинахъ скалъ. Наступило 22 число; едва прошла недѣля послѣ паденія Бастиліи, какъ вдругъ проносится слухъ, что старый Фулонъ живъ; кромѣ того, онъ здѣсь, на улицахъ Парижа, съ утра; это ростовщикъ, желающій, чтобъ народъ ѣлъ сѣно, человѣкъ, который всегда и испоконъ вѣка былъ лжецомъ. Однакожъ это дѣйствительно такъ; ни фальшивыя похороны (хоронили какого-то слугу), ни тайное убѣжище въ Витри, на дорогѣ къ Фонтенебло, не помогли бѣдному старику. Какой-то слуга или подчиненный, потому что никто не любилъ Фулона, далъ знать въ деревнѣ объ его убѣжищѣ. Безжалостные крестьяне въ Витри бросаются на него, какъ адскіе псы; «на западъ, старая срамота! въ Парижъ, на судъ въ ратушу!» Его старая лысая шестидесяти пятилѣтняя голова — обнажена. Они привязали къ его спинѣ эмблематическій клокъ сѣна и повѣсили на шею гирлянду изъ крапивы и репейника; такимъ образомъ, привязанный за веревку, на которой его вели, сопровождаемый проклятіями и угрозами, онъ тащилъ пѣшкомъ свои старые члены; изъ всѣхъ стариковъ Фулонъ самый достойный сожалѣнія и однако встрѣчаетъ его менѣе всѣхъ.

Мрачный Сентъ-Антуанъ и всѣ улицы выгоняютъ толпы на встрѣчу ему; большая зала ратуши и самая Гревская площадь едва достаточны для помѣщенія его и его свиты. Фулонъ не только долженъ судиться по законамъ, но и на площади, безъ отсрочки. О муниципалы, назначте семь судей

или семьдесятъ семь, назначте ихъ вы, или мы ихъ сами назначимъ, но только чтобы онъ былъ судимъ! [1]) Электоральная реторика, краснорѣчіе мэра Бальи напрасно тратятся въ продолженіе нѣскольких часовъ, чтобы показать народу значеніе отсрочекъ закона. Отсрочки, все отсрочки! Видишь, народный мэръ, ужъ полдень, а его еще не судятъ! Лафайэтъ, къ которому тотчасъ послали съ приглашеніемъ, является, даетъ свое мнѣніе: «этотъ Фулонъ, человѣкъ очень извѣстный, безъ сомнѣнія виновенъ, но можетъ быть онъ имѣетъ соучастниковъ? Не лучше ли отобрать у него показанія въ тюрьмѣ de l'Abbaye». Это новая мысль! Санкюлотизмъ захлопалъ руками, и несчастный Фулонъ, видя проблескъ надежды и увлеченный своей вѣрой въ судьбу, тоже захлопалъ. «Видите! они сговорились между собой!» вскричалъ мрачный санкюлотизмъ, крайне раздраженный вслѣдствіе подозрѣній. «Друзья, говоритъ какое-то лицо, хорошо одѣтое, пробираясь въ толпу, зачѣмъ вамъ судить этого человѣка? Не былъ ли онъ судимъ тридцать лѣтъ назадъ?» Тотчасъ, съ дикимъ воемъ, санкюлотизмъ схватываетъ его своими сотнями рукъ; его тащатъ чрезъ Гревскую площадь къ фонарю, который находится на углу улицы Ваннери, онъ горько умоляетъ о жизни, но его никто не слышитъ и только вѣтеръ разноситъ его вопли. Нужно было три веревки, чтобы его повѣсить, потому что двѣ первыя оборвались и въ промежуткахъ онъ все еще продолжалъ умолять. Его тѣло влачатъ по улицамъ; его голова съ клокомъ сѣна во рту насажена

---

[1]) Hist. parlem. t. II, p. 146—9.

на пику; народъ встрѣчаетъ его трупъ адскими воплями [1]). Конечно, если месть есть своего рода правосудіе, то нельзя не сказать, что это проявленіе его очень дико. О безумный санкюлотизмъ, въ своемъ отчаянномъ невѣжествѣ, въ своей грязи и рубищахъ, не возсталъ ли ты внезапно, подобно заживо похороненному Енцеладію изъ-подъ своей Тринакріи? Такимъ образомъ тѣ, которые хотѣли кормить сѣномъ, сами ѣдятъ его. Послѣ невнятныхъ стоновъ стольких поколѣній, не наступила ли теперь и твоя очередь? Вотъ въ какія бездны, вотъ къ какимъ разрушеніямъ, къ какимъ страшнымъ перемѣщеніямъ центра тяжести ведутъ ненормальности общественнаго устройства, при чемъ отвѣтственность и разрушеніе пропорціональны объему и продолжительности самой ненормальности.

Къ большому ужасу мэра Бальи и его муниципаловъ, приходитъ страшная новость объ арестованіи Бертье; онъ взятъ на дорогѣ, въ Кампьенѣ; Бертье, интендантъ, сборщикъ податей въ Парижѣ, доносчикъ и тиранъ, скупщикъ хлѣба, организаторъ антинародныхъ партій, обвиняется во многомъ. Да и не зять ли онъ Фулона? Въ силу одного этого факта онъ виновенъ во всемъ, особенно когда бушуетъ гнѣвъ санкюлотизма. Испуганные муниципалы посылаютъ одного изъ своей среды арестовать Бертье и привести подъ конвоемъ національной гвардіи.

Въ сумерки къ заставѣ подъѣзжаетъ въ открытомъ экипажѣ несчастный Бертье, сохранявшій еще мужество въ ли-

---

[1]) Deux Amis, t. II, p. 60—6.

цѣ, съ членомъ муниципалитета о-бокъ, съ пятью стами всадниковъ съ саблями наголо и множествомъ безоружнаго народа, который шумитъ вокругъ него. Афиши, на которыхъ былъ напечатанъ огромными буквами обвинительный актъ, сочиненный съ краткостью, въ высшей степени нелегальною, переходили вокругъ него изъ рукъ въ руки [1]). Парижъ вышелъ къ нему на встрѣчу съ рукоплесканіями, съ танцами, съ торжественными пѣснями, похожими на пѣсни фурій; изъ оконъ выглядывало множество головъ. Наконецъ появляется передъ нимъ на концѣ пики голова Фулона. Понятно, что при видѣ этого у него потемнѣло въ глазахъ и онъ потерялъ сознаніе. Впрочемъ, какова бы ни была его совѣсть, но только нервы у него желѣзные. Въ ратушѣ онъ не хотѣлъ дать ни одного отвѣта. Онъ говорилъ, что только повиновался высшимъ распоряженіямъ; его бумаги у нихъ, они могутъ его судить и осудить; но что касается до него, то онъ проситъ только объ одномъ, это позволить ему уснуть, потому что двѣ ночи онъ не смыкалъ глазъ. Свинцовый сонъ ждетъ тебя, несчастный Бертье! Гвардейцы встаютъ вмѣстѣ съ нимъ, чтобы отправиться въ тюрьму. У самой двери ратуши ихъ разгоняетъ, разбрасываетъ по сторонамъ вихрь рукъ. Бертье тащатъ къ фонарю. Онъ схватываетъ ружье, защищается, какъ бѣшеный левъ; наконецъ онъ сбитъ, его топчатъ ногами, вѣшаютъ, изувѣчиваютъ: его голова и даже сердце проносятся по городу на концѣ пики.

---

[1]) Онъ обворовывалъ короля и Францію; онъ былъ рабомъ богатыхъ и тираномъ бѣдныхъ; онъ пилъ кровь вдовы и сироты; онъ измѣнилъ своей странѣ. Deux Amis, t. II, p. 67—73.

Страшная вещь въ странахъ, знавшихъ равное для всѣхъ правосудіе, но не такъ странная тамъ, гдѣ никогда его не знали. Le sang, qui coule est il si pur? спрашиваетъ Барнавъ, намекая этимъ, что висѣлица, хотя и неправильнымъ образомъ, но получила то, что ей слѣдовало получить. А ты самъ, читатель, когда повертываешь за уголъ улицы Ваннери и смотришь на этотъ старый почернѣвшій кусокъ пики, развѣ ты не задумаешся невольно? Эта пика находится все еще тамъ надъ лавкой бакалейщика или какого другого продавца, вмѣстѣ съ бюстомъ Людовика XIV, который находится внизу; впрочемъ бюста болѣе уже не существуетъ, но пика все еще тамъ и на ней утвержденъ реверберъ очень сомнительнаго свѣта; она видѣла какъ рушились міры и остается нѣмой.

Но для людей съ просвѣщеннымъ патріотизмомъ, какой громовой ударъ послышался среди ясной погоды! Это было облако адской мрачности, предвѣщавшее скрытыя, безграничныя массы электричества. Мэръ Бальи, генералъ Лафайэтъ, съ негодованіемъ подаютъ въ отставку и снова занимаютъ прежнія мѣста, только послѣ продолжительныхъ упрашиваній. Облако изчезло, какъ всѣ громовыя тучи. Прекрасная погода возвращается, хотя не безъ сѣрыхъ оттѣнковъ, но уже съ характеромъ, менѣе сверхъестественнымъ.

Такимъ образомъ, каковы бы ни были случайныя страданія, но Бастилія стерта съ лица земли, а съ ней феодализмъ, деспотизмъ и, какъ надѣются, гнетъ и всякаго рода злоупотребленія человѣка надъ своими собратіями. Но, увы! гнетъ и злоупотребленіе не такъ легко искоренить!

Что касается до Бастиліи, она разрушается день отъ дня, мѣсяцъ отъ мѣсяца; ея камни и кирпичи постоянно вываливаются. Толпы любопытныхъ бродятъ по ея пещерамъ, разсматриваютъ замурованные скелеты, подземные нумера, желѣзныя клѣтки, чудовищныя громады камня, гдѣ задѣланы цѣпи вмѣстѣ съ трупами Одинъ разъ мы замѣчаемъ тамъ Мирабо, пришедшаго съ женевцемъ Дюмономъ [1]. Рабочіе и зрители почтительно даютъ ему дорогу, кидаютъ вслѣдъ стихи и цвѣты, а въ его карету бумаги Бастиліи и любопытные документы, съ крикомъ: виватъ!

Ловкіе издатели печатаютъ книги, содержаніе которыхъ заимствовано изъ архивовъ Бастиліи; но много ли уцѣлѣло отъ пожара? Ключъ отъ этой берлоги переплылъ Атлантическій океанъ и остался въ бюро у Вашингтона. Большія часы бьютъ теперь въ частной квартирѣ патріота-часовщика, не отсчитывая болѣе одни только часы печали. Бастилія изчезла; вѣрно ли мы выражаемся, говоря, что она изчезла? тѣло или камни, по счастливой метаморфозѣ, и теперь висятъ надъ водами Сены, подъ именемъ моста Людовика XVI [2]), а душа должна прожить еще долѣе въ памяти людей.

Вотъ куда вы насъ привели, августѣйшіе сенаторы, своей бездѣятельностію и толчками, своей проницательностью и настойчивостью. И однако, господа, какъ говорили податели петицій, вы, которые были нашими спасителями, вы сами нуждались въ спасителяхъ, именно въ храбрыхъ бастильцахъ, рабочихъ Парижа, которые по большей части находят-

---

[1]) Dumon, Souvenirs de Mirabeau, p. 364.

[2]) Dulaure, Histoire de Paris, t. VIII, p. 434.

ся въ самомъ печальномъ денежномъ положенiи [1]. Подписи открыты, листы составлены правильнѣе, чѣмъ листы Елiи (d'Elie); рѣчи произносятся. Корпусъ героевъ Бастилiи, довольно полный, организуется, подобно Аргонавтамъ, надѣясь прожить столько же, сколько они. Но не много болѣе, чѣмъ въ годъ, вихрь событiй разсѣялъ ихъ, и они уничтожены. Многое, что считается превосходной степенью теперь, въ слѣдствiе того, что за нимъ слѣдуетъ то же въ степени болѣе превосходной, вырождается въ сравнительную и даже въ положительную. Осада Бастилiи, рядомъ съ которой не можетъ быть поставлена на историческiй балансъ ни одна осада, не исключая и осады Трои, стоила со стороны осаждающихъ только восемьдесятъ три человѣка убитыхъ и тяжело раненыхъ, а со стороны осаждаемыхъ, послѣ того, какъ сожжено столько соломы, столько воды выброшено изъ помпъ, послѣ града ядеръ, потеря состояла только въ одномъ бѣдномъ инвалидѣ, убитомъ на-повалъ на валу [2]) Бастилiя, подобно Iерихону, была разрушена чудесными звуками.

---

[1] Moniteur, decence du samedi 18 peillet, 1789.

[2]) Desaulx, Prise de la Bastille, p. 447.

КНИГА ШЕСТАЯ

КОНСОЛИДАЦІЯ.

ГЛАВА I.

СОСТАВЛЯЙТЕ КОНСТИТУЦІЮ.

Теперь может быть пора опредѣлить болѣе точно, что означают эти два слова французская революція, ибо, строго говоря, онѣ могут имѣть столько значеній, сколько вообще людей, которые берут на себя труд произносить их. Дѣйствительно, все в революціи в перемѣнѣ каждое мгновеніе; в этом временном мірѣ, собственно говоря, нѣт ничего кромѣ революціи и перемѣны, все другое немыслимо.

Но скажут: революція, перемѣна особенно быстрая. На это можно еще спросить: как же она быстра? На какой степени быстроты, в каком моментѣ этого движенія, которое непостоянно в своей скорости, но тѣм не мѣнѣе не останавливается до тѣх пор, пока его не остановит само время. в каком моментѣ начинается и кончается революція, перестает быть обыкновенным движеніем и снова становится им? Отвѣт на этот вопрос зависит от болѣе или менѣе произвольнаго опредѣленія.

Для насъ, отвѣтимъ мы, французская революція есть открытое насильственное возстаніе, побѣда разнузданной анархіи,—надъ властью испорченной и обветшалой. Революція показываетъ намъ, какъ анархія ломаетъ свои преграды, вырывается изъ безконечныхъ глубинъ и развертывается бурями неотразимыми, неизмѣримыми, захватывая міръ и переходя отъ лихорадочныхъ припадковъ къ звѣрству до тѣхъ поръ, пока это звѣрство не уничтожитъ само себя и элементы новаго порядка, развиваясь независимо, свободно, не обуздаютъ и не направятъ вредныя силы къ совершенію дѣлъ правильныхъ, разумныхъ. Въ самомъ дѣлѣ іерархіи, династіи всѣхъ сортовъ: теократическія, аристократическія, аутократическія, порнократическія, всѣ господствовали надъ міромъ, — таковъ законъ Провидѣнія,—точно также побѣдоносная анархія, якобинизмъ, санкюлотизмъ, французская революція, вообще давайте названіе какое хотите, должны имѣть свою очередь. Разрушительный гнѣвъ санклюлотизма — вотъ о чемъ мы будемъ разсказывать, не имѣя возможности его воспѣть Феноменъ дѣйствительно величественный, трансцедентальный, превосходящій всѣ правила, всю опытность; феноменъ, вѣнчанный новѣйшими временами, ибо здѣсь неожиданнымъ образомъ представляется древній фанатизмъ, но въ новомъ шутовскомъ нарядѣ и исполненный чудесъ какъ всякій фанатизмъ. Его называютъ фанатизмомъ уничтоженія формулъ de hume les formules. Міръ формулъ, — сформированный, правильный міръ необходимо долженъ ненавидѣть фанатизмъ, какъ смерть и быть съ нимъ въ смертельной враждѣ. Міръ формулъ долженъ побѣждать его или, въ противномъ случаѣ, умерѣть,-

посылая ему проклятіе, анаѳему, но остановить или измѣнить его не можетъ. Анаѳема сама по себѣ, а чудесный фанатизмъ самъ по себѣ.

Откуда явилась революція и куда стремится она? Вотъ вопросы. Когда вѣкъ чудесъ изчезъ въ отдаленіи, какъ невѣроятное преданіе, когда вѣкъ конвенцій устарѣлъ, когда существованіе даже человѣка втеченіи долгихъ поколѣній покоилось на призрачныхъ формулахъ, сдѣлавшихся пустыми отъ дѣйствія времени, когда казалось, что не существуетъ болѣе никакой дѣйствительности, но только призракъ ея, когда наконецъ міръ Божій сдѣлался твореніемъ портныхъ и обойщиковъ, а люди картонными масками, которые жеманятся и гримасничаютъ — вдругъ разверзается земля, среди тартарнаго дыма и ослѣпительнаго блеска свѣта подымается санкюлотизмъ съ его безчисленными головами, съ его огненнымъ дыханіемъ и громко спрашиваетъ: «что вы обо мнѣ думаете?» Естественно, картонныя маски должны затрепетать, пораженныя ужасомъ, и большими сгущенными группами они примкнутъ, одна къ другой. Друзья мои, здѣсь дѣйствительно есть что-то страшное, роковое. Кто не болѣе, какъ картонъ и маска, тотъ берегись, горе ему; горе также многимъ другимъ, которые на половину только фантомы и на половину дѣйствительные люди. Вѣкъ чудесъ возвратился. Вотъ идетъ фениксъ міра, пожранный пламенемъ и возраждающійся въ пламени; его огромныя крылья машутъ надъ міромъ; его мелодія смерти звучитъ вдали громами битвъ и паденіемъ городовъ; его страшное пламя достигаетъ до неба и обхватываетъ все; это смерть и вмѣстѣ съ тѣмъ рожденіе міра.

Изъ этого однакожъ, какъ мы сказали, произойдетъ возрожденіе міра и новое невыразимое благоденствіе, т. е. человѣкъ и его жизнь успокоятся на дѣйствительномъ, истинномъ, но не на пустомъ, призрачномъ. Да здраствуетъ истина, самая простая, популярная, лишь бы только она была истинной, взамѣнъ призрака, лжи самой царственной. Истина, какая бы она ни была, порождаетъ всегда новую лучшую истину. Такъ гранитная скала сокрушается въ пыль, но подъ благословеннымъ вліяніемъ неба превращается въ плодоносную почву и покрывается зеленью, плодами и тѣнью. Что касается до лжи, которая по той же логикѣ становится все болѣе и болѣе ложью, что остается ей въ зрѣломъ возрастѣ, какъ не пасть, разлагаться, медленно или быстро, и возвратиться въ нѣдра отца своего, чтобы тамъ сгорѣть въ пламени. Санкюлотизмъ сожжетъ многое, но онъ не сожжетъ того, что несгораемо. Не страшитесь санкюлотизма, признайте его тѣмъ, чѣмъ онъ есть — за неизбѣжный и ужасный конецъ и начало многаго. Кромѣ того ты можешь замѣтить, что онъ предопредѣленъ Провидѣніемъ. Издавно, постепенно приготовляется Богомъ исполненіе ужасныхъ и чудесныхъ вещей, теперь же начало ихъ (Богъ говорилъ и въ ураганахъ и гнѣвъ людей служитъ къ славѣ его). Но чтобы обсудить этотъ неизмѣримый санкюлотизмъ, истолковать его, дать отчетъ въ немъ, подвести его подъ пустыя формулы — не пробуйте этого. Тѣмъ менѣе нужно кричать до охриплости, чтобы проклясть его, потому что это уже было дѣлано много разъ на всѣхъ тонахъ. Не гораздо ли удобнѣе, какъ сыну времени, созерцать съ глубокимъ вниманіемъ, часто съ благоговѣйнымъ

молчаніемъ то, что время приноситъ; назидаться, учиться, питаться этимъ созерцаніемъ или удовольствоваться тѣмъ, чтобы только развлекаться и коротать время. Другой вопросъ, который намъ представляется и требуетъ рѣшенія— есть слѣдующій: гдѣ именно происходила французская революція? Въ палатахъ его величества или ихъ величествъ, въ ихъ рѣчахъ, ошибкахъ, коварствахъ, безумствахъ, печаляхъ—говорятъ одни, но мнѣніе этихъ однихъ не заслуживаетъ отвѣта. Въ народныхъ собраніяхъ, отвѣчаютъ другіе, тѣ другіе, которые въ послѣдствіи занимаютъ мѣста публицистовъ, передаютъ намъ политическія ноты, прокламаціи, акты, логическіе софизмы—блескъ парламентскаго краснорѣчія, такъ волнующій внутренность, слухи, протекающіе повсюду,—однимъ словомъ производятъ томъ за томомъ, ссылаясь на всю исторію французской революціи, берутъ выписки изъ журналовъ, рапортовъ, парламентскихъ исторій, существующихъ цѣлыми возами.—Дѣло дѣйствительно легкое, но мало прибыльное. Народныя собранія идутъ своимъ порядкомъ, подготовляя конституцію, но и французская революція идетъ своей дорогой.

Вообще мы можемъ сказать, что французская революція находится въ сердцѣ и головѣ каждаго француза, который способенъ увлекаться и на словахъ и въ мысляхъ. Но сказать, какъ всѣ двадцать пять милліоновъ французовъ увлеклись однимъ дѣломъ, дѣйствовали и противодѣйствовали въ сложныхъ запутанныхъ движеніяхъ, потомъ рѣшить, какъ они могли породить новыя событія и наконецъ знать, которое изъ этихъ событій послѣдовательно главное и съ какой точки зрѣнія

его можно лучше оцѣнить,—вотъ проблема. И чтобы рѣшить эту проблему, нуженъ самый здравый умъ, черпающій свѣтъ изъ всѣхъ источниковъ, направляющій зрѣніе всюду, гдѣ только можетъ показаться лучъ или какой-нибудь проблескъ луча, но все-таки, не смотря на это, мы должны будемъ удовольствоваться только приблизительнымъ рѣшеніемъ.

Что касается національнаго собранія въ томъ видѣ, въ какомъ оно господствовало во Франціи, на манеръ карроччію, командующаго къ наступленію и отступленію, оно дѣйствительно, истинно, но въ дѣлѣ созданія конституціи оно призрачно, оно химера. Увы! что толку во всѣхъ этихъ героическихъ или, лучше сказать, карточныхъ зданіяхъ Montesquieu, Mably, о которыхъ прокричали тогда на весь міръ. На этомъ пути, т. е. на пути созданія конституціи, прославленное народное собраніе есть не болѣе какъ педантическій синедріонъ, если не мастерская ерунды, и не заслуживаетъ ли оно на самомъ дѣлѣ, за его горячіе, нескончаемые споры о правѣ человѣка, о правѣ мира и войны, о veto безусловномъ и условномъ, — чтобы сказать: да проститъ вамъ Создатель за вашу теорію неправильныхъ глаголовъ.

Пожалуй, на манеръ Сіейса, можно создать конституцію, даже нѣсколько конституцій, но трудно найти людей, которые бы могли привыкнуть къ нимъ, жить съ ними. Если бы Сіейсъ для утвержденія конституціи могъ заимствовать у неба громъ и молнію, тогда это такъ: а безъ грома? Да и къ тому же, по правдѣ говоря, не совершенно ли вѣрно то, что безъ нѣкоторой небесной санкціи, данной въ видѣ грома или другимъ какимъ-либо образомъ, всякая конституція не болѣе

значитъ, чѣмъ бумага, на которой она написана. Конституція есть коллекція законовъ, обычаевъ, которые люди приняли за правило; она отражаетъ ихъ убѣжденія, ихъ вѣру, ихъ права, обязанности, способности; конституція, слѣдовательно, освящается самою необходимостью, и если невидимо чрезъ божество, то тѣмъ не менѣе невидимо. Другіе же законы, которыхъ обрѣтается всегда множество, суть только узурпаціи; имъ люди не повинуются, возстаютъ противъ нихъ и уничтожаютъ при первой возможности.

Наконецъ есть еще вопросъ вопросовъ. Кому принадлежитъ право создать конституцію? Тому-ли, кто въ самомъ себѣ отражаетъ общее вѣрованіе, когда оно есть, или тому, кто можетъ вложить въ массу это вѣрованіе, если въ ней не было никакого вѣрованія, какъ это теперь во Франціи? Такой человѣкъ явленіе рѣдкое; это посланникъ Бога! Но при недостаткѣ такого высокаго индивида, время съ его просто даровитыми людьми, изъ которыхъ каждый приноситъ ему небольшую дань, время—дѣлаетъ многое, равно какъ и сила найдетъ во всякое время что-нибудь сдѣлать. Въ ряду безпрерывныхъ уничтоженій и возстановленій, разрывовъ и починокъ, усилій и споровъ, съ ихъ настоящими бѣдствіями, съ надеждами, которыя сулятъ лучшее будущее, конституція, какъ все человѣческое, должна развиваться прогрессивно или пасть, судя потому, насколько она сильна и разумна. О Сіейсъ и вы члены комитета, и вы двѣнадцать сотень, собравшіеся изъ всѣхъ частей Франціи, скажите, если вы знаете, въ чемъ состоитъ вѣра Франціи и ваша? Не въ томъ ли, чтобы не допускать никакой вѣры, чтобы попирать всѣ правила? Ка-

кая же конституція можетъ идти объ руку съ нею? Увы! не конституція, а только анархія.

Послѣ всего этого, что можетъ сдѣлать жалкое народное собраніе? Замѣтьте притомъ, собраніе изъ двѣнадцати сотень смѣси, въ которой каждый имѣлъ свой собственный снарядъ мысли, свой собственный снарядъ слова. Вообще, неужели въ самой природѣ народныя собранія послѣ шума и безконечной работы дѣлаютъ однѣ только злоупотребленія и болѣе ничего! Неужели представительныя правленія таковы, что большая часть ихъ въ самомъ основаніи равняется тираніямъ? Не приходится ли сказать, что эти тираны, эти честолюбивые спорщики, собравшіеся изъ всѣхъ угловъ страны въ одну залу для того, чтобы соединиться особымъ образомъ, въ извѣстномъ мѣстѣ, дѣйствовать и противодѣйствовать, браниться, парализировать другъ друга; неприходится ли сказать, что эти тираны въ результатѣ даютъ нуль? Страна же въ это время управляется и руководится всѣмъ тѣмъ, что осталось у нея разумнаго, признаннаго или непризнаннаго тамъ, и сямъ находящихся головъ разныхъ личностей. Но впрочемъ и это было большимъ прогрессомъ, потому что встарину во время гвельфовъ и гибеллиновъ, алой и бѣлой розы партіи парализировали и всю страну. Да кромѣ того эти дѣлаютъ дѣло на гороздо болѣе узкомъ полѣ битвы, въ четырехъ стѣнахъ залы, съ нѣсколькими передовыми постами на бочкахъ—работаютъ языкомъ, но не саблей, что, въ искусствѣ плодить нули, можетъ считаться великимъ успѣхомъ.

ГЛАВА II.

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ.

Есть одно дѣло, къ которому особенно способно собраніе изъ этихъ избранныхъ 12 сотень, это — разрушать. И на самомъ дѣлѣ, оно ничего болѣе не дѣлало, какъ только проявляло свой природный талантъ — ничего не дѣлать. Ничего не дѣлайте, но только не переставайте волновать и спорить и все разрушится само собою.

Такъ, а не иначе поступало августѣйшее народное собраніе. Въ началѣ оно приняло названіе учредительнаго, назначеніе котораго было строить и созидать, что она отъ всей души и старалась выполнить; но это первоначальное назначеніе судьба и событія измѣнили до противоположности. Странно видѣть, какимъ евангеліямъ люди могутъ вѣрить, даже евангелію отъ Жанъ-Жака! Всѣ національные депутаты, и всѣ французы непоколебимо были увѣрены, что конституція можетъ быть создана ими и что они именно призваны создать ее. Какъ могло случиться, что народъ, столь невѣрующій, столь перемѣнчивый во всемъ остальномъ, съ упорствомъ стараго еврея держится за свое Credo quia impossibile и изъ-за него готовъ сразиться съ цѣлымъ мі-

омъ, сдѣлался фанатикомъ и даже героемъ. Конституція учредительнаго собранія будетъ передана потомству, какъ поучительный, почти невѣроятный документъ эпохи, какъ рельефное воспроизведеніе состоянія тогдашней Франціи.

Откровенно говоря, что могло сдѣлать для Франціи національное собраніе? То, что оно должно было сдѣлать, какъ выражались тогда, это пересоздать Францію, уничтожить старую и воспроизвести новую, медленно, или быстро, уступкою или принужденіемъ, все равно, — это сдѣлалось неизбѣжнымъ въ силу закона природы. Что касается до степени насилія, оно совершенно зависѣло отъ благоразумія тѣхъ, которые направляли дѣлами въ національномъ собраніи. Безъ сомнѣнія, при полномъ благоразуміи его дѣло могло пойти совершенно иначе. Но что возрожденіе могло совершиться мирно, безъ крови и конвульсій — это еще вопросъ.

Согласитесь однако, что учредительное собраніе до самаго конца могло быть чѣмъ нибудь. Съ скорбью оно видитъ, что безпрестанно отклоняется оно отъ своей безконечной и божественной задачи — усовершать теорію неправильныхъ глаголовъ къ задачамъ земнымъ и конечнымъ, которыя имѣютъ для нея еще нѣкоторое значеніе. Народное собраніе—это малая медвѣдица (созвѣздіе), по направленію которой слѣдовала революціонная Франція. Все управленіе находилось въ ея рукахъ и подъ ея контролемъ. Всѣ люди обращали глаза къ ней, чтобы видѣть куда идти. И среди этого страшнаго возстанія 25 милліоновъ душъ она виднѣется какъ воинское знамя, какъ карроччіо, которое влекутъ и которое влечетъ за собою массы.

Если оно не могло быть руководящимъ, то тѣмъ не менѣе казалось такимъ. Оно издаетъ успокоительныя прокламаціи, оно утверждаетъ вербовку солдатъ національной гвардіи, чтобы разбойники не пришли и не сняли съ полей еще незрѣлую жатву. Оно посылало миссіи, чтобы успокоить волненіе и предохранить людей отъ «фонаря». Оно благосклонно выслушивало поздравительные адресы, которые ежедневно получались сотнями и по большей части въ стилѣ царя Камбиза, равно какъ и жалобы каждаго смертнаго. Что касается остальнаго, августѣйшее народное собраніе могло произвести парламентское краснорѣчіе, различные комитеты, комитетъ конституціонный, рапортовъ, слѣдственный комитетъ и многіе другіе, которые накопляли бумажные горы.

Съ безконечными спорами наконецъ достигли того, что права человѣка были написаны и обнародованы національнымъ собраніемъ — это бумажное основаніе всякой бумажной конституціи. Оппозиція кричитъ: забыли объявить обязанности человѣка, а мы прибавимъ отъ себя, забыли взвѣсить силы его. Огромное упущеніе! Еще лучше, какъ это было 4 августа, наше національное собраніе, неожиданно воспламенившись энтузіазмомъ, почти неестественнымъ, рѣшается покончить массу дѣлъ въ продолженіе одной ночи. Ночь 4 августа дѣйствительно достопамятна. Сановники свѣтскіе и духовные, перы, архіепископы, парламентскіе президенты, стараясь превзойти другъ друга въ патріотической преданности, приходили каждый послѣдовательно класть свои привилегіи, теперь уже не существующія, на алтарь отечества. Среди криковъ, все болѣе и болѣе усиливающихся, ибо, сказать правду, дѣло про-

исходило послѣ обѣда; они уничтожили десятинный сборъ, государственный оброкъ, налогъ на соль, исключительныя права охоты, наконецъ привилегіи, льготы, феодализмъ, его вѣтви и корень, потомъ назначили благодарный молебенъ, и разошлись въ три часа утра, поднимая чуть не до звѣздъ свою голову. Эта неожиданная, но вмѣстѣ съ тѣмъ достопамятная ночь была 4 августа 1789 г. Одни ее находятъ чудесною, другіе получудесною. Новая ночь пятидесятницы, но только по новому фасону и въ новой церкви Жанъ-Жака Руссо. Она имѣла свои причины, слѣдовательно она будетъ имѣть и свои послѣдствія.

Такимъ образомъ работали національные депутаты, усовершенствуя теорію неправильныхъ глаголовъ, управляя Франціею и управляясь ею, съ трудомъ и шумомъ ломая старыя ненавистныя цѣпи, чтобы сдѣлать новыя, и усердно сплетая веревки изъ песка. Однако, имѣла ли ихъ работа какое нибудь значеніе для Франціи или не имѣла никакого? Взоры всѣхъ съ благоговѣніемъ были устремлены на нихъ, исторія никакъ не можетъ надолго упускать ихъ изъ виду.

Если вы загляните въ ихъ сборную залу, вы тамъ не найдете никакого порядка. Передъ вами не менѣе ста членовъ, у нихъ нѣтъ правилъ для постановки вопросовъ и хода преній, — да объ нихъ никто и не заботится. Трибуна зрителей имѣетъ право аплодировать и свистать. Предложеніе выбирать президента на каждые 20 дней заставляетъ головы подниматься выше обыкновеннаго уровня. Но тѣмъ не менѣе эти собранія, какъ и всѣ человѣческія собранія, приблизятся по старому правилу къ тому, что ubi homines sunt,

modi sunt. Тамъ есть правая и лѣвая сторона, по правую и лѣвую руку президента, а въ промежуткѣ между нимъ английскій конституціанализмъ или роялизмъ двухъ палатъ съ его Munnier и Lally. Съ правой стороны ораторствуетъ Казалесъ, краснорѣчивый и умѣренно пылкій капитанъ драгуновъ, сражайщійся за тѣнь славы. Тамъ также Мирабо-бочка, угрюмый Эспремениль, который только и дѣлаетъ, что противится всему. Онъ могъ бы повергнуть на землю самаго старшаго Мирабо, если бы только захотѣлъ, но онъ не хочетъ. Наконецъ послѣдній и болѣе великій, это аббатъ Мори (Maury) съ его іезуитскими глазами, съ его безстрастнымъ, бронзовымъ лицемъ — «изображеніемъ всѣхъ смертныхъ грѣховъ». Неукротимый, неистощимой, съ риторикою іезуита, съ желѣзнымъ сердцемъ и легкими, онъ ратуетъ за тронъ, а больше за церковь и десятины, такъ что однажды послышался пронзительный голосъ въ галлереѣ: Messieurs de clergé, il faut, que l'on vous rase; si vous remuez trop, vous vous ferez couper [1]).

Лѣвая сторона называется стороною Орлеана, иногда въ насмѣшку стороною Пале-Рояля. Однако дѣла тамъ такъ запутаны, дѣйствительное такъ мнимо, что можно сомнѣваться, принадлежитъ ли самъ Орлеанъ къ этой орлеанской партіи, какъ выразился Мирабо. Одно только можно видѣть, что полнолунное лице сіяетъ въ этой части пространства. Тамъ возсѣдаетъ зеленоватый Робеспьеръ, выставляя напоказъ свой легкій багажъ, но еще безъ успѣха. Пуританинъ, человѣкъ тощій, помѣшанный на аккуратности, онъ хочетъ также покончить со всѣми формулами, но, не смотря на это, живетъ, дѣй-

[1]) Dictionnaire des hommer marquants. T. II, p. 519.

ствуетъ и погружается съ головы до ногъ въ формулы, только другаго рода. «Народъ! таковъ долженъ быть, по мнѣнію Робеспьера, способъ обнародованія законовъ, народъ! вотъ законъ, который я предлагаю для тебя; принимаешь ли ты его?» Центръ и обѣ стороны, правая и лѣвая, отвѣчаютъ на это [1]) страшнымъ смѣхомъ, но люди проницательные предвидятъ, что этотъ зеленоватый господинъ пойдетъ далеко. «Этотъ человѣкъ, какъ сказалъ Мирабо, сдѣлаетъ что нибудь; онъ вѣритъ въ то, что говоритъ.»

Аббатъ Сіейсъ совершенно погрузился въ работу надъ конституціей; къ несчастію, его сотрудники менѣе довѣряютъ ему, нежели сколько слѣдовало довѣрять такому глубокому знатоку политической науки. Не унывай однако Сіейсъ! Еще двадцать мѣсяцевъ героическаго труда, противодѣйствій со стороны глупцовъ, и конституція воздвигнута. Краеугольный камень уже положенъ среди восклицаній; скажите лучше, краеугольная бумага, потому что все это только бумага; но ты Сіейсъ сдѣлалъ все, что только могъ, все, чего только небо и земля могли отъ тебя требовать.

. Теперь замѣтьте вотъ это тріо, достопамятное во многомъ отношеніи, достопамятное въ особенности и потому, что его исторія была написана въ одной эпиграммѣ. Тріо, въ которомъ Дюпортъ думаетъ, Барнавъ говоритъ, Ламетъ дѣйствуетъ [2]).

А царственный Мирабо? Возвышаясь надъ всѣми партіями, поставленный выше всѣхъ, этотъ человѣкъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе значенія. Дѣйствительно, у него есть глазъ,

---

[1]) Moniteur № 67 (Hist. parlem.).

[2]) Voyez Toulongeon. T. I, chap. III.

есть дѣйствительность, тогда какъ у другихъ одни формулы, одни очки. Во временномъ, онъ откроетъ вѣчное, найдетъ для своей ноги прочную опору, даже въ массѣ бумагъ. Его слава распространилась повсюду и даже порадовала сердце стараго ворчуна друга людей, даже извощики въ тавернѣ говорятъ о Мирабо.

Когда нетерпѣливый путешественникъ жалуется, что лошади плохи, извощикъ отвѣчаетъ: да, сударь, пристяжныя мои плохи, но мой Мирабо (коренная лошадь) превосходенъ [1]).

Теперь читатель, ты можешь оставить эту шумную разноголосицу народныхъ собраній и, если имѣешь сердце, оставить не безъ сожалѣнія. Дѣйствительно, двѣнадцать сотень людей, двѣнадцать сотень братьевъ въ центрѣ двадцати пяти милліоновъ, съ ожесточеніемъ борятся противъ судьбы, противъ другъ друга, тратятъ и истощаютъ свою жизнь на то, что не приноситъ никакой пользы.

Представьте двѣнадцать сотень, которыя не только говорятъ рѣчи, но еще печатаютъ, чтобъ и другіе могли читать ихъ. При двѣнадцати сотняхъ болтуновъ, при наводненіи общихъ мѣстъ малчаніе, котораго нельзя отъ нихъ добиться, было бы величайшимъ счастіемъ жизни. Но вообразите вы двѣнадцать сотень памфлетистовъ, разсказывающихъ медленно свои безпрерывные памфлеты, и никто не можетъ зажать имъ рта! Кромѣ того, всѣ ихъ распоряженія далеко не такъ совершенны, какъ распоряженія Американскаго конгресса. Сенаторъ не имѣетъ ни своего пюпитра, ни своего журнала; рѣдко у кого найдется достаточное количество табаку, а

[1]) Dumont, souvenirs sur Mirabeau, p. 255.

ежели есть трубка, то и слава Богу. Самый разговоръ не иначе можетъ происходить какъ шопотомъ, съ безпрестанными перерывами. Одни только замѣтки карандашемъ въ невѣроятномъ числѣ переходятъ свободно изъ рукъ въ руки [1]). Вотъ какая работа производится, чтобы возродить Францію или усовершенствовать теорію неправильныхъ глаголовъ.

---

[1]) Dumont, p. 159—Arthour Young etc.

ГЛАВА III.

ВСЕ ВЕРХЪ ДНОМЪ!

Про королевскій дворъ пока почти ничего нельзя сказать. Мрачны и пусты его стѣны; королевская власть изнемогаетъ, покинутая богомъ войны и всѣми своими надеждами, до тѣхъ поръ, пока Oeil-de-Boeuf еще разъ не соберется съ силами. Верховная власть уже не въ рукахъ короля Людовика; она перешла въ залу des Menus, въ ратушу Парижа и Богъ знаетъ куда. Въ іюльскіе дни, когда всѣ уши были оглушены трескомъ паденія Бастиліи, когда министры и принцы были разсѣяны на всѣ четыре стороны,—казалось, что и самые слуги сдѣлались жадными до новостей. Безенваль тоже бѣжитъ въ безконечное пространство, но, остановившись ненадолго въ Версали, обратился лично къ его величеству, за приказаніемъ о почтовыхъ лошадяхъ; и вотъ дежурный слуга становится фамильярно между его величествомъ и мною, протягивая свою шею, чтобы узнать, что случилось. Разгнѣванный его величество схватилъ было щипцы, но я удержалъ его тихонько, и когда онъ въ знакъ благодарности взялъ меня за руку [1]), то на растроганномъ лицѣ его я видѣлъ слезы.

О несчастный король! И короли Франціи тоже люди. Лю-

[1]) Безенваль. Т. III, стр. 429.

довикъ XIV самъ однажды схватилъ щипцы и даже ударилъ, но тогда это случилось въ Лувуа и госпожа Ментенонъ вступилась за него.

Королева, окруженная слабыми женщинами, сидитъ въ своихъ внутреннихъ покояхъ и плачетъ; она достигла самой высшей степени непопулярности, всѣ считаютъ ее злымъ духомъ Франціи. Ея друзья и близкіе совѣтчики всѣ въ бѣгствѣ. Замокъ Полиньякъ гордо еще возвышается на своемъ огромномъ кубическомъ утесѣ, между цвѣтущими деревьями, посрединѣ голубого пояса Овернскихъ горъ [1]; но ни одинъ герцогъ, ни одна герцогиня Полиньякъ не смотрятъ съ высоты своихъ башень; они всѣ въ бѣгствѣ, встрѣчаются съ Неккеромъ въ Базелѣ и болѣе не возвратятся. Если бы Франція видѣла, что ея вельможи, съ видомъ ожесточенныхъ людей, сопротивляются тому, что неотразимо и неизбѣжно; это было бы несчастіе, но не неожиданность; но сопротивляться съ видомъ и досадою капризныхъ дѣтей это была новость. Они ничего не понимали и не хотѣли понимать. Нѣтъ ли, въ настоящее время новаго Полиньака, первороднаго этимъ двумъ, который сидитъ въ замкѣ Гамъ (Ham) въ изумленіи, отъ котораго никогда не очнется [2]; самый остолбенѣлый изъ смертныхъ?

У короля Людовика есть свое новое министерство, состоящее изъ людей популярныхъ: президентъ, старый Пимпиніанъ, Неккеръ, возвращенный съ тріумфомъ, и другіе подобные. Но къ чему все это? Скипетръ, какъ уже было сказано, перене-

---

[1]) Arthour Young, t. I, p. 165.

[2]) 1835.

сенъ въ другое мѣсто, за исключеніемъ того, который сдѣланъ изъ вызолоченнаго дерева. Воли и рѣшимости не было у этого человѣка; у него только безпечность, невинность и довѣріе ко всѣмъ, кромѣ самого себя; онъ зависитъ отъ всѣхъ обстоятельствъ, не исключая и тѣхъ, которыя состоятъ въ его власти. Какое разстройство внутри Версаля и въ дѣлахъ его. Посмотрѣть издали, видъ великолѣпный, сіяющій подобно солнцу, но вблизи ничто иное какъ простая атмосфера солнца, скрывающая въ себѣ одинъ мракъ и развалины! Надъ всей Франціей проходитъ самое неотразимое истребленіе формулъ, послѣ котораго должна наступить дѣйствительность. Сколько милліоновъ личностей связано, и почти задушено, этими формулами, у которыхъ однако есть порядочный запасъ жизни или, по крайней мѣрѣ, жажда жизни! Небо посылаетъ обильную жатву; но какимъ образомъ она можетъ принести пользу бѣднымъ людямъ, когда между ними лежитъ земля съ своими формулами? Промышленность во времена возмущенія должна непремѣнно остановиться; капиталъ, по обыкновенію, безъ обращенія, боязливо прячется въ сундукахъ. Бѣднякъ безъ работы и, слѣдовательно, безъ денегъ и даже, если бы и имѣлъ ихъ, то все таки не могъ купить себѣ хлѣба. Стачка ли аристократовъ или заговоръ Орлеана, или опасеніе разбойниковъ, или сверхъестественный ужасъ, производимый звономъ серебрянаго лука Аполлона, но рынки пусты: на нихъ нѣтъ хлѣба, за то много волненій. Арендаторы отказались молотить «потому ли, что были подкуплены, или потому, что не имѣли въ этомъ надобности,

[1]) Arthour Young. T. I, p. 129, etc.

такъ какъ при возрастающихъ цѣнахъ арендная плата не была высока. Потомъ появилось муниципальное постановленіе, что за столько-то мѣръ зерна обязаны продать столько-то муки.» И, странная вещь, это постановленіе, подобно многимъ другимъ, ни къ чему не привело. Драгуны съ обнаженными саблями стоятъ на караулѣ чуть ли не у каждаго мѣшка съ хлѣбомъ [1]). Но число голодныхъ увеличивается, постоянно сгущаясь въ толпы самаго страшнаго вида. Французы уже не въ первый разъ испытываютъ голодъ. Они не забыли еще 1775 годъ и этихъ несчастныхъ съ багровыми лицами, одѣтыхъ въ рубище, которые просили помощи, но вмѣсто ея получали висѣлицу новаго устройства, вышиною въ сорокъ футовъ. Голодъ и мракъ въ продолженіи многихъ лѣтъ! Взгляните на прошедшій, давно бывшій бунтъ Франціи, когда одно важное лицо, истощенное развратомъ, нуждалось въ ванныхъ изъ дѣтской крови и когда несчастныя матери въ разодранныхъ одеждахъ, но съ бьющимися еще сердцами, наполняли площадь своими жалобными и дикими криками Рахили; — бунтъ, который также былъ усмиренъ висѣлицею. Уже двадцать лѣтъ прошло какъ другъ людей (проповѣдуя глухимъ) описывалъ крестьянъ, съ ихъ страдальческимъ, безнадежнымъ видомъ, «какъ будто-бы притѣсненіе знатныхъ, подобно граду и грому, было вещь неизбѣжная, — законъ природы» [1]). Но что, если бы теперь, въ какую нибудь торжественную минуту, шумъ обрушивающейся Бастиліи пробудилъ бы васъ и открылось бы, что эти притѣсненія были ничто иное, какъ законъ коварства, который можно отразить и уничтожить?

---

[1]) Mémoires de Mirabeau. T. I, p. 364—394.

Или читатель забылъ эту «толпу дикихъ», которая въ глазахъ этого же самаго друга человѣчества спустилась съ вершины Mont d'Or'а? Это были люди съ свирѣпыми лицами, худощавые, съ прямыми волосами, въ грязномъ платьѣ, опоясанные кожанными поясами, усѣянными мѣдными гвоздями, и въ деревянныхъ сабо. Они топали ногами съ яростью, потирали бока локтями, желая принять участіе въ дракѣ, готовой завязаться; верхняя часть лица блѣдная, а нижняя точно раздирается, чтобы начать свирѣпый хохотъ, полный самаго остервенѣлаго нетерпѣнія. Они были долгое время въ műракѣ и оцѣпенѣніи, жертва мытарей и равнодушнаго пера бюрократовъ. Не даромъ нашъ старый маркизъ предсказывалъ то, чего никто не хотѣлъ слушать, «что такое правленіе, такая игра въ жмурки, если зайдетъ слишкомъ далеко, можетъ кончиться тѣмъ, что все пойдетъ верхъ дномъ.

Никто тогда не хотѣлъ слушать; каждый безсмысленно шелъ своей дорогой, а между тѣмъ время и судьба шли своей.

Игра въ жмурки зашла очень далеко и привела наконецъ на край бездны. Теперь къ страждущему народу являются странныя извѣстія, прилетавшія на бумажныхъ крыльяхъ парижскихъ журналовъ и, что еще удивительнѣе, гдѣ нѣтъ журналовъ, тамъ извѣщаютъ его догадки и слухи: притѣсненіе не есть неизбѣжно; Бастилія разрушена, конституція на пути къ утвержденію! А ужъ если будетъ конституція, то чѣмъ же она будетъ инымъ какъ не хлѣбомъ, самымъ питательнымъ?

Путешественникъ, взбираясь на гору, встрѣчаетъ бѣдную женщину, истинное изображеніе упорнаго труда и голода; на

видъ ей можно дать 60 лѣтъ, тогда какъ ей на самомъ дѣлѣ только двадцать восемь. Она и ея бѣдный страдалецъ мужъ имѣютъ семерыхъ дѣтей; у нихъ есть ферма, корова, помогающая кормить дѣтей и маленькая лошаденка или оселъ. Но надобно платить за наемъ фермы, надобно доставить дичь такому-то сеньору, мѣшокъ овса такому-то, платить королевскіе налоги, налоги въ пользу церкви и множество разныхъ налоговъ, такъ что они не находятъ словъ выразить безвыходность настоящаго положенія. Но вотъ эта женщина слышала, что гдѣ-то, какъ-то и что-то должно устроиться въ пользу бѣдныхъ. Дай Богъ, чтобъ это сбылось; поборы и налоги давятъ насъ (nous écrasent) [1]).

Пророчества прекрасны, но онѣ не сбылись. Были нотабли, собранія сходились и расходились, а хлѣба нѣтъ, какъ нѣтъ. Жатва снята, убрана въ житницы, а хлѣба опять-таки нѣтъ. Что другое можетъ сдѣлать страждущій міръ, волнуемый отчаяніемъ и надеждою, какъ не возстать и не поставить все верхъ дномъ?

Представьте, что двадцать пять милліоновъ этихъ тощихъ людей, съ ихъ мрачными лицами, въ шерстяныхъ блузахъ, въ ременныхъ поясахъ, обитыхъ гвоздями, въ высокихъ деревянныхъ сабо, послѣ долгаго вѣковаго усыпленія, вдругъ пробуждаются и страшнымъ голосомъ, подобнымъ шуму лѣсовъ, обращаются къ своимъ гладко причесаннымъ высшимъ классамъ съ такимъ вопросомъ: «какъ вы поступили съ нами? какъ вы насъ образовывали, кормили, руководили въ то время, какъ мы на васъ работали?» Отвѣтъ можно прочесть въ

---

[1]) Arthour Young, I. 134.

заревѣ на ночномъ небѣ. Пустота въ карманѣ, въ желудкѣ, въ головѣ и въ сердцѣ—вотъ пища и руководство, которое вы давали намъ. Видите, у насъ ничего нѣтъ, кромѣ того, что даетъ природа своимъ дикимъ сынамъ пустыни: аппетита звѣрства, силы, удвоенной голодомъ. Написали ли вы въ вашихъ правахъ человѣка, что онъ не долженъ умирать съ голода, какъ скоро сжалъ хлѣбъ, выращенный имъ? Не знаемъ, но за то знаемъ, что это написано въ силахъ человѣка. (It is among the Mights of Man).

Семьдесятъ два замка превращены въ пепелъ въ Маконе и въ Божоле: здѣсь центръ пожаровъ; но они распространились и на Дофине, Эльзасъ и Ліонъ: весь юго-востокъ въ пламени. На всемъ пространствѣ сѣвера, отъ Руана до Метца безпорядки, соляные контрабандисты ходятъ открыто вооруженными шайками, городскія заставы сожжены, сборщики пошлинъ и чиновники въ бѣгствѣ. «Ожидали, говоритъ Юнгъ (Young), что народъ вслѣдствіе голода произведетъ революцію», и мы видимъ, что это дѣйствительно случилось. Оборвыши, съ бѣшенствомъ въ сердцѣ, находя теперь лучъ надежды въ самомъ отчаяніи, повсюду собираются толпами. Они звонятъ въ церковные колокола и весь приходъ выходитъ, чтобы приняться за дѣло [1]). Звѣрство, голодъ и мщеніе: можно представить себѣ каковы будутъ послѣдствія.

Страшные дни наступаютъ для сеньора, который, напримѣръ, приказывалъ завалить камнями единственный родникъ деревни, который чванился своими привилегіями и пергаментами, и предоставлялъ себѣ только право охоты. Церкви,

[1]) Hist. parlem. II, 245—6.

точно такъ же какъ и ихъ служители, были ограблены безъ милосердія за то, что они такъ хорошо стригли свое стадо, забывая его кормить. Горе странѣ, надъ которой свирѣпствуетъ мщеніе санкюлотизма въ деревянныхъ башмакахъ! Великіе и могущественные властители, съ ихъ нѣжными женами и маленькими дѣтьми, полунагіе, должны бѣжать въ темнотѣ ночи; но они уже счастливы тѣмъ, что избѣжали пламени и даже, быть можетъ, чего нибудь худшаго. Вы встрѣтите ихъ въ гостинницахъ за общими столами, гдѣ они разсуждаютъ умно или неумно, что всѣ сословныя различія должны быть уничтожены, не зная сами, что съ ними будетъ. Арендаторъ найдетъ удобнымъ замедлить уплату арендной суммы. Что касается до сборщика податей, то онъ, который такъ долго охотился за людьми, какъ за двуногою дичью, самъ сдѣлался теперь предметомъ охоты; казна его величества въ нынѣшнемъ году не выдержитъ дефицита; носится молва, что патріотическое величество, — возстановитель французской свободы, отмѣнилъ большую часть налоговъ, но что извѣстные люди держатъ это въ секретѣ по личнымъ видамъ.

Чѣмъ же все это кончится? Въ этой пропасти можно ли предсказать, что̀ случится со всѣми обманами, поминутно являющимися, и наконецъ съ этимъ новымъ обманомъ? Но если есть законъ, который восходитъ ко всѣмъ вѣкамъ, то это тотъ, который мы такъ часто повторяемъ, а именно: что никакая ложь не можетъ жить вѣчно. Истина должна отъ времени до времени мѣнять одежды и вновь возрождаться. Всякая ложь имѣетъ свой смертельный приговоръ, написан-

ный въ небесной канцеляріи, и медленно или быстро, но безпрерывно приближается къ послѣднему часу. «Общіе признаки владѣній великаго сеньора», говоритъ строгій и безцеремонный Артуръ Юнгъ, «это пустыри и луга, поросшіе верескомъ. Самъ онъ живетъ гдѣ нибудь въ срединѣ лѣса, гдѣ водятся олени, кабаны и волки. Поля представляютъ собою совершенное запустѣніе, дома — это зрѣлище нищеты. Видишь, что цѣлые милліоны людей, способныхъ и ревностныхъ къ работѣ, остаются безъ дѣла и терпятъ голодъ. О! если бы я хотя на одинъ день былъ законодателемъ Франціи, то непремѣнно постарался бы, чтобъ эти высокіе маркизы подняты были еще повыше [1]). Да, Артуръ, ты видишь теперь, что они подняты. Но будешь ли еще ворчать при этомъ зрѣлищѣ?

Многіе годы, многія поколѣнія смотрѣли равнодушно на это положеніе дѣлъ; наконецъ пришла и ему своя пора. Безмозглыя головы, которыхъ никакія доказательства, никакія просьбы не могли тронуть, должны просвѣтиться заревомъ пожара; другаго средства нѣтъ. Всмотритесь хорошенько и взвѣсьте все это. Вдова собираетъ крапиву на супъ своимъ дѣтямъ, раздушенный сеньоръ, праздный Oeil de Boeuf, посредствомъ особенной алхиміи, три раза выжметъ эту самую крапиву у бѣдной вдовы во имя закона, подъ видомъ оброка: такимъ порядкамъ надобно же положить конецъ. Да, надобно; но страшенъ будетъ этотъ конецъ; пусть тѣ, которымъ Богъ, по благости своей, далъ время и пространство, постараются приготовить другой, болѣе тихій.

---

[1]) Arthour Young, T. XII, p. 48, 84 и т. д.

Для многихъ кажется удивительнымъ, почему сеньоры ничего не сдѣлали для своей защиты, даже не соединились, не вооружились, хотя ихъ было сто пятьдесятъ тысячъ и притомъ всѣ храбрые, всѣ очень храбрые. По несчастію, эти сто пятьдесятъ тысячъ разсѣяны по разнымъ провинціямъ, находились въ постоянномъ между собою соперничествѣ и не могли соединиться. Самые важные изъ нихъ, какъ мы видѣли, эмигрировали съ цѣлью заставить Францію раскаяться, но вѣдь оружіе не составляетъ исключительной привилегіи сеньоровъ; каждый смертный, имѣющій въ карманѣ десять франковъ, могъ купить себѣ ружье на всякій случай.

Наконецъ скажемъ, что голодные крестьяне не четвероногія животныя. Кожа у нихъ цвѣтомъ не черная; они тѣ же сеньоры, только не умытые; съ другой стороны и самъ сеньоръ человѣкъ же! Сеньоры дѣлали все, что могли: вступали въ національную гвардію или обращались въ бѣгство, крича и жалуясь небу и землѣ. Одинъ знаменитый сеньоръ Memmay de Quincy, близъ Везуля (Vesoul), пригласилъ на пиршество сосѣднее деревенское населеніе и, взорвавши на воздухъ свой замокъ вмѣстѣ съ гостями, самъ немедленно скрылся неизвѣстно куда [1]). По прошествіи шести лѣтъ онъ является обратно и начинаетъ доказывать, что это произошло случайно, по неосторожности.

Впрочемъ муниципальныя и другія власти, хотя и дѣйствуютъ, но находятся въ неизвѣстности переходнаго состоянія. Ихъ считаютъ за преобразователей старыхъ монархическихъ

---

[1]) Hist. parlem. T. II, p. 151.

формъ въ новыя демократическія; въ сущности, они и сами не знали, что они такое. При всемъ томъ мэры, прежніе и новые, собираютъ объѣздныя команды, національныя гвардіи, линейныя войска; правосудіе самаго быстраго свойства дѣйствовало безъ малѣйшаго опущенія.

Несчастная страна! Какъ случилось, что золотыя обѣщянія блестящаго года перемѣнились въ ужасный мракъ, въ черный пепелъ замковъ и черные трупы на висѣлицѣ? Всѣ работы остановились; вмѣсто стука молотка и пилы слышится набатный звонъ и барабанная тревога. Скипетръ, здѣсь безсильный, тамъ тиранической, изчезъ неизвѣстно куда, разбитый на части. Національные гвардейцы не искусны, съ сомнительно доброю волею, солдаты доведены до бунта; надобно опасаться ихъ междоусобій, но не менѣе опасны и стачки ихъ. Въ Страсбургѣ безпорядки; ратуша обращена въ развалины, архивы разѣяны по вѣтру; три дня пьяные солдаты обнимались съ пьяными гражданами; маіоръ Дитрихъ (Dietrich) и маршалъ Рошамбо (Rochambeau) приведены почти въ отчаяніе [1]).

И вотъ, среди этихъ-то явленій показывается Неккеръ. въ своемъ тріумфальномъ шествіи, сопровождаемый, въ Берфортѣ напримѣръ, пятидесятью конными гвардейцами и всей полковой музыкой этой мѣстности. Онъ возвращался изъ Базеля. Свѣтлый, какъ полдень, бѣдный Неккеръ отчасти и догадывается къ чему все это ведетъ [2]). Самый торжественный, са-

[1]) Artour Young, t. I, p. 141—Dampmartin, Evénements qui se sont passés sous mes yeux, t. I, p. 105—127.

[2]) Biographie Universell. Necker, par Lally-Tollendal.

мый величественный день для него былъ въ ратушѣ Парижа, гдѣ его встрѣтили съ безсмертными (immortel) виватами, гдѣ дочь его ввиду всѣхъ становится на колѣни, чтобы поцѣловать его руку, гдѣ было объявлено ему чрезъ Безенваля прощеніе, хотя и взятое назадъ до захожденія солнца; это былъ день самыхъ великихъ почестей, потомъ слѣдуютъ дни заката. Какъ заколдованный шлемъ Мамбрина (Mambrin), необходимый для побѣды, идетъ этотъ освободитель Франціи, привѣтствуемый и голосами и оркестрами и, увы! идетъ для того, чтобъ чрезъ нѣсколько времени быть разочарованнымъ, изгнаннымъ со стыдомъ, какъ мальчишка. Укажемъ еще на одно явленіе и тѣмъ закончимъ. Скажемъ, какъ нашъ чувствительный путешественникъ Артуръ Юнгъ былъ безспокоенъ въ продолженіи трехъ дней стрѣльбою, пулями и градомъ изъ свинца, шумѣвшимъ въ ушахъ и проникавшимъ пять или шесть разъ въ его «карету». Все населеніе страны въ полѣ на охотѣ за дичью [1]).

Такимъ-то образомъ свѣтитъ вдали санкюлотизмъ, освѣщая многое и производя, между прочимъ, какъ мы это видѣли 4-го августа, эту получудесную ночь пятдисятницы (of Pentecôst) въ національномъ собраніи, получудесную, имѣющую свои причины и свои дѣйствія. Феодализмъ убитъ на повалъ не только на бумагѣ перомъ, но и на самомъ дѣлѣ огнемъ или, лучше, самосожженіемъ. Пожаръ юго-востока утихнетъ, но распространится на западъ и въ другія мѣста: не разсчитывайте на его погашеніе, пока еще остаются горючія вещества.

[1]) Young, t. I, p. 176.

ГЛАВА IV.

ВЪ ХВОСТѢ.

Если теперь обратимъ взоръ къ Парижу, то увидимъ, что лавки булочниковъ имѣютъ свои хвосты, т. е. длинные ряды покупателей, изъ которыхъ раньше пришедшихъ удовлетворяютъ тотчасъ, какъ только лавка открыта. Это ожиданіе «въ хвостѣ», котораго не было видно съ первыхъ дней іюля, возобновилось въ августѣ. На своемъ мѣстѣ и въ свое время мы увидимъ, что практика въ этомъ дѣлѣ доведена до искусства, которое сдѣлалось одною изъ характеристическихъ чертъ парижскаго народа.

Въ то время, когда и самую работу найти трудно, мужчина долженъ не только добыть деньги, но еще осудить себя (если жена его слаба) стоять цѣлые полдня въ хвостѣ, чтобъ купить на нихъ кусокъ какого нибудь хлѣба. Споры, нерѣдко переходящія въ кровавыя драки, должны неизбѣжно возникать между стоящими «въ хвостѣ», а если нѣтъ споровъ, начинается единодушное «Pange Lingua» жалобъ противъ существующей власти. Франція начала длинное curriculum голода, болѣе поучительное и выгодное, чѣмъ curriculum академическое, для котораго ареною служатъ около семи многотрудныхъ годовъ. Это дѣло голода, какъ сказалъ Жанъ-Поль въ исторіи своей жизни, будетъ имѣть большіе размѣры.

Взгляните потомъ на странную противоположность въ физіономіи Парижа: съ одной стороны празднества и церемоніи, съ другой недостатокъ въ хлѣбѣ. Процессіи не неизбѣжны на этихъ празднествахъ: молодыя женщины, разодѣтыя и украшенныя трехцвѣтными лентами, съ пѣніемъ и музыкою приближаются къ ракѣ св. Женевьевы поблагодарить ее за разрушеніе Бастиліи. Торговцы и торговки не скупятся на букеты и рѣчи. Славный и краснорѣчивый проповѣдникъ аббатъ Фоше благословилъ трехцвѣтную ткань для національной гвардіи и дѣлаетъ изъ нея національное знамя, побѣдоносное или, по крайней мѣрѣ, долженствующее быть побѣдоноснымъ въ борьбѣ за гражданскую и религіозную свободу всего народа. Фоше, это человѣкъ всевозможныхъ церемоній, и Te Deum, которымъ національная гвардія вторитъ множествомъ ружейныхъ залповъ или наполняетъ Notre Dame громкимъ и протяжнымъ «Amen».

Собственно говоря, новый мэръ Бальи и новый комендантъ Лафайэтъ, прозванный Сципіономъ Американскимъ, очень дорого заплатили за свои мѣста. Конечно, Бальи везутъ въ золотой каретѣ, съ ливрейными лакеями, при чемъ Камиллъ Демулэнъ и другіе смѣются, Сципіонъ, въ парадномъ костюмѣ, ѣдетъ на бѣломъ конѣ, преважно потрясая въ глазахъ всей Франціи перьями своей шляпы. Но повторяю, тотъ и другой поплатились за свои мѣста непомѣрною цѣною, именно: кормить Парижъ и предупреждать драки. На счетъ города семнадцать тысячъ бѣдняковъ должны были рыть рвы въ Монмартрѣ, получая за эту работу по 20 коп. въ день,—плату ничтожную, на которую едва можно

пріобрѣсти на рынкѣ не болѣе двухъ фунтовъ хлѣба, да и то дурного; понятно, что они косо поглядываютъ на Лафайэта, когда онъ говоритъ рѣчи.

Городская ратуша день и ночь въ дѣлѣ: ей нужно достать хлѣба, составить муниципальныя учрежденія, написать регламенты всякаго сорта, нужно обуздать санкюлотскую прессу, но прежде всего: «хлѣба, хлѣба!» Поставщики скитаются взадъ и впередъ по свѣту, отыскиваютъ спрятанный хлѣбъ и покупаютъ его или съ согласія владѣльцевъ, или насильно. 19 августа въ Парижѣ было хлѣба только на одинъ день. Являются жалобы на поддѣлку съѣстныхъ припасовъ, обнаружившуюся въ разстройствѣ желудка. Въ народѣ ходятъ слухи, будто въ муку подмѣшиваютъ алебастръ. Что же касается до разстройства желудка, раздраженія нёба и горла, то прокламація городской ратуши совѣтуетъ народонаселенію не обращать на это вниманія, даже рекомендуетъ смотрѣть на это, какъ на благотворные драстическіе симптомы. Мэръ de saint Denis за продажу слишкомъ чернаго хлѣба былъ повѣшенъ на фонарѣ народомъ, чувствовавшимъ разстройство желудка.

Но кромѣ того, какъ мы сказали выше, нужно еще составить муниципальныя учрежденія. Прежніе избиратели Бастиліи, послѣ десятидневнаго псалмопѣнія о своей знаменитой побѣдѣ, были встрѣчены вопросами, произносимыми меланхолическимъ тономъ: кто васъ назначилъ сюда? По этому, не безъ ламентацій и перебранокъ съ обѣихъ сторонъ, они должны были уступитѣ мѣсто новому трибуналу, болѣе многочисленному и спеціально назначенному для этого дѣла; это

новое собраніе, умноженное, измѣненное, въ числѣ трехсотъ, возсѣдаетъ теперь подъ титломъ представителей общины, правильно раздѣленныхъ на комитеты, обязанныхъ безпрестанно работать надъ конституціею во все время, свободное отъ отыскиванія муки. Надъ какою же конституціею? Надъ конституціею, которая дѣлала бы чудеса, которая упрочила бы революцію. Но кончилась-ли она? Мэръ Бальи и почтенные друзья свободы очень желали бы объ этомъ подумать. Вашу революцію, подобно желе, послѣ того, какъ оно достаточно сварено, надобно только вылить въ формы, учрежденія, чтобъ она окрѣпла. Но для этого надобно также, чтобъ оно могло простыть; а это-то и сомнительно или, скорѣе, несомнѣнно.

Несчастные друзья свободы, старающіеся утвердить революцію! Они сидятъ за данной имъ работою, въ шатрѣ, раскинутомъ въ настоящемъ хаосѣ, между двумя враждебными мірами: монархической властью сверху и санкюлотствомъ снизу, работая съ напряженіемъ среди опасностей и дѣлая съ искреннимъ прискорбіемъ буквально невозможное.

ГЛАВА V.

ЧЕТВЕРТОЕ СОСЛОВІЕ.

Памфлетъ раскрываетъ все шире и шире свою зіяющую пасть, чтобъ болѣе не закрывать ее. Наши философы держатся, правда, немного въ сторонѣ и, подобно Мармонтелю, съ отвращеніемъ удаляются съ первыхъ же дней. Аббатъ Рейналь, посѣдѣлый и спокойный въ своемъ жилищѣ въ Марселѣ, не совсѣмъ доволенъ тѣмъ, что̀ происходитъ; послѣднее литературное произведеніе этого человѣка будетъ актъ возмущенія, язвительное письмо къ конституціонному собранію. Точно также философъ Мореллетъ хмуритъ брови послѣ того, какъ ему угрожали въ его бенефиціяхъ въ ночь 4 Августа. «Какъ удивительно, что эти безобразныя личности, одѣтыя въ шерстяныя блузы, недовольствуются, подобно намъ, теоріей и торжествующимъ анализомъ».

Увы! философизмъ, спекуляціи, которыя недавно составляли нѣкоторый родъ богатства и украшенія салоновъ, измѣнились въ чисто практическія предложенія (Practical Propositions), которыя кружатся на улицахъ, на дорогахъ, повсемѣстно, и не безъ результатовъ. Является четвертое сословіе, состоящее изъ ловкихъ публицистовъ; оно растетъ и умножается. Безпрестанно появляются новыя типографіи, новые

журналы. Лустало, подъ крылышкомъ Прудона, угрюмаго типографщика, каждую недѣлю печатаетъ свои Revolutions de Paris въ колкомъ и язвительномъ стилѣ. Язвителенъ и ѣдокъ какъ эссенція изъ дикихъ сливъ, какъ купоросный экстрактъ, Мара, другъ народа. Онъ пораженъ тѣмъ, что національное собраніе, наполненное аристократами, ничего лучшаго не можетъ сдѣлать, какъ только разойтися, уступая мѣсто другимъ, лучшимъ людямъ, и что представители городской ратуши, ничто иное, какъ болтуны, глупцы, — если только не бездѣльники. Этотъ человѣкъ бѣденъ, грязенъ, живетъ гдѣ-то на чердакѣ, отвратительный во всѣхъ отношеніяхъ и внутри и снаружи, какъ будто бы на немъ тяготѣетъ какое-то проклятіе, сдѣлавшійся теперь фанатикомъ и помѣшаннымъ. Жестокая игра природы! О, бѣдный Мара! неужели природа, въ минуту жестокаго каприза, для того только и сваляла тебя изъ негодной глины, чтобъ подобно злой мачихѣ бросить, какъ какую-нибудь уродливость въ этотъ уродливый вѣкъ. Въ немъ есть и тебѣ дѣло и ты его исполнишь. Совѣтъ трехсотъ зоветъ Мара на судъ; но у него готовъ отвѣтъ на все, онъ не боится его, онъ всегда извернется и не позволитъ завязать себѣ рта.

Карра, эксъ-секретарь обезглавленнаго господаря, потомъ кардинала à collier, сочинитель памфлетовъ, искатель приключеній во многихъ родахъ, соперничаетъ съ Мерсье въ «tableau de Paris» и, съ пѣною у рта, составляетъ «Annales patriotiques». Мониторъ продолжаетъ свой благополучно начатый путь. Барьеръ «все еще роялистъ» стонетъ на бумагѣ. Ривароль и Ройсо также не безъ дѣла. Бездна бездну призываетъ; ваше Domine salvum fac regem пробудитъ Pange

lingua, и рядомъ съ другомъ народа,—существуетъ другъ короля. Камиллъ Демуленъ провозглашенъ Procureur general de la Lanterne [1]) и каждую недѣлю печатаетъ свои блестящія Revolutions de France et de Brabant. Мы говоримъ «блестящія» на томъ основаніи, что если въ этомъ густомъ туманѣ журнализма съ его зловѣщими слухами, съ его яростію, бушующей или стихающей, вы встрѣтите какой нибудь лучъ генія, то будьте увѣрены, что онъ исходитъ отъ Камилла. Къ чему ни прикоснется Камиллъ, все онъ умѣетъ украсить своими легкими пальцами; среди страшной запутанности у него неожиданно пробивается свѣтлый взглядъ. Часто слова, не стоющія быть читанными, какъ скоро дѣлаются словами Камилла, читаются охотно и съ удовольствіемъ. Загадочный Камиллъ, ты блистаешь падшимъ, бунтующимъ свѣтомъ, но все еще полунебеснымъ, подобно звѣздѣ на челѣ Люцифера! Денница, въ какое время и въ какую область упалъ ты?

Во всемъ есть своя доля добра, даже и въ томъ, что служило къ утвержденію революціи. Тысячи памфлетовъ и журналовъ гніютъ подъ спудомъ въ публичныхъ библіотекахъ нашей Европы. Извлеченныя изъ этой бездны, подобно жемчужинамъ изъ раковины, охотниками до библіографическихъ рѣдкостей, надобно, чтобы они прежде сгнили, и тогда перлы, навсегда скрывающіеся въ Камиллѣ и другихъ, явятся перлами и останутся такими.

Между тѣмъ публичныя рѣчи не утихаютъ, хотя Лафайэтъ и его патрули слушаютъ ихъ съ видимымъ неудовольствіемъ.

---

[1]) Генералъ-Прокуроръ «Фонаря».

Пале-Ройяль продолжаетъ шумѣть; еще шумливѣе Café de Foy, въ которомъ волнуется пестрая толпа гражданъ и гражданокъ. «Время отъ времени, говоритъ Камиллъ, нѣкоторые граж-«дане пользуются свободою прессы для своихъ частныхъ вы-«годъ, и вотъ то у того патріота, то у другого не оказывает-«ся или часовъ, или платка». Впрочемъ, по мнѣнію Камилла, ничто не можетъ представить болѣе живого изображенія римскаго форума. «Патріотъ хочетъ говорить рѣчъ; если она поддержана, его возводятъ на стулъ и онъ говоритъ; если ему аплодируютъ, онъ печатаетъ свою рѣчь; если же освистанъ, то удаляется». Такимъ образомъ время проходитъ въ толокѣ и въ рѣчахъ. Грубый и гигантскаго роста маркизъ Saint-Hurugе, человѣкъ, который понесъ большія потери и заслужилъ ихъ, возвышается надъ всѣми и головой и голосомъ. Слово его подобно мычанію быка Васанскаго; голосъ его, заглушающій голоса всѣхъ, нерѣдко заставляетъ трепетать сердца людей. Голова у гиганта-маркиза слабая, полуумная, но легкія здоровы.

Замѣтьте, что каждый изъ 48 округовъ имѣетъ свой особый комитетъ, говорящій рѣчи и предъявляющій требованія, содѣйствующій къ пріобрѣтенію и хлѣба и конституціи, то останавливающій, то погоняющій несчастныхъ триста членовъ городской ратуши. Дантонъ, котораго звучный голосъ гремитъ подъ сводами, предсѣдательствуетъ въ округѣ кордельеровъ, сдѣлавшемся уже святилищемъ патріотизма. Кромѣ 17,000 вполнѣ бѣдныхъ, работающихъ на высотахъ Монмартра, изъ которыхъ впрочемъ большая часть, получивъ паспорты и пять франковъ, пущена на всѣ четыре стороны: тутъ цѣлая тол-

па слугъ безъ мѣста, которые собираются для общихъ совѣщаній; толпа портныхъ, которые тоже хотятъ составить свое отдѣльное общество и разсуждать публично; наконецъ толпа канатныхъ мастеровъ, толпа аптекарей; такъ велика дороговизна хлѣба! [1]) Всѣ эти люди считаютъ своею обязанностію разсуждать подъ открытымъ небомъ и вотировать тѣ или другія опредѣленія. Лафайэтъ и его патрули, недовѣрчиво слѣдятъ за ними. Бѣдные смертные, они борются, стрѣляютъ, давятъ другъ друга, стараясь о правильномъ раздѣлѣ общественнаго блага человѣка на землѣ, хотя бы вся сумма его была не болѣе раковины. Дѣятельность трехсотъ не ослабѣваетъ; никто не сравнится съ Сципіономъ Американскимъ въ искусствѣ ладить съ черныю. Все это однакожъ мало говоритъ за прочность революціи.

---

[1]) Hist. Parlem. T. II, p. 359, 417, 423.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

ВОЗСТАНІЕ ЖЕНЩИНЪ.

ГЛАВА I.

ПАТРУЛЬСТВО.

Нѣтъ, друзья, эта революція не созидающаго свойства. Огни, лихорадки, посѣянныя зерна, химическія соединенія, люди, событія, всѣ воплощенія силы, работающей въ этомъ чудесномъ соединеніи силъ, которое называется вселенною, все это не возрастаетъ ли каждое по своему, проходя чрезъ свои фазисы путемъ естественнаго развитія, не достигаетъ ли своего высшаго пункта и за тѣмъ видимо склоняется къ упадку, наконецъ погибаетъ, изчезаетъ и умираетъ? Все имѣетъ свой ростъ; нѣтъ ничего, что не росло бы и при полной свободѣ не развилось бы до своихъ особенныхъ размѣровъ. Замѣтьте притомъ, что каждая вещь развивается тѣмъ быстрѣе, чѣмъ она безпорядочнѣе и слабѣе. Медленное же и правильное развитіе, хотя и оканчивается смертію, но составляетъ то, что мы называемъ здоровьемъ и благоденствіемъ.

О санкюлоттизмѣ, ниспровергающемъ бастиліи, санкюлоттизмѣ съ пиками и мушкетами, теперь поджигающемъ и раззоряющемъ замки, вотирующемъ рѣшенія и прозносящемъ рѣчи подъ

крышею и подъ открытымъ небомъ, можно сказать, что онъ родился, и по законамъ природы онъ долженъ развиваться. Судя по безпорядочности и болѣзненности какъ его самого, такъ и почвы и стихіи, гдѣ онъ пріютился, можно ожидать, что развитіе его будетъ стремительно и чудовищно.

Многія явленія, особенно болѣзненныя, развиваются судорожными порывами. Первая конвульсія, первая судорога санкюлоттизма проявилась въ томъ, что Парижъ завоевалъ своего короля. Метафора Бальи была ничто иное, какъ печальная дѣйствительность. Король завоеванъ, свободенъ только на слово, можно сказать, подъ условіемъ хорошо вести себя, что, къ несчастію, въ подобныхъ обстоятельствахъ равняется невозможности вести себя какимъ бы то ни было образомъ. Невыносимо положеніе короля, зависящаго отъ хорошаго поведенія! Увы, развѣ не естественно, что все живущее стремится поддержать свою жизнь! Поэтому поведеніе его величества тотчасъ же должно сдѣлаться предосудительнымъ, и такимъ образомъ недалеко второй взрывъ санкюлоттизма — отдача короля подъ стражу.

Неккеръ, по своему обыкновенію, жалуется въ національномъ собраніи на свой дефицитъ; заставы и таможни сожжены, на сборщиковъ податей поднялась охота; казна его величества совершенно пуста. Лѣкарство—заемъ въ тридцать милліоновъ, потомъ на условіяхъ, болѣе благопріятныхъ, другой заемъ въ восемьдесятъ милліоновъ. Къ сожалѣнію, биржевые спекулянты не хотятъ рисковать деньгами ни на томъ, ни на другомъ займѣ. Биржевой спекулянтъ не имѣетъ другаго отечества, кромѣ чернаго логовища, называемаго ажіо.

А между тѣмъ какой огонь патріотизма горѣлъ въ эти дни въ сердцахъ тѣхъ людей, у которыхъ есть отечество! Уже 7-го августа нѣкоторыя парижанки торжественно поднесли патріотическій даръ, состоящій изъ значительнаго количества золотыхъ вещей. Этотъ даръ былъ торжественно принятъ и удостоенъ почетнаго отзыва, что возбудило у всѣхъ подражаніе и соревнованіе. Отовсюду приносились въ собраніе патріотическіе дары, постоянно сопровождаемые героическимъ краснорѣчіемъ и эти рѣчи собраніе должно было выслушивать, а президентъ—отвѣчать на нихъ. Дары сдѣлались такъ многочисленны, что почетный отзывъ можно было дѣлать только въ періодически публикуемыхъ спискахъ. Каждый давалъ сколько могъ. Одинъ собственникъ подарилъ лѣсъ, великосвѣтское общество жертвуетъ пряжки съ башмаковъ и охотно остается при однихъ шнуркахъ. Падшія женщины даютъ то, что пріобрѣли любовью [1]). Всякія деньги, говорилъ Веспасіанъ, пахнутъ хорошо.

Все это прекрасно, но, увы, слишкомъ мало! Нужно было просить духовенство расплавить излишнюю церковную утварь для королевской монеты. Наконецъ, хотя противъ желанія, нужно было назначать посильную патріотическую контрибуцію. Давайте на этотъ разъ только четвертую часть своего ежегоднаго дохода; въ такомъ случаѣ національное собраніе можетъ работать надъ конституціею, не опасаясь банкротства. Жалованье депутатамъ, назначенное 17 августа, составляетъ лишь восьмнадцать франковъ въ день; общественная служба должна имѣть нервы, т. е. деньги для того, что-

[1]) Hist. parlem., t. II, p. 427.

бы уменьшить дефицитъ, а не уничтожить, если бы это и было невозможно. Мирабо, говорятъ, сказалъ: «насъ спасаетъ дефицитъ.»

Къ концу августа наше національное собраніе дошло въ своихъ работахъ по конституціи до вопроса объ veto. Должна ли имѣть корона право veto по отношенію къ національнымъ постановленіямъ, или нѣтъ? Сколько по этому вопросу было произнесено рѣчей въ собраніи и внѣ его, рѣчей полныхъ логики и страсти, проклятія и угрозъ, и хорошо, что большая часть этихъ рѣчей забывалась въ самыхъ дверяхъ. Благодаря поврежденнымъ мозгамъ и здоровымъ легкимъ Saint-Hurug'a и Пале-Рояль заревѣлъ противъ veto. Журналистика вся отдалась этому вопросу; по всей Франціи загремѣло veto.

«Никогда не забуду,» говорить Дюмонъ, «что когда я ѣхалъ въ Парижъ вмѣстѣ съ Мирабо, люди, поджидавшіе его карету близъ лавки книгопродавца le Jay, бросились передъ нимъ на колѣна и заклинали его со слезами на глазахъ не допускать абсолютнаго veto.» Они были точно помѣшанные: «графъ! вы отецъ этого народа, вы должны насъ спасти, вы должны защитить насъ отъ этихъ негодяевъ, которые хотятъ воротить деспотизмъ! Если король получитъ право veto, что толку тогда въ національномъ собраніи? Тогда все погибло, и мы будемъ рабами!» [1]) «Друзья мои, отвѣчалъ Мирабо, если обрушатся небеса, много жаворонковъ будетъ накрыто.» Мирабо, по словамъ Дюмона, бывалъ великъ въ такія минуты: онъ давалъ неясные отвѣты съ патриціанскою сдержанностію и не связывалъ себя никакими обѣщаніями.

Депутаціи отправляются въ ратушу, посылаются анонимныя письма къ аристократамъ національнаго собранія, въ которыхъ имъ съ угрозами объявляютъ, что пятнадцать, а по другимъ письмамъ шестьдесятъ тысячъ гражданъ отправятся приготовить имъ иллюминацію. Всѣ части Парижа приходятъ въ движеніе, подписываются петиціи. Saint-Huruge въ сопровожденіи полуторы тысячи человѣкъ отправляется изъ Пале-Рояля представить петицію лично. Долговязый, лохматый маркизъ очень рѣшителенъ или, по крайней мѣрѣ, кажется такимъ; рѣшительный видъ приняла и кофейная de Foy и генералъ Лафайэтъ. Всѣ улицы наполнены патрулями, Saint-Huruge задержанъ у заставы des Bons-Hommes; онъ реветъ какъ быкъ, но принужденъ повернуть назадъ. Палерояльскіе братья всю ночь на ногахъ и дѣлаютъ предложенія подъ открытымъ небомъ, такъ какъ всѣ кофейныя заперты. Однако ратуша и Лафайэтъ одерживаютъ верхъ. Saint-Huruge брошенъ въ тюрьму; безусловное veto обращается въ отлагательное; такимъ образомъ и этотъ грозный крикъ умолкаетъ, какъ и другіе крики.

До сихъ поръ, хотя не безъ трудностей, созиданіе удавалось, подавляя подземный міръ санкюлоттизма, и конституція будетъ утверждена. Не безъ труда шло созиданіе среди торжествъ и неурожая, среди патріотическихъ даровъ и путешествій гуськомъ къ хлѣбникамъ, среди болтовни аббата Фоше и пальбы. Сципіонъ Американскій заслужилъ благодарность національнаго собранія и Франціи. Ему предлагаютъ значительныя денежныя награды, но онъ отказывается, не колеблясь, по рыцарски, желая не денегъ, а кой-чего по-

лучше. Между тѣмъ для парижской толпы остается не понятнымъ, отчего хлѣбъ также дорогъ теперь, когда разрушена Бастилія и возстановлена свобода. Права человѣка признаны, феодализмъ и всякого рода тиранія уничтожены, а между тѣмъ мы все еще стоимъ гуськомъ. Ужъ не скупаютъ ли хлѣбъ аристократы или дворъ, привыкшій къ интригамъ? Что-то подозрительно.

Однакоже, что дѣлать? Лафайэтъ съ своими патрулями мѣшаетъ всему, даже жалобамъ. Saint-Huruge и другіе герои veto томятся въ тюрьмѣ. Мара, другъ народа, схваченъ. Типографщиковъ, печатавшихъ патріотическіе журналы, держатъ въ оковахъ, а типографіи ихъ закрываютъ. Даже разнощики не могутъ кричать, если не имѣютъ патента и свинцоваго ярлыка. Синяя національная гвардія грубо разгоняетъ толпы и окружаетъ штыками даже Пале-Рояль. Если вы по своимъ дѣламъ идете по улицѣ Таранъ, патруль, подставляя штыкъ, кричитъ: на лѣво! Вы поворачиваете на улицу Сэнъ-Бенуа, патруль кричитъ: на право. Благоразумный патріотъ, какъ Камиллъ Демулэнъ, въ такихъ обстоятельствахъ принужденъ во имя спокойствія шествовать по водосточной трубѣ.

О народъ, дошедшій до послѣднихъ предѣловъ страданія, наша революція истратилась въ трехцвѣтныхъ церемоніяхъ и льстивыхъ рѣчахъ! Послѣднихъ по вычисленію Лустало въ одной ратушѣ было произнесено въ теченіи послѣдняго мѣсяца болѣе двухъ тысячъ. Не даютъ хлѣба, неужели не дадутъ и говорить подъ страхомъ наказанія? Каррикатуристъ выпускаетъ свою эмблематическую картину: патрульство, изгоняющее патріотизмъ (Le patrouillotisme chassant

le patriotisme); безжалостные патрули, прекрасныя рѣчи, дурно испеченный хлѣбъ, похожій болѣе на обожженные кирпичи и дурно дѣйствующій на желудокъ! Чѣмъ же все это кончится? Консолидаціею ли?

ГЛАВА II.

О РИЧАРДѢ, О МОЙ КОРОЛЬ!

Но увы! самая ратуша не безъ заботъ. Подземный міръ санкюлоттизма до сихъ поръ былъ подавленъ, но вѣдь остался еще придворный міръ. Нѣкоторые симптомы указываютъ, что Oeil de Boeuf собирается съ силами.

Нерѣдко въ муниципальномъ синедріонѣ, часто въ разговорахъ, которые происходили въ рядахъ у дверей булочниковъ, слышно было, какъ повторяли: «о, если бы нашъ возстановитель французской свободы былъ здѣсь, если бы онъ могъ видѣть своими собственными глазами, а не лживыми глазами королевы и придворныхъ, какъ утѣшилось бы его истинно доброе сердце! Его еще окружаетъ лукавство, интриганы герцоги Гюишъ съ лейбъ-гвардіею, шпіоны Булье, стая новыхъ интригановъ, благо старые изчезли. А то зачѣмъ бы приходить сюда фландрскому полку, который, какъ мы узнали, 23 сентября прибылъ въ Версаль съ двумя пушками? Развѣ версальская національная гвардія не исполняетъ своей обязанности во дворцѣ? Развѣ нѣтъ у нихъ швейцарцевъ, швейцарской сотни [1]) и лейбъ-гвардіи? Да еще, какъ кажется, число лейбъ-гвардейцевъ удвоено посредствомъ ловкаго маневра: оче-

[1]) Cent-Suisses.

редной баталіонъ прибылъ въ свое время, а старый все еще не отпускаютъ.

Въ высшихъ сферахъ теперь пробѣгаетъ какая-то молва; тамъ съ значительнымъ видомъ покачиваютъ головою, говорятъ о предположенномъ бѣгствѣ короля въ Метцъ, объ обязательствѣ соединиться тамъ около него, въ числѣ пятидесяти или шестидесяти тысячъ человѣкъ,—обязательствѣ, которое подписало дворянство и духовенство. Лафайэтъ хладнокровно объявилъ это за столомъ графу д'Эстэнъ (d'Estaing), и графъ, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ людей, дрожитъ, опасаясь, чтобы лакеи какъ нибудь не подслушали его, и проводитъ всю ночь безъ сна [1]). Между тѣмъ, какъ мы сказали уже, фландрскій полкъ прибылъ. Говорятъ, его величество не рѣшается дать королевскую санкцію 4-му августа и дѣлаетъ ѣдкія замѣчанія даже относительно правъ человѣка. Кромѣ того всѣ, даже люди, стоявшіе гуськомъ у хлѣбниковъ, могли видѣть на парижскихъ улицахъ необыкновенное число отставныхъ офицеровъ, кавалеровъ св. Людовика и другихъ. Насчитывали отъ тысячи до тысячи двухъ сотъ офицеровъ разныхъ полковъ, описывали даже форму, которой прежде никогда не было видно: зеленая съ красными отворотами. Трехцвѣтная кокарда не всегда была видна; но скажите, ради неба, что предвѣщаютъ намъ эти черныя кокарды, носимыя нѣкоторыми?

Голодъ и особенно подозрѣніе и негодованіе преувеличивали все. Въ этомъ Парижѣ самая дѣйствительность принимала сверхъестественный характеръ; призраки смущали еще

[1]) Черновыя письма г. д'Эстэна къ королевѣ (Hist. palem. t. III, p. 24).

разъ мозгъ голодной Франціи.—О лѣнтяи и негодяи, кричали пронзительные голоса у дверей хлѣбниковъ: если бы вы имѣли мужественныя сердца, схватили бы свои пики и старыя ружья, чтобы заставить дать себѣ отчетъ, а не смотрѣли бы равнодушно на своихъ женъ и дочерей, отданныхъ на жертву голоду, смерти и еще худшему. Тише женщины! — Тяжело и грустно на сердцѣ мужчины; патріотизмъ, изгнанный патрулями, не знаетъ на что рѣшиться.

Правда, что Oeil de Boeuf собрался съ силами. До какой степени? это не извѣстно. Oeil de Boeuf измѣнился; у него версальскіе національные гвардейцы съ своими трехцвѣтными кокардами, дворецъ, окрашенный въ три цвѣта. Однако же люди соединяются и около трехцвѣтнаго двора. Вы, преданныя души, погорѣлые сеньёры, собирайтесь добровольно около своей королевы! Съ доброю волею явятся и надежды, а за надеждами пойдутъ и попытки.

Дѣйствительно, такъ какъ самосохраненіе есть законъ природы, что станетъ дѣлать собравшійся съ силами дворъ, какъ не пытаться, предпринимать или, пожалуй, скажите составлять заговоры, по мѣрѣ своей мудрости или своего безумія? Побѣгутъ они подъ прикрытіемъ въ Метцъ, гдѣ начальникомъ храбрый Були; подымутъ они королевское знамя, подписавшіеся подъ обязательствомъ возьмутся за оружіе. Ахъ, если бы король не былъ такъ слабъ! Имъ приходится подписывать свое обязательство безъ его вѣдома. Бѣдный король! Онъ рѣшился только на одно: избѣгать междуусобной войны. Остальное время онъ постоянно охотится, отказавшись отъ слесарнаго ремесла. Онъ спитъ, желудокъ его въ порядкѣ, а

самъ онъ только глина въ рукахъ горшечника. Дурно ему придется въ мірѣ, гдѣ каждый долженъ самъ себѣ помогать, гдѣ по писанію: «кто не будетъ молотомъ, тотъ будетъ наковальнею; гдѣ иссопъ растетъ въ разщелинѣ на стѣнѣ, потому что вся вселенная не можетъ помѣшать ему рости».

Что касается прибытія фландрскаго полка, то развѣ нельзя оправдать его прошеніями Saint-Hurug'а и постоянными возстаніями по поводу муки. Вѣрные солдаты, если есть заговоръ или только темныя начала заговора, во всякомъ случаѣ вещь хорошая. Городской совѣтъ Версаля (старый монархическій городской совѣтъ еще не былъ передѣланъ въ демократическій) развѣ не поддержалъ мгновенно предложенія? Сама національная гвардія Версаля, уставшая отъ постояннаго караула во дворцѣ, не дѣлаетъ никакого возраженія. Только обойщикъ Лекуантръ, который теперь сталъ маіоромъ Лекуантромъ, качалъ головою.—Да, друзья мои, очень было естественно призвать этотъ гвардейскій полкъ, чтобы можно было имѣть его подъ рукою. Разумѣется, что при видѣ военныхъ перевязей сердца придворныхъ оживились и разныя статсъ-дамы и придворные кавалеры обратились съ лестными комплементами къ своимъ защитникамъ въ эполетахъ, поздравляя другъ друга. Также разумѣется и то, что въ силу простой вѣжливости, лейбъ-гвардія, полкъ дворянъ, пригласила къ обѣду своихъ фландрскихъ собратій. Предложеніе было сдѣлано и принято на послѣднихъ дняхъ сентября.

На обѣдъ можно смотрѣть какъ на полнѣйшее проявленіе общественности; люди, у которыхъ нѣтъ ничего общаго между собою, могутъ съ симпатіею ѣсть вмѣстѣ, могутъ дой-

ти до извѣстной степени братства за стаканомъ и вилкою. Обѣдъ былъ назначенъ въ четвергъ 1-го октября и долженъ былъ произвести извѣстный эффектъ. Далѣе, такъ какъ этотъ обѣдъ могъ быть многолюденъ и желательно было допустить неприглашенныхъ и простой народъ, въ качествѣ зрителей, то нельзя ли занять оперную залу его величества, которая послѣ визита императора Іосифа оставалась совершенно безмолвною? Это разрѣшено. Геркулесова зала будетъ гостиною. Приглашены не только фландрскіе офицеры, но и швейцарскіе. Мало этого, между офицерами версальской національной гвардіи вѣрноподанные примутъ участіе въ пиру: это будетъ обѣдъ, какихъ мало.

И вотъ, представьте себѣ, что солидная часть обѣда прошла, первыя бутылки распиты; представьте, что обычные тосты за здоровье короля, королевы провозглашены съ оглушительнымъ восторгомъ, тостъ за націю пройденъ молчаніемъ или даже отвергнутъ; представьте потоки шампанскаго, рѣчи загорѣлыхъ храбрецовъ, громъ инструментальной музыки. Шумливыя и пустыя головы, на которыхъ красуются перья, разгораются среди пустаго шума. Королева въ этотъ вечеръ грустнѣе обыкновеннаго (король сидитъ усталый отъ своей охоты), она позволяетъ увѣрять себя, что это зрѣлище можетъ поправить ея здоровье. Вотъ она сама вошла чрезъ пріемныя залы и явилась, какъ луна, вышедшая изъ облаковъ, прекрасная и несчастная королева сердецъ; около нея царственный супругъ, молодой дофинъ на ея рукахъ. Она идетъ, окруженная блескомъ и встрѣченная восклицаніями, величественно проходитъ около столовъ, граціозно привѣтствуемая и граціозно раскла-

нивающаяся; глаза ея полны грусти и въ то же время благодарности и отваги; надежда Франціи у нея на рукахъ! Вдругъ военная музыка грянула: O Richard! O mon roi! l'univers t'abandonne! Легко себѣ представить, какъ воспламенились сердца состраданіемъ и восторженною вѣрностію. Да и что было дѣлать молодымъ офицерамъ съ оперенными головами, какъ не свидѣтельствовать свою бурную преданность и безголовье клятвами, произнесенными на бѣлыхъ кокардахъ, которыя раздавали имъ прекрасныя руки, да размахивать шпагами въ честь королевы. Тутъ ужъ пошли оскорбленія національной кокарды, попранной ногами. Начались вопли, танцы, бѣшенство, безпорядки въ залѣ и наружи до тѣхъ поръ, пока шампанское и танцы не сдѣлали своего дѣла и пока всѣ не заснули, растянувшись, спокойно, пассивно мечтая во снѣ о подвигахъ и военныхъ наградахъ.

Обѣдъ очень естественный, въ обыкновенное время даже очень невинный, но роковой теперь, какъ пиръ Тіэста, какъ обѣдъ сыновей Іова, когда бурный вихрь потрясъ четыре угла дома, гдѣ происходилъ пиръ. Бѣдная королева, безразсудная, съ пылкостію женщины, но вовсе безъ предусмотрительности, нужной для государыни. Все такъ естественно и между тѣмъ все такъ неблагоразумно! На другой день въ публичной торжественной рѣчи королева выразилась, что она «въ восторгѣ отъ четверга».

Сердце придворныхъ просіяло надеждою, смѣлыми, но преждевременными мечтами. Красивыя фрейлины вмѣстѣ съ аббатами шьютъ бѣлыя кокарды, раздаютъ ихъ съ ободряющими словами и взглядами молодымъ людямъ въ эполетахъ;

а, они въ свою очередъ могутъ горячо цѣловать хорошенькія ручки. Капитаны пѣхоты и кавалеріи щеголяютъ огромными бѣлыми кокардами, даже капитанъ версальской національной гвардіи бросаетъ въ сторону трехцвѣтную кокарду и прикрѣпляетъ себѣ бѣлую; до такой степени плѣнительны взгляды и нѣжныя слова. Маіоръ Лекуантръ имѣлъ право обратиться къ нему и сдѣлать сильный выговоръ самыми энергическими выраженіями. Но вотъ какой-то фанфаронъ съ огромною бѣлою кокардой, услыхавши слова маіора, нахально приглашаетъ его или отказаться отъ своихъ словъ, или принять вызовъ. Маіоръ Лекуантръ объявилъ ему на прямикъ, что онъ не намѣренъ подчиняться правиламъ фехтовальныхъ залъ, но что, слѣдуя закону природы, съ кинжаломъ и саблею, онъ уничтожитъ всякаго гнуснаго гладіатора, который позволитъ себѣ оскорбленіе относительно его или націи. И онъ уже выхватилъ саблю, когда ихъ развели, и такимъ образомъ кровь не была пролита [1].

---

[1]) Hist. parlem, t. III, p. 59. — Deux amis, t. III, p. 128—141. — Campan, t. III, p. 70—85.

ГЛАВА III.

ЧЕРНЫЯ КОКАРДЫ.

Представьте себѣ, какое долженъ былъ произвести дѣйствіе въ залѣ des Menus, въ голодной толпѣ передъ лавками хлѣбниковъ Парижа этотъ пиръ Тіэста, это оскорбленіе національной кокарды! Притомъ, казалось, что этотъ пиръ возобновляется. Фламандцы въ свою очередь дали обѣдъ швейцарцамъ и швейцарской сотнѣ: въ субботу былъ назначенъ другой обѣдъ.

Да, у насъ здѣсь голодъ, а тамъ въ Версали съѣстные припасы въ изобиліи. Патріотизмъ стоитъ въ хвостѣ, дрожа отъ холода и голода, оскорбляемый патрулями; а между тѣмъ аристократы съ кровожадными намѣреніями, разгоряченные обжорствомъ, попираютъ ногами національную кокарду. Естественна ли такая несообразность? Смотрите: вотъ зеленая форма съ красными отворотами, черныя кокарды, подобныя ночному мраку. Неужели насъ ожидаетъ вторженіе солдатчины объ руку съ голодною смертію? Вотъ и барка изъ Корбеля обыкновенно приходила въ Парижъ два раза въ день съ мукою, приправленною алебастромъ, а теперь она приходитъ только разъ. Ратуша глуха, и люди лѣнивы и трусливы! Въ кафе de Foy въ субботу вечеромъ видно что-то

новое, не послѣднее въ своемъ родѣ; женщина говоритъ публично рѣчь: округъ, въ которомъ живетъ ея бѣдный мужъ, говоритъ она, принудилъ его къ молчанію, президентъ и бюро не дозволяютъ ему говорить. Поэтому, она пришла сюда затѣмъ, чтобы выслушали ея слабый голосъ и чтобы пожаловаться, пока у ней еще есть дыханіе, на барку изъ Корбеля, на парижскій хлѣбъ съ гипсомъ, на святотатственный обѣдъ въ оперѣ, на зеленую форму, на разбойниковъ аристократовъ и ихъ черныя кокарды.

Дѣйствительно, настало время изчезнуть чернымъ кокардамъ. Сами патрули не хотятъ покровительствовать имъ. Во время парада національной гвардіи въ Тюльери, въ воскресенье утромъ, запальчивый Матассенъ, забывши всякую дисциплину, выскочилъ изъ рядовъ, схватилъ одну красовавшуюся черную кокарду и съ презрѣніемъ растопталъ ее ногами. Даже патрульствомъ овладѣло бѣшенство. Округи начинаютъ волноваться. Голосъ президента Дантона гремитъ въ клубѣ Кордильеровъ; другъ народа Мара отправился въ Версаль и вдругъ вернулся назадъ; черный вѣстникъ не изъ семьи альціоновъ [1]).

И вотъ, въ воскресенье одинъ патріотъ во время прогулки встрѣчается съ другимъ и видитъ, что его собственныя заботы отразились на лицѣ другого. Не смотря на патрулей, которые впрочемъ теперь не такъ прытки, какъ обыкновенно, толпы волнуются и толкуютъ: толпы на мостахъ, на набережныхъ въ патріотическихъ кофейняхъ. Какъ только покажется черная кокарда, поднимается всеобщій ревъ: долой! Всѣ черныя кокарды срываются самымъ грубымъ образомъ. Кто-то поды-

[1]) Revolutions de Paris et de Brabant (Hist. parl. t. III, p. 108).

маетъ свою кокарду, цѣлуетъ ее и пытается снова прикрѣпить; но на него замахивается сотня пикъ, и онъ отказывается отъ своего намѣренія. Другому достается еще хуже: онъ осужденъ на смерть импровизированнымъ плебисцитомъ и его ведутъ вѣшать на фонарный столбъ; съ большимъ трудомъ спасаютъ его какіе-то энергическіе солдаты съ гауптвахты. Лафайэтъ видитъ всѣ признаки возстанія; чтобы предупредить его, онъ удвоиваетъ число патрулей, удвоиваетъ свою дѣятельность. Такимъ образомъ проходитъ воскресенье 4-го октября 1789 года.

Печальны сердца мужчинъ, подавленныхъ патрульствомъ. Сердца женщинъ пылки, неукротимы. Женщина, которая держала рѣчь въ Пале-Роялѣ, не единственный ораторъ. Мужчины не понимаютъ, что значитъ пустая кухня, это знаютъ только матери семействъ. О женщины! Мужья ваши умѣютъ только умствовать, а не дѣйствовать. Патрули сильны, но голодная смерть или смерть подъ оружіемъ солдатъ еще сильнѣе. Патрули подавляютъ патріотизмъ мужчинъ, но имъ не сладитъ съ женщинами. Стража, называющая себя національною, неужели вонзитъ свои штыки въ женскую грудь? Такія-то мысли или неопредѣленныя начала мыслей бродятъ подъ женскими чепцами. На разсвѣтѣ при одномъ сигналѣ онѣ произведутъ взрывъ.

ГЛАВА IV.

ВАКХАНКИ.

Однажды Вольтеръ, находясь въ дурномъ расположенiи духа, спрашивалъ своихъ соотечественниковъ: «а вы что выдумали?» Они могли бы теперь отвѣтить: искусство возстанія. Это было необходимымъ искусствомъ въ послѣднее замѣчательное время, искусствомъ, къ которому пылкая и неглубокая французская натура была, быть можетъ, всѣхъ способнѣе.

До какой высоты, до какого, можно сказать, совершенства достигла во Францiи въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ эта вѣтвь человѣческой индустрiи! Возстанiе, которое Лафайэтъ считалъ священнѣйшею изъ обязанностей, представляется теперь глазамъ французскаго народа въ числѣ тѣхъ обязанностей, которыя онъ умѣетъ исполнять. Въ другихъ земляхъ народная толпа представляетъ тяжелыя массы, которыя движутся впередъ съ угрюмымъ и жестокимъ упорствомъ и насилiемъ, но въ нихъ нѣтъ ни одной искры генія. Напротивъ, французская народная толпа принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ феноменовъ нашей земли. Она стремительна, отважна, зорка, находчива, быстро пользуется минутою, до конца ногтей одарена инстинктомъ жизни. Даже талантъ—стоять

въ хвостѣ, если уже нѣтъ другого таланта, составляетъ отличіе французскаго народа отъ всѣхъ другихъ народовъ древнихъ и новыхъ.

Согласитесь читатель, что, по всѣмъ соображеніямъ, сравнительно съ народною толпою, мало явленій на землѣ заслуживаютъ бо́льшаго изученія. Она настоящій продуктъ природы, — продуктъ, исходящій изъ самой ея глубины или же сообщающійся съ нею. Тогда какъ все прочее только гримасы и пустыя формальности, здѣсь по крайней мѣрѣ есть искренность и дѣйствительность. Смотри на народную толпу, если хочешь, съ трепетомъ или даже со стономъ, но смотри внимательно. Это смѣсь человѣческихъ силъ и индивидуальностей, приведенныхъ въ движеніе въ ихъ напряженнѣйшемъ состояніи для того, чтобы, дѣйствуя и воздѣйствуя какъ на обстоятельства, такъ и другъ на друга, исполнить ту задачу, которая принадлежитъ имъ. То, что они сдѣлаютъ, никому неизвѣстно и еще менѣе имъ самимъ. Это неизмѣримый фейерверкъ, который порождаетъ пламя и самъ уничтожается въ немъ. Какіе будутъ фазы, какой объемъ, какіе результаты пожара? это не поддается никакимъ догадкамъ философіи и логики.

«Человѣкъ, какъ сказано въ писаніи, всегда интересенъ для человѣка, и даже, собственно говоря, нѣтъ другого предмета интереса!» Съ этой точки зрѣнія не можемъ ли мы понять, почему описаніе сраженій сдѣлалось до такой степени монотоннымъ? Въ наше время сраженія стали дѣломъ только механическимъ, безъ всякаго развитія индивидуальности и человѣческаго произвола: теперь люди умираютъ и убиваютъ другъ

друга искусственнымъ образомъ. Со временъ Гомера сраженія по бо́льшей части не заслуживаютъ вниманія на столько, чтобы читать или писать объ нихъ. Сколько кровавыхъ сраженій исторія пытается изобразить или даже воспѣть хриплымъ голосомъ! Должна ли она умолчать или небрежно разсказать объ этомъ единственномъ возстаніи женщинъ?

Мысль, сказали мы, или неопредѣленные зачатки мысли бродили въ головахъ женщинъ и должны были разразиться взрывомъ. Въ понедѣльникъ утромъ на мрачныхъ чердакахъ проснулись матери семействъ для того, чтобы услыхать, какъ ихъ дѣти съ плачемъ требовали хлѣба. Матери бросаются на улицы, на овощный рынокъ, становятся гуськомъ предъ булочными, встрѣчаются тутъ съ другими голодными матерями; тѣ имъ сочувствуютъ, преувеличиваютъ положеніе дѣлъ: о какъ мы несчастны! Вмѣсто того, чтобы стоять гуськомъ у дверей хлѣбниковъ, отчего не пойти намъ къ палатамъ аристократовъ, виновниковъ зла? Allons, собирайтесь: въ hôtel de Ville! въ Версаль! къ фонарю!

Въ караульнѣ квартала св. Евстафія одна молодая женщина схватила барабанъ; развѣ станетъ національная гвардія стрѣлять въ женщину, въ молодую женщину! Итакъ, молодая женщина схватила барабанъ и, выбивая сборъ, идетъ, крича о дороговизнѣ хлѣба: «Выходите матери, выходите, Юдиѳи, пойдемте за хлѣбомъ и станемъ мстить!» Женщины собираются и идутъ вслѣдъ за ней, онѣ вбѣгаютъ по лѣстницамъ и заставляютъ выходить всѣхъ женщинъ; сила женскаго возстанія, говоритъ Камиллъ, походитъ на англійскую морскую силу; то была всеобщая женская давка. Сильныя рыночныя тор-

говки, худенькія гризетки, подымающіяся вмѣстѣ съ зарею, старыя дѣвы, идущія къ заутрени, горничныя съ утренними вѣниками, всѣ должны были отправиться. Проснитесь же женщины! Если лѣнивые мужчины не хотятъ дѣйствовать, то мы должны дѣйствовать сами.

И вотъ, толпа женщинъ катится, какъ лавина съ вершины горы; съ каждой лѣстницы льется ревущій потокъ, толпа стремится впередъ съ бурными криками въ ратушу. Бунтовщицъ съ барабанами и безъ нихъ прибавляется, потому что женщины предмѣстья св. Антонія также вышли съ метлами, со щипцами и заржавленными пистолетами (незаряженными). Шумъ женскаго возстанія достигаетъ съ быстротою молніи до самыхъ отдаленныхъ заставъ. Во время холоднаго октябрскаго утра въ 7 ч. 5-го числа, городская ратуша увидитъ удивительныя вещи. Случай собралъ около нея толпу мужчинъ, шумно тѣснившуюся около національнаго патруля и булочника, схваченнаго за фальшивый вѣсъ. Женщины присоединились къ этой толпѣ, прицѣпили уже веревку къ фонарному столбу и чиновники принуждены были провести булочника въ заднія двери, и послать во всѣ округа за подкрѣпленіями. Величественное было зрѣлище, говоритъ Камиллъ, когда столько Юдиѳей, отъ 8 до 10 тысячъ, стремились вырвать самый корень зла: то была смѣсь страшнаго и смѣшнаго съ дикимъ и необузданнымъ. Три сотни, назначеныя сюда и простоявшія всю ночь подъ ружьемъ, не прибыли еще. Было только нѣсколько канцелярскихъ служителей, часть національной гвардіи и г. де Гувіонъ, генералъ-майоръ. Гувіонъ сражался въ Америкѣ за народную свободу; человѣкъ храбрый,

но не далекій; онъ находился въ это время въ заднихъ комнатахъ и старался успокоить Малльяра, сержанта Бастиліи, который, какъ и другіе, пришелъ съ представленіями. Успокоеніе не было еще достигнуто вполнѣ, когда пришли наши Юдиѳи.

Національная гвардія стояла на крыльцѣ съ поднятыми штыками; десять тысячъ Юдиѳей неудержимо идутъ, умоляющія, съ поднятыми къ верху руками; онѣ хотятъ только говорить съ мэромъ. Арьергардъ толкаетъ ихъ впередъ; изъ заднихъ рядовъ летятъ каменья. Національной гвардіи остается только два выбора: или разчистить пушками Гревскую площадь, или разступиться съ обѣихъ сторонъ. Ряды разступились и это живое наводненіе бросилось въ кабинеты, въ залы, даже на самую каланчу, жадно ища оружія, мэра, правосудія, тогда какъ другія, болѣе щеголеватыя, обратились къ канцелярскимъ служителямъ, разсказывая имъ о бѣдности несчастныхъ женщинъ и объ ихъ печальной участи, прибавляя, что нѣкоторыя изъ нихъ находились даже въ интересномъ положеніи [1]).

Бѣдный Гувіонъ ничѣмъ не можетъ помочь себѣ въ такой крайней нуждѣ: нерѣшительный, легко теряющійся въ затруднительномъ положеніи, онъ, впослѣдствіи, кончилъ самоубійствомъ. Къ счастію его на то время тутъ былъ Малльяръ, человѣкъ рѣшительный, хоть онъ и былъ занятъ тогда «представленіями». Отправляйся же, Малльяръ! отправляйся за своей женой въ Бастилію и приходи скорѣй съ ней, особенно же не забудь своей находчивости, потому что Юдиѳи не

[1]) Deux amis, I, III, p. 141—166.

видятъ здѣсь ни мэра, ни муниципальныхъ чиновниковъ; какъ только взошли онѣ на башню, то тотчасъ увидѣли бѣднаго аббата Лефевра, завѣдывающаго раздачею пороха. За неимѣніемъ лучшаго, онѣ схватили его и повѣсили при слабомъ утреннемъ свѣтѣ, горящемъ надъ Парижемъ, который мерцалъ передъ его помраченными глазами: ужасный конецъ! Къ счастію, оборвалась веревка, что часто случается съ французскими веревками, а можетъ быть какая нибудь амазонка перерѣзала ее. Загремя по крышѣ, аббатъ Лефевръ упалъ съ 20-ти футовой высоты и жилъ послѣ этого многіе годы, хотя и съ остаткомъ дрожанія въ членахъ [1]).

И вотъ летятъ осколки дверей подъ ударами топоровъ. Юдиѳи разломали шкафъ, вытащили ружья, пушки, три мѣшка денегъ и кучу бумагъ: факелы запылали, и чрезъ нѣсколько минутъ наша прекрасная ратуша, построенная во время Генриха IV, со всѣмъ, что тамъ находилось, будетъ въ огнѣ.

---

[1]) Dusaulx, Prise de la Bastille, p. 231.

ГЛАВА V.

МАЛЛЬЯРЪ.

Да, дѣло было бы кончено, если бы не возвратился поспѣшный и смѣтливый Малльяръ. По внезапному вдохновенію,— Гувьонъ и другіе не одобряли его, — онъ схватилъ барабанъ, сбѣжалъ съ большой лѣстницы, сильно выбивая сборъ и крича: «въ Версаль! пойдемте въ Версаль.» Подобно тому какъ собираются разозлившіяся и разсѣянныя пчелы, когда бьютъ по котлу или сковородѣ, чтобъ созвать ихъ въ улей и какъ бы слетаются на зовъ своего предводителя, котораго у нихъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ; собираются вакханки вокругъ ловкаго Малльяра. Поднятая сѣкира останавливается въ воздухѣ; аббатъ Лефевръ оставленъ полуповѣшеннымъ, со всѣхъ лѣстницъ стремится потокъ женщинъ. Что это за движеніе? Это Станиславъ Малльяръ, герой Бастиліи, сейчасъ поведетъ насъ въ Версаль. Да здравствуетъ Малльяръ! впередъ! впередъ!

Для того, чтобъ везти похищенныя пушки запрягаютъ похищенныхъ лошадей, употреблявшихся для возки телѣгъ. Черноволосая дѣвица Теруань, съ гордымъ взглядомъ и спокойной физіономіей, похожая по словамъ нѣкоторыхъ на орлеанскую дѣву или напоминающая Палладу аѳинскую, сидѣла на пушкѣ въ своей каскѣ и съ пикой въ рукахъ. Малльяръ,

барабанный бой котораго постоянно раздавался, провозглашенъ былъ по общему громогласному крику генераломъ. Маллъяръ, мѣрно выбивающій съ удвоеннымъ жаромъ, съ трудомъ ведетъ вдоль мостовой свою армію вакханокъ. Подобная армія не маршируетъ въ молчаніи. Перевощики останавливаются на рѣкѣ, извощики и кучера опрометью поворачиваютъ назадъ, изъ оконъ выставляются мужскія головы ни и одна женщина не показывается, боясь быть завербованной въ эту толпу. Удивительное зрѣлище! Существованіе вакханокъ въ такія прозаическія времена! Бронзовая статуя Генриха смотритъ на нихъ съ новаго моста, монархическій Луврь, Тюлльери медичисовъ видятъ такой день, до котораго они никакъ не дожили бы.

Маллъяръ ведетъ своихъ вакханокъ на Елисейскія поля (или, лучше, на поля тартара) и ратуша потерпѣла сравнительно только небольшой ущербъ: разломанныя двери, аббатъ Лефевръ, которому нельзя уже больше будетъ раздавать порохъ, да три мѣшка денегъ, большая часть которыхъ была возвращена, потому что, какъ ни алченъ санкюлотизмъ, но въ немъ есть честь. Вотъ чѣмъ ограничиваются потери. Великій Маллъяръ! Нѣкоторый порядокъ существуетъ еще вокругъ его барабана, а тамъ по краямъ точно бушующій океанъ; сбродъ мужскаго и женскаго рода стремится къ нему со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта. Управленіе этой толпой находится только въ немъ, да въ его двухъ барабанныхъ палкахъ.

О Маллъяръ, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ война, какому генералу предстояло такое трудное дѣло, которое предстоитъ тебѣ въ этотъ день? В а л ь т е р ъ Н е и м у щ і й трогаетъ

еще чувствительныя сердца; но Вальтеръ, по крайней мѣрѣ, имѣлъ санкцію, у него было пространство для движенія и притомъ его крестоносцы были мужескаго пола. Ты же, не признаваемый ни небомъ, ни землею, ты въ этотъ день сдѣлался генераломъ вакханокъ! Ты принужденъ былъ въ одну минуту превратить ихъ безсмысленное неистовство въ опредѣленныя фразы, въ осмысленныя дѣйствія. Какимъ образомъ нужно было тебѣ дѣйствовать, когда оффиціальные люди съ своими карательными мѣрами и законами ждутъ тебя впереди, а вакханки толкаютъ сзади? Если древнія вакханки отрубили мелодическую голову Орфея и бросили ее въ воды Пенейскія, что жъ бы эти сдѣлали изъ тебя, у котораго вся музыка состояла въ барабанѣ изъ ослиной кожи? Но Малльяръ удовлетворилъ всѣхъ. Замѣчательный Малльяръ, какъ бы ты прославился, если бы извѣстность не была только случайностью и исторія не занималась бы только пустыми происшествіями!

На Елисейскихъ поляхъ остановились и произошло колебаніе; но съ Малльяромъ возможно ли отступленіе? Его соратницы съ шумными криками требовали оружія, находившагося въ арсеналѣ; онъ убѣждаетъ ихъ, что въ арсеналѣ нѣтъ оружія, что безоружныя онѣ сильнѣе подѣйствуютъ на національное собраніе; поспѣшно назначаетъ командировъ, капитановъ, десятскихъ и вмѣстѣ съ волонтерами, образующими арьергардъ, отправляетъ ихъ въ походъ довольно безпорядочными рядами, при мѣрномъ звукѣ восьми барабановъ (свой собственный онъ оставилъ въ Бастиліи).

Шалльо, который тотчасъ же роздалъ имъ хлѣба въ доста-

точномъ количествѣ, не допускаетъ ихъ до грабежа; Севрскій фарфоръ былъ пощаженъ. Старыя арки Севрскаго моста зазвучали подъ ногами вакханокъ; Сена течетъ съ обычнымъ журчаніемъ; въ Парижѣ бой набата и барабановъ; но онъ теперь уже не слышенъ за шумомъ множества шаговъ, женскихъ криковъ и падающаго дождя. Въ Медонѣ и С. Клу, направо и налѣво распространяется вѣсть о бурномъ возстаніи, и у камелька на сегодняшній вечеръ будетъ обильный предметъ для разговора. Женщины продолжаютъ еще толпиться, потому что дѣло идетъ обо всѣхъ дочеряхъ Евы; нѣкоторыя изъ нихъ уже матери, а другіе должны быть матерями. Каждая дама должна выдти изъ кареты, какъ-бы не были деликатны ея нервы, и идти въ своихъ шелковыхъ башмакахъ по грязной дорогѣ [1]). Такимъ-то образомъ въ октябрскій холодъ пролетаетъ это облако безкрылыхъ журавлей по изумленной странѣ. Онѣ задерживаютъ всѣхъ путешественниковъ, особенно же путешественниковъ и торговцевъ парижскихъ. Депутатъ Лешапелье, въ своемъ элегантномъ костюмѣ, съ удивленіемъ смотритъ чрезъ очки изъ своей великолѣпной кареты — смотритъ не безъ страха за свою жизнь, спѣшитъ объявить, что онъ депутатъ, патріотъ Лешапелье, бывшій президентъ Лешапелье, который предсѣдательствовалъ въ ночь на Сошествіе Святаго Духа и одинъ изъ основателей Бретонскаго клуба; на это ему отвѣчаютъ громкимъ восклицаніемъ: да здраствуетъ Лешапелье! и нѣсколько вооруженныхъ людей вскакиваютъ на за-

---

[1]) Deux amis, I. III, p. 159.

докъ и передъ его кареты. чтобъ такимъ образомъ служить ему конвоемъ.

Между тѣмъ депеши Лафайэта, новости, принесенныя по проселочнымъ дорогамъ, и даже смутный шумъ достигаютъ Версаля. Въ то время, какъ въ національномъ собраніи толковали, какъ распредѣлить день и жалѣли, что даются такіе противунаціональные пиры въ оперной залѣ, что его величество колеблется признать права человѣка, предписываетъ условія, идетъ окольными городами, Мирабо приближается къ президенту, которымъ въ то время былъ умный Мунье, и шепчетъ ему: «Мунье, Парижъ идетъ на насъ!» — Не можетъ быть, отвѣчаетъ Мунье — «Вѣрьте этому, или невѣрьте, это до меня не касается, но, повторяю. Парижъ идетъ на насъ. Скажите, что вы вдругъ сдѣлались нездоровы, бѣгите въ замокъ и извѣстите ихъ объ этомъ: не слѣдуетъ терять ни минуты» [1]. — Парижъ идетъ на насъ, отвѣчалъ горько Мунье, ну, тѣмъ лучше, значитъ скоро у насъ будетъ республика. — Мирабо оставилъ его, какъ оставляютъ умнаго, но на время совершенно ослѣпшаго президента, и дѣла шли своимъ чередомъ, какъ и прежде.

Да, Парижъ идетъ на насъ, и что нибудь поважнѣе парижскихъ женщинъ. Только что Малльяръ отправился въ путь, какъ Гувьонъ разослалъ объ этомъ извѣстія во всѣ округи, велѣлъ бить въ набатъ и ударить тревогу. Вооруженная національная гвардія изъ всѣхъ округовъ, особенно центральная гвардія, поспѣшно собиралась на Гревскую площадь. Сюда стеклось множество народа, предмѣстье св. Антонія толпится

[1] Deux amis, t. II, p. 177; Dictionnaire des hommes marquants, t. III, p. 379.

съ своими пиками и заржавленными ружьями. Центральную гвардію встрѣтили восклицаніями. «Мы не нуждаемся въ вашихъ восклицаніяхъ,» отвѣчали они мрачнымъ тономъ, «нація оскорблена: къ оружію! пойдемте подъ нашимъ предводительствомъ!» А! вотъ откуда дуетъ вѣтеръ! Патріотизмъ и патрули дѣйствуютъ за одно.

Собралось 300 человѣкъ, всѣ комитеты заняты дѣломъ. Лафайэтъ диктуетъ депеши въ Версаль, какъ вдругъ является къ нему депутація центральныхъ гренадеръ. Она отдаетъ ему честь по военному и говоритъ не безъ здраваго смысла: «генералъ! мы посланы депутатами отъ 6 ротъ гренадеръ. Мы на васъ не смотримъ, какъ на измѣнника, но думаемъ, что правительство измѣняетъ намъ: пора бы этому кончиться Мы не можемъ обратить свои штыки на женщинъ, которыя просятъ у насъ хлѣба. Народъ бѣдствуетъ, а источникъ зла въ Версалѣ: намъ слѣдуетъ отправиться за королемъ и превезти его въ Парижъ. Мы должны истребить фландрскій полкъ и лейбъ-гвардейцевъ, которые осмѣлились попрать ногами національную кокарду. Если король такъ слабъ, что не можетъ носить корону, такъ пусть онъ сложитъ ее. Вы возведите на престолъ его сына, учредите регенство, и все пойдетъ какъ нельзя лучше» [1]. Удивленіе и упрекъ выразились на лицѣ Лафайэта; напрасно онъ обращается къ нимъ съ рыцарскими словами: «Генералъ, мы готовы пролить за васъ кровь свою до послѣдней капли, но корень зла теперь въ Версалѣ; мы должны отправиться туда, чтобъ привести короля въ Парижъ, этого требуетъ народъ.» Tout le peuple le veut. Генералъ

[1]) Deux amis. t. III, p. 161.

сходитъ на самую послѣднюю ступень лѣстницы и говоритъ съ народомъ, но все напрасно. «Въ Версаль! въ Версаль!» Мэръ Бальи, за которымъ послали во время этого наплыва санкюлоттизма, изъ своей парадной кареты начинаетъ говорить академическую рѣчь, но на это ему отвѣчаютъ только дикими криками: «хлѣба! въ Версаль!» Онъ прячется въ свой экипажъ. Лафайэтъ вскакиваетъ на свою бѣлую лошадь, снова произноситъ рѣчь за рѣчью, краснорѣчиво, съ твердостію, съ негодованіемъ, употребляетъ всевозможныя средства, но не убѣждаетъ. «Въ Версаль! въ Версаль!» и часъ за часомъ это продолжается цѣлые полдня.

Великій Сципіонъ американскій ничего не можетъ сдѣлать, не можетъ даже убѣжать. «Morbleu, mon général,» говорятъ гренадеры, сжимая свои ряды, въ то время какъ его бѣлая лошадь начинаетъ дѣлать малѣйшія движенія. «Вы не оставите насъ, вы останетесь вмѣстѣ съ нами.» Критическая минута! Мэръ Бальи и магистратскіе совѣтники съ трепетомъ сидятъ въ комнатахъ, а генералъ-плѣнникъ на улицѣ. Гревская площадь съ 30-тью тысячами регулярныхъ солдатъ и безпорядочной толпой изъ предмѣстья св. Антонія, св. Маріи, представляетъ грозную массу блестящей и заржавленной стали: у всѣхъ на сердцѣ одна только мысль. Сердца всѣхъ, говоримъ мы, тверды и непреклонны, никто не спокоенъ, развѣ только бѣлая лошадь, расхаживающая шагомъ съ выпрямленной шеей и спокойно грызущая свои удила, какъ будто бы народъ вовсе и не находился наканунѣ своего паденія, со всѣми своими династіями и эпохами. Ненастный день склоняется къ вечеру; тотъ же крикъ: «въ Версаль!» все еще продолжается.

Вскорѣ, между тѣмъ, издали стали слышаться болѣе зловѣщіе крики. Въ ихъ хрипломъ и далеко раздающемся ропотѣ можно было явственно разобрать слова: «на фонарь!» Безпорядочный санкюлоттизмъ угрожаетъ пойти одинъ безъ посторонней помощи, съ пиками и даже съ пушками. Непреклонный Сципіонъ рѣшился наконецъ послать адъютанта спросить у муниципальныхъ совѣтниковъ, слѣдуетъ или нѣтъ отправляться. Наконецъ онъ получаетъ письмо, которое передано ему чрезъ головы вооруженнаго народа; 60 тысячъ глазъ жадно устремлены на него въ то время, какъ онъ читаетъ. Тишина поразительная, никто почти не дышетъ: «par le ciel, онъ поблѣднѣлъ! Позволили ли муниципалы?» «Они позволили, и даже приказываютъ!» потому что нельзя иначе сдѣлать. Громкіе крики одобренія оглашаютъ воздухъ. И такъ, стройся и marchons!

Было около 3 часовъ по полудни. Раздраженная національная гвардія можетъ на этотъ разъ пообѣдать на своихъ мѣшкахъ, но и безъ обѣда они отправились бы всѣ единодушно. Въ то время, какъ мстители идутъ съ пронзительнымъ свистомъ дудокъ и съ барабаннымъ боемъ, Парижъ отворяетъ окна, хлопаетъ въ ладоши, потомъ задумчиво остается въ безпокойномъ ожиданіи, и, на вѣрно, не слишкомъ спокойно проведетъ ночь [1]. Лафайэтъ на своей бѣлой лошади медленно разъѣзжалъ взадъ и впередъ вдоль рядовъ, говоря рѣчи и подвигаясь впередъ съ своими 30 тысячами регулярнаго войска. Предмѣстіе св. Антонія съ своими пиками и пушкой идетъ впереди его, Paris marche sur nous.

---

[1]) Deux amis, t. III, p. 165.

ГЛАВА VI.

ВЪ ВЕРСАЛЬ.

Въ это же самое время Малльяръ остановился съ своими загрязнившимися вакханками на послѣднемъ холмѣ; теперь ихъ удивленнымъ глазамъ представился Версаль, версальскій дворецъ и всѣ обширныя королевскія владѣнія. Направо, вдали, Марли и Сенжермэнъ, налѣво дорога въ Рамбулье; а передъ самыми глазами Версаль старый и новый съ своей широкой и тѣнистой версальской аллеей въ 300 футовъ ширины, съ четырьмя рядами вязовъ, и наконецъ версальскій дворецъ, оканчивающійся парками, садами, озерами, бассейномъ, лабиринтомъ, звѣринцемъ, большимъ и малымъ Тріонономъ. Прелестное зданіе съ высокими башнями, окруженное зеленью, жилище земныхъ боговъ, изъ котораго однако не исключены мрачныя заботы и куда теперь направляются голодныя вакханки съ пиками въ рукахъ, вмѣсто тирсовъ.

«Да, mes dames, тамъ, гдѣ наша прекрасная тѣнистая аллея направо и налѣво пересѣкается двумя такими же аллеями, достигая королевской площади и передняго дворцоваго двора, тамъ находится зала Menus. Здѣсь засѣдаетъ августѣйшее собраніе и управляетъ Франціей. Прежде всего вы видите передній дворъ, большой дворъ, мраморный дворъ,

дворы внутренніе, одинъ другаго уже, стеклянный куполъ, блестящій, какъ звѣзда надежды — это Oeil de boeuf! Или тамъ мы найдемъ для себя печеный хлѣбъ, или нигдѣ. Но, милостивыя государыни, не сдѣлаемъ ли мы лучше, если наши пушки и дѣвицу Теруань перемѣстимъ въ арьергардъ? Просьба къ національному собранію должна быть скромна; мы чужіе въ Версалѣ; изъ него теперь явственно доходитъ до насъ шумъ какъ-бы отъ боя въ набатъ и генеральнаго марша. Всего приличнѣе, если возможно, явиться туда съ веселой физіогноміей, которая скрывала бы наши печали. Если можете, хорошо бы даже пѣть. Та скорбь, которой покровительствуетъ небо, ненавистна и подозрительна на землѣ.» Такіе-то совѣты давалъ искусный Малльяръ своимъ вакханкамъ на высотахъ, ближайшихъ къ Версалю [1]).

Распоряженія хитраго Малльяра были приняты. Загрязненные мятежники, вступивъ тремя колоннами въ аллею, состоящую изъ четырехъ рядовъ деревьевъ, начали пѣть: «vive Henri IV,» кто какъ могъ, и кричать: «vive le roi!» Народонаселеніе Версаля тѣснилось по обѣимъ сторонамъ влажныхъ вязовъ и кричало: «да здраствуютъ парижанки!»

По мѣрѣ того, какъ увеличивался шумъ, курьеры летѣли по направленію къ Парижу; они встрѣтили и воротили въ Версаль его величество, который отправился было на охоту въ Меудонскіе лѣса; громко раздавался барабанный бой и бой набата; тѣлохранители выстроились въ рядъ по обѣимъ сторонамъ дворцовой рѣшетки и уныло смотрѣли вдоль аллеи въ своей мрачной и мокрой солдатской одеждѣ. Фландрійцы

[1]) Histoire parlementaire, t. III, p. 70—177; Deux amis, t. III, p. 166—167.

были тамъ же и теперь раскаявались въ своихъ оперныхъ банкетахъ. Тамъ находились также спѣшенные драгуны, наконецъ маіоръ Лекуантръ съ тою частью національной гвардіи, какую могъ собрать; но мы должны замѣтить, что нашъ полковникъ, ревностный графъ д'Эстень, не отдавши ни приказаній, ни аммуниціи, изчезъ очень некстати и скрылся, какъ предполагаютъ, въ Oeil de boeuf. Швейцарцы въ красной одеждѣ стояли за рѣшеткой подъ ружьемъ. Тамъ же во внутреннихъ покояхъ вмѣстѣ съ Неккеромъ были всѣ министры: Сенпри, Помпиньянъ-Іеремія и прочіе, ожидая съ тоскою что̀ принесетъ имъ время.

Хотя президентъ Мунье и сказалъ Мирабо, что «тѣмъ лучше» и казался спокойнымъ, однако онъ побаивался. Впродолженіи этихъ долгихъ четырехъ часовъ онъ былъ вовсе не въ отличномъ расположеніи духа. Между тѣмъ дѣла шли: «пусть пошлютъ депутацію къ его величеству и пусть онъ соблаговолитъ принять конституцію безъ всякихъ оговорокъ. Принятіе вполовину и съ оговорками не удовлетворитъ ни боговъ, ни людей.»

На всѣхъ лицахъ можно прочесть безпокойство и озабоченность; депутаты шепчутся и печально ходятъ взадъ и впередъ: порядокъ дѣлъ не согласуется съ потребностью времени. Наконецъ чрезъ наружныя двери сталъ слышаться шумъ борьбы и переговоровъ, рѣзкіе споры, крики; все это показываетъ, что часъ насталъ! Теперь уже сталъ слышенъ шумъ толпы, поспѣшные шаги; наконецъ является Малльяръ вмѣстѣ съ депутаціей, состоящей изъ 15 женщинъ, измоченныхъ дождемъ и запачканныхъ грязью. Съ невѣроятной ловкостью

и при помощи всѣхъ сторожей, онъ упросилъ прочихъ остаться наружѣ. Національное собраніе теперь увидитъ лицемъ къ лицу свою великую задачу: преобразующій конституціонализмъ видитъ непреобразованный санкюлотизмъ, который кричитъ: «хлѣба! хлѣба!»

Находчивый Малльяръ превращаетъ бѣшеные крики въ осмысленныя фразы, одной рукой удерживаетъ, другой размахиваетъ, употребляетъ всю свою изворотливость и, хоть онъ и новичекъ въ искусствѣ произносить рѣчи публично, но справляется съ этимъ довольно хорошо. Вслѣдствіе страшной дороговизны хлѣба, говоритъ онъ, депутація парижскихъ гражданъ пришла къ августѣйшему собранію съ просьбой; заговоры аристократовъ слишкомъ очевидны; такъ напримѣръ, за банковый билетъ въ 200 ливровъ подкупили одного мельника не молоть; его имя не было извѣстно Малльяру, но что это фактъ, въ этомъ невозможно сомнѣваться; потомъ, національная кокарда была попрана ногами; существуютъ также или существовали черныя кокарды. Развѣ національное собраніе—надежда всей Франціи—не приметъ всего этого въ свое непосредственное разсмотрѣніе?

И голодныя, неудержимыя вакханки, закричали: «черныя кокарды! хлѣба! хлѣба!» прибавляя: «развѣ народное собраніе не хочетъ сдѣлать этого?»—Да, господа, если нужна была депутація къ его величеству для безусловнаго принятія конституціи, то она необходима еще болѣе вслѣдствіе прискорбнаго положенія Парижа и ради успокоенія подобнаго броженія. Президентъ Мунье спѣшилъ выдти вмѣстѣ съ депутаціей, въ числѣ которой находится многоуважаемая личность

доктора Гильотина. Вице-президентъ остался заниматься очередными дѣлами; Малльяръ останется съ нимъ, чтобы сдерживать женщинъ. Въ 4 ч. пополудни, въ отвратительную погоду, Мунье отправляется.

О благоразумный Мунье, какой вечеръ для твоего послѣдняго политическаго существованія! Лучше было бы для тебя сдѣлаться больнымъ, когда это было еще возможно. Посмотри: вся громадная площадь покрыта толпами измоченныхъ и оборванныхъ женщинъ, всякимъ сбродомъ мужскаго пола съ длинными волосами, вооруженнымъ топорами, заржавленными пиками, старыми ружьями и обдѣланными въ желѣзо палками, на концѣ которыхъ находятся ножи или сабли. Идетъ проливной дождь; лейбъ-гвардейцы разъѣзжаютъ верхомъ, встрѣчаемые свистомъ, раздражая и волнуя толпу, которая разсѣевается въ одномъ мѣстѣ, чтобы сомкнуться въ другомъ.

Безчисленное множество растерзанныхъ женщинъ приступаютъ къ президенту депутаціи съ требованіемъ взять ихъ съ собою. Самъ его величество смотритъ въ окно, не послалъ ли уже онъ спросить ихъ, чего намъ нужно: «хлѣба и говорить съ королемъ», вотъ каковъ былъ отвѣтъ. Двѣнадцать женщинъ, при всеобщихъ восклицаніяхъ, присоединились къ депутаціи и проходятъ вмѣстѣ съ ней по площади между разсѣянными группами толпы, скачущими лейбъ-гвардейцами и подъ проливнымъ дождемъ.

Президентъ Мунье, къ которому такъ внезапно присоединились 12 женщинъ, былъ принятъ за центръ волнующейся толпы. Депутація и его женщины, разсѣянныя лейбъ-гвардейцами, съ трудомъ соединяются другъ съ другомъ по колѣ-

но въ грязи. Наконецъ рѣшетка отворена и депутація съ 12-ю женщинами была впущена: пятеро изъ нихъ увидятъ даже лицо его величества. Такъ пусть же оставшіяся вакханки съ наивозможнымъ терпѣніемъ дожидаются ихъ возвращенія.

ГЛАВА VII.

ВЪ ВЕРСАЛѢ.

Паллада Аѳина, въ лицѣ дѣвицы Теруань, занялась фландрійцами и пѣшими драгунами. Она и нѣсколько другихъ женщинъ, способныхъ къ этому, объѣзжаютъ ряды, шутливо, но съ достоинствомъ разговариваютъ съ ними, обнимаютъ этихъ грубыхъ воиновъ, опускаютъ своими нѣжными руками ружья и карабины: возможно ли, чтобъ мужчина, достойный быть мужчиной, обратилъ оружіе противъ этихъ изнеможенныхъ голодомъ женщинъ-патріотокъ?

Говорятъ, что будто бы у Теруань были мѣшки съ деньгами, которыми она одѣляла фландрійцевъ: откуда она ихъ достала? Къ сожалѣнію нужно сказать: у кого есть мѣшки денегъ, тотъ рѣдко дѣлается бунтовщикомъ. Это клевета приверженцевъ короля. Теруань жила лишь заработанною платою, какъ бѣдная дѣвушка; да, у нея не было денегъ, но за то черные волосы, осанка языческой богини и краснорѣчіе, исходящее прямо отъ сердца.

Въ это время толпами и группами, однѣ за другими, шли люди изъ предмѣстія св. Антонія съ пиками и съ импровизованнымъ оружіемъ; ихъ влекла туда народная idée fixe. Много было привлечено туда и другихъ растрепанныхъ фигуръ, которыя пришли дѣйствовать по тому же побужденію,

сами не зная какъ, или смотрѣть, какъ будутъ дѣйствовать другія. Но чья это фигура, такъ выдающаяся между другими, — фигура, колоссальнаго роста, въ маленькихъ свинцовыхъ латахъ [1]), съ густыми волосами свѣтло-рыжаго цвѣта и съ длинной рыжей бородой, развѣвающеюся по вѣтру? Это Журданъ, не слишкомъ-то честный лошадиный барышникъ; онъ уже не занимается болѣе барышничествомъ, онъ теперь натурщикомъ въ мастерскихъ: сегодня онъ ушелъ отъ дѣла. По требованію художниковъ, онъ отростилъ свою рыжую бороду. Но откуда взялись у него свинцовыя латы! Это навсегда останется загадкою для исторіи. Другого Саула замѣчаемъ мы въ толпѣ: père Adam, какъ называютъ его въ народѣ, намъ извѣстенъ больше подъ именемъ маркиза Saint Hurugе, съ громовымъ голосомъ, герой veto, человѣкъ, который имѣлъ много потерь и заслуживалъ ихъ. Колоссальный маркизъ, недавно выпущенный изъ тюрьмы, философски и не безъ любопытства, смотритъ изъ-подъ своего зонтика на эту сцену. Какъ видно, все здѣсь было перемѣшано между собою, — и люди и вещи: Паллада Аѳина была занята фландрійцами. Патріотическая версальская національная гвардія, оставленая полковникомъ д'Естэнь перешла подъ команду къ своему маіору Лекуантру; лейбъ гвардейцы разъѣзжали на лошадяхъ въ мокрой кожаной аммуниціи и дурномъ расположеніи духа, и ко всему этому волнующееся море раздраженныхъ оборванцевъ, — не предвѣщало ли все это грозныхъ событій?

Вотъ между тѣмъ и двѣнадцать женщинъ-депутатокъ воз-

---

[1]) Weber, 1. 11, p. 185—231.

вращаются изъ дворца, правда, безъ президента Мунье, но блистающія радостію и съ крикомъ: «да здравствуетъ король съ своимъ семействомъ». Повидимому, mes dames, новости хороши? Превосходныя новости! Пять изъ насъ находились въ присутствіи короля, видѣли окружающій его блескъ. Для того, чтобы говорить съ королемъ, мы выбрали эту миньятюрную семнадцатилѣтнюю Луизу Шабруа, занимающуюся скульптурною работой, потому что у нея хорошенькое личико и пріятныя манеры. Его величество какъ ее, такъ и насъ удостоилъ милостивымъ взглядомъ. Даже больше: когда Луизѣ, говорившей съ королемъ, чуть было не сдѣлалось дурно, онъ поддержалъ ее своей королевской рукой и любезно сказалъ: «она стоитъ этого труда». Вотъ, женщины, каковъ король! Его слова были самые успокоительныя: онъ послалъ бы провизіи въ Парижъ, если бы только можно было гдѣ нибудь найти ее; хлѣба будетъ также много, какъ воздуха; мельники станутъ молоть до тѣхъ поръ, пока мельницы будутъ слушаться ихъ, а въ противномъ случаѣ мельникамъ придется худо и все то, что можетъ сдѣлать хорошаго возстановитель французкой свободы, онъ сдѣлаетъ.

Безъ сомнѣнія, новости хороши; но для промокшихъ вакханокъ онѣ ужъ очень невѣроятны! Гдѣ доказательства всего обѣщаннаго? Успокоительныя слова ничто иное, какъ слова; ихъ нельзя превратить въ пищу. О злополучный народъ, обманутый аристократами, которые обольщаютъ даже и твоихъ депутатовъ! Луиза въ его королевскихъ объятіяхъ! Безстыдная дѣвица, ты достойна позорнаго названія! Да, у тебя нѣжное

тѣло, а у насъ оно огрубѣло отъ работы и всё промокло въ то время, пока мы дожидались тебя подъ дождемъ. Тебя дожидается дома не голодный ребенокъ, а только алебастровыя куклы, которыя не могутъ плакать! Измѣнница! На фонарь! И несчастная Луиза Шабруа, хорошенькая, миньятюрная, не смотря на свои крики и просьбы, недавно еще бывшая въ королевскихъ объятіяхъ, чувствуетъ, какъ ей надѣли на шею веревку, каждый конецъ которой держатъ взбѣшенныя амазонки; она была уже на краю погибели, какъ прискакали въ галопъ двое гвардейцевъ, разогнали убійцъ и спасли ее. Двѣнадцать женщинъ, которыя принесли неудовлетворительныя вѣсти, поспѣшно опять идутъ во дворецъ для того, чтобы получить оттуда письменный отвѣтъ. Но вотъ приближается новая толпа вакханокъ подъ предводительствомъ Бруно, волонтера Бастиліи. Имъ тоже хочется проникнуть за рѣшотку большаго двора и посмотрѣть, что тамъ происходитъ. Но терпѣніе человѣка имѣетъ также свои границы, особенно если онъ въ промокшихъ кожанныхъ штанахъ. Лейтенантъ лейбъ-гвардейцевъ де-Савоньеръ наконецъ даетъ волю своему неудовольствію, долго сдерживаемому. Онъ не только разсѣялъ послѣднихъ вакханокъ, но и грозитъ шпагой Бруно и бросается за нимъ въ погоню. Бруно проворно бѣжалъ, однако время отъ времени оборачивался и отбивался своею шпагою. Видя гнѣвъ и побѣду лейтенанта, двое другихъ лейбъ-гвардейцевъ бросились въ погоню и ихъ сабли описывали по воздуху блестящіе круги. Такимъ образомъ бѣдному Бруно ничего не оставалось болѣе, какъ только удвоить быстроту своего бѣга и кричать во все горло: on nous laisse assassiner.

Какой стыдъ! Трое противъ одного! Въ рядахъ Лекуантра слышенъ ропотъ, вскорѣ за нимъ ревъ и наконецъ ружейные выстрѣлы. Г. Савоньеръ поднимаетъ руку, чтобы ударить, но въ это время въ нее попала пуля, пущенная однимъ изъ людей Лекуантра; грозная сабля безвредно падаетъ со звономъ на мостовую. Бруно спасенъ, поединокъ окончился счастливо, но грозные военные крики стали слышаться со всѣхъ сторонъ.

Амазонки отступаютъ; люди изъ предмѣстія св. Антонія заряжаютъ картечью свою пушку; трижды подносятъ они къ ней зажженный фитиль и три раза безъ успѣха, потому что порохъ очень отсырѣлъ; потомъ закричали: «arrêtez, il n'est pas temps encore!» [1]) Господа лейбъ-гвардейцы, вамъ не приказано стрѣлять, а между тѣмъ двое изъ васъ хромаютъ и одна военная лошадь убита. Не лучше ли будетъ вамъ стать внѣ выстрѣла и отретироваться во внутренній дворъ? Ваши огромныя бѣлыя кокарды загрязнены; дай Богъ, чтобы вы ихъ перемѣнили на трехцвѣтныя! Ваша аммуниція измокла, у васъ тяжело на сердцѣ, ступайте и не возвращайтесь!

Лейбъ-гвардейцы дѣйствительно отправляются, сопровождаемые выстрѣлами и стрѣляя сами, однако безъ пролитія крови. Они оставляютъ за собою ужасное негодованіе. Трижды, во время увеличивающейся темноты, видѣли какъ нѣкоторые изъ нихъ появлялись то у того, то у другого входа и каждый разъ ихъ привѣтствовали проклятіями и свистомъ пуль. Лишь кто нибудь изъ нихъ покажется, тотчасъ за нимъ

[1]) Deux amis, T. III, p. 192—201.

устремляется чернь; напр. хотъ этотъ бѣдный г. де Мушетонъ, принадлежащій къ шотландской ротѣ, у котораго убили лошадь; его едва укрыли версальскіе капитаны, когда уже надъ нимъ свистали пули и одна изъ нихъ пробила его шляпу. Наконецъ по высочайшему повелѣнію, лейбъ-гвардейцы, за исключеніемъ небольшого количества, оставшагося на службѣ, изчезли или, лучше сказать, укрылись, при помощи ночнаго мрака, въ Рамбулье [1]).

Теперь замѣтимъ, что и у версальцевъ явилась аммуниція: весь вечеръ чиновникъ не могъ достать ее, пока наконецъ въ эти критическія минуты одинъ патріотъ-подпоручикъ не приставилъ ему колбу пистолета, требуя, чтобы онъ досталъ ее откуда бы то ни было. Аммуниція явилась. Кромѣ того фландрійцы, обезоруженные Палладой Афиной, сказали во всеуслышаніе, что они не будутъ сражаться съ своими соотечественниками и въ залогъ мира обмѣнялись патронами съ версальцами.

Теперь санкюлотизмъ между друзьями, онъ можетъ свободно расхаживать, проклинать лейбъ-гвардейцевъ и горько жаловаться на голодъ.

---

[1]) Weber, ut supra.

ГЛАВА VIII.

ОБЩІЙ ПИРЪ.

Но что жъ такъ медлитъ Мунье? Почему онъ не возвращается съ своей депутаціей? Пробило шесть, пробило семь часовъ, а все нѣтъ Мунье, нѣтъ безусловнаго принятія конституціи. Наконецъ измокшія вакханки не депутаціей, а всей массой вступили въ собраніе, скандалёзно прервали публичныя рѣчи и нарушили ходъ дѣлъ. Малльяръ и вице-президентъ не могли удерживать ихъ, даже львиный голосъ Мирабо только на нѣсколько минутъ укротилъ ихъ, хотя онѣ и отвѣчали ему аплодисментами; время отъ времени онѣ прерывали его рѣчь о возрожденіи Франціи крикомъ: хлѣба! зачѣмъ столько ненужныхъ словъ! Такъ мало чувствительны были эти бѣдныя созданія къ блестящему парламентскому краснорѣчію!

Теперь пронесся слухъ, что стали закладывать королевскія кареты для поѣздки въ Метцъ; королевскія или нѣтъ, но кареты дѣйствительно показались у заднихъ воротъ. Онѣ привезли съ собой письменный указъ изъ версальскаго муниципалитета монархическаго, а не демократическаго. Между тѣмъ версальскіе патрули прогоняютъ ихъ по особенному приказанію предусмотрительнаго Лекуантра. Маіоръ Лекуантръ былъ особенно дѣятеленъ въ эти трудные часы, по-

тому что полковникъ д'Естэнь находится въ Oeil de Boeuf. И притомъ за ратушей, слишкомъ преданной королю, слѣдуетъ смотрѣть зорко: Лекуантръ присутствуетъ въ ратушѣ; онъ же разговариваетъ у рѣшетки большого двора съ швейцарцами и съ лейбъ-гвардейцами; его видятъ также въ рядахъ фландрійцевъ; онъ присутствуетъ и здѣсь и тамъ, старается воспрепятствовать пролитію крови, не даетъ королевской фамиліи убѣжать въ Метцъ, а вакханкамъ разграбить Версаль.

При наступленіи ночи онъ подходитъ къ вооруженнымъ группамъ предмѣстія св. Антонія, которыя съ грознымъ видомъ ходятъ вокругъ залы des Menus. Они принимаютъ его въ полукругъ; дюжина ихъ ораторовъ съ зажженными въ рукахъ фитилями стоитъ позади пушекъ и жерла ихъ обращены на Лекуантра—картина, достойная Сальватора! Онъ спрашиваетъ у нихъ умѣреннымъ, но твердымъ тономъ, чего онѣ требуютъ, подступивши такимъ образомъ къ Версалю? Двѣнадцать ораторовъ отвѣчаютъ не многими, но многозначущими словами: «du pain et la fin des affaires». Что касается до послѣдняго, то ни маіоръ Лекуантръ и никто изъ смертныхъ не можетъ сказать, когда это кончится. Касательно же хлѣба, онъ спрашиваетъ: сколько васъ? Узнавъ, что ихъ шесть сотъ человѣкъ и что для нихъ достаточно по хлѣбу на каждаго, Лекуантръ отправляется въ ратушу за шестью сотнями хлѣбовъ.

Между тѣмъ муниципалитетъ, состоящій изъ приверженцевъ короля, не хочетъ дать хлѣбовъ. Онъ соглашается дать двѣ бочки риса. Теперь вопросъ въ томъ, варенаго дать или

сырого? Когда это было принято, муниципалы изчезли, точно какъ въ воду канули. И такъ, рисъ неявляется; всякая надежда на пищу и насыщеніе потеряна. Развѣ г. Мушетона изъ шотландской роты не ссадили? И вотъ вмѣсто всего другого лежитъ только мертвая лошадь г. Мушетона, распростертая на площади. — Обманутое, голодное предмѣстье св. Антонія бросается на нее, сдираетъ съ нея кожу и съ радостнымъ крикомъ жаритъ на дровахъ изъ палисадовъ, дверей и вообще изъ всего удобосгараемаго, что только могли достать. Прочія шайки этого сброда шатаются всюду, ища, гдѣ бы стащить что нибудь съѣстное. Фландрійцы уходятъ въ казармы; Лекуантръ отправляется къ своимъ Версальцамъ, остается одна только ночная стража, которой было приказано удвоить бдительность.

Такъ наступаетъ ночь, среди тревоги и дождя, ночь замѣчательная, которая едва ли была пережита въ этихъ мѣстахъ съ самой можетъ быть варфоломеевской ночи, когда Версаль, какъ говоритъ Бассомпьеръ, былъ еще ничтожнымъ зàмкомъ. Нужно имѣть лиру Орфея, чтобы водворить порядокъ въ этихъ бѣшенныхъ толпахъ. Кажется все готово кинуться въ разверстую пасть пропасти, какъ во всякомъ распадающемся обществѣ. Самое высокое въ столкновеніи съ самымъ низкимъ: французкій король осажденъ французскимъ сбродомъ, палки, обитыя желѣзомъ, подняты на царскую діадему, но не затѣмъ, чтобы защитить ее! Среди проклятій кровожаднымъ предателямъ лейбъ-гвардейцамъ слышны гнусныя ругательства на королеву.

Трепещущій дворъ смѣняетъ свои рѣшенія, сообразно съ

говоромъ на площади, съ парижскими слухами; цѣлою тучею они приходятъ, то мирныя, то грозныя. Неккеръ и всѣ министры въ совѣщаніи, но безъ всякаго результата. Въ Oeil de boeuf поднимается вихрь перешептываній: «мы отправимся въ Метцъ, нѣтъ! мы не пойдемъ туда». Королевскія кареты снова подъѣзжаютъ къ крыльцу, — на всякій случай; ихъ опять прогоняютъ назадъ патрули Лекуантра. Въ шесть часовъ ничего еще не было рѣшено, даже не рѣшено то, слѣдуетъ ли безусловно принять конституцію.

Въ шесть часовъ! увы, человѣкъ, который въ подобныхъ обстоятельствахъ не можетъ рѣшиться на что нибудь въ шесть минутъ, долженъ отъ всего отказаться; судьба рѣшила за него. Въ это время толпа вакханокъ и санкюлотизмъ толкуютъ съ національнымъ собраніемъ и все болѣе и болѣе приходятъ въ волненіе. Мунье не возвращается; еще не одна сторона не взяла верхъ: власть надъ Франціей въ настоящую минуту въ рукахъ Лекуантра и Малльяра. Итакъ, вотъ горькія послѣдствія отчаянія! они пришли внезапно, но неизбѣжность ихъ давно предвидѣна; только для слѣпыхъ все приходитъ внезапно. Нищета, у которой въ продолженіе многихъ вѣковъ не было ни ораторовъ, ни заступниковъ, теперь сама будетъ заботиться о себѣ, сама говорить за себя. Конечно, она заговоритъ на самомъ грубомъ діалектѣ, но можетъ ли быть иначе?

Въ восемь часовъ приходитъ въ собраніе докторъ Гильотинъ, объявляя, что депутація скоро прибудетъ, и есть надежда на безусловную акцептацію. Онъ самъ приноситъ королевское письмо, которымъ не только позволяется, но и при-

казывается самая свободная раздача хлѣба. Этому письму съ восторгомъ рукоплещетъ толпа вакханокъ. Собраніе тотчасъ дѣлаетъ сообразное съ нимъ постановленіе, которое точно также было встрѣчено бѣшеными рукоплесканіями вакханокъ. Не можетъ ли августѣйшее собраніе взять на себя «назначить цѣну хлѣба по 8 су за 4 фунта, а говядины по 6 су за фунтъ? Таково было предложеніе, сдѣланное множествомъ лицъ мужескаго и женскаго пола, которыхъ Малльяръ не могъ болѣе удерживать. Малльяръ не всегда былъ остороженъ въ своихъ выраженіяхъ; но когда его порицаютъ онъ всегда умѣетъ оправдать себя особенностію обстоятельствъ [1].

Наконецъ, постановленіе было выслушано, но безпорядокъ продолжался; члены собранія одинъ за другимъ стали выходить, а президентъ Мунье все еще не является; что же могъ сдѣлать вице-президентъ, какъ не уйти въ свою очередь? Подъ вліяніемъ его примѣра собраніе изчезаетъ, in deliquium, или, выражаясь оффиціальнымъ языкомъ, откладываетъ засѣданіе. Мальяръ былъ посланъ въ Парижъ съ декретомъ о хлѣбѣ; вмѣстѣ съ нѣсколькими женщинами онъ отправился туда въ королевскихъ каретахъ. Хорошенькая Луиза Шабрэ также отправилась въ Парижъ, съ письменнымъ отвѣтомъ, за которымъ ходили 12 депутатокъ-вакханокъ. Бѣдная Сильфида, по страшной грязи, съ разстроенными нервами, она шла чрезвычайно медленно, какъ и всѣ въ этотъ день и по этой же дорогѣ.

Ни президентъ Мунье, ни вѣсть о безусловной акцептаціи не пришли еще, хотя съ тѣхъ поръ протекло 6 часовъ со

[1]) Monit. Histoire parlem. t. III, p. 105.

всевозможными произшествіями, хотя курьеръ за курьеромъ приносятъ извѣстіе, что приближается Лафайэтъ. Миръ или войну несетъ онъ?

Наконецъ, послѣ стольких ожиданій, прибылъ съ тріумфомъ радостный Мунье, а съ нимъ съ такимъ трудомъ добытая акцептація, которая теперь, увы! мало имѣетъ цѣны. Представьте же изумленіе Мунье, когда онъ увидѣлъ, что сенатъ, который онъ хотѣлъ порадовать безусловной акцептаціей, изчезъ, а на мѣстѣ его новый сенатъ, состоящій изъ вакханокъ! Какъ обезьяна Эразма пародировала его, когда онъ брилъ свою бороду, также и наши амазонки пародировали замѣшательство національнаго собранія. Онѣ дѣлали движенія, произносили рѣчи, подавали голоса въ пользу рѣшеній, все это производило, по крайней мѣрѣ, шумный смѣхъ. Трибуны, равно какъ и скамьи, заняты; дюжая торговка сидитъ на креслѣ президента Мунье. Не безъ труда, при помощи сторожей и убѣдительныхъ просьбъ, Мунье разчищаетъ себѣ дорогу къ президенту-женщинѣ. Но дюжая поассардка, прежде чѣмъ уступила ему мѣсто, объявляетъ, что она и весь сенатъ, состоящій изъ мужскаго и женскаго пола, сильно страдаютъ отъ голода; ибо, много ли значитъ одна жареная лошадь для такого множества ртовъ?

Въ этихъ обстоятельствахъ, умный Мунье рѣшается на два средства: при помощи барабановъ опять созвать членовъ собранія и разомъ добыть провіанта. Отправлено приказаніе ко всѣмъ булочникамъ, поварамъ, пирожникамъ, виноторговцамъ и трактирщикамъ; барабаны бьютъ, сопровождаемые по всѣмъ улицамъ шумными прокламаціями. Наконецъ явля-

ются члены собранія и, что всего лучше. провизія; ее несутъ въ корзинахъ, везутъ на телѣжкахъ, несутъ и хлѣбъ и вино и большое количество колбасъ. Лакомыя корзины дружелюбно обходили кругомъ скамеекъ [1]).

Мало по малу около сотни членовъ собралось вокругъ кресла Мунье и вакханки пропустили ихъ. Они слушаютъ чтеніе о безусловной акцептаціи, и потомъ, слѣдуя обычному порядку, переходятъ къ преніямъ объ уголовномъ кодексѣ. Всѣ скамейки загромождены; темныя галлереи, которыя казались еще темнѣе отъ волнъ растрепанныхъ волосъ, блистали импровизированными алебардами [2]). Ровно 5 мѣсяцевъ тому назадъ, въ этотъ самый день, тѣ же самыя галлереи были наполнены красавицами въ перьяхъ и драгоцѣнныхъ камняхъ, а теперь? Вотъ до чего довело Францію возрожденіе. Кажется, что болѣзни рожденія однѣ изъ самыхъ ужасныхъ! Толпа вакханокъ не можетъ воздержаться отъ кой-какихъ замѣчаній и спрашиваетъ: «къ чему уголовные законы? для насъ самое необходимое теперь—хлѣбъ.» Мирабо оборачивается, начинаетъ говорить громовымъ голосомъ; вакханки аплодируютъ ему и опять начинаютъ свое.

И такимъ-то образомъ проходитъ эта ночь: одни жуютъ жесткую колбасу, другіе толкуютъ объ уголовныхъ законахъ. Каковъ-то будетъ исходъ? Сперва долженъ прибыть Лафайэтъ съ своими 30-ю тысячами; онъ не можетъ быть далеко, его, какъ посланника небесъ, ожидаютъ всѣ.

---

[1]) Deux amis, t. III. p. 208.

[2]) Courier de Province, Journal de Mirabeau, p. 50, p. 19.

ГЛАВА IX.

ЛАФАЙЭТЪ.

Около полуночи засверкали огни на холмѣ; это огни Лафайэта. Звуки его барабаннаго боя долетаютъ до версальской аллеи. Война, или миръ? Терпѣніе, друзья! Ни то, ни другое. Лафайэтъ прибылъ, но катастрофа еще не наступала.

Онъ во время своего шествія столько разъ останавливался, столько говорилъ рѣчей, что шелъ 4 лье въ продолженіи 9-ти часовъ. Въ Монтрелѣ, около Версаля, все войско должно было остановиться, и тамъ, въ глубокую ночь, подъ дождемъ, торжественно поднявши правую руку, поклясться, что пощадитъ жилище короля, что будетъ вѣрно королю и національному собранію. Весь ихъ гнѣвъ изчезъ во время этого долгаго и труднаго похода; одежда промокла и жажда мщенія подавлена усталостью. Фландрійцы опять подъ ружьемъ; но они сдѣлались на столько патріотами, что не чувствуютъ болѣе необходимости истреблять. Измученные батальоны сдѣлали привалъ въ аллеѣ. Въ настоящую минуту они имѣли сильную потребность только въ отдыхѣ и убѣжищѣ.

Печаленъ Мунье, печаленъ также и дворъ. Посланный отъ двора приглашаетъ Мунье придти туда какъ можно скорѣй съ новой депутаціей, хоть для того, чтобъ по крайней мѣрѣ

погоревать вмѣстѣ. Въ это время Мунье посылаетъ извѣстить генерала, что его величество соблаговолилъ согласиться на безусловное принятіе конституціи. Генералъ, приближаясь съ передней колонной, говоритъ въ отвѣтъ нѣсколько учтивыхъ, но неопредѣленныхъ словъ президенту, и потомъ направляется ко дворцу. Съ нимъ два парижскихъ муниципала, выбранные изъ трехсотъ на этотъ случай. Запертыя засовами и замками двери отворились и они вошли въ самую пріемную королевскую комнату.

Всѣ придворные мужскаго и женскаго пола тѣснились около Лафайэта и хотѣли прочесть свою судьбу на его лицѣ, которое, какъ говорятъ историки, представляло собою странную смѣмь «печали, усердія и мужества» [1]). Король съ Monsieur, съ министрами и маршалами дожидался его. Съ рыцарскимъ порывомъ онъ сказалъ: «Я пришелъ положить голову за безопасность его величества.» Два совѣтника изъявляютъ желанія Парижа: четыре пункта весьма мирнаго свойства. Во-первыхъ, чтобъ честь защищать его царственную особу была предоставлена національной гвардіи, то есть центральнымъ гренадерамъ, которые, какъ французская гвардія, привыкли къ этой привилегіи; во-вторыхъ, чтобъ какъ можно болѣе собрали провизіи; въ третьихъ, чтобъ къ политическимъ преступникамъ, которыми наполнены тюрьмы, были посланы судьи; въ четвертыхъ, не соблаговолитъ ли его величество возвратиться на жительство въ Парижъ? На всѣ эти желанія, исключая четвертаго, его величество отвѣчалъ не колеблясь: да. На четвертое онъ могъ отвѣтить да или нѣтъ; но какъ охотно

---

[1]) Mémoires dm. le comte de Lally-Tollendal (janvier 1790), p. 161—165.

отвѣтилъ бы онъ и да и нѣтъ! Во всякомъ случаѣ, не вполнѣ ли миролюбивы ихъ требованія? Еще осталось время для размышленія. Самая большая опасность, повидимому, миновала.

Лафайэтъ и Эстэнь поставили стражу; центральные гвардейцы должны были опять занять караульню, которую они прежде занимали, какъ французская гвардія, потому что большая часть безразсудныхъ лейбъ-гвардейцевъ, занимавшихъ ее въ послѣднее время, отправилась въ Рамбулье. Таковы были распоряженія на ночь; онѣ были на столько дурны, что могли надѣлать много зла. Затѣмъ Лафайэтъ и оба муниципала удалились.

Свиданіе было такъ непродолжительно, что Мунье съ депутаціею не успѣлъ прибыть туда. Тѣмъ неменѣе оно было удовлетворительно. У всѣхъ гора свалилась съ плечъ. Придворныя дамы публично объявляютъ, что, какъ не противенъ Лафайэтъ, но на этотъ разъ онъ былъ ихъ спасителемъ; это признаютъ старыя брюзгливыя старухи, тетки короля, Грель и королева Марія съ сестрами—наши старыя знакомыя. Королева Антуанета нѣсколько разъ повторяла то же самое. Только въ ней одной изъ всѣхъ женщинъ и мужчинъ сохранились въ эти дни твердость духа, спокойствіе, достоинство и рѣшительность. Она одна ясно сознавала, что хочетъ дѣлать, и только дочь Маріи-Терезіи смѣетъ такъ поступать, какъ хочетъ, хотя бы вся Франція угрожала ей: оставаться съ своими дѣтьми и мужемъ.

Къ тремъ часамъ утра все устроилось: стража разставлена, центральные гренадеры помѣстились въ своей прежней караульнѣ и ихъ уже привѣтствуютъ; привѣтствуютъ также

швейцарцевъ и небольшой остатокъ лейбъ-гвардейцевъ. Усталые парижскіе батальоны, съ довѣріемъ къ гостепріимству Версаля, расположились на тѣхъ ночлегахъ, какіе могли найти — въ казармахъ, въ кофейныхъ, въ пустыхъ церквахъ. Часть изъ нихъ на пути къ церкви св. Лудовика нарушила тревожный сонъ бѣднаго Вебера, въ улицѣ Сартори. У Вебера цѣлый день карманъ жилета былъ наполненъ пулями (двумя сотнями пуль и двумя пороховницами). Тогда жилеты были не что иное, какъ камзолы и доходили до половины лядвей. Вотъ сколько пуль было у него цѣлый день, но онъ не имѣлъ случая употребить ихъ въ дѣло: теперь онъ переворачивается на другой бокъ, проклиная подлыхъ разбойниковъ, и, произнесши одну или двѣ молитвы, снова засыпаетъ.

Наконецъ національное собраніе выслушиваетъ рѣчь, потомъ по предложенію Мирабо останавливаетъ пренія объ уголовномъ кодексѣ и расходится на ночь. Толпа вакханокъ и санкюлотизмъ пріютились въ караульняхъ у веселаго комелька, въ казармахъ у фландрійцевъ, въ церквахъ, присутственныхъ мѣстахъ, въ будкахъ, вездѣ, гдѣ только бѣдные могутъ найти убѣжище. Шумный день утихъ наконецъ; убитыхъ, исключая лошади, не было! Весь безпорядокъ возмущенія утихъ около дворца, какъ океанъ вокругъ водолазнаго колокола, въ которомъ пока еще незамѣтно никакой опасной трещины.

Глубокій сонъ равномѣрно овладѣваетъ и великими міра сего и малыми, заставляя забыть все, даже гнѣвъ и голодъ Мракъ покрываетъ землю; но далеко на сѣверовостокѣ Парижъ блещетъ еще своими яркими огнями въ самую темную

и дождливую ночь: тамъ, какъ и въ прошедшія іюльскія ночи, все освѣщено; улицы пусты; вслѣдствіе военной тревоги муниципальные совѣтники всѣ на ногахъ; патрули перекликаются хриплыми голосами: кто идетъ? Въ эту-то самую минуту приходитъ бѣдная Луиза Шабруа, ея нервы совсѣмъ разстроены; туда же долженъ прибыть и Малльяръ въ четыре часа утра. Они приносятъ одинъ за другимъ успокоительныя новости, какія только могутъ, и на разсвѣтѣ ратуша сообщаетъ о нихъ публикѣ посредствомъ вывѣшенныхъ печатныхъ объявленій.

Лафайэтъ, переставшій произносить рѣчи, находится теперь въ отели Ноэль, недалеко отъ дворца, и совѣщается со своими офицерами: въ пять часовъ единогласнымъ рѣшеніемъ признается, что для человѣка, который мучился въ продолженіи слишкомъ цѣлыхъ сутокъ, самое лучшее теперь броситься въ постель и хоть немного отдохнуть.

Такъ кончилось первое дѣйствіе женскаго возстанія; что-то скажетъ слѣдующій день? Но слѣдующій день, какъ всегда, находится во власти судьбы. Можно надѣяться, что его величество согласится честью прибыть въ Парижъ; во всякомъ случаѣ онъ можетъ заглянуть въ него. Антинаціональные лейбъ-гвардейцы должны и здѣсь и вездѣ принять національную присягу и возстановить трехцвѣтную кокарду; фландрійцы присягнутъ; много будетъ присягъ, много публичныхъ рѣчей и такимъ образомъ, съ помощью рѣчей и обѣтовъ, все устроится надлежащимъ образомъ.

Или, увы! можетъ быть все пойдетъ иначе? Согласіе будетъ недобровольное, а вынужденное. Необъятный хаосъ мя-

тежа покоится около дворца, объятый сномъ, подобно океану вокругъ водолазнаго колокола, и можетъ проникнуть сквозь каждую его скважину. О, если бы только эта скопившаяся громада могла найти тудадоступъ; тогда произошло бы страшное наводненіе или, лучше сказать, это походило бы на горячій самъ собою воспламеняющійся токъ, подобно извѣстному току Спинозы Сантерра, состоящему изъ скипидара и фосфора.

ГЛАВА X.

LES GRANDES ENTREES.

Едва спустилось надъ Версалемъ сумрачное, холодное и туманное утро, какъ судьбѣ угодно было, чтобъ одинъ лейбъ-гвардеецъ выглянулъ изъ окошка на правый флигель дворца, посмотрѣть какой видъ имѣло небо и земля. Онъ увидѣлъ толпу шатающихся мужчинъ и женщинъ. Очень естественно, что тощій желудокъ дѣлаетъ его угрюмымъ и, по всей вѣроятности, ему было трудно не послать имъ, мимоходомъ, проклятіе или, по крайней мѣрѣ, не отвѣтить на проклятіе, посланное ему.

Худыя слова производятъ худшія, пока наконецъ явится такое, за которымъ быстро слѣдуетъ худое дѣло. Нужно ли договаривать, что ругавшійся лейбъ-гвардеецъ, получивши въ отвѣтъ на свои ругательства еще сильнѣйшія, зарядилъ ружье и грозилъ выстрѣлить и даже выстрѣлилъ въ самомъ дѣлѣ? Такъ разсказываютъ объ этомъ произшествіи; намъ кажется это невѣроятнымъ. Какъ бы тамъ ни было, чернь, которой угрожали, презирая угрозы, начинаетъ съ криками потрясать рѣшетки; одна изъ нихъ подалась (говорятъ, что она держалась только на простой цѣпочкѣ) и чернь съ ревомъ бросилась на большой дворъ.

Тогда ругавшійся лейбъ-гвардеецъ дѣйствительно выстрѣ-

лилъ, а вмѣстѣ съ нимъ и другіе лейбъ-гвардейцы; одному человѣку раздробили руку. Лекуантръ доложилъ [1], «что нѣкто безоружный Кардинъ, изъ національной гвардіи, былъ убитъ кинжаломъ.» Но вотъ что вѣрно, бѣдный Жеромъ Леритье, изъ національной гвардіи, также безоружный искусный столяръ, сынъ парижскаго сѣдельника, съ едва пробивающимся пушкомъ на подбородкѣ, убитый грянулся на мостовую, плавая въ крови, съ размозженной головой. Дикій свирѣпый вой оглашаетъ воздухъ — вой состраданія и безпощадной мести. Въ нѣсколько минутъ рѣшетка внутренняго двора, называемаго мраморнымъ, была взломана, толпа наводнила мраморный дворъ и тотчасъ по большой лѣстницѣ и по всѣмъ другимъ лѣстницамъ и входамъ ринулся этотъ живой потопъ. Дебютъ и Вариньи, двое часовыхъ, были раздавлены подъ ногами и пронзены сотнею пикъ. Женщины берутъ сабли и бѣгутъ какъ фуріи; другіе несутъ трупъ Жерома и кладутъ его на мраморныя ступени. Тамъ должно заговорить его посинѣлое лицо, размозженная голова и уста, умолкнувшія на всегда.

Горе теперь лейбъ-гвардейцамъ! ни одному изъ нихъ нѣтъ пощады! Міомандръ де Сентъ-Мари, сойдя со ступени главной лѣстницы, обращается съ кроткими рѣчами къ этому ревущему водовороту; но товарищи, схвативши его за его аммуницію, силою заставляютъ его вернуться, буквально вырывая такимъ образомъ изъ пасти смерти. Они затворяютъ за нимъ дверь, которая скоро подается, доски летятъ какъ щепки. Баррикады не помогаютъ; бѣгите скорѣй несчастные

[1]) Deposition de Lecoinre, Histoire parlementaire, t. III, p. 111—115.

лейбъ-гвардейцы: бѣшеное возмущеніе, подобно адской сворѣ, съ воемъ бѣжитъ по вашимъ слѣдамъ!

Пораженные ужасомъ гвардейцы убѣгаютъ, запирая за собою засовы и дѣлая баррикады; свора постоянно преслѣдуетъ ихъ изъ комнаты въ комнату. Горе имъ! Вотъ они входятъ въ покои королевы, въ самой отдаленной изъ нихъ королева еще спитъ. Пятеро часовыхъ стучатъ въ сосѣднюю дверь королевской спальни и громкимъ голосомъ кричатъ: «спасайте королеву». Трепещущія женщины со слезами на глазахъ бросаются передъ ними на колѣни: «мы умремъ, отвѣчаютъ они, но вы спасите королеву!»

Не бойтесь женщины, но торопитесь, потому что еще другой крикъ: «спасайте королеву» доносится снаружи, и дверь заперта. Это предостереженіе было сдѣлано голосомъ храбраго Міомандра, который ради его подвергался неминуемой смерти; произнося его, онъ былъ лицомъ къ лицу со смертію. Храбрый Тардевиль де Реперъ, другой принявшій участіе въ этомъ отчаянномъ дѣлѣ, былъ опрокинутъ копьями; товарищи съ трудомъ выхватили его еще живаго.

Пусть имена двухъ этихъ храбрецовъ Міомандра и Тардевиля долго живутъ въ памяти людей, какъ достойны того имена храбрыхъ!

Дрожащія придворныя дамы, изъ которыхъ одна слышала и видѣла Міомандра, поспѣшно одѣваютъ королеву, конечно, не въ парадное платье. Спасаясь, она бѣжитъ чрезъ l'oeil de boeuf, къ главному выходу котораго приступили бунтовщики. Она въ покояхъ короля,—въ его объятіяхъ; она сре-

ди немногихъ оставшихся ей вѣрными, прижимаетъ къ груди своей дѣтей. Ея королевская грудь надрывается отъ материнскихъ рыданій: «о, друзья мои, спасите меня и моихъ дѣтей!» Шумъ отъ разрушительныхъ ударовъ топора бунтовщиковъ громко раздается по l'oeil de boeuf. Какая минута!

Да, друзья мои, минута ужасная, отвратительная, равномѣрно постыдная и для правителей и для управляемыхъ, — минута, въ которую правители и управляемые свидѣтельствуютъ о прекращеніи своихъ отношеній. Ярость, кипѣвшая послѣднія сутки въ двадцати тысячахъ сердецъ, наконецъ вспыхнула: трупъ Жерома игралъ при этомъ роль фитиля. То былъ, какъ мы сказали, взрывъ сильной страсти, трескъ котораго раздался во всѣхъ корридорахъ и всѣхъ выходахъ.

Въ это время лейбъ-гвардейцы, на которыхъ поднялась травля, скрылись въ l'oeil de boeuf, тамъ они могли умереть на порогѣ покоевъ короля: защитить его они не имѣли надежды. Они нагромоздили табуретовъ, скамей и всякой мебели около двери, въ которую стучали топоры бунтовщиковъ.—Не погибъ ли храбрый Міомандръ, не погибъ ли у наружной двери покоевъ королевы? Нѣтъ, онъ былъ опрокинутъ, изувѣченъ, брошенъ замертво; но, не смотря на это, онъ дотащился до l'oeil de boeuf и будетъ жить, пользуясь почетомъ вѣрной Франціи.

Бѣдные гвардейцы съ своими пирами Тіеста! Къ счастію еще для нихъ, у бунтовщиковъ были только копья и топоры, но не было осадныхъ орудій. Шумъ увеличивается, двери дрожатъ подъ ударами. Погибнутъ ли всѣ жалкимъ образомъ вмѣстѣ съ королевскою властью? Дебютъ и Вариньи,

которыхъ убили при первомъ вторженіи, были обезглавлены на мраморномъ дворѣ; то была жертва, принесенная тѣни Жерома; рыжебородый Журданъ, охотно исполнилъ это и спросилъ, нѣтъ ли еще такого дѣла. Другого плѣннаго водили съ пѣніемъ и ревомъ вокругъ трупа; ужъ не засучить ли Журдану опять свои рукава?

Внутри двора шумъ мятежа постоянно возрастаетъ; не имѣя возможности убивать, толпа грабитъ; все громче и громче стучатся въ l'oeil de boeuf; что̀ можетъ помѣшать ей вломиться туда? Вдругъ все стихаетъ, громъ отъ ударовъ топора прекращается. Дикое смятеніе, крики ослабѣваютъ, наступаетъ молчаніе, потомъ слышенъ шумъ мѣрныхъ шаговъ, и нѣсколько мирныхъ ударовъ въ дверь: «мы центральные гренадеры, старая французская гвардія, отворите намъ, господа лейбъ-гвардейцы, мы не забыли, что вы насъ спасли при Фонтенуа» [1]). Дверь отворяется, входитъ капитанъ Жандронъ съ центральными гренадерами и начинаются радостныя привѣтствія.

Странны сыны Адама! Центральные гренадеры пришли истребить гвардейцевъ, а теперь бросились спасать ихъ отъ истребленія. Воспоминаніе объ общей опасности, о помощи давно полученной, смягчаетъ грубыя сердца; солдаты обнимаютъ теперь другъ друга. На минуту король показывается въ дверяхъ своей комнаты, и говоритъ: «пощадите мою гвардію»; мы будемъ братьями, отвѣчаетъ капитанъ Жандронъ, и потомъ впереди поднятыхъ штыковъ устремляется очищать дворецъ.

---

[1]) Toulongeon, t. I, p. 244.

Теперь является Лафайэтъ, внезапно воспрянувшій, но не отъ сна (потому что онъ не сомкнулъ еще глазъ); его красноречіе страстно, его воинскіе приказы кратки и ясны. Національная гвардія, пробужденная трубами и барабаннымъ боемъ, также является на мѣсто. Убійства прекращаются, первоначальное пламя возстанія, доходившее до неба, утихаетъ; возстаніе не потухло, но горитъ теперь безъ особенно яркаго блеска, какъ уголья, но горитъ неугасимо. Покои короля въ безопасности; министры, оффиціальныя лица и даже нѣкоторые преданные королю депутаты собираются около ихъ величествъ. Ужасъ уменьшается постепенно среди рыданій и замѣшательства; его замѣняютъ приказанія и проекты, болѣе или менѣе благаразумные.

Теперь взгляните сверху изъ королевскихъ оконъ; вы видите бушующее море, состоящее изъ человѣческихъ головъ; оно наводняетъ всѣ дворы, волнуется во всѣхъ пассажахъ; увидите вакханокъ-женщинъ, бѣшенныхъ мужчинъ, воспламененныхъ местью, жаждою зла и грабежа! Чернь сбросила съ себя всякую узду и лаетъ своей тризевной пастью, подобно адскому псу. Четырнадцать гвардейцевъ ранено; двое убиты и, какъ мы уже сказали, обезглавлены. Журданъ кричитъ: «стоило ли приходить изъ такой дали только для двухъ какихъ-то несчастныхъ, Дебюта и Вариньи». Дѣйствительно, жалкая ихъ участь. Они внезапно унесены въ пропасть, схваченные лавиною, которую толкнули другіе. Когда въ послѣдній разъ били дворцовые часы, оба они шли, едва передвигая ноги, съ ружьями на плечахъ, въ ожиданіи, когда пробьетъ другой часъ; онъ пробилъ, но они не слыхали его; ихъ тѣ-

ла лежали изувѣченныя; ихъ головы торжественно несли на двадцатифутовыхъ пикахъ по версальскимъ улицамъ. Вскорѣ послѣ полудня они достигли парижскихъ заставъ—явленіе, представляющее страшный контрастъ съ большими успокоительными афишами!

Другой плѣнный лейбъ-гвардеецъ, при воплѣ, напоминающемъ военные крики индѣйцевъ, бѣгаетъ кругомъ трупа Жерома; кровожадный Журданъ, съ засученными рукавами, уже замахнулся своимъ окровавленнымъ топоромъ, какъ вдругъ является Жандромъ съ гренадерами: «товарищи, говоритъ онъ, неужели вы будете смотрѣть хладнокровно какъ убьютъ этого человѣка?» «Прочь, мясникъ!» закричали гренадеры, и бѣдный лейбъ-гвардеецъ спасенъ. Жандромъ въ страшной дѣятельности, равно какъ и его гвардейцы и офицеры; они очищаютъ всѣ коридоры, разгоняютъ грабящихъ негодяевъ и очищаютъ дворецъ. Грозная рѣзня прекращается. Тѣло Жерома перенесено въ ратушу для слѣдствія; пылъ возстанія мало-по-малу превращается въ умѣренный жаръ, съ которымъ еще можно справляться.

Смотря въ даль чрезъ это море человѣческихъ головъ, можно было видѣть, какъ простой народъ разъѣзжаетъ на лошадяхъ изъ королевской конюшни. Это хищники; патріотизмъ часто въ извѣстной пропорціи оскверняется ворами и плутами. Жандромъ отнялъ у нихъ то, что они награбили во дворцѣ; они бросились въ конюшни за лошадьми. Но благородные кони Діомеда, говоритъ Веберъ, презирали такую противную ношу и, поднявши свои королевскія бедра, вскорѣ сбросили съ себя этихъ мошенниковъ, при всеобщемъ взрывѣ смѣха, и

были пойманы. Національная гвардія, сѣвшая на лошадей, овладѣла остальными.

Теперь вспыхнули послѣднія искры этикета, который не хотѣлъ безслѣдно погибнуть среди этого свѣтопреставленія. Когда Лафайэтъ въ эти ужасныя минуты бросился во внутреннія покои короля, одинъ церемоніймейстеръ (можно думать, что это не былъ Брезе) сказалъ ему: «Monsieur, le roi vous accorde les grandes entrées»; онъ не имѣлъ возможности отказать ему въ этомъ [1]).

---

[1]) Toulongeon. I, Opp. 120.

ГЛАВА XI.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ИЗЪ ВЕРСАЛЯ.

Парижская національная гвардія, съ ружьемъ въ рукахъ, очистила дворецъ; она заняла даже ближайшіе внѣшніе посты; пестрая толпа патріотовъ была вытѣснена на большой и даже передній дворъ.

Теперь лейбъ-гвардейцы надѣли на себя національные цвѣта; они подошли къ окнамъ, вышли на балконъ и подняли свои шапки. На каждой была трехцвѣтная кокарда; въ знакъ покорности они сняли перевязь и закричали: «да здравствуетъ нація!» на что великодушныя сердца не могли иначе отвѣтить, какъ: «да здравствуетъ король! да здравствуютъ лейбъ-гвардейцы!» Самъ король вмѣстѣ съ Лафайэтомъ появился на балконѣ; его привѣтствовали криками: «vive le roi!» вылетавшими изъ устъ всей толпы; однако слышатся и такіе крики: «le roi à Paris!»

И королева, несмотря на опасность, показалась на балконѣ; она вышла туда съ сыномъ и дочерью. «Не нужно ребятъ!» кричатъ грубые голоса. Она бережно удаляетъ дѣтей, стоитъ одна, скрестивъ руки на груди: «хотя бы стоило это жизни, я останусь», сказала она. Такое героическое спокойствіе произвело свое дѣйствіе. Находчивый Лафайэтъ съ ловкостью и чувствомъ рыцаря взялъ прекрасную руку королевы, почтительно склонился на колѣни и поднесъ ее къ своимъ устамъ. «Да здравствуетъ королева», вскричалъ народъ. Бѣд-

ный Веберъ видѣлъ или, скорѣй, ему представилось (потому что едва только треть его показаній объ этихъ лихорадочныхъ дняхъ можетъ выдержать строгій анализъ), что онъ видѣлъ, какъ одинъ изъ разбойниковъ, съ намѣреніемъ или безъ намѣренія выстрѣлить, прицѣлился въ королеву, но другой съ негодованіемъ заставилъ его опустить ружье.

Такимъ образомъ всѣ, сама королева и даже, что еще удивительнѣй, капитанъ лейбъ-гвардейцевъ, сдѣлались патріотами. Этотъ же самый капитанъ выходитъ теперь вмѣстѣ съ Лафайэтомъ. На шляпѣ раскаявающагося грѣшника видна огромная трехцвѣтная кокарда, величиною въ подсолнечникъ или въ тарелку, которая навѣрно была видна съ самаго отдаленнаго конца перваго двора. Снявши свою шляпу, громкимъ голосомъ присягаетъ онъ націи въ вѣрности; видя это, вся армія снимаетъ свои шапки и съ громкими восклицаніями надѣваетъ ихъ на свои штыки. Примиреніе сладостно для сердца человѣческаго! Лафайэтъ привелъ къ присягѣ фландрійцевъ и прочихъ лейбъ-гвардейцевъ: народъ обнимается съ ними: «братья, зачѣмъ принуждали вы насъ драться съ вами?» Мы встрѣчаемъ васъ съ такою же радостью, какъ встрѣчаютъ возвратившагося блуднаго сына?» Бѣдные лейбъ-гвардейцы, сдѣлавшіеся теперь патріотами и трехцвѣтными, мѣняются и шапками и оружіемъ. Теперь между ними будетъ миръ и братская дружба. Между тѣмъ крикъ: «vive le roi и le roi à Paris!» продолжается; онъ вылетаетъ изъ устъ всѣхъ. Таково было единодушное желаніе всего народа.

Да, короля въ Парижъ! Какъ же иначе? Министры могутъ совѣщаться, національные депутаты качать головою; но дру-

гого выбора не остается. Вы его принудили отправиться туда добровольно. «A une heure!» Лафайэтъ увѣряетъ ихъ въ этомъ громкимъ голосомъ и мятежная толпа принимаетъ это увѣреніе съ неистовыми восклицаніями и выстрѣлами изъ всѣхъ огнестрѣльныхъ орудій, находящихся въ ея распоряженіи.

Съ тѣхъ поръ опустѣлъ и замолкъ версальскій дворецъ. Пространные дворы заросли травой; кромѣ мальчика садовника никто не посѣщаетъ ихъ. Годы и поколѣнія слѣдуютъ одни за другими и изчезаютъ въ вѣчности. И у зданій, и у основателей зданій, у каждаго своя судьба!

Итакъ, теперь будутъ три партіи: національное собраніе, національная толпа и національное правительство и у всѣхъ оживленная лихорадочная дѣятельность. Чернь веселилась, женщины одѣвались въ трехцвѣтныя одѣянія. Заботливый Парижъ послалъ своимъ мстителямъ телѣги съ хлѣбомъ, которыя были приняты съ восклицаніями и опустошены съ благодарностію. Мстители въ свою очередь обыскали хлѣбные магазины и нагрузили пятьдесятъ телѣгъ найденнымъ тамъ хлѣбомъ. Такимъ образомъ національный король, какъ истинный предтеча всевозможныхъ благъ, долженъ былъ первый привезти вмѣстѣ съ собою и изобиліе.

Такимъ образомъ санкюлоттизмъ сдѣлалъ короля своимъ плѣнникомъ. Монархія пала, и увы! не со славою, а постыдно, не безъ борьбы, но борьба была ведена неискусно: силы тратились въ порывахъ и пароксизмахъ. Послѣ каждаго припадка она находилась въ печальномъ положеніи еще болѣе чѣмъ прежде. Такимъ образомъ картечный залпъ Брогли, который могъ бы имѣть какое нибудь значеніе, перешелъ въ

звонъ бутылокъ на оперномъ обѣдѣ, съ его трагическимъ «o Richard! o mon roi!» а отсюда произойдетъ заговоръ Фавра, результатомъ котораго будетъ повѣшанный рыцарь.

Національное собраніе объявило въ это утро, что оно неразлучно съ его величествомъ и послѣдуетъ за нимъ въ Парижъ, но при этомъ встрѣтилось одно неудобство, именно слабое здоровье большинства. Послѣ 14-го іюля у почтенныхъ членовъ была замѣтна нѣкоторая хворость; большая часть изъ нихъ выпросила себѣ паспорты, по причинѣ разстроеннаго здоровья. Въ этотъ и послѣдующіе дни свирѣпствовала настоящая эпидемія; президентъ Мунье, Лалли-Толендаль, Клермонъ-Тоннеръ и всѣ конституціонные роялисты, приверженцы двухъ палатъ, почувствовали необходимость въ перемѣнѣ воздуха; еще прежде то же самое случилось съ роялистами, противниками вообще всякихъ палатъ.

Начинается другая эмиграція, весьма распространенная между дворянами, духовенствомъ, и среднимъ сословіемъ, такъ что въ одну Швейцарію отправляется шестьдесятъ тысячъ. Эмигранты возвратятся въ день суда и конечно встрѣтятъ горячій пріемъ. Непрерывная эмиграція составляетъ особенность Франціи; она основывается то на разумномъ опасеніи, то на безумныхъ надеждахъ и больше всего на ребяческомъ капризѣ. Бѣглецы высшаго полета отправились первые; теперь отправляются болѣе скромные, а вскорѣ будутъ эмигрировать и самые послѣдніе пресмыкающіеся.

Но вотъ еще вопросъ: видѣли ли Филиппа Орлеанскаго, стоявшаго въ Булонскомъ лѣсу и дожидавшагося въ своемъ сѣренькомъ сюртукѣ, подъ мокрою и по-

желтѣвшею листвою, чѣмъ окончится этотъ богатый событіями день? Увы! Да! Въ разгоряченномъ мозгѣ Вебера и подобныхъ ему отразился его образъ. Но хотя Шатле сдѣлаетъ подробныя изслѣдованія, выслушаетъ показанія ста семидесяти свидѣтелей; хотя депутатъ Шабру представилъ свое донесеніе, а все таки ничего не откроютъ [1]. Что же произвело эти два безпримѣрные октябрскіе дня? Конечно, такое драматическое дѣйствіе не могло явиться безъ режиссера и машиниста. Деревянный полишинель не можетъ явиться на свѣтъ Божій, если предварительно не подергаютъ за веревочку; можетъ ли быть иначе съ народною толпою? Ужъ не герцогъ ли орлеанскій вмѣстѣ съ Локло, маркизомъ Силлери, Мирабо и съ другими безпокойными головами надѣялись протурить короля въ Метцъ и потомъ раздѣлить между собою добычу? Или скорѣй, не l'oeil ли de boeuf, де Гишъ, полковникъ гвардіи, министръ Сенъ - При и изступленные роялисты, также надѣясь увести короля въ Метцъ, хотѣли попытать счастія въ народной войнѣ? Добродушный маркизъ Тулонжонъ, историкъ и депутатъ, считаетъ себя обазаннымъ принять заразъ оба эти предположенія [2]. Увы! друзья мои, легковѣрная недовѣрчивость удивительная вещь. Но когда всей націей овладѣлъ духъ подозрительности и она видитъ драматическое чудо во всѣхъ желудочныхъ отправленіяхъ, чѣмъ же тутъ можно помочь? Такая нація олицетворяетъ собою ничто иное какъ дряхлую, желчную и разслабленную массу, съ

---

[1]) Rapport de Chabroud, Moniteur du 31 Decembre 1789.

[2]) Toulongeon, t. I, p. 150.

которой долженъ случиться кризисъ. Самый духъ подозрительности не подозрителенъ ли уже самъ по себѣ.

Итакъ, назначенный часъ насталъ. Его величество въ каретѣ съ королевою, съ ея сестрой Елизаветой и двумя дѣтьми. Прошелъ еще часъ, прежде чѣмъ тронулась въ путь эта безконечная процессія. Погода холодная и дождливая; всѣ въ тревогѣ; шумъ былъ ужасный.

Много всякихъ процессій видѣлъ міръ: тріумфы римлянъ и ихъ оваціи, бряцаніе кабирскихъ цимбаловъ, королевскіе поѣзды, ирландскіе похороны; но эта процессія французской монархіи, направляющейся къ смертному одру, представляла еще невиданное доселѣ зрѣлище. Она двигалась медленно и походила на стоячее безбрежное озеро, которое однако же шумѣло, какъ Ніагарскій водопадъ, какъ Вавилонъ и Бедламъ; ея топотъ, ея волненія, ея восклицанія, вой, ружейные выстрѣлы, все это было образчикомъ хаоса, и все шло такимъ порядкомъ до ночи, пока процессія добралась наконецъ до Парижа, гдѣ ее ждетъ на всѣхъ улицахъ двойной рядъ лицъ человѣческихъ, начиная съ Пасси до самой ратуши.

Взгляните на это зрѣлище: въ авангардѣ національное войско съ артиллерійскимъ фурштатомъ; мущины, женщины вооружены пиками; одни изъ нихъ взобрались на пушки, на телѣги, фіакры, другіе же танцуютъ на землѣ; всѣ покрыты съ ногъ до головы трехцвѣтными лентами, на штыкахъ хлѣбы, на дулахъ зелень [1]). За ними, въ центрѣ, пятьдесятъ телѣгъ съ хлѣбомъ, выданнымъ изъ версальскихъ депо въ знакъ мира. Далѣе нестройными рядами идутъ лейбъ-гвардейцы въ

[1]) Mercier, Nouveau Paris. T. III, p. 21.

гренадерскихъ шапкахъ. Тотчасъ за ними слѣдуютъ королевскія кареты, въ нихъ сидѣло около сотни національныхъ депутатовъ и въ томъ числѣ Мирабо. Наконецъ въ арріергардѣ въ безпорядкѣ находились фландрійцы, швейцарцы, швейцарская сотня, другіе лейбъ-гвардейцы и люди, которыхъ еще недавно называли разбойниками. Между всѣми этими массами движется предмѣстіе св. Антонія и орда вакханокъ. Онѣ окружаютъ королевскую карету, танцуютъ, поютъ пѣсни, полныя намековъ, и показывая одной рукой на королевскую карету, а другой на телѣги съ хлѣбомъ, кричатъ: «потерпите друзья, теперь у насъ не будетъ недостатка въ хлѣбѣ, мы ведемъ съ собою булочника и булочницу и его подмастерьевъ!»

Трехцвѣтная кокарда полиняла отъ дождя, но ликованіе было безконечное. Не шло ли все какъ слѣдуетъ. «Oh, notre bonne reine», говорили нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ атлетовъ, «ne nous trahissez plus et nous vous aimerons bien.» Бѣдный Веберъ весь забрызганный грязью ѣхалъ рядомъ, съ королевской каретой, со слезами на глазахъ. «Ихъ величества удостоили меня (или это ему только показалось) быть свидѣтелемъ волненія, которое отъ времени до времени они обнаруживали, то поднятіемъ плечь, то вздохами, возводимыми къ небу.» Итакъ, подобно ломкому тростнику плыветъ королевская ладья безъ кормчаго во время бурнаго наводненія.

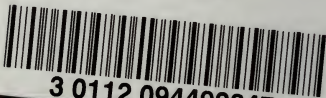
Мерсье насчитываетъ въ процессіи до двухъ сотъ тысячъ лицъ. Онъ говоритъ, что это былъ безмѣрный, но осмысленный и выразительный крикъ, трансцедентальный міровой смѣхъ, который можно сравнить только съ сатурналіями древнихъ. Почему жъ и не такъ? Здѣсь еще разъ, какъ мы уже

говорили, человѣческая природа остается человѣческой; пусть содрагаются тѣ, которые должны содрагаться; между тѣмъ все это было, какъ нельзя болѣе, по человѣчески. Все это разрушило старыя формулы и разрушило ихъ съ пляской.

Такимъ образомъ движущійся хаосъ или новая сатурналія древнихъ достигаетъ заставы, гдѣ надлежало остановиться, чтобъ выслушать мэра Бальи. Затѣмъ хаосъ опять поплелся между двойнымъ рядомъ человѣческихъ лицъ, потрясая небеса своимъ трансцедентальнымъ крикомъ. Черезъ два часа онъ былъ у ратуши. Бѣдный Людовикъ, который при входѣ въ нее, казалось, чувствовалъ легкое волненіе, сказалъ только: «что онъ пришелъ съ удовольствіемъ и съ довѣріемъ въ среду своего народа.» Мэръ Бальи, передавая эти слова, забылъ упомянуть «съ довѣріемъ,» послѣ чего королева сказала съ досадою: «прибавьте съ довѣріемъ.» «Господа!» сказалъ Бальи: «вы счастливѣй оттого, что я забылъ это слово.»

Наконецъ король показался на балконѣ, при свѣтѣ факеловъ, съ огромной трехцвѣтной кокардой на шляпѣ; «и весь народъ, говоритъ Веберъ, пожималъ другъ другу руки,» думая безъ сомнѣнія, что тетерь наступила новая эра. Едва только къ одиннадцати часамъ вечера королевское семейство могло добраться до своего пустаго, давно оставленнаго Тюльерійскаго дворца. Оно расположилось тамъ, подобно странствующей труппѣ комедіантовъ. Это было во вторникъ 6-го октября 1789 г.

Бѣдному Людовику предстояли еще двѣ процессіи въ Парижѣ: одна позорная и смѣшная, подобная этой, другая же, не смѣшная, непозорная, но ужасная и, скорѣе, величественная.


UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
944.04 C19:R
C001 v.1
istoriIiai frantsiyzskoiI revoliutsiIi
3 0112 094492847